

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский государственный
экономический университет»

На правах рукописи

Рукинов Максим Владимирович

**ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ
И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Диссертация

на соискание ученой степени доктора экономических наук

Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(экономическая безопасность)

Научный консультант
доктор экономических наук,
профессор В. А. Плотников

Санкт-Петербург – 2020

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Национальные экономические интересы и уровень экономической безопасности современной России	17
1.1 Анализ современного состояния теории и методологии исследования проблем национальной экономической безопасности	17
1.2 Состав, структура и динамика изменения национальных экономических интересов России	43
1.3 Оценка современного уровня экономической безопасности России и тенденций его изменения.....	70
Глава 2. Институциональное обеспечение функционирования и развития системы экономической безопасности страны.....	95
2.1 Теоретико-методические подходы к моделированию структуры национальной, экономической и других видов безопасности: институциональные аспекты	95
2.2 Зарубежный опыт институционального конструирования в сфере защиты экономических интересов	121
2.3 Оценка влияния институциональных (экономико-политических и социальных) вызовов на обеспечение национальной экономической безопасности России.....	151
Глава 3. Методы противодействия экономико-политическим и социальным угрозам национальным экономической интересам.....	179
3.1 Выявление векторов трансформации системы международных экономико-политических связей и механизмов их влияния на национальные экономические интересы	179
3.2 Защита российских национальных экономических интересов в условиях экономических санкций.....	199
3.3 Наднациональное регулирование процессов защиты национальных экономических интересов	218

Глава 4. Методы обеспечения экономической безопасности России в условиях технологических трансформаций и перехода к новому технологическому укладу.....	247
4.1 Вектора технологических трансформаций и прогнозирование технологического развития российской экономики с учетом задач обеспечения национальной экономической безопасности.....	247
4.2 Механизм влияния технологических вызовов цифровой эпохи на обеспечение национальной экономической безопасности России.....	273
4.3 Технологические трансформации и технологическая безопасность и их влияние на устойчивость ведения бизнеса (обеспечение экономической безопасности на микроуровне хозяйственной системы) ..	292
Глава 5. Научно-практические рекомендации и прикладные аспекты обеспечения национальной экономической безопасности Российской Федерации в современных условиях с учетом социальных факторов	313
5.1 Социальные аспекты обеспечения национальной экономической безопасности РФ	313
5.2 Развитие и распространение новых технологий как источник рисков и угроз социально-экономической безопасности	328
5.3 Социальные предпосылки формирования и развития теневых экономических явлений в контексте обеспечения экономической безопасности	342
Заключение	358
Список использованных источников	362

Введение

Актуальность темы исследования. В последние годы турбулентность экономического развития в России и в мире в целом существенно возросла, одной из причин чего, по нашему мнению, является развивающийся процесс смены технологических укладов, который сопровождается не только собственно технологическими, но также политическими, социальными, институциональными и иными трансформациями. Эти изменения порождают новые вызовы, угрозы и риски экономической безопасности, а также оказывают существенное влияние на интенсивность и формы проявления уже существующих. В результате, ситуация с обеспечением национальной экономической безопасности России претерпевает серьезные изменения.

В условиях ускорившихся экономико-политических и технологических трансформаций требует уточнения система национальных экономических интересов с тем, чтобы адекватно ее изменениям трансформировать меры государственной политики в сфере обеспечения национальной экономической безопасности, обеспечить их действенность не только в складывающейся ситуации, но и на перспективу, что требует учета не только внутрироссийских тенденций, но и глобальных трендов, в частности – связанных с переформатированием мировой политико-экономической системы, перераспределением странового размещения глобального экономического потенциала и сменой ядра глобальных технологических лидеров.

Устойчивость социально-экономического развития России, ее место в мире, степень защищенности национальных экономических интересов, а также эффективность соответствующих мер регулирования в среднесрочной перспективе будут определяться тем, насколько успешно будут решены вышеперечисленные задачи, для чего необходима теоретическая проработка подходов к их решению и обоснование новой методологии. Указанными обстоятельствами определяется актуальность темы, а также теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Проблемы обеспечения национальной экономической безопасности, несмотря на их достаточно глубокую проработанность, остаются одними из наиболее дискуссионных в современной экономической науке и практике управления, что обусловлено перманентной изменчивостью влияющих на национальную экономическую безопасность факторов, трансформацией спектра, интенсивности и направленности вызовов и угроз, модернизацией системы национальных экономических интересов, а также междисциплинарным характером проводимых в этой области науки исследований, что приводит к постоянному расширению теоретических основ и методологии исследования и обеспечения экономической безопасности.

Теоретические основы и методология исследования проблем экономической безопасности нашли отражение в работах таких авторов, как Абалкин Л. И., Афонцев С. А., Белозеров И. П., Бухвальд Е. М., Глазьев С. Ю., Губанов С. С., Дудин М. Н., Загашвили В. С., Кейбл В., Лосман Д., Лясников Н. В., Плотников В. А., Попов Е. В., Радаев В. В., Рикардс Дж. Г., Ромадина Л. Н., Сенчагов В. К., Сото Э. де, Тамбовцев В. Л., Цветков В. А., Чекмарев В. В. и др. Результаты указанных авторов были положены в основу методологии проведения авторского исследования, определили базовые принципы и ограничения при его выполнении.

Специфика обеспечения национальной экономической безопасности и реализации национальных интересов в экономической сфере, в том числе с учетом многоуровневого характера национальной экономической безопасности, включая её региональные и территориальные подсистемы, исследовалась такими учеными, как Адамс А. Б., Арбузов С. Г., Головкин М. В., Дронов Р. В., Касперович С. А., Козьменко С. Ю., Куклин А. А., Меркулова Е. Ю., Наварро П., Подмаркова И. П., Ронис Ш. Р., Руденко М. Н., Русецкая Э. А., Скотаренко О. В., Татаркин А. И., Ускова Т. В., Феофилова Т. Ю. и др. Эти исследования и их результаты были учтены автором при формировании концепции

исследования, определении его замысла и дизайна, а также при разработке системы целей и частных задач, выборе методов их решения.

Исследованиями, посвященными функциональным аспектам обеспечения экономической безопасности (продовольственной, военно-промышленной, технологической, транспортной, энергетической, финансовой и др.), рассматриваемой в контексте национальной безопасности в целом, занимались такие специалисты, как Алексеев А. Н., Галазова С. С., Екимова К. В., Журавлева Н. А., Князьнеделин Р. А., Курбанов А. Х., Курбанов Т. Х., Литвиненко А. Н., Локтионов В. И., Макаров И. Н., Назаров П. В., Олейник А. Н., Смирнов А. А., Смуров А. М., Фалинский И. Ю., Фирова И. П., Харламов А. В., Чельшева Э. А., Шаралдаев Б. Б., Шульц В. Л. и др. Представленные в работах этих авторов рекомендации и научно-методические разработки были учтены при обосновании предлагаемого в диссертации инструментария решения теоретических и прикладных задач в сфере обеспечения национальной безопасности РФ с учетом ее сложного характера, как системы.

Вопросы структурных и институциональных преобразований экономики, в том числе вызванных неэкономическими факторами (технологическим, политическим, социальным, демографическим и др.), с учетом необходимости решения задач обеспечения экономической безопасности и достижения устойчивости социально-экономической системы, рассмотрены в научных трудах таких авторов, как Аганбегян А. Г., Балашов А. И., Бобков В. Н., Бодрунов С. Д., Вертакова Ю. В., Гэлбрейт Дж. К., Десаи Р., Жизнин С. З., Капелюшников Р. И., Клейнер Г. Б., Котляров И. Д., Лист Ф., Нуреев Р. М., Орлова Е. Р., Пешкова Г. Ю., Полтерович В. М., Полянин А. В., Райнерт Э. С., Родионов Д. Г., Рязанов В. Т. и др. Выявленные в работах указанных специалистов тенденции и институциональные ограничения процессов социально-экономического развития использовались автором для сценарного моделирования и построения прогнозных оценок в предметной области проведенного исследования, а также для разработки предложений по имплементации предложен-

ного в диссертации научно-методического аппарата в государственную политику, направленную на обеспечение национальной экономической безопасности России.

Цель исследования – разработка научно-методологического аппарата и теоретических подходов, ориентированных на оценивание и нейтрализацию угроз национальным экономическим интересам и управление обеспечением национальной экономической безопасности с учетом современной динамики вызовов и угроз национальным интересам России, в том числе вызванных трансформацией системы международных экономико-политических связей, изменчивости самих интересов и их приоритетов, расширения спектра и возможностей институциональных и технологических инструментов обеспечения экономической безопасности.

Для достижения поставленной цели сформулированы и решены следующие **задачи**:

- уточнить сущность и содержание категории «национальная экономическая безопасность», предложить ее новую трактовку, учитывающую специфику современных вызовов, угроз и рисков;

- предложить расширенное научно обоснованное понимание национальных экономических интересов и дать рекомендации по выбору инструментов достижения национальной экономической безопасности;

- разработать методический подход к моделированию структуры национальной экономической безопасности;

- выполнить анализ мирового опыта обеспечения экономической безопасности и разработать методический подход к классификации моделей институционального конструирования национальной экономической безопасности;

- исследовать современную систему международных политико-экономических отношений, с позиций их влияния на национальную экономическую безопасность России, и выявить основные тенденции в этой сфере, являющиеся источником вызовов, угроз и рисков;

- разработать модель оценки экономических санкций, введенных против России, с позиций их влияния на национальную экономическую безопасность и обосновать рекомендации по повышению эффективности реализации стратегии импортозамещения;

- разработать механизм наднационального управления обеспечением экономической безопасности России;

- разработать методический подход к управлению рисками национальной экономической безопасности, вызванными технологической трансформацией и переходом к новому технологическому укладу;

- разработать механизм противодействия санкционному давлению на национальную экономику, с учетом возможности использования потенциала её цифровизации.

Объект исследования – экономика страны и институциональные преобразования, оказывающие влияние на обеспечение национальной экономической безопасности.

Предмет исследования. Управленческие и экономические отношения, опосредующие деятельность по обеспечению национальной экономической безопасности в условиях формирования новых вызовов и угроз, связанных с экономико-политическими и технологическими трансформациями.

Область исследования. Исследование соответствует Паспорту научной специальности 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (экономическая безопасность): 12.2. Экономическая безопасность в системе национальной безопасности; 12.19. Национальные интересы страны в области экономики и их учет при формировании экономической политики государства и разработке прогнозов социально-экономического развития; 12.23. Проблемы интеграции России в мировое хозяйство и ее экономическая безопасность; 12.26. Зарубежный опыт повышения экономической безопасности (методы, механизмы, инструменты и их адаптация к российским условиям).

Теоретические и методологические основы исследования. В качестве теоретической основы исследования использованы фундаментальные научные результаты, описанные в работах отечественных и зарубежных ученых, занимающихся изучением национальной экономической безопасности и смежных проблем (регулирование технологического развития, в том числе процессов цифровизации, проведение институциональных преобразований, стимулирование экономического роста и сбалансированного социально-экономического развития, внешнеэкономические взаимодействия, в том числе в условиях санкционного давления, снижение региональной дифференциации по уровню социально-экономического развития территорий, противодействие теневой экономике, регулирование качества жизни населения и мн. др.), при этом учтены ограничения в реализации мер по обеспечению национальной экономической безопасности, налагаемые российской институциональной средой. Методологической основой исследования явился системный подход.

Проведенное исследование базируется на использовании **методов** системного и институционального анализа, мир-системного и структурно-функционального подходов, экономико-статистических и экономико-математических методов, методов моделирования и прогнозирования, методов оценки эффективности целенаправленных социально-экономических процессов, общенаучных методов аналогии, обобщения и синтеза, индукции и дедукции, ретроспективного и сравнительного анализа, методов экспертных оценок и др.

Информационную базу исследования составили данные Росстата и его территориальных подразделений в регионах России, официальная статистика и аналитические материалы федеральных министерств и ведомств, данные международных экспертно-аналитических и статистических организаций, в том числе работающих под эгидой ООН, тексты законодательных актов Российской Федерации, Указов Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, стратегических и программных документов, регулирующих отношения в сфере долгосрочного

социально-экономического развития страны, институциональных преобразований, обеспечения национальной безопасности, национальной экономической безопасности и частных видов безопасности (оборонной, продовольственной, технологической и др.), результаты исследований отечественных и зарубежных ученых по проблематике экономической безопасности, представленные в монографиях, научных статьях, сборниках трудов и материалов конференций, в том числе размещенных на сетевых ресурсах в Интернет, материалы деловых, общественно-политических и отраслевых СМИ, результаты собственных авторских исследований.

Степень обоснованности и достоверности результатов исследования является достаточно высокой, что достигнуто непротиворечивой постановкой исследовательских задач и их методически корректной декомпозицией, наличием логичной концепции исследования и адекватным выбором методов его проведения, подбором исходных данных для проведения исследования с высокой достоверностью, опорой при проведении исследования на хорошо апробированные положения методологии и теории экономической безопасности, отражением основных результатов диссертации в публикациях автора в рецензируемых научных изданиях и их обсуждением на научно-практических конференциях, где они получили одобрение специалистов в предметной области исследования, сходимостью авторских результатов с положениями и выводами других исследователей.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в обосновании научно-методологического аппарата и теоретических положений, ориентированных на защиту национальных экономических интересов и обеспечение национальной экономической безопасности, отличающегося учетом процессов и эффектов трансформации системы международных экономико-политических связей, изменчивости национальных интересов, технологических изменений, связанных с переходом к новому технологическому укладу.

К наиболее существенным результатам исследования, обладающим научной новизной, **полученным лично автором и выносимым на защиту**, можно отнести следующие:

1. Предложена оригинальная авторская трактовка категории «национальная экономическая безопасность», как такое динамическое состояние национальной экономики, при котором вероятность того, что критические угрозы подорвут способность национальной экономики обеспечивать достижение национальных экономических интересов, не превышает заданной пороговой величины, при этом основными элементами национальной экономической безопасности предложено считать устойчивость национальной экономики и её защищенность; использование такого подхода к национальной экономической безопасности позволяет определить приоритеты государственной политики, ориентированной на обеспечение требуемого её уровня.

2. Введена трактовка национальных экономических интересов как динамического консенсуса большинства населения и большей части элитных групп относительно способов достижения целей суверенного социального государства и баланса интересов социальных слоев и групп элит, использование которой позволило выявить четыре этапа в становлении и развитии национальных интересов России, а также обосновать целесообразность использования соответствующих инструментов достижения национальной экономической безопасности, ориентированных на нейтрализацию специфических рисков, присущих каждому из этапов эволюции национальных экономических интересов; обосновано, что в современных условиях ключевым национальным экономическим интересом России является выстраивание глобальных цепочек создания стоимости, ориентированных на повышение ее благосостояния и влияния в мировой политико-экономической системе.

3. Разработан методический подход к моделированию структуры национальной экономической безопасности, базирующийся на балансовом методе и процедуре выявления прямых и обратных взаимосвязей подсистем националь-

ной экономической безопасности, что позволяет выполнить «мягкое» разграничение частных видов безопасности; предложено выделение нового элемента национальной экономической безопасности – стоимостной безопасности и дана ее содержательная трактовка, использование этих результатов позволяет провести институционализацию целей и инструментов их достижения для ключевых видов и подвидов национальной экономической безопасности в Российской Федерации, чем снять присущую этой сфере в настоящее время противоречивость.

4. На основе анализа мирового опыта разработан методический подход к классификации моделей институционального конструирования национальной экономической безопасности, отличие которого состоит в использовании авторского набора классификационных признаков (направление обеспечения безопасности, её основной стейкхолдер, использование внешнего влияния, экономическая база и др.), использование которого позволяет осуществить подстройку институциональной среды обеспечения национальной экономической безопасности России под изменяющийся спектр вызовов, угроз и рисков.

5. Выявлена основная глобальная тенденция развития, определяющая ключевой вызов для национальной экономической безопасности: соперничество стран мира за политико-экономическое лидерство в условиях становления нового технологического уклада, основными участниками этого противостояния являются Китай и США, а его следствием – переформатирование глобальной системы экономических отношений с целью переориентировать её на приоритетное обслуживание национальных интересов страны-лидера; доказано, что стратегия национальной экономической безопасности России в качестве ключевого элемента должна включать признание необходимости адаптации к переформатированию указанной системы с учетом собственных интересов, что требует корректировки государственной научно-технической, инновационной и промышленной политики (локализация производства, стимулирование трансфера технологий и др.).

6. Предложена модель оценки экономических санкций, с позиций их влияния на национальную экономическую безопасность, отличающаяся использованием матричного подхода (признаки: вид ограничений, направленность ограничений), что позволило выявить основные проблемы реализации стратегии импортозамещения в России и обосновать способы их преодоления (целевая поддержка атомной энергетики, самолетостроения и др. конкурентоспособных секторов, субсидирование импортозамещающих проектов и их более жесткое администрирование, поддержка экспорта импортозамещающей продукции и др.).

7. Разработан механизм наднационального управления обеспечением экономической безопасности России, базирующийся на формировании коллективной системы экономической безопасности (в составе таких интеграционных объединений, как ЕАЭС, ШОС, БРИКС) и углублении кооперации в рамках интеграционных объединений; ключевыми элементами этого механизма являются коллективные банки развития, альтернативные коллективные площадки привлечения финансирования, совместные производственные цепочки, обмен компетенциями, участие в проекте «Пояс и путь», продвижение русского языка и русской культуры; использование указанного механизма позволит сократить ресурсные затраты на защиту российских национальных экономических интересов и повысить ресурсный потенциал национальной экономики.

8. Разработан методический подход к управлению рисками национальной экономической безопасности, вызванными технологической трансформацией и переходом к новому технологическому укладу, отличающийся выделением групп традиционных и инновационно-технологических (цифровой сектор экономики, альтернативная энергетика, аддитивное производство и др.) отраслей, каждой из которых присущ специфический набор рисков и методов их нейтрализации, использование которого позволяет разработать дорожную карту перехода к новому технологическому укладу, учитывающую сохранение прием-

лемого уровня национальной экономической безопасности и ориентированную на опережающее развитие информационных, промышленных и организационных технологий.

9. Разработан механизм противодействия санкционному давлению на национальную экономику, отличающийся учетом влияния на экономическую безопасность технологических вызовов цифровой эпохи, включающий выбор варианта организации и инструментов противодействия, а также сопоставление преимуществ и рисков их применения, использование которого позволяет обеспечить повышение качества занятости, рост производительности труда и эффективности национальной экономики с учетом ее цифровизации.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в развитии теории экономической безопасности в части уточнения ее места и роли в системе национальной безопасности, структуры и функций национальной экономической безопасности и векторов их трансформаций под воздействием современных вызовов; развитии теоретических представлений о национальных интересах страны в области экономики в эпоху информационно-технологической революции и обострения глобальной конкуренции, перехода ее из собственно экономической в политико-экономическую и военно-политическую плоскости, механизмах интеграции национальной экономики в мировую политико-экономическую систему в условиях санкционных ограничений; разработке теоретически проработанных предложений по имплементации зарубежного опыта обеспечения национальной экономической безопасности в российскую практику, с учетом специфики национальной институциональной среды.

Практическая значимость результатов исследования заключается в разработке комплекса научно-методических рекомендаций по совершенствованию управления в сфере обеспечения национальной экономической безопасности с учетом новых экономических, технологических, социальных, политических вызовов, что может быть использовано в практической деятельности федеральных, региональных и муниципальных органов власти при разработке

нормативно-правовой базы, документов стратегического управления (стратегий, программ, концепций и др.), а также при реализации мер, направленных на обеспечение экономической безопасности, повышение качества и эффективности деятельности органов власти, стимулирование предпринимательской активности и рост уровня и качества жизни населения. Теоретические положения работы и ее методологические подходы могут быть использованы в образовательном процессе при разработке и реализации программ учебных курсов «Экономическая безопасность», «Национальная безопасность», «Государственное регулирование экономики», «Экономическая теория», «Институциональная экономика» и др., а также спецкурсов, рассматривающих проблемы обеспечения национальной экономической безопасности.

Апробация работы. Основные научные положения, результаты и выводы, сформулированные в диссертационном исследовании, научно-методические разработки, обоснованные в диссертации, докладывались и получили одобрение специалистов на международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях, среди которых: «Безопасность ядерной энергетики» (Волгодонск, 2018), «Тенденции развития Интернет и цифровой экономики» (Симферополь, 2019), «Социально-экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы» (Улан-Удэ, 2019), «Управление экономикой: методы, модели, технологии» (Уфа, 2019), «Актуальные проблемы и перспективы развития экономики» (Гурзуф, 2019), «Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития» (Курск, 2019), «Синергия науки и практики в контексте инновационных прорывов в развитии экономики и общества: национальный и международные аспекты» (Санкт-Петербург, 2019), «Digital Economy: Complexity and Variety vs Rationality» (Владимир, 2019), «Национальная безопасность России: актуальные аспекты» (Санкт-Петербург, 2019), «Экономический рост как основа устойчивого развития России» (Курск, 2019), «Мировая экономика XXI века: эпоха биотехнологий и цифровых технологий» (Москва, 2020), «Бухгалтерский учёт, анализ,

аудит и налогообложение: проблемы и перспективы» (Пенза, 2020), «Приоритетные направления инновационной деятельности в промышленности» (Казань, 2020), «Наука и практика глобально меняющегося мира в условиях многозадачности, проектного подхода, рисков неопределенности и ограниченности ресурсов» (Санкт-Петербург, 2020), «Актуальные проблемы науки в агропромышленном комплексе» (Кострома, 2020) и др.

Публикации. Основное содержание диссертации и результаты исследования отражены в 50 научных публикациях объемом 34,9 п.л., в которых личный вклад автора составляет 29,8 п.л., в том числе имеется 17 статей, опубликованных в научных журналах, рекомендованных ВАК для опубликования результатов докторских диссертаций, а также 2 статьи в изданиях, индексируемых в международных базах Scopus и Web of Science. Ряд научных публикаций выполнен в соавторстве, при этом основные результаты, отраженные в диссертации, обладающие новизной и выносимые на защиту, нашедшие отражение в указанных публикациях, получены лично автором.

Структура и содержание диссертации соответствуют поставленным цели и задачам, логике и последовательности их решения. Диссертация состоит из введения, 5-ти глав, в которых представлены основные результаты исследования, для иллюстрации и аргументации которых в текст включены 22 рисунка и 30 таблиц, заключения, списка использованных при проведении исследования источников, включающего 439 наименований научной, нормативной, справочной, деловой литературы.

Глава 1. Национальные экономические интересы и уровень экономической безопасности современной России

1.1 Анализ современного состояния теории и методологии исследования проблем национальной экономической безопасности

Современный мир находится на новой стадии своего геоэкономического развития. Построение глобальной экономики, бывшее основным трендом развития мирового хозяйства до 2014 г., и предполагавшее партнерство различных государств в рамках международного разделения труда и в составе глобальных цепочек создания стоимости¹, сменилось геоэкономической конфронтацией. Проявлением этой конфронтации служит санкционное давление на Россию² и – в гораздо большей степени – торговая война между США и КНР³ (санкции против Ирана, Венесуэлы и Сирии, по нашему мнению, не могут рассматриваться в качестве примера геоэкономической конфронтации в силу малого размера экономик этих государств и их недостаточно высокой значимости в современной мирохозяйственной системе).

Цель этой конфронтации, организованной США, по мнению автора, заключается в недопущении перевода глобализации в нежелательный для Америки сценарий, при котором американское лидерство будет замещено лидер-

¹ Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 1. – С. 17-30; Кадочников П. А. Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 2. – С. 8-13; Кондратьев В. Б. Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 1. – С. 49-58; Котляров И. Д. Формы аутсорсинга в современной международной торговле // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 6. – С. 65-72.

² Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. – 2015. – № 10. – С. 24-32; Загашвили В. С. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59. – № 11. – С. 67-77; Клинова М. В., Сидорова Е. А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским Союзом // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 67-79; Федорова Е. А., Николаев А. Э., Широкова Ю. С., Федоров Ф. Ю. Экспортная и импортная деятельность российских компаний в условиях санкций // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. – 2019. – № 3. – С. 75-90.

³ Петровский В. Е. Американско-китайские торговые войны: экономика или геополитика? // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 2. – С. 51-58; Кузнецов А. В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия // Финансы: теория и практика. – 2019. – Т. 23. – № 5. – С. 50-61.

ством другой страны (Китая), а также в предотвращении формирования региональных экономических пространств, которые бы обслуживали интересы локальных лидеров (Китая и России), т. е., фактически, тоже в противодействии попыткам помешать реализации американского сценария глобализации.

Таким образом, будучи со своей видимой стороны направленной на отказ от стратегии глобализации, текущая геэкономическая и геополитическая конфронтация содержательно направлена на то, чтобы глобализация была реализована по максимально выгодному для США сценарию. В том случае, если США удастся подавить своих конкурентов, вероятнее всего, конфронтация будет свернута и мир вернется к глобализации. Напротив, если Америка не сможет добиться успеха в этом противостоянии экономическими средствами, мир столкнется либо с распадом глобальной экономической системы на региональные блоки, либо с риском глобального военного конфликта, в ходе которого США попытаются навязать свои интересы другим полюсам формирующегося многополярного мира вооруженным путем. Вероятность использования военной силы соперниками и конкурентами Америки по своей инициативе, при этом, мала в силу того, что это не позволит им добиться своих экономических целей и перечеркнет все результаты, которых они уже достигли.

Происходящая конфронтация становится причиной разрыва сложившихся мирохозяйственных связей и изменения системы экономического взаимодействия. Для нашей страны эта ситуация несет в себе особые риски, поскольку в 1991 г. Россия уже пережила распад своей системы экономических отношений, и пока в полном объеме от событий того периода оправиться не успела. Еще один разрыв связей – однако в условиях углубления зависимости российской экономики от мирового рынка – может привести к непредсказуемым последствиям как для народного хозяйства России, так и для национального суверенитета.

Это означает, что в настоящее время следует уделять особое внимание обеспечению национальной экономической безопасности. Для того, чтобы по-

ставить эту работу на системную основу, в первую очередь, необходимо выяснить сущность самого понятия «национальная экономическая безопасность» (НЭБ). Именно этому вопросу посвящен данный раздел диссертационного исследования.

Следует отметить, что «экономическая безопасность» – важнейшая категория современной науки. Исследовательская активность в этой сфере достаточно высока. Это можно проиллюстрировать следующими количественными показателями:

- поисковый запрос в научной электронной библиотеке (elibrary.ru), с условиями: наличие в названии публикации словосочетания «экономическая безопасность», годы публикации 2009-2018 (т.е. неполные 10 лет) выдал 20 343 книг, статей, сборников конференций и т.д. Это означает, что в России ежегодно выходит, в среднем, свыше 2 тыс. публикаций, посвященных проблематике экономической безопасности. А если добавить сюда и смежную тематику (продовольственная, технологическая, инвестиционная и иные виды безопасности, тесно связанные с экономической), то показатели будут еще более впечатляющими;

- аналогичная ситуация была выявлена и при поиске по библиографической базе Scopus, где по схожему запросу (естественно, что был использован англоязычный синонимичный оборот «economic security») была получена выборка из 1 009 публикаций, распределение которых по годам приведено на рисунке 1.1.1, а по странам авторов – в таблице 1.1.1. Из этих данных видна, во-первых, высокая популярность рассматриваемой проблематики, во-вторых, значимость ее именно для российских ученых, на долю которых в последние 10 лет приходится 16,3% публикаций об «economic security» (выше в этом неформальном рейтинге находятся только США).

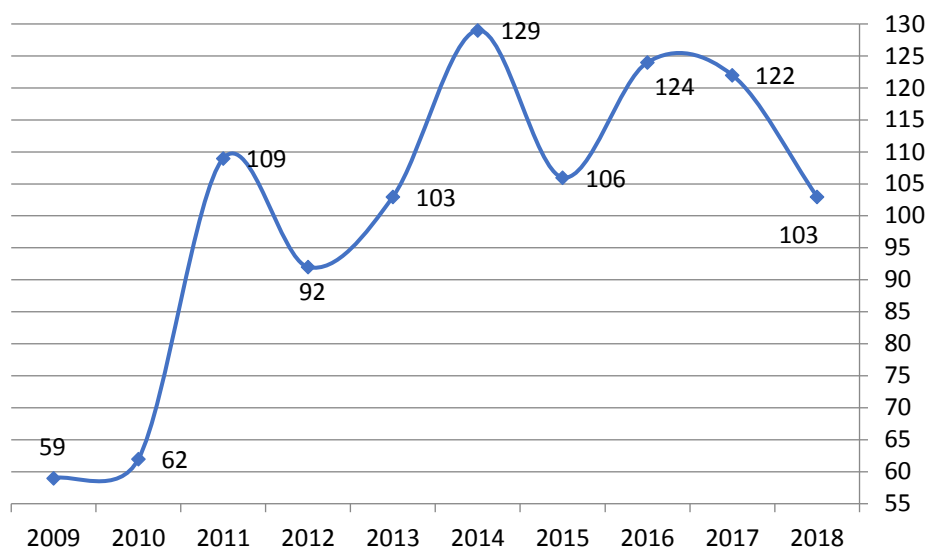

Рисунок 1.1.1 – Количество публикаций в библиографической базе Scopus, содержащих в названии термин «economic security» (составлено автором)

Таблица 1.1.1 – Страновое распределение авторства публикаций в библиографической базе Scopus, содержащих в названии термин «economic security», 2009-2018 гг. (составлено автором)

Страна	Количество публикаций	Доля
1. США	192	19,0%
2. Россия	164	16,3%
3. Украина	88	8,7%
4. Китай	79	7,8%
5. Великобритания	42	4,2%
6. Индия	41	4,1%
7. Австралия	31	3,1%
8. Канада	29	2,9%
9. Германия	19	1,9%
Другие	324	32,1%
Итого	1009	100,0%

Несмотря на то, что вопросы национальной экономической безопасности в нашей стране имеют уже достаточно длительную историю изучения, единого подхода к пониманию сущности этого термина пока выработано не было. Как указывает С. А. Афонцев⁴, в российских исследованиях можно выделить три основных подхода к определению национальной экономической безопасности:

1. Через национальные экономические интересы. В этом случае НЭБ трактуется как способность национальной экономики гарантированно обеспечивать достижение национальных экономических интересов;

2. Через устойчивость (НЭБ при таком подходе понимается как способность национальной экономики противостоять воздействию негативных факторов);

3. Через независимость. НЭБ при использовании этого подхода рассматривается как автономность национальной экономики (как с точки зрения используемых ресурсов, так и с точки зрения принятия решений). С. А. Афонцев отмечает⁵, что определение НЭБ через независимость встречается сравнительно редко; как правило, независимость используется в качестве вспомогательного элемента в определениях, опирающихся на один из двух приведенных выше подходов.

Интересно отметить, что в зарубежных источниках также представлен широкий спектр вариантов понимания сущности НЭБ⁶. Сравнительный анализ иностранных и отечественных подходов представлен в табл. 1.1.2. Эта таблица показывает, что для иностранных исследователей характерна большая по сравнению с отечественными специалистами детализация понятий, которые ис-

⁴ Афонцев С. А. Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2002. – № 10. – С. 30-39.

⁵ Там же.

⁶ Ананьев А. А. Анализ подходов к определению понятия «национальная экономическая безопасность» // *Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов*. – 2011. – № 6. – С. 21-27; Афонцев С. А. Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2002. – № 10. – С. 30-39; Касперович С. А., Дербинская Е. А. Эволюция понятия «экономическая безопасность» // *Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление*. – 2017. – № 1. – С. 214-218.

пользуются в качестве основы для определения НЭБ. Тем не менее, иностранные подходы имеют очевидные параллели в российских публикациях и могут быть сведены к ним. Сходство усиливается тем, что независимость тоже не выступает в качестве самостоятельного критерия, и, по сути дела, является дополнительным аспектом национальных экономических интересов. По этой причине в дальнейшем мы будем опираться на те три базовые модели определения НЭБ, которые были предложены С. А. Афонцевым.

Таблица 1.1.2 – Сравнительный анализ иностранного и отечественного подхода к пониманию сущности национальной экономической безопасности

Ключевые понятия, используемые за рубежом	Ключевые понятия, используемые в отечественной литературе
Реализация органами государственной власти намеченных целей в области экономической политики	Достижение национальных экономических интересов
Экономический аспект международной безопасности страны	
Конкурентоспособность страны в масштабе мировой экономики	
Пресечение нелегальных видов экономической деятельности	
Обеспечение национального экономического суверенитета	
Устойчивость (стабильность) экономического развития	Устойчивость национальной экономики
Доступ к рынкам сырья и сбыта	

Выполненный нами анализ показал, что отсутствие единства подходов к пониманию НЭБ не исчерпывается той проблемой, на которую указал

С. А. Афонцев. Рассмотрим отдельные определения НЭБ, представленные в отечественной экономической литературе (см. табл. 1.1.3).

Таблица 1.1.3 – Сравнительный анализ определений национальной экономической безопасности

Определение	Достоинства	Недостатки
Такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов ⁷	Учитываются как экономические, так и внеэкономические факторы НЭБ	В состав факторов НЭБ включены категории разного уровня абстракции; избыточные требования к НЭБ (при наиболее неблагоприятном изменении внешней среды государство как таковое может перестать существовать – например, в результате, военного поражения), что снимает вопрос об обеспечении НЭБ
Общенациональный комплекс мер, направленных на устойчивое постоянное развитие и совершенствование экономики страны, который обязательно предполагает социально-	Комплексный подход к пониманию НЭБ (учет как целей НЭБ, так и инструментов ее достижения)	Чрезмерно общий характер (размывание границ между экономической безопасностью и стратегией экономического развития страны); понимание НЭБ как комплекса мер ведет к

⁷ Экономическая безопасность России: Общий курс / Под ред. В. К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. – С. 72.

Определение	Достоинства	Недостатки
политическую стабильность и самостоятельность государства, а также механизм противодействия внешним и внутренним угрозам ⁸		смешению НЭБ и стратегии НЭБ
Состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечивается устойчивое социально-экономическое развитие страны, способствующее удовлетворению всех национальных интересов ⁹	Указание на многоуровневый характер НЭБ; указание на необходимость учета при анализе НЭБ не только интересов государства, но и отдельной личности и общества	Понятие «безопасность» определяется через понятие «защищенность», т. е. через свой фактический синоним, что делает это определение неудобным с методологической точки зрения
Состояние экономической системы, при котором она способна адекватно реагировать и эффективно противостоять всем угрозам критического характера как внешним, так и внутренним ¹⁰	Указание на то, что НЭБ предполагает противодействие только угрозам критического характера	Неясно, что подразумевается под способностью адекватно реагировать на внешние угрозы

⁸ Илюткина Т. В. Сущностная и структурная характеристика понятия «экономическая безопасность» // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 8. – С. 11.

⁹ Косарев М. Н. Экономическая безопасность в системе национальной безопасности России // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 29-32.

¹⁰ Крутиков В. К., Дорожкина Т. В., Костина О. И., Якунина М. В. Экономическая безопасность. Калуга: ИП Стрельцов И. А., 2017. – С. 9.

Определение	Достоинства	Недостатки
<p>Обеспеченность требуемого уровня национальной безопасности собственными финансовыми и другими ресурсами, создание благоприятных условий для развития экономики и повышения уровня конкурентоспособности страны, защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в экономической сфере от внутренних и внешних угроз¹¹</p>	<p>Указание на связь НЭБ и национальной безопасности в целом</p>	<p>Чрезмерная детализация, которая размывает сущность НЭБ; чрезмерный акцент на финансовых ресурсах; смешение разных категорий в составе элементов НЭБ (обеспеченность ресурсами как состояние и создание условий для развития экономики как процесс), что делает это определение неудобным с методологической точки зрения</p>
<p>Составная часть национальной безопасности, определяющаяся эффективностью и конкурентоспособностью экономической системы, обеспечивающая устойчивое развитие экономики через развитый сектор малого предпринимательства, ха-</p>	<p>Указание на связь НЭБ и национальной безопасности в целом</p>	<p>Отсутствие категориального аппарата НЭБ (НЭБ определяется через свои составляющие); Приоритет, уделяемый развитию малого предпринимательства и условиям и гарантиям для предпринимательской деятельности, сужает понятие</p>

¹¹ Ускова Т. В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. – 2019. – № 1. – С. 7.

Определение	Достоинства	Недостатки
<p>характеризующаяся качеством государственного регулирования и развитием эффективной системы противодействия теневой экономике, создающая надежные условия и гарантии для официальной предпринимательской деятельности¹²</p>		<p>НЭБ и не позволяет раскрыть его в полном объеме</p>
<p>Способность экономики обеспечивать эффективное удовлетворение общественных потребностей на национальном и международном уровнях¹³</p>	<p>Указание на наличие у НЭБ международного измерения</p>	<p>Неясно, что подразумевается под общественными потребностями</p>

Представленный в табл. 1.1.3 обзор определений НЭБ (разумеется, не исчерпывающий) показывает, что единства мнений относительно сущности НЭБ у специалистов нет, причем это отсутствие единства не сводится к тем различиям в понимании НЭБ, на которые указывал С. А. Афонцев. Справедливо сказать, что за время, прошедшее с момента выхода его публикации, не только не возникло единство мнений относительно содержания НЭБ – напро-

¹² Кислоцаев П. А. Экономическая безопасность и ее обеспечение в условиях противодействия теневой экономике. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2012.

¹³ Русецкая Э. А. Экономическая безопасность страны: теоретико-методологические аспекты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2006. – Т. 2. – № 3. – С. 47-50.

тив, попытки специалистов выработать наиболее точное и приемлемое определение НЭБ привели к тому, что разнообразие мнений только расширилось, а неопределенность в понимании НЭБ углубилась.

В частности, нет даже консенсуса относительно того, в каких категориях лучше описывать НЭБ: как состояние, как процесс или как комплекс мероприятий. Часть авторов смешивает в одном определении разные категории (например, обеспеченность ресурсами, т. е. состояние, и создание благоприятных условий для национальной экономики, т. е. процесс). Наконец, есть и определения, обходящиеся без введения категориального аппарата и рассматривающие НЭБ как совокупность целей и/или инструментов.

Отметим, что ни в одном из приведенных определений ничего не говорится о границах НЭБ. Иными словами, неясно, должна ли НЭБ гарантировать отсутствие какого-либо ущерба для национальной экономики, возникновения каких-либо препятствий для устойчивого развития, или определенный ущерб все же является допустимым – при условии, что он не превышает пороговых значений. Кроме того, в рассмотренных выше определениях есть одно важное упущение – ничего не говорится о том, является ли НЭБ статическим или динамическим понятием¹⁴ (эту проблему не следует путать с другой, упомянутой выше – является ли НЭБ состоянием или процессом).

Если НЭБ статична, то, будучи один раз достигнута, она уже является обеспеченной, и экономическая система гарантированно защищена от угроз независимо от изменений внешней среды. Если же она динамична, то, в зависимости от состояния самой экономической системы (национальной экономики) и внешней среды меняются требования как к самой НЭБ, так и к инструментам ее обеспечения. В существующих определениях, насколько можно судить, неявно доминирует статический подход, тогда как интуитивно ясно, что динамический аспект очень важен.

¹⁴ Ананьев А. А. Анализ подходов к определению понятия «национальная экономическая безопасность» // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2011. – № 6. – С. 21-27; Касперович С. А., Дербинская Е. А. Эволюция понятия «экономическая безопасность» // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. – 2017. – № 1. – С. 214-218.

С учетом высказанных рассуждений, полезным может быть анализ того, как исследователи трактуют общее понятие «экономическая безопасность» (которое является категорией более высокого уровня абстракции, чем НЭБ). Экстраполяция этого понимания на НЭБ может, как мы полагаем, дать более точное определение национальной экономической безопасности.

В целом, можно констатировать, что единое определение экономической безопасности также отсутствует. В исторически наиболее ранней работе по проблемам экономической безопасности на русском языке, опубликованной Л. И. Абалкиным¹⁵, это понятие трактуется как «состояние экономической системы, которое позволяет ей развиваться динамично, эффективно и решать социальные задачи и при котором государство имеет возможность выработать и проводить в жизнь независимую экономическую политику».

Несколько позднее В. Л. Тамбовцев¹⁶ предложил понимать под экономической безопасностью той или иной хозяйственной системы «совокупность состояния ее производственной подсистемы, обеспечивающую возможность достижения целей всей системы». Это показывает, что на раннем этапе разработки концепции экономической безопасности в отечественной литературе это понятие трактовалось в ином смысле, чем сейчас, и по содержанию практически совпадало с устойчивым развитием хозяйственной системы. Трактовка экономической безопасности как защищенности от угроз была предложена позже, однако именно она получила наибольшее распространение.

Тем не менее, единство мнений относительно природы этой защищенности отсутствует: во-первых, неясно, следует ли понимать ее как состояние или как процесс; во-вторых, неясно, каким образом достигается эта защищен-

¹⁵ Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 4-16.

¹⁶ Тамбовцев В. Л. Экономическая безопасность хозяйственных систем: структура проблемы // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 1995. – № 3. – С. 3-9.

ность, т. е. что указывает на ее наличие у хозяйствующего субъекта. Специалисты упоминают независимость и стабильность¹⁷, однако единого перечня характеристик защищенности пока предложено не было.

Можно констатировать, что с пониманием сущности понятия «экономическая безопасность» связаны те же проблемы, которые характерны для понимания сущности понятия НЭБ. Таким образом, неопределенность понимания термина «национальная экономическая безопасность» до определенной степени является отражением отсутствия единства подходов к определению более общего термина «экономическая безопасность». Представляет, в этой связи, интерес мнение В. В. Чекмарева, который предлагает «называть безопасностью такое состояние субъекта, которое означает, что вероятность нежелательного изменения каких-нибудь качеств субъекта, параметров принадлежащего ему имущества и затрагивающей его внешней среды невелика (меньше определенного предела)»¹⁸.

Достоинством этого определения является то, что оно, во-первых, не абсолютизирует безопасность, а предлагает понимать ее как низкую вероятность нежелательных изменений, во-вторых, указывает на то, что экономический субъект сам может устанавливать устраивающий его уровень безопасности, и, в-третьих, позволяет ввести естественную шкалу оценки экономической безопасности как вероятности нежелательных изменений. Отметим, что определение экономической безопасности через вероятность нанесения ущерба распространено в профильной литературе¹⁹, и поэтому нам представляется целесообразным в дальнейшем использовать именно такой подход. Тем не менее, даже в этом случае можно говорить о наличии у специалистов разногласий

¹⁷ Илюткина Т. В. Сущностная и структурная характеристика понятия «экономическая безопасность» // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 8. – С. 10-15.

¹⁸ Чекмарев В. В. Экономическая безопасность и экономическая защищенность: структура проблемы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 3. – С. 78.

¹⁹ Феофилова Т. Ю. Экономическая безопасность в обеспечении развития социально-экономической системы региона: теория и методология. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра экон. наук. СПб.: СПбГЭУ, 2014.

относительно того, должна ли экономическая безопасность (и, соответственно, НЭБ) быть полной (т. е. гарантирующей полную защищенность хозяйственной системы от негативного воздействия) или вероятностной.

Выявленные нами проблемы, обуславливающие неопределенность в понимании сущности НЭБ систематизированы в таблице 1.1.4.

Далее выполним логический анализ перечисленных в этой таблице источников неопределенности:

Таблица 1.1.4 – Анализ неопределенностей в понимании национальной экономической безопасности

Источник неопределенности	Пояснение	Проявление неопределенности
Отсутствие однозначного понятийного ядра	Неясно, какое понятие является базовым	Определение НЭБ через национальные экономические интересы, устойчивость или независимость
Отсутствие единого категорийного ядра	Отсутствие единства мнений относительно того, в каких категориях следует описывать национальную экономическую безопасность	Определение НЭБ как состояние, процесса или комплекса мероприятий
Гарантированный или вероятностный характер НЭБ	Неясно, при каком уровне защиты от негативного воздействия НЭБ считается достигнутой	Требование гарантированной защиты национальной экономики от негативных факторов или же требование того, чтобы вероятность причинения ущерба была ниже определенной величины

Источник неопределенности	Пояснение	Проявление неопределенности
Абсолютный или страховой характер НЭБ	Должна ли быть защита от негативных воздействий полной или же определенный ущерб для национальной экономики приемлем (если он ниже заранее установленного порога)	Чаще всего неявно предполагается, что НЭБ ориентирована на обеспечение полной защищенности национальной экономики. С другой стороны, есть указания на то, что НЭБ предполагает защиту только от критических угроз или только жизненно важных интересов государства, что позволяет говорить о допустимости определенного ущерба в отдельных областях национальной экономики даже при полном выполнении требований НЭБ
Статический или динамический характер НЭБ	Нет ясности относительно того, является ли НЭБ обеспеченной на постоянной основе при достижении ею определенного уровня, или необходимо предпринимать постоянные (регулярные) усилия по ее обеспечению	С одной стороны, указывается, что НЭБ должна быть обеспеченной при самых неблагоприятных условиях (статический аспект), с другой стороны, очевидно, что изменение внешних и внутренних условий может повлечь за собой изменение требований к НЭБ (динамический аспект)

1. Как отмечает С. А. Афонцев²⁰, независимость как базовое понятие при изучении сущности НЭБ играет вспомогательную роль. Однако при анализе независимости как компонента определения НЭБ следует помнить, что независимость используется исследователями в двух смыслах: как независимость от внешних источников экономических ресурсов (ресурсная независимость) и как самостоятельность в принятии экономических решений (т. е. фактически как экономическая основа политического суверенитета, как экономический суверенитет). Вообще говоря, включение ресурсной независимости в отдельные определения НЭБ, предложенные в России, было осуществлено «от противного» – из-за осознания факта чрезмерной зависимости нашей страны от поставок иностранных ресурсов, товаров и технологий, зависимости, которая ставила под угрозу не только экономическую, но и национальную безопасность России²¹. Поэтому требовать независимости от иностранных источников ресурсов, настаивать на самообеспечении нашей страны ключевыми факторами производства и технологиями, и поэтому включать независимость (ресурсную, технологическую и т. д.) в НЭБ в качестве одного из ее элементов было естественно. Однако такое включение отражает приоритеты российских исследователей, специфические практические конкретно-исторические проблемы обеспечения НЭБ России, а не сущность НЭБ как экономической категории. Независимость – всего лишь инструмент достижения НЭБ, а не ее ключевой компонент. Сейчас, к сожалению, научное, экспертное и политическое сообщество в России склонно впасть в другую крайность и заявить независимость (понимаемую как импортнезависимость²²) в качестве самоцели экономического развития нашей страны. Принятие такого подхода, как представляется автору, будет большой ошибкой и приведет к снижению эффективности

²⁰ Афонцев С. А. Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2002. – № 10. – С. 30-39.

²¹ Буздалов И. Н., Фрумкин Б. Е. Положение дел в АПК представляет угрозу не только для продовольственной, но и для всей национальной безопасности России // *Экономические стратегии*. – 2014. – Т. 16. – № 8. – С. 68-77.

²² Мантуров Д. В., Никитин Г. С., Осьмаков В. С. Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления // *Вопросы экономики*. – 2016. – № 9. – С. 40-49.

национальной экономики России из-за отказа от преимуществ международного разделения труда. В отдельных случаях НЭБ может быть достигнута только при помощи обеспечения независимости²³, однако это требование универсальным не является. Если же рассматривать независимость как экономический суверенитет²⁴, то в этом случае независимость по смыслу совпадает со способностью национальной экономики реализовывать национальные экономические интересы. По этим причинам использовать независимость в качестве базового понятия НЭБ мы не будем. Что же касается устойчивости и национальных экономических интересов, то мы полагаем, что следует комбинировать эти понятия. Сама по себе устойчивость экономики без ее способности обеспечивать реализацию национальных экономических интересов, как и достижение национальных экономических интересов без должной устойчивости этого процесса не могут быть охарактеризованы как соответствующие НЭБ. Поэтому *свойством НЭБ мы будем считать способность устойчиво реализовывать национальные экономические интересы;*

2. Безопасность с семантической точки зрения представляет собой состояние. В силу этого целесообразно понимать НЭБ как состояние национальной экономики. Процесс обеспечения НЭБ может быть реализован как стратегия национальной экономической безопасности, которая, в свою очередь, может включать в себя различные комплексы мероприятий;

3. Обеспечить гарантированную безопасность национальной экономики невозможно в принципе в силу стохастического характера природы. По этой причине НЭБ носит вероятностный характер. Из этого следуют два важ-

²³ Гурьянов А. В., Абрамян К. В. Технологическая подготовка и независимость как элементы экономической безопасности предприятия оборонно-промышленного комплекса // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал. – 2019. – № 2. – С. 166-171; Кайгородцев А. А. Самообеспечение как индикатор национальной продовольственной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2006. – Т. 2. – № 4. – С. 72-77.

²⁴ Загарских В. В. Становление института экономической безопасности в России и за рубежом // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 8. – С. 1440-1456; Касперович С. А., Дербинская Е. А. Эволюция понятия «экономическая безопасность» // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. – 2017. – № 1. – С. 214-218.

ных вывода: во-первых, для разных угроз (т. е. угроз, различающихся по характеру, степени интенсивности и т. д.) существует разная вероятность того, что они причинят ущерб национальной экономике в случае их наступления, во-вторых, не все угрозы можно предусмотреть и, соответственно, обеспечить защиту от них. Фактически это означает, что органы государственного управления должны разработать сценарии реализации угроз для НЭБ, и для каждого из сценариев установить максимальное пороговое значение вероятности причинения ущерба национальной экономике (исходя как из характера угроз, так и из затрат, которые необходимы для минимизации этой вероятности);

4. Из вероятностного характера НЭБ следует, что необходимо ввести понятие максимально допустимого ущерба от реализации угроз НЭБ. Очевидно, что этот ущерб равен той величине потерь, которая не подрывает способность национальной экономики к устойчивому достижению национальных экономических интересов;

5. С учетом изменчивости внутренней и внешней среды НЭБ носит динамический, ситуативный характер. Разным видам и уровням внешних и внутренних угроз соответствует разный уровень защищенности национальной экономики от их негативного воздействия. При этом деятельность по обеспечению НЭБ должна быть постоянной и непрерывной.

Сказанное выше позволяет утверждать, что национальная безопасность государства (в части ее экономических аспектов) представляет собой такое состояние национальной экономики, при котором угрозы не подрывают способность национальной экономики обеспечивать достижение национальных экономических интересов. С учетом рекомендаций В. В. Чекмарева²⁵ можно трактовать НЭБ как такое состояние национальной экономики, при котором вероятность того, что критические угрозы подорвут способность национальной экономики обеспечивать достижение национальных экономических интересов, ниже определенной пороговой величины (а ущерб, который они могут

²⁵ Чекмарев В. В. Экономическая безопасность и экономическая защищенность: структура проблемы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 3. – С. 77-81.

нанести, – ниже некоторого порога). Это позволяет указать на еще одно возможное понимание НЭБ: НЭБ представляет собой такое состояние национальной экономики, при котором попытки враждебного воздействия на нее со стороны внешних акторов приведут к неприемлемым экономическим потерям для самих этих акторов²⁶.

Подчеркнем, что НЭБ, по нашему мнению, надо рассматривать не как статическое, а как динамическое состояние национальной экономики. Речь идет о том, что способность национальной экономики противостоять угрозам непрерывно развивается и совершенствуется, чтобы соответствовать изменениям угроз.

В процитированной выше работе В. В. Чекмарева предлагается разграничивать экономическую безопасность и экономическую защищенность²⁷. Мы считаем такое разграничение искусственным, поскольку состояние безопасности по определению предполагает наличие защищенности. Тем не менее, косвенно эта рекомендация очень полезна, поскольку она содержит в себе неявное указание на необходимость более детально проанализировать структуру НЭБ. Как уже говорилось выше, НЭБ соответствует состоянию национальной экономики, при котором она способна устойчиво реализовывать национальные экономические интересы государства и общества. Однако эта устойчивость достигается за счет двух факторов:

1. Собственно устойчивости самой национальной экономики, ее размера, объема создаваемой добавленной стоимости, уровня диверсификации и инновационного развития и т. д. Благодаря этому она способна нивелировать негативные воздействия и шоки за счет собственных ресурсов. Именно связь устойчивости национальной экономики, экономического потенциала и НЭБ привела к тому, что в части проанализированных выше определений НЭБ рассматривается практически как синоним устойчивого развития, эффективной

²⁶ Загарских В. В. Становление института экономической безопасности в России и за рубежом // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 8. – С. 1440-1456.

²⁷ Чекмарев В. В. Экономическая безопасность и экономическая защищенность: структура проблемы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 3. – С. 77-81.

экономической политики и т. д. Однако это упрощает ситуацию и не раскрывает сущность НЭБ в полном объеме;

2. Защищенности национальной экономики, т. е. комплекса целенаправленных мероприятий, направленных на предотвращение угроз и на устранение негативных последствий – в случае их реализации. В. В. Чекмарев справедливо указал на необходимость учета экономической защищенности при анализе экономической безопасности, однако предложенное им разграничение и противопоставление этих понятий, по нашему мнению, неверно. Защищенность национальной экономики является одним из элементов НЭБ. Важность этого фактора для НЭБ стала причиной того, что в части определений, приведенных в таблице 1.1.2, акцент при объяснении сущности НЭБ делается именно на защите национальной экономики, а НЭБ рассматривается как комплекс мероприятий. Защищенность национальной экономики во многом обуславливается оборонным потенциалом страны²⁸.

Наш анализ показывает, что при исследовании НЭБ во внимание следует принимать как устойчивость национальной экономики, так и ее защищенность. Учет только одного из этих элементов приведет к тому, что понимание сущности НЭБ будет неполным, а предлагаемое определение – однобоким и методологически некорректным. Структура НЭБ, построенная по результатам нашего исследования, представлена на рис. 1.1.2. В некотором смысле, с учетом положений, оказанных в докторской диссертации Плотникова В. А., структуру НЭБ можно моделировать как комбинацию экономического и оборонного потенциала.

Изложим, в связи с рассмотренными выше положениями инструментарий обеспечения НЭБ:

²⁸ Кузьменков А. М., Плотников В. А., Рукинов М. В. Национальная экономическая безопасность и ее военно-политические аспекты // Управленческое консультирование. – 2018. – № 11 (119). – С. 71-80; Плотников В. А. Концептуальные основы экономического обеспечения военной безопасности государства: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – СПб., 2005. – 408 с.

1. Создание диверсифицированной национальной экономики с большим объемом производимой добавленной стоимости и самостоятельной финансовой системой (т. е. самодостаточного народного хозяйства). Чем мощнее и автономнее экономика, тем сложнее нанести ей ущерб²⁹. Это показывает, что категории «экономический потенциал страны»³⁰ и «национальная экономическая безопасность» являются взаимосвязанными. НЭБ обеспечивает условия для формирования и максимально полного устойчивого использования экономического потенциала страны, а экономический потенциал страны создает ресурсную базу для НЭБ. Отметим, что такой самостоятельной устойчивой экономикой обладают только экономические лидеры мира – США, Евросоюз, Китай (и даже они в определенной степени зависят от иностранных контрагентов).

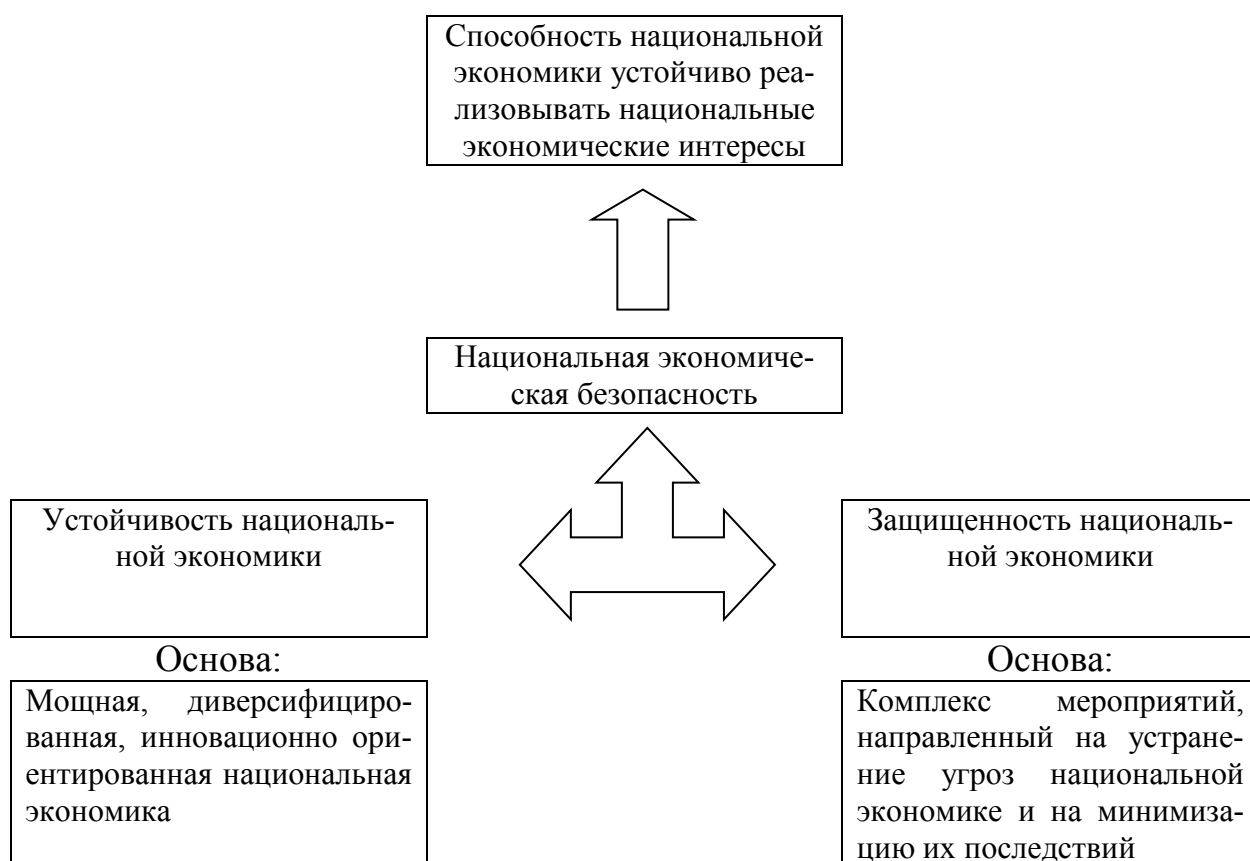

Рисунок 1.1.2 – Структура национальной экономической безопасности

²⁹ Русецкая Э. А. Экономическая безопасность страны: теоретико-методологические аспекты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2006. – Т. 2. – № 3. – С. 47-50.

³⁰ Курбанов А. Х., Плотников В. А. Экономический потенциал страны как экономическая категория // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 3. – С. 45-56.

Отметим, что этот инструмент не следует путать с построением автаркической, изолированной экономики. Такое народное хозяйство действительно минимально подвержено внешним негативным воздействиям, однако оно лишено возможности использовать преимущества международного разделения труда. Как следствие, такая экономика неспособна полноценно удовлетворять потребности своего населения (в соответствии с современными представлениями о достойном качестве жизни), в ней практически отсутствует инновационное развитие, а укрепление оборонного потенциала происходит за счет недофинансирования личного потребления. Примерами такой модели могут быть Албания в социалистический период своей истории, особенно после 1961 г., и КНДР.

Кроме того, очень важно обеспечить инновационную ориентацию экономики³¹. Необходимо обеспечивать инновационное развитие народного хозяйства, чтобы оно не консервировалось на одной стадии (и в одном технологическом укладе). Без такой ориентации национальная экономика постепенно начнет отставать от новых технологических лидеров³², что подорвет НЭБ (отчасти это случилось с СССР и привело к его распаду);

2. Своевременное выявление и устранение угроз для НЭБ. Необходим постоянный мониторинг внутренней и внешней среды для того, чтобы не допустить реализации рисков для национальной экономики. Также необходим комплекс экономических и юридических инструментов, которые способны предотвратить наступление угроз или устранить их негативные последствия, а также заблаговременно разработанная программа мероприятий (стратегия

³¹ Гайфутдинова О. С. Инновационная конкурентоспособность как фактор укрепления национальной экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – Т. 5. – № 19. – С. 8-12; *Economic security: Neglected dimension of national security*. Ed. by Sheila R. Ronis. Washington, DC: National Defense University Press, 2011. – 130 p.

³² Любимов И. Л., Казакова М. В., Гвоздева М. А. Провал и триумф экономического усложнения: история Аргентины и Южной Кореи во второй половине XX века // *Экономическая политика*. – 2019. – Т. 14. – № 5. – С. 8-35.

обеспечения НЭБ), которая позволяет использовать потенциал этих инструментов для устранения угроз национальной экономике;

3. Создание у внешних и внутренних акторов стимулов к соблюдению НЭБ. Эти стимулы, с позиций институциональной экономической теории, могут быть как позитивными, так и негативными. Под позитивными стимулами мы понимаем создание такой ситуации, при которой устойчивость национальной экономики оказывается более предпочтительной для внешних акторов, чем ее обвал. Такая ситуация достигается благодаря выстраиванию сложной системы хозяйственных и финансовых связей, позволяющей внешним акторам получать экономический эффект за счет сотрудничества с данным государством. Этот подход можно назвать эффективной взаимозависимостью – в рамках него государства обеспечивают взаимную экономическую безопасность за счет значимости для них их общих хозяйственных связей³³. По такой модели функционирует Евросоюз.

Зависимость может быть и односторонней (т. е. направленной на преимущественное обслуживание экономических интересов одной из сотрудничающих сторон). В частности, именно по такой модели действуют США, которые, фактически выстраивая долговую долларовую пирамиду, заинтересовывают своих кредиторов в ее стабильности и побуждают инвесторов к дальнейшим вложениям в нее³⁴. По сути дела, это представляет собой развитие первого инструмента, однако самодостаточная и замкнутая на обслуживание национальных интересов экономическая система выстраивается не в страновом, а в национальном, и даже – в случае США – в глобальном масштабе.

Еще одним вариантом может быть игра на противоречиях других игроков. Такая схема длительное время реализуется Украиной, которая представляет себя антироссийской страной и благодаря этому получает экономическую поддержку от государств, заинтересованных в ослаблении России. Еще одним

³³ Boutin J. D. K. Beyond interdependence: Economic security and Sino-American-Australian trilateralism // *International Journal*. – 2015. – Vol. 70. – No 3. – P. 372-390.

³⁴ Desai R. *Geopolitical economy*. – Pluto Press, 2013. – 328 p.

примером может быть Катар, который сумел прорвать экономическую блокаду со стороны Саудовской Аравии и ее союзников благодаря поддержке Ирана и других государств. Негативные стимулы представляют собой ситуацию, когда попытки враждебного воздействия на национальную экономику причиняют воздействующей стороне неприемлемый экономический ущерб (например, из-за встречных экономических репрессалий).

Этот компонент системы НЭБ опирается на использование наднациональных инструментов достижения национальной экономической безопасности.

Очевидно, что полноценная система НЭБ должна быть основана на правильном (с точки зрения национальных экономических интересов (НЭИ) и ресурсных возможностей национальной экономики) балансе экономической независимости (т. е. собственном высоком потенциале народного хозяйства) и эффективной взаимозависимости (которая позволяет получать выгоду от участия в мировой системе разделения и кооперации труда с минимальными рисками исключения из нее) и/или односторонней (асимметричной) взаимозависимости (направленной на обслуживание НЭИ данной страны);

4. Создание резервов для компенсации негативных воздействий. Реализация угроз может привести к временной неспособности отдельных отраслей национальной экономики выполнять свои функции по достижению национальных экономических интересов. Для предотвращения ситуации, в которой эта временная неспособность создаст угрозу устойчивости народного хозяйства в целом, необходимо сформировать резервы, которые позволят компенсировать эту неспособность³⁵;

5. Наличие мощных вооруженных сил (и, шире, силовых структур), способных, в случае необходимости, пресечь угрозы экономической безопасности государства военным путем (например, прорвать транспортную бло-

³⁵ Козин М. Н., Сафиханов М. А. Проблемы функционирования Росрезерва в условиях санкций // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2018. – № 6. – С. 8-14.

каду, обеспечить безопасность судоходства в случае нападений пиратов, гарантировать доступ к внешним ресурсам³⁶ и т. д.). Отметим, что сильная военная организация, с одной стороны, требует значительных затрат (т. е. наличия мощной экономики, которая способна финансировать эти затраты) и эффективного снабжения (т. е. нуждается в мощном оборонно-промышленном комплексе), с другой стороны, создает спрос на современное высокотехнологичное вооружение и военную технику, продовольствие, предметы вещевого обеспечения и т. д., т. е. способствует развитию, в том числе инновационному, национальной промышленности и сельского хозяйства. Это указывает на тесную связь оборонной безопасности и экономической безопасности³⁷ (и, соответственно, оборонного потенциала и экономического потенциала).

Очевидно, что только мощная, эффективная, диверсифицированная, интегрированная на выгодных для себя условиях в мировое хозяйство и развивающаяся национальная экономика (соответствующая условию «1», приведенному выше) способна обеспечить реализацию трех остальных инструментов.

Мы можем сформулировать, по итогам анализа, проведенного в данном параграфе диссертации, следующие выводы:

- несмотря на достаточно длительную историю изучения понятия «национальная экономическая безопасность» в отечественной научной и прикладной литературе, пока не сформировано единого подхода к описанию сущности этого понятия. В проанализированных нами публикациях представлено значительное количество определений данного термина, однако большинству из них присущи методологические недостатки, которые препятствуют конструктивному использованию этих определений;

- наиболее распространенные проблемы, характерные для существующих определений НЭБ: акцент на поверхностных проявлениях НЭБ, а не на

³⁶ Losman D. Economic Security. A National Security Folly? // Policy Analysis. – 2001. – No. 409. – P. 1-12.

³⁷ Плотников В. А., Харламов А. В. Российский оборонно-промышленный комплекс как фактор обеспечения национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития // Экономика и управление. – 2017. – № 11. – С. 53-60; Navarro P. Why Economic Security Is National Security // Real Clear Politics, 09.12.2018. Available online at: https://www.realclearpolitics.com/articles/2018/12/09/why_economic_security_is_national_security_138875.html. Accessed on 12.11.2019.

содержательной природе этого понятия, экстраполяция проблем обеспечения НЭБ России на НЭБ как на экономическую категорию в целом, смешении категорий при определении НЭБ (одновременная трактовка НЭБ как состояния и как процесса и т. д.);

- НЭБ не может обеспечить гарантированную полную защиту национальной экономики от всех внешних и внутренних угроз. Речь может идти лишь о том, что вероятность нанесения ущерба национальной экономике и размер этого ущерба не превысят определенной величины;

- мы предлагаем определять НЭБ как такое динамическое состояние национальной экономики, при котором вероятность того, что критические угрозы подорвут способность национальной экономики обеспечивать достижение национальных экономических интересов, ниже определенной пороговой величины (а ущерб, который они могут нанести, также ниже некоторого порога);

- основными элементами НЭБ являются устойчивость национальной экономики (которая достигается благодаря мощному, диверсифицированному, инновационно ориентированному народному хозяйству; чем выше экономический потенциал страны, тем сложнее нанести ему критический ущерб, и тем больше объем ресурсов, который государство может затратить на обеспечение НЭБ) и защищенность национальной экономики (т. е. целенаправленный комплекс мероприятий, позволяющий либо предотвратить угрозы для народного хозяйства, либо минимизировать и компенсировать нанесенный ими ущерб в случае их реализации).

1.2 Состав, структура и динамика изменения национальных экономических интересов России

Идентификация национальных экономических интересов имеет ключевое значение для разработки стратегии обеспечения экономической безопасности государства, поскольку, в конечном счете, эта стратегия ориентируется на достижение национальных экономических интересов (НЭИ)³⁸. Сейчас, когда Россия вынуждена противостоять жесткому геополитическому давлению, в том числе в форме экономических и политических санкций, выявление и спецификация НЭИ особенно важны.

За постсоветский период тот набор экономических приоритетов, который декларировался в качестве НЭИ нашей страны, неоднократно трансформировался из-за смены предпочтений основной массы населения, изменения баланса сил между разными элитарными группами внутри России и смены международной ситуации. Это дополнительно усложняет понимание сущности НЭИ нашей страны. В данном разделе диссертационного исследования мы попытаемся, во-первых, уточнить природу национальных экономических интересов, во-вторых, проследить эволюцию НЭИ современной России (после 1991 г.) и, в-третьих, дать краткое описание НЭИ нашей страны в текущей геополитической и геоэкономической ситуации.

В соответствии с Конституцией, Россия является суверенным социальным государством, и поэтому в качестве основной цели экономической политики постулируется создание условий для достижения такого состояния экономики нашей страны, которое позволило бы обеспечить, с одной стороны, государственный суверенитет, а с другой стороны – благополучие населения и реализацию потенциала каждого гражданина. При этом, наряду с этой ключевой стратегической целью (которая в терминах теории стратегического менеджмента может быть описана как миссия нашей страны), свои интересы есть у различных социальных слоев, а также у различных групп элиты.

³⁸ Экономическая безопасность России: Общий курс / Под ред. В. К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. – 896 с.

Как следствие, эта цель может быть достигнута при помощи самых разных экономических стратегий (либеральной, корпоративистской, дирижистской и т. д.), каждая из которых отвечает как ценностям определенных групп населения, так и потребностям различных слоев элиты. Например, для высших слоев чиновничества предпочтительной является дирижистская модель (поскольку в этом случае функционеры получают доступ к контролю над экономикой и могут использовать его в целях личного обогащения), тогда как для владельцев и руководителей крупнейших компаний – корпоративистская (открывающая для них доступ к власти) или даже олигархическая (при которой официальная власть действует в интересах узкой группы богатейших людей страны).

Эти интересы и ценности необходимо балансировать во избежание социального и политического кризиса. При таком подходе национальные экономические интересы могут рассматриваться как консенсус большинства народа и большей части элитных групп относительно способов достижения целей суверенного социального государства и баланса интересов социальных слоев и групп элит. Сказанное означает, что смена этого консенсуса практически неизбежно сопровождается значительной ротацией элиты. Подчеркнем, что этот консенсус не вечен – смена настроений в обществе, изменение экономической, политической, социальной или геополитической ситуации может вызвать потребность в новом консенсусе, и отказ от его поиска, чрезмерная привязанность к прежнему, уже исчерпавшему свой потенциал консенсусу может стать причиной неэффективного функционирования государственной власти и национальной экономики.

Распад СССР в 1991 г., последовавший за крахом мировой социалистической системы в 1989 г., оставил Россию без сложившихся в период плановой экономики производственных связей, рынков сбыта и источников поставок. С учетом настроений, царивших как в позднесоветском обществе, так и в руководстве независимой России, основной целью государственной политики на начальном этапе существования Российской Федерации стал окончательный

слом плановой системы хозяйства, приватизация государственной (народной) собственности, создание мощного слоя частных собственников и среднего класса, отказ от выстраивания собственной международной (региональной) экономической системы и встраивание в мировую экономическую систему, включая привлечение иностранных инвестиций.

Предполагалось, что переход к рыночной экономике, либерализация хозяйственных отношений и стратегическая (по своим масштабам и последствиям) приватизация позволят, с одной стороны, решить насущную тактическую задачу – устранить острый товарный дефицит (приводивший к фактической невозможности для населения удовлетворить свои потребности), с другой стороны, поможет достичь стратегическую цель: сделает невозможным возврат к социализму и плановой экономике за счет того, что слой новых собственников будет сопротивляться любым попыткам реставрации. Формирующаяся элита стремилась к овладению наиболее привлекательными активами, тогда как население хотело политической и, в меньшей степени, экономической свободы и надеялось на улучшение товарного снабжения (устранение товарного дефицита), повышение качества обслуживания и т. д.

На этом этапе в качестве основного НЭИ выступала интеграция в мировую экономику и ликвидация плановой экономики, воспринимавшейся населением как неэффективная и неспособная удовлетворить основные потребности, а позднесоветской элитой – как препятствующей личному обогащению и не позволяющей обзавестись собственностью. При этом, внешнеэкономических интересов у страны (противопоставленных интересам других государств) в явной форме не было. Предполагалось, что включение России в международную систему разделения и кооперации труда произойдет естественно и обеспечит населению достойный уровень жизни и потребления (для этого периода были характерны завышенные ожидания от слома плановой экономики и включения в мировую капиталистическую систему).

В рамках этой модели России нужно было не столько отстаивать свои интересы в мировой экономической системе, сколько создавать стимулы для

иностранный капитал в целях привлечения инвестиций в Россию и вовлечения нашей страны в мировую экономику. Таким образом, внешнеэкономическая политика носила соглашательский, компрадорский характер и в конечном счете не создавала основы для обеспечения полноценного суверенитета нашей страны. Однако, как было сказано выше, суверенитет в состав НЭИ в тот период, по существу, не входил. Условно начало этого периода можно отнести к 1992 г. (первый постсоветский год, в начале которого была проведена тотальная либерализация цен, а затем была начата массовая приватизация), а завершение – 2000 г. (приход к власти президента В. В. Путина). Хронологически он совпадает со временем пребывания Б. Н. Ельцина на посту президента независимой (постсоветской) России.

К сожалению, достижение этого НЭИ осуществлялось без предварительной подготовки, и проводимая трансформация носила лавинообразный характер. В результате ликвидация плановой экономики приняла вид обвальной деиндустриализации страны, произошло вытеснение российских компаний с национального рынка и замещение их иностранными поставщиками, а государство в значительной степени отказалось от своих социальных обязательств перед населением из-за нехватки ресурсов для их выполнения. В значительной степени был утрачен технологический потенциал (под предлогом того, что советская продукция неконкурентоспособна и не соответствует современным требованиям к качеству, производства ликвидировались, перспективные разработки не развивались, а рынок был открыт для иностранной продукции).

На этом этапе государство практически отказалось от своей функции экономического регулятора и стремилось к максимальной либерализации народного хозяйства в рамках неолиберальных взглядов на государство как на «ночного сторожа». Приватизация была реализована как продажа за бесценок наиболее привлекательных объектов государственной собственности посред-

ством залоговых аукционов (что впоследствии поставило вопрос о легитимности прав собственности новых владельцев³⁹; до сих пор периодически вбрасываются предложения о взимании специального приватизационного налога, который бы позволил окончательно легитимировать эту собственность). Вследствие разрушения промышленности и переориентации бывших торговых партнеров (стран СЭВ) на сотрудничество с Западом Россия стала поставщиком природных ресурсов, а не промышленной продукции и рынком сбыта для иностранных потребительских и промышленных товаров (иными словами, встраивание России в мировой рынок носило явно неравноправный характер)⁴⁰.

Происходившая трансформация экономики сопровождалась резким падением уровня жизни населения, сокращение инвестиций и дестабилизацией системы денежного обращения (галопирующая инфляция и широкое распространение денежных суррогатов). Произошло катастрофическое снижение эффективности использования человеческого капитала (мигрировавшего из высокотехнологичных производств и научно-исследовательских учреждений) или его утрата для России (из-за выезда значительной части наиболее динамичного и образованного населения за рубеж). Сформировался и занял заметную долю в экономике теневой сектор. Широкое распространение получил бандитизм и незаконное предпринимательство (сопровождающееся отъемом собственности). Крайне низок был уровень собираемости налогов. Дегradировали вооруженные силы (об этом свидетельствовало фактическое поражение в первой Чеченской войне в 1996 г.).

Государство ослабло и утратило способность эффективно отстаивать свои интересы как внутри страны (фактически обслуживая интересы олигархической верхушки и ближайшего ельцинского окружения), так и на между-

³⁹ Фомин А. М. Экономическая безопасность государства // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 3. – С. 118-133.

⁴⁰ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 384 с.

народной арене. Демонстрацией экономической неэффективности государства в этот период служит то, что важным источником финансирования бюджета стала выстроенная финансовая пирамида государственных казначейских обязательств (ГКО).

Ослабление политической и экономической роли государства сопровождалось ростом значимости собственников ведущих российских компаний (занимавшихся преимущественно либо финансовыми операциями, либо экспортом природных ресурсов), т. е. новой олигархии, которая в обмен на свою финансовую поддержку могла получать от государства наиболее выгодные для себя условия ведения бизнеса. Верхушка этой олигархии получила название «семибанкирщина» по числу ее участников. Именно она помогла Б. Н. Ельцину выиграть президентские выборы 1996 г., получив за этого доступ к наиболее привлекательным активам в экономике.

Таким образом, в ходе этого этапа удалось сформировать слой собственников, который в 1996 г. действительно не допустил коммунистической реставрации, а плановая модель экономики была ликвидирована. Тем не менее, говорить о том, что НЭИ, неявно сформулированные в начале этого периода, были достигнуты в полном объеме, нельзя. Вместо мощного слоя мелких и средних собственников возникла олигархическая прослойка, опирающаяся преимущественно не на самостоятельно созданные активы, а на приватизированное государственное (ранее бывшее общенародным) имущество. Уровень жизни населения серьезно упал. Слабость государства и разложение государственных институтов стали причиной оттока капитала, снижения инвестиций и роста теневого сектора экономики. Государство вследствие разгула бандитизма не могло гарантировать даже физическую безопасность граждан. Возникла реальная угроза целостности Российской Федерации из-за фактической независимости Чечни (Чеченской Республики Ичкерия).

Этот исторический этап достаточно отчетливо распадается на два подэтапа. Первый можно датировать 1992-1995 гг., и он может быть охарактере-

ризован как анархический (когда достаточно бессистемно происходила ликвидация плановой экономики и выстраивались новые хозяйственные структуры, в том числе и путем откровенно бандитских инструментов). Второй подэтап мы датируем 1995-2000 гг., и он может быть назван олигархическим, когда экономика России приобрела клановый характер. В ходе первого подэтапа государство утратило экономический суверенитет из-за своей ресурсной слабости и сложности происходящих в народном хозяйстве страны деструктивных процессов, тогда как во время второго подэтапа государство перешло к обслуживанию интересов олигархических групп.

Экономический крах этой модели развития страны произошел в августе 1998 г. после обвала пирамиды ГКО, снижения цен на нефть (из-за чего критически сократились валютные поступления в экономику страны) и резкого падения курса рубля. Эти события сопровождались уходом с рынка значительной части олигархических компаний (обанкротившихся в результате августовского кризиса 1998 г.; такова была, например, судьба группы «СБС-Агро» Александра Смоленского, одного из видных членов «семибанкирщины»). Однако изменившийся валютный курс создал условия для вытеснения с рынка иностранной продукции (ставшей недоступной для потребителей) и роста спроса на товары российских предприятий, т. е. для роста отечественной промышленности. Росту производства способствовал большой объем незанятых производственных мощностей (сохранившихся от СССР). Благодаря эффективной политике Е. М. Примакова, проводившейся, по сути, в духе кейнсианства, вставшего во главе правительства осенью 1998 г., удалось предотвратить кризис неплатежей и обеспечить необходимый для запуска экономического роста темп прироста денежной массы.

С политической точки зрения знаком завершения бездумной интеграции России в мировую экономику, сопровождающейся полным отказом от отстаивания собственных экономических интересов, стал знаменитый разворот самолета Е. М. Примакова, летевшего на переговоры в США, над Атлантикой после начала НАТОвской бомбардировки Югославии в марте 1999 года.

Внутри страны значимым маркером стала начатая в августе 1999 г. успешная контртеррористическая операция в Чечне, результатом которой было преодоление сепаратизма и восстановление целостности государства.

Второй этап начался с приходом к власти В. В. Путина в 2000 г., хотя предпосылки для перехода к нему, как было сказано выше, были заложены благодаря политике Е. М. Примакова. Отличительным признаком этого этапа, с точки зрения НЭИ, было продолжение курса на интеграцию в мировую экономику и рыночная ориентация экономической политики, однако в сочетании с отстаиванием национального экономического суверенитета. В этот период можно говорить об отказе от неравноправной интеграции в мировую экономику, характерной для ельцинской поры, и о стремлении выстраивать внешнеэкономические связи с учетом интересов российского народного хозяйства.

Одновременно произошел некоторый (не окончательный) отказ от избыточной либерализации и замещение ее регулируемой рыночной экономикой. Инструментами обеспечения экономического суверенитета стали, с одной стороны, ослабление политического и экономического влияния ельцинской олигархии (знаменитое «равноудаление олигархов») и переход контроля над принятием стратегических решений в области национальной экономической политики к государству (т. е. переход от частных интересов к общенациональным), а с другой стороны – ужесточение контроля над процессом приватизации и над уже приватизированной собственностью с целью недопущения ее передачи иностранным собственникам.

Характерным – и, вероятно, наиболее громким – примером использования этих инструментов стала принудительная ликвидация компании ЮКОС (2003-2007 гг.), владелец которой, М. Б. Ходорковский (один из участников «семибанкирщины» времен президентства Б. Н. Ельцина, получивший контроль над этим бизнесом во многом нелегитимным путем), проявил чрезмерные политические амбиции, а также пожелал передать контроль над своей компанией (имеющей стратегическое значение для отечественной нефтегазо-

вой отрасли) иностранным инвесторам (сам М. Б. Ходорковский вместе с частью собственников и верхушки топ-менеджмента ЮКОСа подвергся длительному тюремному заключению; активы ЮКОСа перешли под квази-государственный контроль в составе компании «Роснефть»⁴¹). Оба этих стремления, вполне органичные для предыдущего этапа развития системы НЭИ, оказались несовместимыми с новым этапом, и поэтому были жестко пресечены государством.

Ликвидация ЮКОСа была не единственным шагом по освобождению государства от избыточного влияния олигархии. Ранее, в 2000 г., был вытеснен за рубеж и лишен эффективного контроля над своими активами один из ведущих участников «семибанкирщины» Б. А. Березовский (считавшийся «серым кардиналом» во время второго президентского срока Б. Н. Ельцина). Тогда же, в 2000 г., была квази-национализирована одна из крупнейших российских телевизионных компаний НТВ, принадлежащая еще одному активному участнику «семибанкирщины» В. А. Гусинскому (сам он также оказался вынужден эмигрировать).

Итогом этих действий государства стало то, что часть активов, ранее принадлежавших олигархам (как ранее приватизированных, так и созданных заново, но на базе еще советских активов), перешла в государственную или квази-государственную (была передана компаниям со значительной долей государства) собственность. Это значительно расширило финансовые и управленческие возможности государства, а также привело к тому, что в составе экономической элиты государства появилась значительная прослойка чиновников-назначенцев (которые стали менеджерами этих активов).

Одновременно, с учетом мероприятий по отчуждению активов у олигархов и деятельности по усилению государственного контроля над экономикой, резко выросла роль «силового блока». Помимо ликвидации олигархической

⁴¹ Челищева В. «ЮКОС» и «Роснефть»: первая мировая // Новая газета, 06.04.2015. Доступно онлайн по адресу: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/04/06/63690-171-yukos-187-i-171-rosneft-187-pervaya-mirovaya>. Проверено 19.11.2019.

прослойки, силовой блок начал активно действовать против теневого бизнеса – как путем его уничтожения (если он носил откровенно противозаконный характер), так и за счет принуждения к переводу в «белый» сектор экономики (в том случае, если бизнес, будучи по своей природе легальным, использовал «серые» схемы для максимизации своей эффективности). Очевидно, что борьба против теневой экономики также является способом обеспечения экономического суверенитета государства за счет недопущения развития параллельной, находящейся вне государственного контроля⁴², экономики. Одним из элементов этого государственного контроля стало постоянное совершенствование налогового администрирования, которое также позволило нарастить собираемость налогов и увеличить доходы государства.

В результате верхушка экономической элиты подверглась значительной ротации. Уцелевшие представители элиты предыдущей волны, а также новички в элите были практически лишены рычагов политического влияния. Им была предоставлена возможность обогащения и экономической экспансии при условии полного отказа от вмешательства в государственное управление.

В совокупности все эти действия позволили стабилизировать экономику и избавиться от перекосов, типичных для чрезмерной либерализации предыдущего этапа, обеспечить условия для выполнения государством своих функций регулятора экономического развития (т. е. восстановить экономический суверенитет). В целом эти действия соответствовали общественному консенсусу, поскольку как население, так и часть элит к концу правления Б. Н. Ельцина испытывали недовольство тем уровнем дезорганизации экономической и политической жизни, который сложился в стране, и были заинтересованы в наведении порядка.

Восстановлению и быстрому росту экономики в период 2000-2008 гг. способствовала благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура – рост цен на нефть, приведший к резкому повышению валютной выручки. В сочетании

⁴² Ермакова Э. Р. Теневая экономика как деструктивный фактор в обеспечении финансовой безопасности государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 8. – С. 1574-1588.

с экономическим ростом и постепенным увеличением доходов населения это стало причиной повышения благосостояния граждан и роста инвестиционной привлекательности России для иностранного капитала. В этот период в нашей стране стали восстанавливаться старые производства, возникли новые предприятия, ориентированные на удовлетворение как потребительского, так и промышленного спроса, в том числе и импортозамещающие (например, производство труб большого диаметра для магистральных газопроводов, которые ранее поставлялись с Украины).

Создавались эти предприятия в т. ч. и с участием иностранных инвесторов. Реализовывались проекты по локализации производства (примером может быть компания Ford, организовавшая выпуск автомобилей под Санкт-Петербургом). Возникли и стали быстро расти розничные сети, постепенно приобретшие федеральный масштаб и практически полностью вытеснившие неорганизованную торговлю. Таким образом, несмотря на сохранение доминирующей роли сырьевого сектора в российской экономике, возникли и стали расти и иные отрасли, связанные с промышленным производством и – в гораздо большей степени – с сектором услуг. Все это также способствовало росту спроса на рабочую силу, увеличению доходов и повышению качества жизни населения.

Увеличение валютной выручки и экономический рост вкупе с лучшим администрированием налогов значительно укрепили ресурсный потенциал государства. Рост финансовых возможностей государства позволил начать восстановление ОПК и вооруженных сил, наращивать золотовалютные резервы и формировать резервы на случай кризисных ситуаций. Также была создана ресурсная база для выполнения государством своих социальных обязательств (благодаря чему выгоду от экономического роста получили и те слои населения, которые не были непосредственно задействованы в производственном секторе экономики). Кроме того, был значительно сокращен внешний долг государства, что позволило снизить риски иностранного вмешательства в при-

нятие Россией политических и экономических решений (стратегия сокращения внешнего долга полностью соответствовала тезису В. В. Путина о том, что за долги расплачиваются суверенитетом).

Интересно отметить, что в ходе этого этапа Россия предприняла действия, направленные на избавление от зависимости от постсоветских государств, связанной с сохранением части сложившихся в советскую эпоху экономических связей. Ликвидировались те связи, которые не приносили России экономического эффекта, но, напротив, позволяли постсоветским государствам эксплуатировать российскую экономику в своих интересах. Примером может быть строительство газопровода «Северный поток», позволившего ослабить роль Украины как страны-транзитера российского газа (роль, которой Украина откровенно злоупотребляла). К сожалению, шагов, которые позволили бы укрепить экономическое сотрудничество постсоветских государств на выгодной для России основе в это время не предпринималось.

Таким образом, в этот период, в отличие от предыдущего, государство эффективно реализовывало инструменты повышения НЭБ (наращивание экономического потенциала страны и рост ее оборонной мощи).

К этому периоду относится начало активной экспансии российского капитала за рубеж (обусловленной ростом валютных поступлений в отечественную экономику и стремлением российских собственников диверсифицировать свои финансовые вложения и повысить эффективность своих предприятий за счет прямого доступа к иностранным рынкам, а также к зарубежным производственным технологиям). По своей сути это представляло дальнейшую интеграцию России в мировую экономику, но уже на более равноправных условиях, а не в роли простого поставщика ресурсов и рынка сбыта.

Однако, достаточно быстро отечественные инвесторы столкнулись с ограничениями на приобретение иностранной собственности – российские компании не были допущены к покупке предприятий, которые имели стратегическое значение для страны их нахождения или могли чрезмерно (по мне-

нию коллективного Запада) усилить технологический и инновационный потенциал России. Примерами может быть провал «Северстали», предложение которой о покупке одной из крупнейших сталелитейных фирм мира, европейской компании Arcelor, было отклонено в 2006 г. в пользу индийской Mittal⁴³.

Аналогично, «Газпром» не был допущен к покупке газораспределительных сетей в Европе. Российским инвесторам удавалось приобретать только сравнительно мелкие предприятия (например, та же «Северсталь» смогла приобрести средние по размеру компании Lucchini в Италии и Rouge Steel в США). Вывоз капитала не трансформировался в адекватный рост экономического влияния России за рубежом⁴⁴. Таким образом, задолго до начала геополитического противостояния в 2014 г. Россия сталкивалась с целенаправленным ограничением на рост своего экономического, технологического и инновационного потенциала. Стремясь к интеграции в мировое экономическое пространство, Россия не могла реализовать это стремление не по собственной вине, а из-за активного противодействия иностранных «партнеров».

Важной проблемой этого периода стало то, что регулирование рыночной экономики осуществлялось практически в ручном режиме и не было основано на формальных институтах управления. Еще одной проблемой было то, что экономический рост во второй половине этого периода происходил практически неконтролируемо, из-за чего на одних рынках возникали пузыри (характерный пример – рынок недвижимости в крупнейших городах России в 2006-2008 гг.), тогда как в других отраслях рыночная экспансия, опирающаяся на заемное финансирование, стала практически самоцелью.

Сравнительная легкость получения кредитов и их рефинансирования (как у иностранных банков, так и у отечественных кредитных организаций) привели к тому, что предприятия брали кредиты без тщательной оценки своих возможностей по их возврату – в надежде, что экономический рост позволит

⁴³ Смирнов Д. Стальной прокат // Газета.ру, 30.06.2006. Доступно онлайн по адресу: https://www.gazeta.ru/2006/06/30/oa_206254.shtml. Проверено 19.11.2019.

⁴⁴ Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В. Россия: новая империалистическая держава? // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 74-87.

обеспечить достаточные денежные потоки для выплат, а в случае невозможности погашения долг можно будет рефинансировать, причем на более выгодных условиях. Легкость получения кредитов, в свою очередь, обуславливалась снижением ответственности банков при их выдаче: кредитные организации стремились получить доход от экономического роста и максимизировать свою долю на быстро растущем рынке заимствований, и поэтому выдавали кредиты практически всем желающим. Это привело к значительной закредитованности компаний.

У населения также скопилось значительное количество кредитов, преимущественно краткосрочных потребительских. Их выдача была направлена на стимулирование покупательского спроса. При этом, они были взяты под сравнительно высокий процент. Тем не менее, на этот период приходится и рост ипотечного кредитования, в т. ч. и в иностранной валюте.

Начало завершения этого этапа можно отнести к мюнхенской речи В. В. Путина в 2006 г., в которой декларировалась ориентация на формирование в России суверенной экономической и политической стратегии на мировой арене. Отметим, что, хотя экономический суверенитет был ключевым элементом этого этапа развития НЭИ России, и при этом происходило выстраивание политического суверенитета России внутри страны (ликвидация чрезмерной автономии отдельных субъектов федерации), однако на самостоятельную роль на внешнеполитической арене Россия до момента мюнхенской речи практически не претендовала. Именно заявка на политический суверенитет, на то, чтобы быть одним из полюсов многополярного мира, причем подкрепленная значительно выросшим экономическим суверенитетом, указывает на окончание этого этапа. Окончательно он завершился в 2008 г., политическим маркером стала операция по принуждению Грузии к миру, а экономическим – кризис 2008-2009 гг. (ставший причиной необходимости отказа от экономической модели, характерной для периода 2000-2008 гг.).

Миротворческая операция российских войск в Южной Осетии и Абхазии⁴⁵ и последующей признание Российской Федерацией независимости этих государств были неодобрительно восприняты коллективным Западом и стали причиной антироссийской кампании в зарубежных средствах массовой информации, а также отдельных недружественных шагов со стороны некоторых иностранных государств. Вопреки очевидным фактам стал формироваться образ России как агрессора и угрозы для мира. Это могло служить обоснованием для ограничительных мер по отношению к России, расширения политики коллективной безопасности, направленной против нашей страны (в частности, усиления военного присутствия стран НАТО на российских границах) и формирования общей настороженности в адрес России.

Кризис 2008-2009 гг. (следствие, с одной стороны, ипотечного кризиса в США 2007 г., с другой стороны – снижения нефтяных цен) стал болезненным ударом для национальной экономики, однако не столь разрушительным, как кризис 1998 гг. Хотя ряд предприятий закрылся из-за неспособности обслуживать свои кредиты, и выросла безработица, благодаря использованию аккумулированных государством резервов, шок для экономики оказался не столь сильным. Государство содействовало рефинансированию кредитов крупнейших компаний, взятых за рубежом (в целях недопущения перехода этих компаний под иностранный контроль), а также обеспечило рост выплат сотрудникам бюджетных организаций, что поддержало потребительский спрос.

Были также приняты меры по финансированию реального сектора, но они оказались неэффективными. Напрямую государство финансировать предприятия не могло, и денежные средства были направлены в банки, которые, однако, не пожелали кредитовать экономику, а использовали полученные ресурсы в собственных интересах (включая даже игру против рубля на валютном рынке, т. е. фактически способствуя углублению кризиса). Деятельность бан-

⁴⁵ Kotlyarov I. The Logic of South Ossetia Conflict // Russia in Global Affairs. – 2008. – V. 6. – No 4. – P. 131-146.

ковского сектора России в период кризиса наглядно показала, что он неспособен обеспечивать экономическую безопасность страны⁴⁶ и не является эффективным агентом по управлению финансовыми ресурсами, предоставленными государством.

Именно в этот кризисный период население впервые массово столкнулось с проблемой неспособности выплатить кредиты – как потребительские, так и ипотечные (из-за увольнений персонала и снижения заработных плат). Падение курса рубля резко ухудшило положение заемщиков, бравших кредиты в иностранной валюте. Началось давление на должников со стороны коллекторов⁴⁷ – давление, от которого государство предоставить защиту в тот период не смогло.

Усложнение внешнеэкономической ситуации, неэффективность отечественного банковского сектора в период кризиса и недостаточно ответственное поведение крупнейших компаний в период экономического роста (которое проявилось в утрате ими контроля над собственной задолженностью) послужили причиной перехода к третьему этапу развития НЭИ России, который можно датировать 2009-2014 гг. Этот этап на внешнеэкономическом уровне характеризуется значительной спецификой по сравнению с предыдущими.

С одной стороны, Россия стремилась продолжать курс на интеграцию в единое мировое экономическое пространство, чтобы использовать его потенциал в своих интересах, с другой стороны, именно к этому периоду относятся значимые действия по выстраиванию собственной системы внешнеэкономических связей, направленных на обслуживание НЭИ (Таможенный союз, ЕАЭС). Иными словами, Россия попыталась начать формировать свою экономическую подсистему в рамках глобальной экономики (не отказываясь при этом от участия в глобализации). Однако значимых успехов на этом пути ей достигнуть не удалось.

⁴⁶ Лякин А. Н. Три кризиса по одному сценарию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2018. – Т. 34. – № 1. – С. 4-25.

⁴⁷ Котляров И. Д. Коллекторская деятельность в Российской Федерации: критический анализ // Управление корпоративными финансами. – 2012. – № 4. – С. 204-210.

Потенциальные участники этой подсистемы, с одной стороны, обуславливали свое участие в ней жесткими требованиями относительно соблюдения своих интересов (причем эти требования могли противоречить интересам России), а с другой стороны, проявляли большую мотивацию к партнерству с другими государствами. Европейские республики бывшего СССР ориентировались на сотрудничество с Европейским Союзом, тогда как в Средней Азии доминирующим становилось влияние Китая. Декларации о готовности к партнерству с Россией со стороны этих республик служили скорее инструментом для торга с Европой и Китаем, чем реальной демонстрацией сотрудничества.

Кроме того, стремление России восстановить экономические связи и реализовать интеграционные проекты на постсоветском пространстве столкнулось с жестким противодействием коллективного Запада, который при помощи экономических и политических (поддержка антироссийских элит, продвижение антироссийских и националистических настроений среди наиболее активной части населения, вовлечение в альтернативные интеграционные проекты и т. д.) рычагов продолжил свой курс на отрыв бывших советских республик от нашей страны.

В этот период начались активные действия коллективного Запада по свержению существующего строя и ликвидации политического потенциала России, т. е. иностранные игроки перешли к целенаправленной деятельности, напрямую угрожающей национальной и экономической безопасности нашей страны (таких действий после 1991 г. не предпринималось). Проявлениями этих намерений стало финансируемое из-за рубежа «болотное движение», пытавшееся в 2011-2012 гг. сопротивляться переизбранию В. В. Путина на пост Президента России. Именно В. В. Путин, по нашему мнению, воспринимается коллективным Западом как последовательный сторонник экономического и политического суверенитета России и ее самостоятельной роли в многополярном мире, и поэтому противодействие его избранию были вполне логичным шагом с точки зрения интересов коллективного Запада, желающего видеть

Россию исключительно в роли поставщика ресурсов и рынка сбыта, но не самостоятельного геоэкономического игрока. Необходимость купирования этих недружественных действий стала причиной дальнейшего усиления роли силового блока, что было воспринято частью населения России и иностранными государствами как отход от демократии и вызвало у них неприятие.

Таким образом, в этот период на внешнеполитической арене произошло изменение восприятия России от нейтрального (характерного для предыдущих двух этапов) к негативному. Однако значимых экономических последствий это не имело, сотрудничество с Россией было важным источником выгоды для иностранных государств и поэтому продолжалось. Геополитическому соперничеству сопутствовало экономическое сотрудничество (что, в частности, выразалось в принятии России в ВТО). Тем не менее, Россия по-прежнему не допускалась к покупке стратегических активов за рубежом (и, очевидно, начало соперничества только обострило настороженность коллективного Запада относительно инвестиций России за рубежом).

В частности, консорциуму «Сбербанка» и канадского производителя автокомпонентов Magna в 2009 г. было отказано в покупке немецкого автопроизводителя Opel (принадлежащего General Motors) практически накануне подписания уже согласованной сделки⁴⁸. Россия возлагала на эту покупку особые надежды, поскольку она могла бы позволить нашей стране ликвидировать отставание в области автомобильных компетенций. Одной из причин отказа стали, по оценкам экспертов, опасения контролирующего акционера Opel (General Motors) относительно того, что Россия может получить доступ к передовым технологиям. Подчеркнем, что исполнявший обязанности премьер-министра России в этот период В. В. Путин указал на то, что отказ в этой

⁴⁸ Костякова Е. Почему русские не купили Opel. Вся правда // Autonews.ru, 27.08.2010. Доступно онлайн по адресу: <https://www.autonews.ru/news/58259ca79a7947474311eeca?ruid=uUj1B1yTwfByagnEAw7jAg==>. Проверено 19.11.2019.

делке является для России уроком, который она должна в дальнейшем учитывать в отношениях с западными партнерами⁴⁹.

Внутри страны были проведены мероприятия по усилению государственного контроля над экономикой и по развитию национальных производств (для укрепления национального экономического потенциала, и, как следствие, НЭБ). Отметим, что усиление этого контроля не было самоцелью – при его помощи государство надеялось снизить риск неэффективного поведения рыночных агентов, которое могло бы угрожать стабильности экономики (как приведенный выше пример с игрой банков против рубля в момент обострения валютного кризиса 2008-2009 гг.). Посредством выкупа нефтедобывающей компании ТНК ВР у группы «Альфа» была значительно укреплена компания «Роснефть», а государство заняло лидирующие позиции в нефтегазовой сфере.

Банк России начал активную политику по очистке банковской системы от неэффективных и недобросовестных кредитных организаций (за счет этого регулирование банковского сектора приобрело не ручной, а формальный, институциональный характер). К сожалению, побочным действием этой политики Центробанка стало резкое снижение конкуренции на банковском рынке и постепенная ликвидация региональных банков, и, как следствие, усложнение доступа региональных компаний к кредиту. Для банков федерального уровня сотрудничество с локальным мелким и средним бизнесом не представляет интереса (ввиду его небольшого размера), и, кроме того, в отличие от региональных банков, их офисы не столь хорошо знакомы с ситуацией на местах и не обладают выстроенными связями с локальной предпринимательской средой.

Благодаря сравнительно эффективным действиям государства в 2008-2009 гг. кризис не имел таких резких последствий для экономики и для благосостояния населения, как кризис 1998 г. За счет этого, а также благодаря восстановившимся ценам на нефть, экономика после глубокого падения смогла

⁴⁹ Путин: ситуация вокруг Opel – это урок для нас // Вести.ru, 05.11.2009. Доступно онлайн по адресу: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=324264>. Проверено 19.11.2019.

быстро перейти к восстановительному росту и достичь докризисных показателей (как по объему ВВП, так и по занятости). Рост государственных расходов привел к заметному повышению доходов сотрудников бюджетных организаций и силовых структур.

Одновременно снова стало бурно расти потребительское и ипотечное кредитование. Стала резко увеличиваться задолженность физических лиц, в т. ч. и в иностранной валюте. Сам процесс получения кредита значительно упростился благодаря широкому проникновению кредитных карт. Наконец, именно на этом этапе в России появились и стали быстро развиваться микрофинансовые организации (ростовщические структуры, выдающие необеспеченные займы на короткий срок под высокий процент). Именно их деятельность создала, по нашему мнению, наибольшую угрозу финансовой безопасности населения. Возможность быстрого получения займа, ориентация этих организаций на финансово неустойчивую часть населения и быстро растущие суммы займа в сочетании с жестким давлением коллекторов в случае просрочки стали причиной резкого ухудшения финансового положения заемщиков и нередко приводили к трагическим исходам (как самоубийствам граждан из-за невозможности вернуть долг, так и к травмам и смертельным увечьям заемщиков и их близких из-за неправомерных – по сути бандитских – действий коллекторов).

Возобновление экономического роста России положительно сказалось на ее инвестиционной привлекательности. Были запущены проекты, временно замороженные на периоды кризиса, и начат ряд новых проектов, в т. ч. в области локализации производства (прежде всего, автомобильного). Активно развивались сельское хозяйство и пищевая промышленность – рост доходов потребителей создавали устойчивый спрос на их продукцию. Важным признаком, показавшим способность России реализовывать (пусть и в рамках международной кооперации) высокотехнологичные инновационные проекты, стало начало производства среднемагистрального лайнера Sukhoi Super Jet (SSJ). Таким образом, постепенно происходило (хотя и медленно и не в полной

мере) восстановление технологического потенциала российской промышленности.

Государство в этот период озаботилось обеспечением национальной технологической безопасности⁵⁰. В частности, в 2011 г. была принята программа развития ключевой отрасли машиностроения – станкостроения⁵¹.

В ходе этого этапа были реализованы протекционистские мероприятия, направленные на поддержку отечественных предприятий путем создания им преимуществ при проведении закупок для государственных и муниципальных нужд. Примерами могут быть требования использования отечественного оборудования при производстве продукции в рамках государственного оборонного заказа, ценовые предпочтения лекарствам российского производства, требование производить в России продукты питания и предметы вещевого обеспечения, закупаемые для нужд Вооруженных Сил Российской Федерации и др. Все эти шаги дали определенный стимул для развития отечественной промышленности.

Важным имиджевым мероприятием, реализованным в конце этого периода, стали Зимние Олимпийские игры 2014 г., проведенные в Сочи. Подготовка к их проведению дала заметный импульс развитию инфраструктуры на юге России, а также стимулировала спрос на строительные, транспортные и ряд других услуг, что способствовало экономическому росту страны. К сожалению, эта подготовка была также связана с коррупционными проявлениями, что не могло не сказаться отрицательно на НЭБ.

Тем не менее, геополитическое соперничество между Россией и коллективным Западом непрерывно усиливалось, и в конце концов достигло критического уровня, после чего стал неизбежен переход к следующему этапу развития НЭИ. Политическим маркером этого уровня стали последствия развала украинской государственности после военного переворота в феврале 2014 г.

⁵⁰ Плотников В. А. Промышленное развитие и технологическая безопасность как факторы формирования инновационной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2011. – № 2. – С. 17-24.

⁵¹ Механик А. Шаг вперед и поворот // Эксперт. – 2016. – № 17-18. – С. 56-60.

Воссоединение Крыма с Россией по результатам проведенного в соответствии с международными нормами референдума в марте 2014 г. и начало гражданской войны на востоке Украины, сопровождавшейся военными преступлениями со стороны карательных отрядов, сформированных новой украинской властью, были истолкованы коллективным Западом как знак вмешательства России во внутренние дела Украины.

В результате, против нашей страны были введены жесткие секторальные санкции (запрет на привлечение внешнего финансирования, запрет на передачу технологий в критических областях и т. д.), призванные уничтожить наш экономический и политический потенциал⁵². Коллективный Запад перешел к геополитическому подавлению России и к фактической экономической войне против нашей страны. Восприятие России сменилось с негативного на явно враждебное. Экономическим маркером завершения этого этапа стал кризис конца 2014 г., спровоцированный как падением цен на нефть, так и санкциями (невозможность рефинансировать валютные кредиты привела к резкому росту спроса на доллар США и стала причиной обвала курса рубля).

Новый этап развития НЭИ начался в конце 2014 г. и продолжается до сих пор. Переходом к нему можно считать секторальные санкции США и их союзников и введение Россией встречных репрессалий против коллективного Запада в виде продовольственных контрсанкций – первой ответной меры против экономического и политического неравноправия нашей страны, реализованной после 1991 г.

НЭИ этого этапа можно охарактеризовать как построение глобально эффективной суверенной экономики за счет развития импортозамещения и снижения рисков импортозависимости. Потребность в импортозамещении обу-

⁵² Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. – 2015. – № 10. – С. 24-32; Загашвили В. С. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59. – № 11. – С. 67-77; Клинова М. В., Сидорова Е. А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским Союзом // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 67-79.

славливается как необходимостью компенсировать негативный эффект санкций, так и задачей наращивания добавленной стоимости, создаваемой внутри страны, для повышения эффективности национальной экономики и обеспечения условий для достойного уровня жизни населения.

В ходе этого этапа России удалось успешно решить задачу достижения продовольственной безопасности по основным продуктам питания. При этом постепенно происходит переход от производства конечных продуктов питания к локализации в России всей агропродовольственной производственной цепочки. Кроме того, Россия становится экспортером продовольствия. В других отраслях столь же заметных успехов, к сожалению, пока что достичь не удалось.

К сожалению, такая национально ориентированная парадигма, при ее внешнем соответствии требованиям НЭБ, на самом деле скорее создает угрозу для нее. Экономическая независимость страны означает невозможность в полной мере использовать преимущества международного разделения труда и неизбежно приведет к падению эффективности национальной экономики. НЭИ России должна быть не автономная экономика, а экономика глобальных производственных цепочек, ориентированная на создание добавленной стоимости в интересах нашей страны. Причем эти цепочки должны производить продукцию на экспорт, поскольку собственный рынок России слишком мал (с глобальной точки зрения)⁵³.

На опасность избыточного стремления к импортозамещению указывает и В. В. Путин, говоря, что Россия должна эффективно использовать потенциал международного сотрудничества. Естественным направлением такого сотрудничества выступает ЕАЭС, значительно расширившийся за последние годы. Тем не менее, его участники пока не интегрированы в достаточной степени, а элиты соответствующих государств настороженно относятся к сотрудничеству с Россией, опасаясь как подпасть под ее чрезмерное влияние (ряд этих

⁵³ Губина М. А. Импортозамещение и/или экспортная ориентация: опыт фармацевтической промышленности Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2019. – Т. 35. – № 2. – С. 197-222.

стран является бывшими постсоветскими республиками с заметными русскоязычными меньшинствами), так и стать объектом давления со стороны коллективного Запада в случае углубления этого сотрудничества.

Усиление давления на нашу страну привело к увеличению роли государства в экономике – как через принадлежащие государству компании, так и посредством прямого вмешательства в хозяйственную жизнь. Это отрицательно сказывается на конкуренции и снижает эффективность народного хозяйства.

Большую угрозу НЭБ создают отсутствие экономического роста, падение реальных доходов населения и усиление налогового и административного давления на бизнес. Предприятия воспринимаются не как источник инвестиций, занятости и экономического роста, а как источник налоговых поступлений. В такой фискальной парадигме⁵⁴ растет роль государства как ключевого распорядителя ресурсов для экономики. В сочетании с тем, что государственные и квазигосударственные предприятия уже занимают лидирующее место в народном хозяйстве, такой перекоп в сторону государства становится угрожающим. По сути дела, государство из регулятора экономики становится единственным гарантом ее стабильности, заменяя собой как деятельность рыночных игроков, так и рыночные институты.

Такая модель эффективна в случае выбора мобилизационного сценария развития⁵⁵, т. е. концентрации в руках государства ключевых ресурсов с целью их последующего использования для решения каких-либо стратегических задач. Проблема, однако, в том, что сейчас концентрация этих ресурсов у государства не сопровождается какими-либо заметными шагами по их использованию в интересах национального развития. Скорее складывается впечатление, что государство аккумулирует эти ресурсы для обеспечения бюджетного профицита и для возможности финансировать срочные затраты, если в них возникнет необходимость.

⁵⁴ Кежун Л. А., Комарова О. В. Налоговый маневр как инструмент макроэкономической политики // Журнал экономической теории. – 2017. – № 4. – С. 269-273.

⁵⁵ Корнейчук Б. В. Мобилизационные сценарии развития: источники и последствия // Terra Economicus. – 2017. – Т. 15. – № 1. – С. 79-88.

Подводя итог проведенному выше анализу, укажем, что динамика национальных экономических интересов Российской Федерации в постсоветский период представлена в табл. 1.2.1.

В целом, по итогам анализа, результаты которого представлены в данном разделе диссертации, мы можем сформулировать следующие выводы:

- национальные экономические интересы могут рассматриваться как консенсус большинства народа и большей части элитных групп относительно способов достижения целей суверенного социального государства и баланса интересов социальных слоев и групп элит;

Таблица 1.2.1 – Динамика национальных экономических интересов Российской Федерации в постсоветский период

Период	Национальные экономические интересы	Инструменты достижения	Риски
1992-2000 гг.	Интеграция в глобальную экономику, ликвидация плановой экономики и строительство рыночного хозяйства	Либерализация экономики, отказ от социальных обязательств, выстраивание нового класса собственников	Ликвидация промышленного и технологического потенциала страны, резкое падение уровня жизни, переход государства к обслуживанию экономических интересов олигархических группировок
2000-2008 гг.	Восстановление экономического суверенитета	Ликвидация олигархических группировок, создание условий для экономического роста, усиление роли государства в экономике	Ручное управление экономикой, низкое качество экономического роста

Период	Национальные экономические интересы	Инструменты достижения	Риски
2009-2014 гг.	Развитие экономического потенциала страны, повышение качества регулирования национальной экономики	Локализация производств, очистка финансового сектора, протекционистские меры по поддержке национальных производителей	Снижение конкуренции в финансовой отрасли
С 2014 г. по н/вр.	Построение конкурентоспособной суверенной экономики	Выдавливание с рынка иностранных поставщиков (контрсанкции), поддержка отечественных производителей	Риски экономической изоляции, чрезмерное усиление роли государства

- этот консенсус носит динамический характер – смена настроений в обществе, изменение экономической, политической, социальной или геополитической ситуации может вызвать потребность в новом консенсусе, и отказ от его поиска, чрезмерная привязанность к прежнему, уже исчерпавшему свой потенциал консенсусу может стать причиной неэффективного функционирования государственной власти и национальной экономики;

- трансформация НЭИ происходила в направлении от полного отказа государства от участия в экономике и стремления к полной интеграции в мировую экономическую систему к максимизации роли государства в национальной экономике и выстраиванию суверенного, самодостаточного народного хозяйства. Обе эти крайности опасны с точки зрения НЭБ. В первом случае государство лишается возможности отстаивать интересы страны, общества и граждан, тогда как во втором случае происходит отказ от использования преимуществ международного разделения труда и рыночного хозяйства. Государство берет на себя чрезмерные обязательства перед обществом (возможно, неявные), и может не справиться с их выполнением;

- естественным НЭИ России в условиях глобальной экономики и с учетом стремления нашей страны обеспечить себе достойное место как в мировой системе разделения труда, так и в геополитической иерархии, является выстраивание глобальных цепочек создания стоимости, ориентированных на обслуживание интересов нашей страны. Именно такие цепочки выстраивают наши геополитические и геоэкономические соперники.

1.3 Оценка современного уровня экономической безопасности России и тенденций его изменения

Рассмотренные выше теоретические и методологические подходы, касающиеся формирования понятийного аппарата НЭБ и эволюции лежащих в основе ее обеспечения НЭИ, не могут рассматриваться в отрыве от практики обеспечения экономической безопасности. По мнению автора, этим вопросам в реализуемой государственной политике должно уделяться первостепенное внимание, т. к. не только прогрессивное развитие России, но и сам факт ее существования как суверенного государства во многом зависит от того, насколько успешной будет деятельность по обеспечению НЭБ.

Являясь комплексным феноменом, НЭБ для своего достижения требует комплексных усилий, что вытекает из известного кибернетического принципа необходимого разнообразия У. Р. Эшби. В этой связи, рассмотренные в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208) меры и подходы достаточно разнообразны. При этом, для оценки результативности усилий по достижению приемлемого уровня НЭБ предложено использовать значительное число показателей, к которым, согласно п. 27 Стратегии, отнесены:

- «1) индекс физического объема валового внутреннего продукта;
- 2) валовой внутренний продукт на душу населения (по паритету покупательной способности);
- 3) доля российского валового внутреннего продукта в мировом валовом внутреннем продукте;
- 4) доля инвестиций в основной капитал в валовом внутреннем продукте;
- 5) степень износа основных фондов;
- 6) индекс промышленного производства;
- 7) индекс производительности труда;
- 8) индекс денежной массы (денежные агрегаты М2);
- 9) уровень инфляции;

- 10) внутренний государственный долг Российской Федерации, государственный долг субъектов Российской Федерации и муниципальный долг;
- 11) внешний долг Российской Федерации, в том числе государственный внешний долг;
- 12) чистый ввоз (вывоз) капитала;
- 13) уровень экономической интеграции субъектов Российской Федерации;
- 14) коэффициент напряженности на рынке труда;
- 15) энергоемкость валового внутреннего продукта;
- 16) доля инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства в общем объеме инвестиций в основной капитал;
- 17) доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг;
- 18) доля высокотехнологичной и наукоемкой продукции в валовом внутреннем продукте;
- 19) доля организаций, осуществляющих технологические инновации;
- 20) дефицит федерального бюджета, в том числе нефтегазовый дефицит федерального бюджета;
- 21) отношение золотовалютных резервов Российской Федерации к объему импорта товаров и услуг;
- 22) индекс физического объема экспорта;
- 23) индекс физического объема импорта;
- 24) сальдо торгового баланса;
- 25) доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме несырьевого экспорта;
- 26) доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения;
- 27) доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;

28) индекс производства по виду экономической деятельности "Добыча полезных ископаемых";

29) доля прироста запасов полезных ископаемых (по стратегическим видам полезных ископаемых) в общем объеме погашенных в недрах запасов;

30) баланс производства и потребления энергоресурсов (на душу населения);

31) индекс предпринимательской уверенности предприятий обрабатывающих производств;

32) дефицит консолидированного бюджета субъектов Российской Федерации;

33) доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме импорта;

34) доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг предприятий промышленного производства;

35) доля импорта в объеме товарных ресурсов продовольственных товаров;

36) оборот розничной торговли;

37) распределение численности занятых в экономике по уровню образования;

38) децильный коэффициент (соотношение доходов 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения);

39) доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения;

40) уровень преступности в сфере экономики».

Как следует из вышеприведенного официального перечня, который в различных авторских исследованиях зачастую расширяется и уточняется, интегративная оценка уровня НЭБ – нетривиальная и сложная задача, которая, как показал проведенный нами анализ литературы, пока что не имеет удовлетворительного решения. Это определяется многочисленностью используемых

для оценки показателей. Подходы к решению такого рода задач разработаны в теории многокритериального принятия решений и подразумевают либо «взвешивание» отдельных показателей, либо фактический отказ от учета ряда из них, признанных второстепенными, либо иерархическое упорядочение показателей, сведение их в однородные группы, что позволяет уменьшить размерность задачи выбора. Далее рассмотрим перспективы применения каждого из перечисленных методических подходов.

1. Взвешивание показателей. Суть этого подхода состоит в том, что при комплексной оценке каждому показателю A_i ($i = 1, 2, \dots, n$, где n – общее количество рассматриваемых показателей, в нашем случае их 40) приписывается некий весовой коэффициент w_i . Тогда комплексная оценка уровня НЭБ (A) может быть получена как средневзвешенное значение всех частных показателей по формуле:

$$A = \frac{\sum_{i=1}^n A_i w_i}{\sum_{i=1}^n w_i}. \quad (1.3.1)$$

Такой подход весьма распространен как в теоретических исследованиях, так и на практике. Но эффективное его применение возможно лишь для сравнительно небольшого числа показателей (не более 5-10). Если же показателей, как в нашем случае, 40, применение рассматриваемого подхода становится неэффективным. Это обусловлено тем обстоятельством, что вклад каждого из частных показателей в интегральную оценку становится исчезающе малым, а сама такая оценка – неэффективной.

Действительно, среднее значение весового коэффициента w_i при использовании 40 частных показателей составит $1/40=0,025$. Это означает, что в среднем каждый частный показатель вносит вклад в итоговую оценку на уровне 2,5%, что сопоставимо с погрешностями измерения этих показателей. Использование такого подхода может привести, в этой связи к неадекватным оценкам НЭБ и неэффективным действиям по ее достижению.

2. Сокращение размерности исходного множества оценочных показателей. Суть этого подхода состоит в том, что исходное множество показателей мощностью n разбивается на два подмножества с мощностями n_1 и n_2 .

Например, из исходного, описанного в Стратегии множества, включающего 40 показателей, в первое подмножество отбирается 5 (например, (2) валовой внутренний продукт на душу населения (по паритету покупательной способности); (5) степень износа основных фондов; (9) уровень инфляции; (11) внешний долг Российской Федерации, в том числе государственный внешний долг; (18) доля высокотехнологичной и наукоемкой продукции в валовом внутреннем продукте), а во второе – оставшиеся 35 показателей. И в дальнейшем для комплексной оценки уровня НЭБ используется только первое подмножество, остальными же показателями, вошедшими во второе подмножество, попросту пренебрегают.

Очевидна слабость такого подхода. Ведь, по сути, речь пойдет, в случае его применения, о получении усеченных, условных оценок НЭБ, за счет фактического отхода от принципа комплексности и пренебрежения важными составляющими НЭБ, что способно вывести ситуацию с ее обеспечением из-под контроля и привести к катастрофическим (этот термин использован нами в смысле, который ему приписывается в теории катастроф, катастрофичность в этом случае обозначает прохождение динамической системой точки би- или полифуркации, после чего она скачкообразно, т.е. «катастрофично», перейдет в новое квазиустойчивое состояние) последствиям.

Кроме того, нет и не может быть консенсуса по процедуре распределения показателей исходного множества на два подмножества. Это разбиение будет субъективным, зависящим от исследовательской позиции конкретного аналитика, его ценностных установок, информированности и т.д. В итоге нам не удастся получить объективных комплексных оценок НЭБ.

3. Иерархическое упорядочение показателей. Этот методический подход также предполагает разбиение исходного множества показателей на несколько подмножеств, в которые включаются показатели, близкие по своей

природе, то есть оценивающие не частные, но некоторые комплексные свойства НЭБ.

Например, совокупность показателей: (14) коэффициент напряженности на рынке труда; (26) доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения; (27) доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; (37) распределение численности занятых в экономике по уровню образования; (38) децильный коэффициент (соотношение доходов 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения); (39) доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения, – имеет социальную направленность. Поэтому оценки по этой группе могут рассматриваться как интегральная характеристика социальной компоненты НЭБ.

При необходимости можно провести повторное, третичное и т. д. разбиение полученных подмножеств на подмножества вторичного, третичного и т. д. уровней. В итоге все показатели будут представлены в виде иерархического древовидного графа, «листьями» которого будут выступать исходные показатели, а места ветвлений (узлы графа) – промежуточные интегральные оценки отдельных комплексных свойств оцениваемой системы. При этом для свертки оценок на каждом из уровней иерархии может использоваться формула, аналогичная (1.3.1). Возможно также применение метода анализа иерархий, предложенного Т. Саати.

Последний из рассмотренных подходов, по мнению автора, наиболее адекватно подходит для решения рассматриваемой задачи многопараметрического оценивания. Но вопрос группировки системы из 40 базовых показателей и их иерархического упорядочивания требует специального углубленного анализа. Его решению, по мнению автора, может быть посвящено самостоятельное серьезное научное исследование. Решение этой задачи не входит в перечень задач диссертации, поэтому мы не будем рассматривать вопрос построения процедуры многокритериального оценивания уровня НЭБ, оставив этот вопрос для дальнейшей разработки.

В связи с вышеизложенным, мы ограничимся в данном параграфе «точечными» оценками уровня НЭБ РФ по отдельным из приведенных выше показателям, которых, по нашему мнению достаточно для описания общих тенденций в рассматриваемой области и постановки и решения дальнейших исследовательских задач. Как было указано выше, для анализа мы будем использовать показатели, упомянутые в п. 27 действующей редакции Стратегии обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

Важнейшим оценочным показателем НЭБ, по нашему мнению, является индекс физического объема ВВП, который позволяет в наиболее общем виде оценить макроэкономическую динамику через описание масштаба национальной экономики и тенденций его изменения. Исходные данные для проведения количественного анализа были взяты с официального интернет-сайта Росстата (<https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab3.htm>). На рисунке 1.3.1 представлены данные об указанном индексе, рассчитанном относительно предшествующего года, а на рис. 1.3.2 приведена динамика базового индекса (за 100% принят уровень производства ВВП 1995 года).

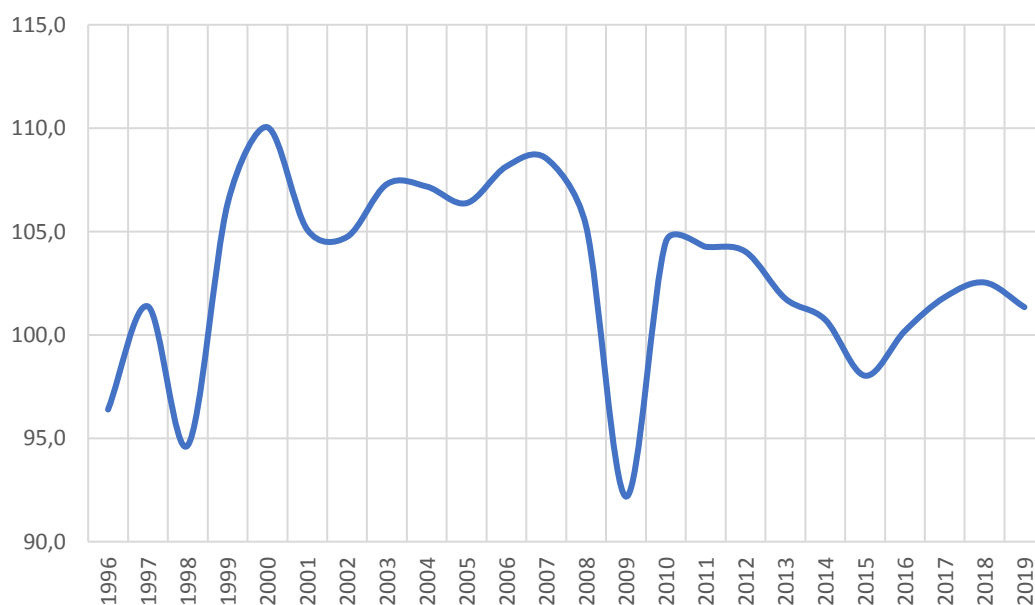

Рисунок 1.3.1 – Динамика физического объема ВВП РФ (год к году)

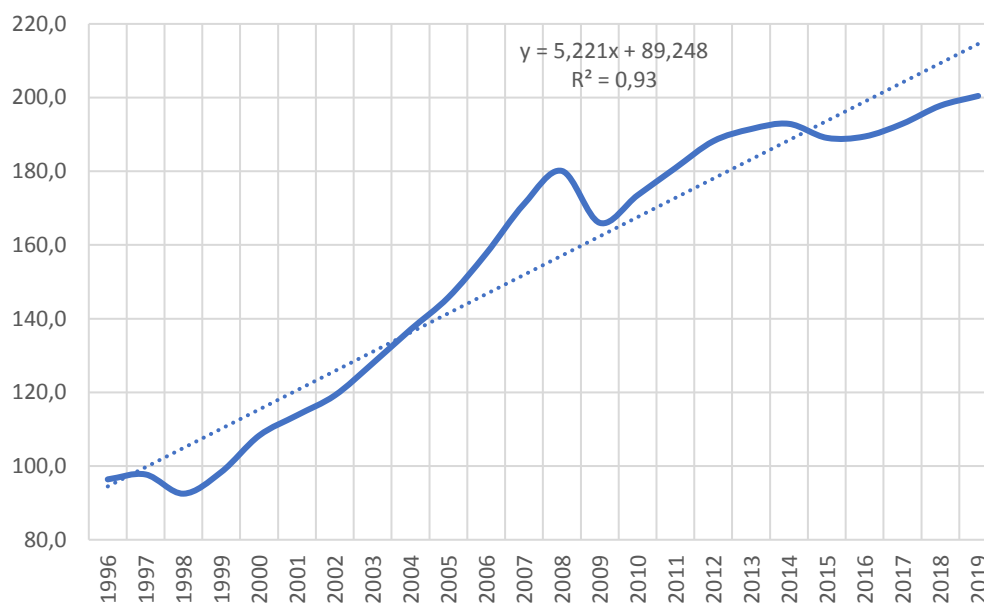

Рисунок 1.3.2 – Динамика физического объема ВВП РФ (базовый индекс, за 100% принят уровень производства ВВП 1995 года)

Из приведенных данных видно, что при рассмотрении цепного индекса физического объема ВВП РФ, прослеживается ярко выраженная циклическая динамика, с серьезными спадами в 1998, 2001, 2009, 2015 гг. Судя по наблюдаемой динамике, экономика с 2018 года вновь перешла в понижительную стадию в производстве ВВП. На этот среднесрочный процесс накладывается пандемия Covid-19, которая была объявлена в мире в марте 2020 года. Несомненно, она приведет к серьезному спаду не только в экономике России, но и в мировой экономике в целом. В этой связи, в 2020-2021 гг. следует ожидать дно очередного кризиса в российской экономике.

При этом, следует подчеркнуть, что пандемия и вызванные ею ограничения на социальную и экономическую активность послужила лишь триггером для падения физического объема ВВП: как следует из рис. 1.3.1, тенденция к падению наметилась в предшествующие годы. Убеждают в этом выводе и данные рис. 1.3.2, где, помимо динамики базового индекса, приведена экстраполирующая его линейная функция. Адекватность этой функции для опи-

сания фактически наблюдаемой динамики определяется высоким уровнем коэффициента детерминации ($R^2 = 0,93$). Начиная с 2015 года, фактическая динамика отклонилась вниз от экстраполирующей функции, и величина этого отклонения нарастает.

Далее рассмотрим такой частный показатель оценки НЭБ, как уровень инфляции⁵⁶. Следует отметить, что целью денежно-кредитной политики Банка России является ценовая стабильность, а именно – поддержание инфляции на уровне, не превышающем 4%. Этот таргет приводится на сайте российского центробанка. В то же время, реальная динамика инфляции отличается значительной неравномерностью. Так, например, по данным Росстата, в 2019 году в Центральном федеральном округе (ЦФО) наиболее высокий уровень инфляции отмечался в Московской области (3,9%), наименьший – в Воронежской области (1,7%). Да, цель соблюдена, с этих позиций уровень инфляции может быть признан удовлетворяющим требованиям безопасности. С другой стороны – значительная региональная дифференциация инфляции приводит к диспропорциям в условиях пространственного развития России. Эти диспропорции также рассматриваются как угроза национальной экономической безопасности⁵⁷.

Конечно, в краткосрочной перспективе указанные выше различия в численных значениях темпов инфляции являются незначительными, но с течением времени, при сохранении тенденции к разноскоростному росту цен в различных регионах, эти различия могут повлечь отрицательные последствия в форме снижения привлекательности для ведения бизнеса и проживания одних

⁵⁶ Рукинов М. В. Оценка некоторых макроэкономических параметров России с позиций их влияния на экономическую безопасность // Экономический рост как основа устойчивого развития России: сборник научных статей 4-ой Всероссийской научно-практической конференции (20-21 ноября 2019 года). Том 2. – Курск: Университетская книга, 2019. – С. 201-206.

⁵⁷ Мороз Н. А., Плотников В. А. Дифференциация российского экономического пространства как фактор обеспечения экономической безопасности // Экономика и управление. – 2018. – № 1 (147). – С. 70-78; Plotnikov V., Vertakova Y., Moroz N. Differentiation of the Economic Space in the Context of Ensuring Economic Security // Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference (IBIMA) «Innovation Management and Education Excellence through Vision», 25-26 April 2018. – Milan, Italy. – P. 1588-1596.

регионов (с более высокими темпами региональной инфляции) относительно других⁵⁸.

Анализ показывает, что инфляция остается низкой в большей степени за счет вялого роста цен на продовольственные товары, которые после внешних шоков, вызванных продовольственным эмбарго, введенным Россией в качестве ответной меры против санкций США, ЕС и ряда других стран в 2014 году, в целом стабилизировались. Сегодня имеется понимание, что в среднесрочной перспективе эмбарго отменено не будет. Такое суждение основано на следующих позициях: эмбарго является ответной мерой, против односторонних санкций США и их союзников, введенных под предлогом «оккупации» Крыма.

В вопросе исторической принадлежности Крымского полуострова российские власти придерживаются твердой и однозначной позиции, подтверждаемой положениями международного права, и ни о каком «возврате» кому бы то ни было этих территорий речи не идет и вестись не может. В этой связи, до признания коллективным Западом ошибочности собственных позиций, их односторонние санкции отменены не будут, следовательно, и режим эмбарго продолжится. А значит, будет происходить дальнейшее насыщение внутреннего рынка продовольствием отечественного производства, что положительно сказывается на его ценах.

В качестве примера, подтверждающего авторские рассуждения, в таблице 1.3.1 представлены данные, характеризующие внутренний рынок мяса и мясопродуктов в России. И этой таблицы следует, что в до- и постсанкционный период уровень насыщенности этого рынка отличался весьма существенно. Во многом это достигнуто за счет радикального роста внутреннего производства.

Продолжая анализ инфляции, отметим, что, в то же время, повышающее влияние на нее в 2019 году оказывало повышение тарифов на услуги ЖКХ и

⁵⁸ Крыжановская О. А. Совершенствование механизма оценки регулирующего воздействия в регионе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2015. – № 1 (14). – С. 20-28; Рукинов М. В. Модернизация и экономическая безопасность // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 3 (117). – С. 45-49.

образования, почтовые услуги, а также удорожание туристических услуг, связанных с внешним (выездным) туризмом. В частности, из-за курсовой динамики рубля и неопределенности с дальнейшим изменением курса рубля к евро, в 2019 году существенно подорожали туристические поездки в страны Европы.

Таблица 1.3.1 – Баланс мяса и мясопродуктов в РФ, тыс. тонн

Показатель	2006	2017	Изменение
1. Ресурсы			
Запасы на начало года	650	804	+154
Производство	5 259	10 323	+5 064
Импорт	3 175	1 103	-2 072
Итого ресурсов	9 084	12 230	+3 146
2. Использование			
Производственное потребление	52	33	-19
Потери	13	15	+2
Экспорт	57	307	+250
Личное потребление	8 287	11 013	+2 726
Запасы на конец отчетного года	675	862	+187

Источник: данные Росстата, расчеты автора

Если вернуться к анализу инфляции на продовольственном рынке, оказывающем наиболее существенное воздействие на такую компоненту экономической безопасности, как продовольственная безопасность, то здесь в 2019 году отмечается существенное влияние ряда дискреционных (несистемных, разовых) факторов. В частности, это установившаяся в центральной части страны холодная и дождливая погода в летний период, которая помешала традиционному снижению цен на овощи, в частности – на помидоры и огурцы в конце лета – начале осени. Также ускорился годовой рост цен на некоторые

номенклатуры молочной продукции. Это обусловлено ростом издержек производителей в связи с запуском пилотного проекта по обязательной сертификации готовых молочных продуктов посредством государственной системы учета «Меркурий».

В региональном разрезе динамика годовой инфляции была разнонаправленной. Рост годовой инфляции отмечался в Брянской, Курской, Орловской, Рязанской и Тамбовской областях, снижение – в Белгородской, Калужской, Липецкой, Московской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской областях. В Москве, Владимирской, Воронежской, Ивановской и Костромской областях годовая инфляция сохранилась на уровне прошлого периода. Годовая инфляция в девяти из 18 регионов ЦФО продолжала оставаться ниже 5%. Наименьший уровень инфляции отмечался в Тверской области (3,6%), а наибольший – в Ярославской области (6,3%).

Таким образом, с позиций обеспечения национальной экономической безопасности (по данным за ЦФО, которые приведены в качестве примера), следует признать, что по индикатору инфляции не наблюдалось существенного ухудшения ситуации. Инфляция, в целом, находилась на нормативно заданном уровне, негативного влияния на ведение хозяйственной деятельности она не оказывала. Это – значительная заслуга российского правительства и центробанка, которые, после многолетних высоких уровней инфляции (неуправляемых), нашли способы держать ее в нормативно заданных рамках.

Далее рассмотрим коэффициент напряженности на рынке труда (пункт 14 указанной выше статьи Стратегии). Согласно данным Росстата, в 2019 г. самый низкий уровень безработицы в России был отмечен в Центральном федеральном округе. По регионам ЦФО самый высокий уровень безработицы отмечен в Смоленской области, самый низкий – в Москве. При этом, показатели, по нашему мнению, находятся на уровне «естественной» безработицы, рассматриваемой в современной экономической теории как норма, не требующая государственного вмешательства.

Здесь следует указать на интересный феномен, который рассматривается в экономической теории (ее классическом направлении, с учетом его модернизации в трудах постклассиков и неоклассиков). Речь идет о т. н. «кривой Филлипса», которая связывает обратной зависимостью темпы инфляции и безработицы. В теории утверждается, что одновременно снизить инфляцию и безработицу невозможно: некоторые успехи в борьбе с безработицей имеют «альтернативную цену» для общества в виде ускорения инфляции, и наоборот. Молий Г. М. и Невежин В. П. представили результаты эконометрического исследования, направленного на построение аналитической зависимости для кривой Филлипса, характеризующей экономику России⁵⁹.

Воспроизведем далее основные полученные результаты указанных авторов. Кривая Филлипса описывается уравнением:

$$\delta\omega_t = \beta_0 + \beta_1 \times (1/U_t) + \varepsilon_t,$$

где $\delta\omega_t = 100 \times (\omega_t - \omega_{t-1})/\omega_{t-1}$ – темп инфляции в год t ;

ω_t – уровень инфляции в год t ;

U_t – процент безработных в год t .

$\beta_0, \beta_1, \varepsilon_t$ – постоянные коэффициенты модели.

Для долгосрочного периода (использованы годовые показатели за 1991-2013 гг.) в указанной работе экспериментально получено уравнение кривой:

$$\delta\omega = -251,049 + 2469,192(1/U) + \varepsilon.$$

Из этого уравнения возможно нахождение «естественного» уровня безработицы долгосрочного периода, при котором $\delta\omega = 0$: $U_0 = 9,8\%$. Для краткосрочного периода (использованы ежемесячные показатели за 2012-2013 гг.) в указанной работе экспериментально получено уравнение кривой:

$$\delta\omega = -300,192 + 1814,593(1/U_t) + \varepsilon_t.$$

⁵⁹ Молий Г. М., Невежин В. П. Анализ кривой Филлипса для российской экономики // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 4 (часть 1). URL: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=12687> (дата обращения 15.10.2019).

Из этого уравнения возможно нахождение «естественного» уровня безработицы краткосрочного периода, при котором $\delta\omega = 0$: $U_0 = 6,0\%$.

Итак, со ссылкой на работу указанных авторов можно утверждать, что уровень естественной безработицы в России составляет 6,0-9,8%. Неоклассическая концепция утверждает, что при росте цен на некую положительную величину (т. е. ускорении инфляции), безработица будет снижаться. Если же рост цен будет замедляться, то, напротив, безработица возрастет.

Но наблюдаемая в современной России ситуация противоречит этой теории. Действительно, как показано выше, на примере данных по ЦФО, довольно репрезентативных, темпы роста цен снижаются, но при этом, как показано выше, безработица удерживается на уровне более низком, чем «естественный». Следовательно: либо российская экономика испытала качественные изменения и ее динамика более не описывается приведенными выше уравнениями, либо научно-методический аппарат, лежащий в основе построения кривой Филлипса некорректен.

Последнее утверждение представляется нам неправдоподобным, потому как указанный научно-методический аппарат апробирован на примере многих стран и подтверждает свою пригодность к практическому использованию. Это означает, что в российской экономике (после 2013 года, а мы связываем этот факт все же с 2014 годом, когда вследствие санкций и контрсанкций была скорректирована экономическая политика, принявшая, с теоретических позиций, некоторые кейнсианские черты с отходом от ранее практиковавшейся неолиберальной модели) произошли качественные изменения, которые привели к росту ее устойчивости и защищенности от угроз и рисков экономической безопасности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что по рассмотренным показателям НЭБ в современной России сложилась благоприятная ситуация, прогноз изменения – также благоприятный. Это стало следствием проведения рациональной экономической политики, направленной на

отстаивание национальных экономических интересов, которая, в этой связи, должна быть продолжена.

Индекс промышленного производства, по нашему мнению, имеет значительное влияние на показатели экономического роста и общий уровень социально-экономического развития, следовательно и на обеспечение экономической безопасности⁶⁰. Несмотря на то, что в ряде современных литературных источников акцентируется внимание на изменении модели перспективного устройства экономики, мы не поддерживаем эту позицию. Точнее – мы с ней согласны лишь отчасти.

Современную экономику называют сервисной, информационной, постиндустриальной и т. д.⁶¹ Этим терминами подчеркивается, что среди драйверов ее развития произошли перестановки, а бывшая на протяжении последних 1.5 столетий движущей силой развития промышленность «уходит на второй план». С позиций теоретических и формально-статистических, эта позиция имеет право на существование. В то же время, снижение удельного веса промышленности в ВВП не говорит об уменьшении ее влияния на динамику и уровень социально-экономических показателей, обеспечение НЭБ.

При исследовании структуры экономики мы придерживаемся точки зрения Бодрунова С. Д., Вертаковой Ю. В., Карлика А. Е., Плотникова В. А. и ряда других авторов, которые настаивают на сохранении высокой и даже определяющей роли промышленности в национальной экономике, что находит от-

⁶⁰ Рукинов М. В. Динамика промышленного производства и экономическая безопасность // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2020. – № 1. – С. 5-8.

⁶¹ Асаул В. В., Михайлова А. О. Обеспечение информационной безопасности в условиях формирования цифровой экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 4 (38). – С. 5-9; Бекмурзаев И. Д., Курбанов А. Х. Развитие цифровой экономики как элемент стратегии общественного развития в России // Финансовая экономика. – 2019. – № 5. – С. 556-558; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1999; Понькина А. А., Боркова Е. А. Обзор digital-технологии в контексте индустрии 4.0 // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 10-2 (56). – С. 61-63; Пшеничников В. В. Перспективы и риски применения электронных денег в условиях цифровизации экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 1 (109). – С. 39-45 и др.

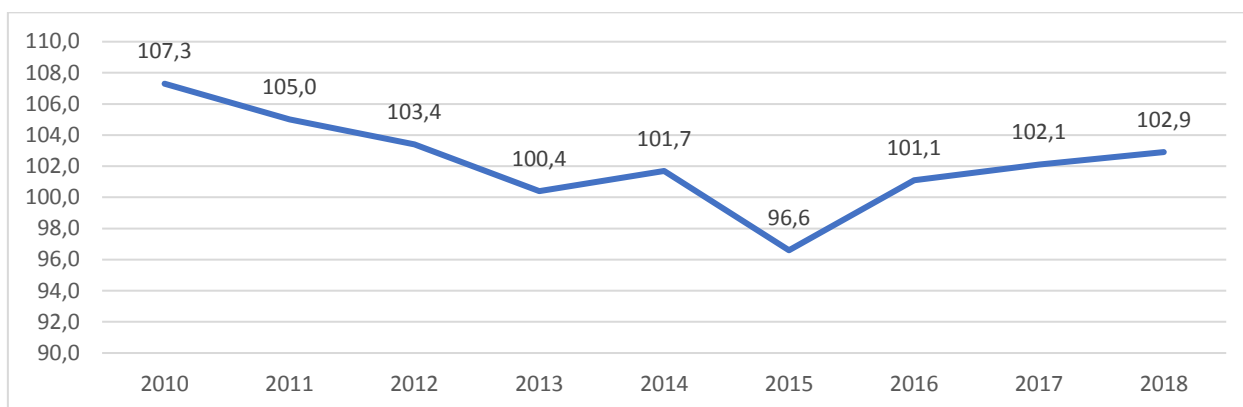
ражение в концепциях нового индустриального общества 2-го поколения, реиндустриализации, неоиндустриализации и т.п.⁶² Заметим, что аналогичная точка зрения высказывается в работах и зарубежных специалистов⁶³.

Итак, ключевой теоретико-методологической посылкой наших взглядов является позиция о том, уровень развития промышленности является определяющим фактором для обеспечения устойчивости национальной экономики, следовательно, и для достижения приемлемого уровня экономической безопасности. Проанализируем в этой связи индекс промышленного производства в РФ в последние годы, используя для этого данные Росстата, приведенные на его официальном интернет-сайте (www.gks.ru).

По данным Росстата (рисунок 1.3.3), за 2015–2018 гг. накопленный прирост промышленного производства в целом по России составил лишь 6,3%. В целом, во втором десятилетии 21 столетия промышленный рост в России был весьма вялый и неустойчивый, наблюдается фактическая стагнация этого показателя, что, безусловно, негативно сказывается на обеспечении экономической безопасности.

⁶² Бодрунов С. Д. Россия в эпоху перехода к новоиндустриальной экономике: императивы модернизации // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2019. – Т. 215. – № 1. – С. 24-39; Максимцев И. А., Карлик А. Е., Рохчин В. Е. Государственное регулирование экономического развития в пределах федеральных округов в научных исследованиях Санкт-Петербургского государственного экономического университета // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2015. – № 1 (91). – С. 7-17; Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Российская промышленность: текущее состояние и перспективы развития // Экономика и управление. – 2014. – № 5 (103). – С. 39-44; Положенцева Ю. С., Вертакова Ю. В., Скочко А. Ю. Государственное регулирование структурных изменений в промышленности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 3 (37). – С. 25-30; Рукинов М. В. Модернизация и экономическая безопасность // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 3 (117). – С. 45-49.

⁶³ Brandaõ Santana N., Rebelatto D. A. D. N., Périco A. E., Moralles H. F., Leal Filho W. Technological innovation for sustainable development: An analysis of different types of impacts for countries in the BRICS and G7 groups // International Journal of Sustainable Development and World Ecology. – 2015. – № 22 (5). – P. 425-436; Frishammar J., Söderholm P., Bäckström K., Hellsmark H., Ylinenpää H. The role of pilot and demonstration plants in technological development: synthesis and directions for future research // Technology Analysis and Strategic Management. – 2015. – № 27 (1). – P. 1-18; Gasparatos A., Gadda T. Environmental support, energy security and economic growth in Japan // Energy Policy. – 2009. – № 37 (10). – P. 4038-4048 и др.

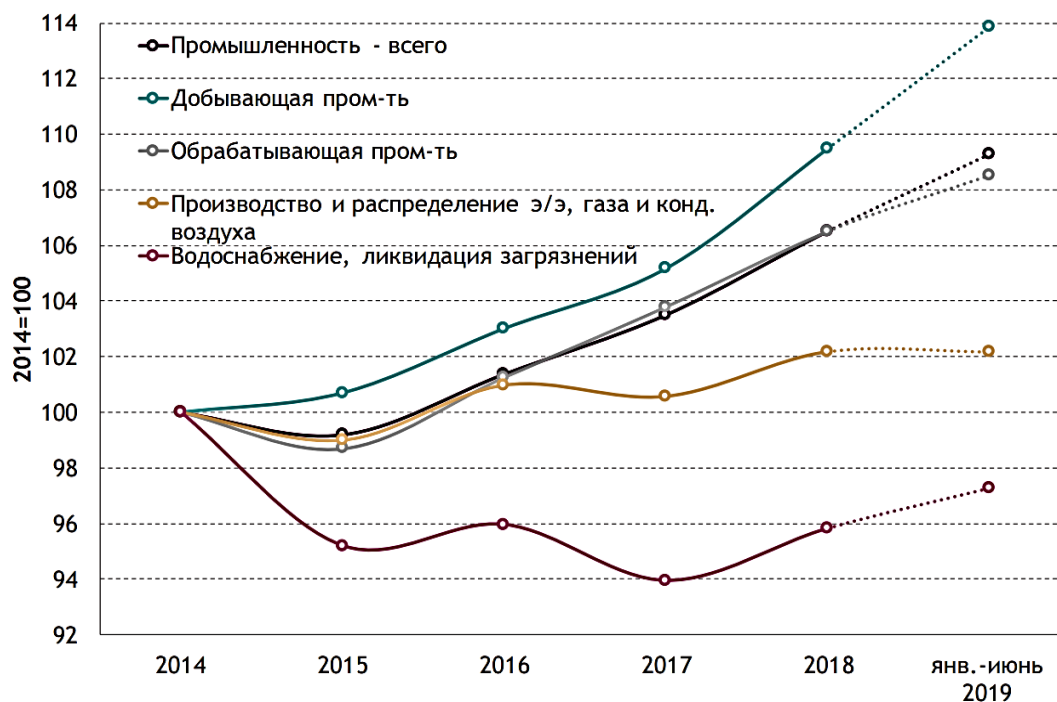
Источник: данные Росстата.

Рисунок 1.3.3 – Динамика индекса промышленного производства, %

В то же время, если вернуться к упомянутым выше современным концепциям неиндустриального роста, то приведенные на рисунке показатели могут быть интерпретированы как неугрожающие, т.к. резкого падения промышленного производства все же не наблюдалось, а изменения (даже негативные) были довольно плавными.

В этой связи, требуется отраслевой анализ индексов промышленного производства (рисунок 1.3.4). Если рассматривать индекс промышленного производства в разрезе отраслей, то выясняется, что он отличается дифференциацией. Так, например, в 2018 году объем выпуска добывающей отрасли превысил значение показателя 2014 года на 9,5%, при этом даже в кризисный для экономики России 2015 год значение показателя находилось в зоне положительных приростов. Накопленный рост выпуска обрабатывающего сектора за 2015-2018 гг. составил 6,5%.

В то же время, в 2018 году в сфере производства и распределения электроэнергии, газа и кондиционирования воздуха наблюдался рост промышленного выпуска относительно уровня 2014 года лишь на 2,2%. Сектор водоснабжения и ликвидации загрязнений стал единственным, выпуск которого сократился в 2018 году по отношению к 2014 году (на 4,2%). Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на в целом вялый рост, обрабатывающая промышленность показывала наиболее активную динамику.

Источник: данные Росстата.

Рисунок 1.3.4 – Отраслевые индексы промышленного производства в России

В то же время, даже по этой отрасли средний за последние 5 лет ежегодный прирост производства составлял лишь около 2.5%, что, по нашему мнению, явно недостаточно. Говоря о прогнозных значениях данного индекса, следует учесть, что по предварительным данным промышленное производство в 2019 года замедлило рост, а в 2020 году и вовсе ожидается отрицательная динамика роста промышленности из-за пандемии Covid-19, приведшей к существенным ограничениям экономической активности, в том числе в промышленности.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет утверждать, что наблюдаемая динамика промышленного производства в России создает риски экономической безопасности страны, которые тем более усиливаются в современный период геополитической и геоэкономической нестабильности (санкции, торговые войны, обострение военных конфликтов и др.). Следовательно,

в государственной экономической политике следует большее внимание уделять ее промышленной составляющей, что позволит, по мнению автора, не только решить ряд важных общеэкономических и социальных проблем развития России, но и надежно обеспечить НЭБ.

В рамках системы мониторинга показателей экономической безопасности Российской Федерации, поддерживаемой Росстатом (см.: https://gks.ru/free_doc/new_site/besopasn/pok-besopasn.htm), одним из такого рода показателей выступает сальдо торгового баланса⁶⁴. Этот показатель рассчитывается как разность между суммой экспорта из страны и импорта в страну. Положительное сальдо торгового баланса, таким образом, свидетельствует о том, что национальный экспорт превышает импорт. Отрицательное сальдо характеризует обратную ситуацию.

Рассмотрим торговый баланс Российской Федерации в последние годы (таблица 1.3.2). На рисунке 1.3.5 эти же данные представлены в наглядной форме – в виде диаграммы (импорт и экспорт – левая ось, сальдо торгового баланса – правая ось).

Таблица 1.3.2 – Торговый баланс России, млн долл. США

Год	Экспорт товаров	Импорт товаров	Сальдо торгового баланса
2002	102068	58418	43650
2003	129060	73214	55846
2004	177861	94244	83616
2005	240024	123839	116185
2006	297481	163187	134294
2007	346530	223084	123447
2008	466298	288673	177625
2009	297155	183924	113231
2010	392674	245680	146995
2011	515409	318555	196854
2012	527434	335771	191663

⁶⁴ Рукинов М. В. О взаимосвязи внешнеэкономической деятельности и национальной экономической безопасности // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2020. – № 1 (43). – С. 112-117.

2013	521835	341269	180566
2014	496806	307875	188931
2015	341419	193021	148398
2016	281709	191494	90215
2017	353102	238384	114719
2018	443130	248701	194429

Источник: данные ЦБ РФ, доступные на его интернет-сайте (см.: http://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/trade/trade.xls).

Как следует из приведенных данных, в течение всего рассматриваемого периода (с 2002 по 2018 гг.), сальдо торгового баланса РФ является существенно положительным, хотя в динамике рассматриваемого показателя и наблюдаются значительная нестабильность. Так, падение произошло в 2009 и 2016 годах. Если спад 2009 года можно объяснить кризисными явлениями в российской экономике, вызванными мировым финансовым кризисом, то снижение сальдо торгового баланса в 2016 году труднообъяснимо, т.к. никаких кардинальных изменений в российской экономике в этом году не было.

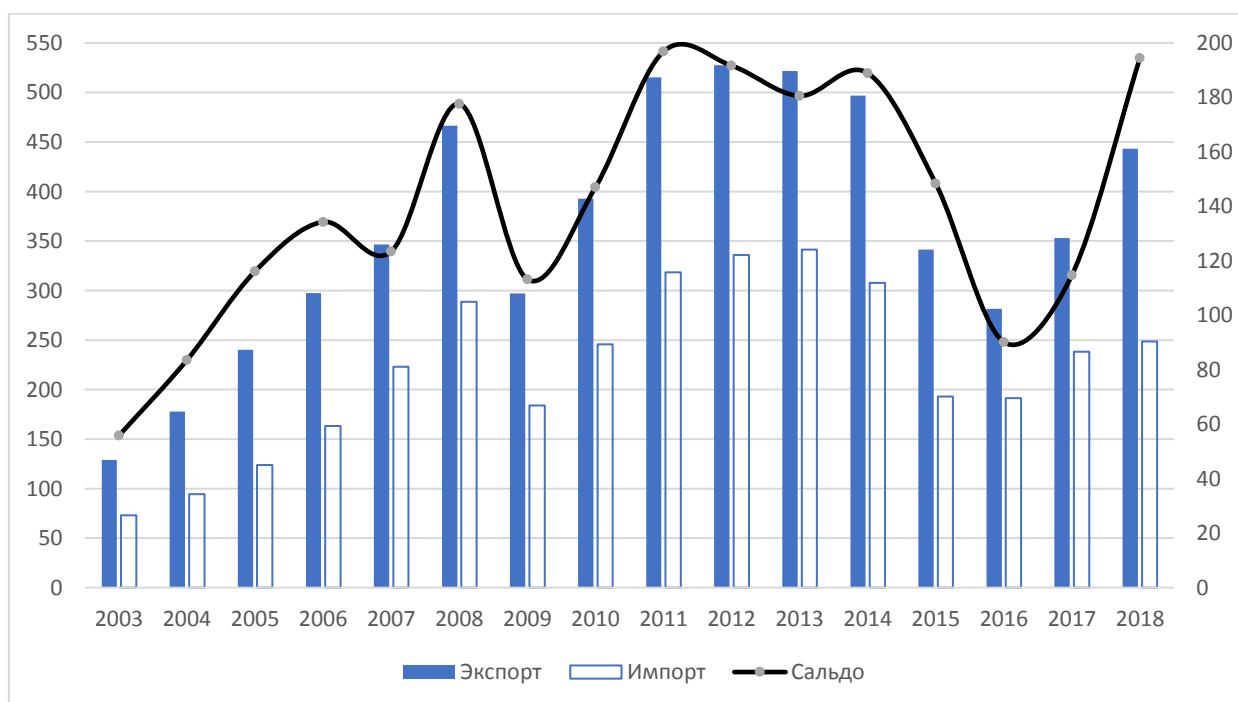

Рисунок 1.3.5 – Торговый баланс России, млрд долл. США (построено автором по данным таблицы 1.3.2).

Интерес, по нашему мнению, представляет также анализ относительной динамики внешнеторгового сальдо РФ. Поясним, как мы предлагаем рассчитывать этот показатель:

$$(\text{Сальдо торгового баланса}) / (\text{Экспорт} + \text{Импорт}) \times 100\%,$$

т.е., это доля сальдо торгового баланса страны от величины внешнеторгового оборота, выраженная в процентах. Мы провели соответствующие расчеты и представили динамику этого показателя в виде диаграммы на рисунке 1.3.6.

Как оказалось, этот показатель довольно стабилен, его изменение лежит в довольно узком диапазоне. При этом, периоды относительной его стабильности хорошо коррелируют с временными интервалами довольно стационарного поведения российской экономики в целом. В частности, рассматриваемый показатель отреагировал и на кризис 2007-2009 гг. (упреждающим образом, т. к. он связан с событиями в мировой экономике), и на введение анти-российских экономических санкций и ответных контрсанкций в 2014-2015 гг.

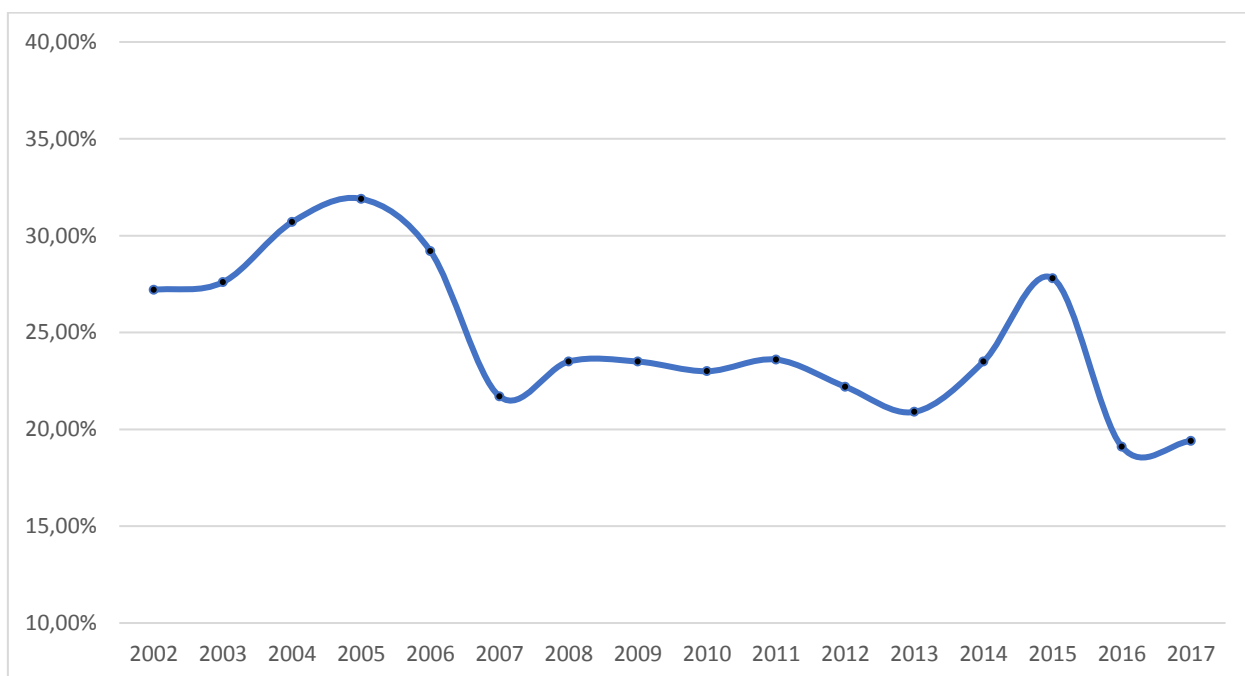

Рисунок 1.3.6 – Динамика относительного показателя торгового баланса России (рассчитано автором).

Каково же влияние рассматриваемых показателей внешнеэкономической деятельности на экономическую безопасность Российской Федерации? Однозначный ответ на этот вопрос, по нашему мнению, дать нельзя. Рассмотрим варианты ответа на него:

1) сбалансированная внешняя торговля, с нулевым сальдо. Эта ситуация на практике может считаться недостижимой, а если она и будет наблюдаться, то лишь как переходное состояние;

2) отрицательный торговый баланс говорит о том, что страна (в части потребления товаров) зависит от внешнего мира, а ее товары на мировом рынке недостаточно конкурентоспособны. Принято считать, что это негативно сказывается на национальной экономической безопасности, так как может привести к внешнеэкономической, а затем и к внешнеполитической зависимости страны, результатом чего может явиться ослабление национального суверенитета;

3) положительный торговый баланс (именно такая ситуация, как мы показали выше, с использованием статистических данных, наблюдается в России) свидетельствует о том, что страна является нетто-экспортером, она «кормит» окружающий мир, который зависит от ее товарных поставок. Такая ситуация, как правило, оценивается с позиций экономической безопасности положительно. С позиций кейнсианской теории, внешняя торговля положительно влияет на эффективный спрос, поддерживая устойчивое экономическое положение и стимулируя экономический рост.

Но, по нашему мнению, не все так однозначно. Очевидно, что систематический дисбаланс в платежах по внешнеторговым операциям должен приводить к изменению обменного курса национальной валюты. А если этого не происходит (например, в России динамика обменного курса рубля противоречит теоретическим данным: в условиях положительного сальдо торгового баланса страны рубль должен укрепляться, но в реальности этого не происходит), включаются другие механизмы поддержания баланса, а именно – отток капитала (см. табл. 1.3.3).

И действительно, в России стабильно проявляется тренд на поддержание высокого уровня оттока капитала. Это негативно сказывается на развитии экономики, которая лишается финансовых ресурсов, являющихся источником не только пополнения оборотного капитала предприятий, но и инвестиций. Отсутствие средств для инвестиций удорожает деньги за счет высокого процента, консервирует технологическую отсталость экономики, препятствует устойчивому экономическому росту и сбалансированному социально-экономическому развитию. Безусловно, это – угроза национальной экономической безопасности. На это же указывается и в Стратегии.

Но эта угроза тесно связана с якобы благоприятной ситуацией с сальдо торгового баланса страны, определяется высоким положительным количественным значением данного показателя. Т. е. получается, что стабильное превышение российского экспорта над импортом не такое уж и благо для обеспечения НЭБ. Продолжая применять «обыденную» (при этом образную) терминологию, использованную нами выше, можно сказать, что мы не только «кормим» окружающий мир, но и еще за свои труды «денег не берем», т. е. «работаем бесплатно». И это при том, что у России имеется масса проблем в экономике, требующих скорейшего разрешения.

Таблица 1.3.3 – Динамика ввоза/вывоза капитала в России, млрд долл. США

Год	Чистый ввоз (-) / вывоз (+) капитала частным сектором	в том числе – банками	в том числе – прочими секторами
2002	7,0	3,0	4,0
2003	0,3	-12,8	13,1
2004	8,6	0,7	7,9
2005	0,3	3,7	-3,4
2006	-43,7	-27,9	-15,8
2007	-87,8	-50,5	-37,3
2008	133,6	84,5	49,1

2009	57,5	32,4	25,1
2010	30,8	-22,8	53,6
2011	81,4	27,5	53,8
2012	53,9	-7,9	61,8
2013	60,3	17,3	43,0
2014	152,1	86,0	66,1
2015	57,1	34,2	22,9
2016	18,5	-1,1	19,7
2017	25,2	24,9	0,3

Источник: данные ЦБ РФ, доступные на его интернет-сайте (см.: https://cbr.ru/statistics/credit_statistics/bop/outflow.xlsx).

Корректность наших выводов подтверждает статистика многих развитых стран мира, например Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Эти страны продают на мировых рынках товаров меньше, чем покупают, при этом население имеет высокий уровень жизни, а дисбалансы закрываются импортом капитала, что способствует доступности кредита и приводит, опять же, к росту потребления и улучшению качества жизни.

Таким образом, по результатам проведенного исследования, результаты которого приведены выше по тексту данного параграфа диссертации, можно сделать следующие краткие выводы:

- оценивание НЭБ требует использования значительного числа показателей, что определяется сложным характером НЭБ как системы, обладающей множеством разнообразных свойств. В официальном обороте РФ для оценки НЭБ приняты к использованию 40 частных показателей, в различных авторских исследованиях число этих показателей еще больше. Это порождает сложности в получении интегральных оценок. Единого общепризнанного подхода

к такого рода многопараметрическому оцениванию уровня НЭБ пока не предложено. Эта задача весьма сложна и нетривиальна и требует самостоятельного отдельного изучения;

- в связи с этим, для оценки уровня НЭБ РФ на практике приходится использовать множество оценок по частным показателям, с последующей их экспертной, качественной интерпретацией. Проведенная выборочная оценка по некоторым показателям (физический объем ВВП, объем промышленного производства, инфляция, безработица и др.) указала на неоднозначность использования традиционных индикаторов экономической безопасности для описания имеющихся в этой сфере тенденций. По разным показателям наблюдаются разнонаправленные тенденции. При этом, вследствие проявления комплекса внешних и внутренних факторов, можно ожидать ослабления НЭБ РФ в среднесрочной перспективе, что требует корректировки проводимой экономической политики и некоторых институциональных преобразований.

Глава 2. Институциональное обеспечение функционирования и развития системы экономической безопасности страны

2.1 Теоретико-методические подходы к моделированию структуры национальной, экономической и других видов безопасности: институциональные аспекты

Национальная экономическая безопасность представляет собой многоуровневое понятие, охватывающее разные аспекты хозяйственной жизни страны в отраслевом, региональном, организационном и иных аспектах, и тесно связанное с другими видами национальной безопасности (НБ). То есть, институт НЭБ является частью института НБ, они соотносятся как частное и общее.

Однако в научной и прикладной литературе пока не было предложено единого подхода ни к составу НЭБ (т. е. к перечню тех подвидов безопасности, которые в комплексе формируют НЭБ), ни к структуре связей между этими подвидами, ни к системе взаимоотношений между НЭБ и другими элементами национальной безопасности (т. е. к месту НЭБ в системе национальной безопасности)⁶⁵. Это создает проблемы как с точки зрения теоретического моделирования НЭБ, так и с точки зрения разработки эффективной стратегии в области НЭБ. По этой причине мы считаем необходимым раскрыть эти аспекты и представить наш подход к моделированию НЭБ.

Начать наш анализ целесообразно с изучения отечественной нормативной базы в области НБ и НЭБ, поскольку именно она отражает видение руководства страны относительно состава национальной безопасности и нацио-

⁶⁵ Белозеров И. П., Клоков Е. А. Место и значимость экономической безопасности в структуре национальной безопасности России // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2009. – № 2. – С. 94-100; Косарев М. Н. Экономическая безопасность в системе национальной безопасности России // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 29-32; Кузнецова Е. И. Национальная экономическая безопасность как предмет экономической стратегии государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – Т. 4. – № 7. – С. 30-34; Титов А. Б., Михеенко О. В. Экономическая безопасность в системе национальной безопасности России // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 1. – С. 46-49.

нальной экономической безопасности, регламентирует их виды с учетом стратегических интересов Российской Федерации и устанавливает инструменты их достижения⁶⁶.

В соответствии со «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации» национальная безопасность нашей страны определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее - граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности»⁶⁷.

Перечень блоков безопасности, включенных в «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации» и соответствующих ключевым национальным стратегическим интересам, представлен в табл. 2.1.1, составленной автором на основе указанной Стратегии.

Представленная таблица позволяет выявить следующие общие содержательные проблемы, присущие «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» как основополагающему документу в области национальной безопасности нашей страны, задающему институциональные рамки ее обеспечения:

⁶⁶ Серебренников С. С., Моргунов Е. В., Мамаев С. М., Шерварли И. А. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2018. – № 41. – С. 20-28.

⁶⁷ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступно онлайн по адресу: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100001.0&rnd=0.9387890372287695#010361500021716741>. Проверено 02.12.2019.

Таблица 2.1.1 – Анализ структуры «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

Блок национальной безопасности	Сущность	Комментарии
Военная безопасность	«состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующее отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять»	В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» определение военной безопасности отсутствует, однако дается отсылка к «Военной доктрине Российской Федерации» ⁶⁸ (откуда и взято приведенное определение)
Государственная и общественная безопасность	«защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита насе-	Отсутствует разграничение государственной и общественной безопасности; дан перечень целей данных видов национальной безопасности (без их разграничение), однако определение отсутствует

⁶⁸ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976. Доступно онлайн по адресу: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=E3D29D677B03AC0630AEE55D6EF994E2&req=doc&base=LAW&n=172989&REFFIELD=134&REFDST=100076&REFDOC=191669&REFBASE=LAW&stat=refcode%3D16876%3Bindex%3D105#1rgzdwngyyr>. Проверено 02.12.2019.

Блок национальной безопасности	Сущность	Комментарии
	ния и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»	
Национальная безопасность в области качества жизни	«развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения прежде всего за счет роста его доходов»	Включает в себя в качестве одного из элементов продовольственную безопасность (п. 54 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»). Определения продовольственной безопасности нет; нет перечня остальных видов национальной безопасности (кроме продовольственной), которые могут относиться к этому блоку
Национальная безопасность в области экономического роста	«развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности и создание условий для развития личности, перехода экономики на новый уровень технологического развития, вхождения России в	Включает в себя в качестве одного из элементов экономическую безопасность (п. 55 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»).

Блок национальной безопасности	Сущность	Комментарии
	число стран - лидеров по объему валового внутреннего продукта и успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз»	Определения экономической безопасности нет; нет перечня остальных видов национальной безопасности (кроме экономической), которые могут относиться к этому блоку
Национальная безопасность в области науки, технологий и образований	«развитие системы научных, проектных и научно-технологических организаций, способной обеспечить модернизацию национальной экономики, реализацию конкурентных преимуществ Российской Федерации, оборону страны, государственную и общественную безопасность, а также формирование научно-технических заделов на перспективу; повышение социальной мобильности, качества общего, профессионального и высшего образования, его доступности для всех категорий	Дан перечень целей данного вида национальной безопасности, однако определение отсутствует; включает в себя в качестве одного из элементов технологическую безопасность (п. 69 «Стратегии национальной безопасности»). Определения технологической безопасности нет; нет перечня остальных видов национальной безопасности (кроме технологической), которые могут

Блок национальной безопасности	Сущность	Комментарии
	граждан, а также развитие фундаментальных научных исследований»	относиться к этому блоку
Здравоохранение	«увеличение продолжительности жизни, снижение уровня инвалидности и смертности населения, увеличение численности населения; повышение доступности и качества медицинской помощи; совершенствование вертикальной системы контроля качества, эффективности и безопасности лекарственных средств; соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий»	Дан перечень целей данного вида национальной безопасности, однако определение отсутствует
Национальная безопасность в области культуры	«сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности; сохранение и развитие общероссийской идентичности народов	Дан перечень целей данного вида национальной безопасности, однако определение отсутствует

Блок национальной безопасности	Сущность	Комментарии
	Российской Федерации, единого культурного пространства страны; повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве»	
Экологическая безопасность и рациональное природопользование	«сохранение и восстановление природных систем, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для жизни человека и устойчивого развития экономики; ликвидация экологического ущерба от хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата»	Дан перечень целей данного вида национальной безопасности, однако определение отсутствует
Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство	«создание стабильной и устойчивой системы международных отношений, опирающейся на международное право и основанной на принципах равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств, взаимовыгодного сотрудничества, политического урегулирования глобальных и	Дан перечень целей данного вида национальной безопасности, однако определение отсутствует

Блок национальной безопасности	Сущность	Комментарии
	региональных кризисных ситуаций»	

1. Структура разделов «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (т. е. законодательно выделяемых блоков национальной безопасности) ни по составу, ни по содержанию не соответствует перечню видов национальной безопасности, перечисленных в начале этого документа (где говорится о таких видах безопасности, как государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная, энергетическая безопасность, безопасность личности⁶⁹). Иными словами, блоки национальной безопасности, регламентируемые «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации» и соответствующие установленным ей национальным стратегическим интересам, не соответствует видам НБ, выделяемым в этом документе, а состав этих блоков (т. е. соответствие между разделами документа и разными видами НБ) нигде не описывается.

Методологически это некорректно, поскольку в начале документа вводятся виды национальной безопасности, но структура документа строится на основе не этих видов, а на основе неких блоков национальной безопасности, состав и структура которых с точки зрения связанных с ними видов НБ неясны. В частности, среди разделов «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отсутствует раздел, посвященный национальной экономической безопасности – вместо него есть раздел о национальной безопасности в области экономического роста, что, очевидно, не равнозначно НЭБ.

⁶⁹ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступно онлайн по адресу: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100001.0&rnd=0.9387890372287695#010361500021716741>. Проверено 02.12.2019.

Напротив, есть раздел, посвященный национальной безопасности в области культуры, однако напрямую он не соответствует ни одному из видов национальной безопасности, указанных в начале документа. Среди разделов нет ни одного, который бы напрямую соответствовал такому виду безопасности, как безопасность личности – этот вид безопасности, насколько можно судить, размыт между несколькими разделами (государственная и общественная безопасность, национальная безопасность в области качества жизни, здравоохранение). Из-за этого сложно определить, при помощи каких инструментов предполагается реализовывать различные виды национальной безопасности.

Отметим, что у структурирования «Стратегии национальной безопасности России» не по видам НБ, а по блокам (т. е. по стратегическим национальным интересам) есть своя логика, поскольку задача НБ – создавать условия для устойчивого достижения национальных интересов. Однако, тем не менее, несмотря на тесную связь между НБ и стратегическими национальными интересами, эти понятия не равнозначны. В результате из-за такого структурирования данный документ представляет собой не столько стратегию национальной безопасности, сколько стратегию реализации стратегических национальных интересов, тогда как собственно НБ осталась в нем на втором плане;

2. Перечень элементов НБ, рассмотренных в тексте «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», не соответствует структуре выделяемых в начале этого документа видов национальной безопасности. В частности, государственная и общественная безопасность рассматриваются совместно. Энергетическая безопасность, указанная в начале документа в качестве самостоятельного вида национальной безопасности, в тексте документа входит в состав национальной безопасности в области экономического роста (но при этом ничего не говорится о том, какие еще виды НБ относятся к этому блоку), т. е. может рассматриваться (с определенными оговорками) как компонент экономической безопасности. В составе национальной безопасности в области качества жизни выделяется продовольственная безопасность – однако

в начале документа этот вид национальной безопасности никак не упоминается. Это затрудняет выявление соотношений между разными видами национальной безопасности;

3. Перечень выделенных в начале документа видов национальной безопасности неполон. Помимо уже приведенного выше примера с продовольственной безопасностью, такая же ситуация с международной безопасностью, которая вскользь упоминается в тексте «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», однако в начале его не выделяется в качестве самостоятельного элемента НБ;

4. Практически для всех блоков и видов национальной безопасности, приведенных в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», определения отсутствуют – даны только цели, на которые направлен соответствующий вид НБ. Это затрудняет понимание сущности различных видов (и блоков) НБ. Только в одном случае (военная безопасность) дается отсылка к другому документу (Военной доктрине Российской Федерации), в котором приводится строгое определение данного вида НБ. Из-за этого «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» плохо справляется со своими функциями информационной основы системы НБ нашей страны. Логично было бы, чтобы для тех видов НБ, для которых уже существуют нормативные определения, давались бы отсылки к тем нормативно-правовым актам, в которых сформулированы эти определения (такова ситуация с продовольственной безопасностью, например, для которой имеется специальный документ – национальная Доктрина), а для тех видов НБ, которые не регламентируются собственной нормативно-правовой базой, «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» приводила бы такие определения;

5. В тексте «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» присутствуют терминологические противоречия и несоответствия. В частности, в п. 56 говорится о национальной безопасности в области экономики, а в п. 57 – о национальной экономической безопасности, но неясно, являются ли эти термины синонимами;

б. Не всегда ясна логика законодателя при отнесении того или иного вида НБ к разным блокам или же к другим видам НБ. Например, достаточно спорным представляется включение продовольственной безопасности в блок «Национальная безопасность в области качества жизни». Скорее это – элемент экономической безопасности.

Сказанное выше означает, что, несмотря на важность «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», как методологическая и информационная основа системы НБ России она обладает серьезными недостатками, и, в частности, не позволяет выяснить соотношение между разными видами НБ (отметим, что на низкий методологический уровень этого документа указывали и другие специалисты⁷⁰).

Итак, выявить место и роль НЭБ в системе НБ на основе «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» затруднительно. Экономическая безопасность входит в состав блока «Экономический рост», однако ее место в этом блоке, а также связь с другими блоками неясны. Определение национальной экономической безопасности отсутствует. Однако в п. 58 описывается, каким образом реализуется национальная экономическая безопасность: «Обеспечение экономической безопасности осуществляется путем развития промышленно-технологической базы и национальной инновационной системы, модернизации и развития приоритетных секторов национальной экономики, повышения инвестиционной привлекательности Российской Федерации, улучшения делового климата и создания благоприятной деловой среды»⁷¹.

⁷⁰ Серебренников С. С., Моргунов Е. В., Мамаев С. М., Шерварли И. А. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2018. – № 41. – С. 20-28.

⁷¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступно онлайн по адресу: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100001.0&rnd=0.9387890372287695#010361500021716741>. Проверено 02.12.2019.

Кроме того, в п. 60 дается описание энергетической безопасности, которая «включает в себя устойчивое обеспечение внутреннего спроса на энергоносители стандартного качества, рост энергоэффективности и энергосбережения, конкурентоспособности отечественных энергетических компаний и производителей энергоресурсов, предотвращение дефицита топливно-энергетических ресурсов, создание стратегических запасов топлива, резервных мощностей, производство комплектующего оборудования, стабильное функционирование систем энерго- и теплоснабжения»⁷².

Тем не менее, «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» в неявной форме содержит важное указание на то, что в обеспечении одного и того же блока безопасности (т. е. национального стратегического интереса) участвуют разные виды национальной безопасности. Это позволяет говорить о тесной взаимосвязи и взаимозависимости разных видов НБ. Еще одним важным выводом из анализа этого документа можно считать то, что в нем (также неявно) фактически выделяются как минимум три уровня национальной безопасности: национальная безопасность в целом (ее можно назвать интегральной национальной безопасностью), виды национальной безопасности (ключевые компоненты НБ, например, экономическая безопасность) и подвиды НБ (входят в состав видов НБ и обеспечивают их реализацию; примером может быть энергетическая безопасность как элемент экономической безопасности). То есть, НБ РФ имеет трехуровневую иерархическую структуру построения.

Определение НЭБ дается в «Стратегии национальной экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Это – «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее

⁷² Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступно онлайн по адресу: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100001.0&rnd=0.9387890372287695#010361500021716741>. Проверено 02.12.2019.

экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»⁷³. Однако связь НЭБ с другими видами НБ, ее место в системе НБ и структура НЭБ с точки зрения входящих в нее подвидов НБ не раскрываются.

Таким образом, нам необходимо установить перечень ключевых видов национальной безопасности и показать, как они связаны друг с другом. Без решения этой важной задачи невозможен дальнейший прогресс в исследовании.

Прежде чем перейти к решению этой задачи, рассмотрим взгляды ведущих специалистов на структуру НЭБ. В основополагающей отечественной работе по проблемам экономической безопасности под редакцией В. К. Сенчагова, ставшей классической, указывается, что в составе НЭБ можно выделить финансовую, энергетическую, военную (оборонную), оборонно-промышленную и продовольственную безопасность⁷⁴. В табл. 2.1.2 приведены определения этих видов безопасности по В. К. Сенчагову.

Таблица 2.1.2 – Элементы национальной экономической безопасности

Вид безопасности	Определение
Финансовая безопасность ⁷⁵	Состояние финансово-банковской системы, при котором государство может в определенных пределах гарантировать общеэкономические условия функционирования государственных учреждений власти и рыночных институтов
Оборонная безопасность ⁷⁶	Состояние структуры армии, ее готовность к отражению внешних угроз

⁷³ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Доступно онлайн по адресу: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921>. Проверено 17.10.2019.

⁷⁴ Экономическая безопасность России: Общий курс / Под ред. В. К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. – 896 с.

⁷⁵ Там же. – С. 73.

⁷⁶ Там же. – С. 74.

Оборонно-промышленная безопасность ⁷⁷	Состояние военно-промышленного комплекса, его способность к поддержанию военной (оборонной) безопасности при самом неблагоприятном развитии международной ситуации и угрозах понижения геополитического статуса России
Продовольственная безопасность ⁷⁸	Обеспечение устойчивого (преимущественно внутреннего) производства основных продуктов питания и их доступность населению с учетом медицинских норм, защита населения от недоброкачественного продовольствия, защита внутреннего рынка от избыточных, демпинговых поставок сельскохозяйственной продукции, создание резервов, страховых запасов и условий для выхода на внешний рынок национальных сельхозпроизводителей

Интересно подчеркнуть, что В. К. Сенчагов, выделяя энергетическую безопасность в качестве одного из ключевых элементов НЭБ, не дает определения энергетической безопасности (именно поэтому оно отсутствует в таблице). Он лишь указывает на важность энергетики для эффективного функционирования национальной экономики⁷⁹. При этом в качестве самостоятельного элемента НЭБ далее в этой работе выделяется транспортная безопасность⁸⁰ (определение которой, кстати, тоже отсутствует). Кроме того, в соответствии с подходом В. К. Сенчагова военная (оборонная) безопасность относится к НЭБ, а не является самостоятельным элементом национальной безопасности.

⁷⁷ Там же. – С. 74.

⁷⁸ Там же. – С. 284.

⁷⁹ Экономическая безопасность России: Общий курс / Под ред. В. К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. – С. 73-74.

⁸⁰ Экономическая безопасность России: Общий курс / Под ред. В. К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. – С. 252.

Напротив, другие исследователи предпочитают включать оборонную безопасность в состав национальной безопасности – наравне с НЭБ⁸¹ (т. е. выделяют ее в качестве равноправного вида НБ). Как было показано выше, равный НЭБ статус военная (оборонная) безопасность имеет и в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Интересно в этой связи сравнить мнение В. К. Сенчагов и его соавторов с действующей «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации» еще по одному пункту. В соответствии со «Стратегией», продовольственная безопасность относится к блоку «Повышение качества жизни населения», тогда как В. К. Сенчагов включает ее в состав НЭБ. Мы также солидарны с такой позицией.

Таким образом, в научных публикациях по проблеме НЭБ есть противоречия, которые препятствуют пониманию структуры НЭБ и ее места в системе НБ. Эти противоречия имеют институциональный характер, поэтому требуют для своего разрешения применения институциональных методов. Но при этом очевидно, что НЭБ связана с другими видами НБ. Это, в частности, подтверждается тем, что военная и продовольственная безопасность могут включаться в состав НЭБ или же выделяться из нее – либо в качестве самостоятельных видов НБ (военная безопасность), либо как подвиды безопасности, входящие в состав других видов НБ (как продовольственная безопасность). Объяснить возможность придания одному и тому же виду НБ разного статуса можно только одним образом: тем, что разные виды НБ тесно связаны друг с другом и влияют друг на друга. За счет этого, в частности, в НЭБ можно найти элементы других видов НБ (как это имеет место в случае с военной безопасностью; специалисты указывают на наличие в НЭБ неэкономической составляющей⁸²), и, напротив, в других видах НБ можно найти экономический компонент.

⁸¹ Илюткина Т. В. Сущностная и структурная характеристика понятия «экономическая безопасность» // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 8. – С. 10-15; Плотников В. А. Концептуальные основы экономического обеспечения военной безопасности государства: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – СПб., 2005. – 408 с.

⁸² Головки М. В., Плотников В. А. Неэкономические факторы экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 1. – С. 35-52.

Это означает, что строго определить место НЭБ в системе НБ страны невозможно из-за наличия этих взаимосвязей и взаимного влияния. И поэтому, вместо однозначного противопоставления НЭБ другим видам НБ необходимо, напротив, сосредоточиться на анализе их взаимного влияния. По этой причине следует, как сказано выше, выявить виды национальной безопасности (т. е. её самостоятельные элементы).

К числу таких видов НБ, по нашему мнению, относятся:

1. Национальная экономическая безопасность (НЭБ);
2. Национальная военная безопасность (НВО);
3. Национальная государственная безопасность – стабильность конституционного строя, сохранение национального суверенитета и территориальной целостности (НГБ);
4. Национальная общественная безопасность – обеспечение прав и свобод граждан, противодействие преступности, защита от природных и техногенных катастроф (НОБ);
5. Национальная экологическая безопасность (НЭкБ)⁸³;
6. Национальная безопасность личности – создание условий для самореализации каждого человека и социальных групп, защита его от деструктивных социальных процессов, повышение качества жизни, обеспечение здоровья граждан (НБЛ);
7. Национальная культурная безопасность (НКБ), предполагающая создание условий для сохранения и развития самобытной культуры России и всех населяющих ее народов, содействие в адаптации к этой культуре лиц, приезжающих в Россию для постоянного проживания, повышения статуса русского языка в мире, развитие образования как инструмента сохранения,

⁸³ Гостева С. Р. Экологическая безопасность Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2006. – № 13. – С. 66-77; Гусев А. А. Экономические и институциональные основы обеспечения экологической безопасности // Экономическая наука современной России. – 2019. – № 1. – С. 70-80; Тимофеев Г. А., Орлинская О. М. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 2. – С. 69-74.

развития и укрепления культуры, обеспечение условий для функционирования культуры нашей страны как инструмента мягкой силы;

8. Национальная научно-технологическая безопасность (ННТБ), которая формирует условия для обеспечения устойчивого научного и технологического развития России;

9. Национальная стратегическая безопасность (НСБ), направленная на выстраивание наиболее выгодных для России отношений с другими государствами и наднациональными (и вненациональными) образованиями.

Взаимосвязь между этими видами национальной безопасности можно представить в виде балансовой таблицы (см. табл. 2.1.3). Эта таблица, по существу, показывает, что каждый вид национальной безопасности, с одной стороны, опирается на все остальные виды НБ, а с другой стороны – сам способствует их достижению. То есть, между видами НБ существует система прямых и обратных связей. Например, безопасность личности, помимо прочего, опирается на культурную безопасность в связи с тем, что именно в рамках культуры формируется самосохранительное и здоровьесберегающее поведение индивидов⁸⁴.

Таблица 2.1.3 – Взаимосвязь видов национальной безопасности

	НЭБ	НВБ	НГБ	НОБ	НЭкБ	НБЛ	НКБ	ННТБ	НСБ
НЭБ		НВБ / НЭБ	НГБ / НЭБ	НОБ / НЭБ	НЭкБ / НЭБ	НБЛ / НЭБ	НКБ / НЭБ	ННТБ / НЭБ	НСБ / НЭБ
НВО	НЭБ / НВБ		НГБ / НВБ	НОБ / НВБ	НЭкБ / НВБ	НБЛ / НВБ	НКБ / НВБ	ННТБ / НВБ	НСБ / НВБ
НГБ	НЭБ / НГБ	НВБ / НГБ		НОБ / НГБ	НЭкБ / НГБ	НБЛ / НГБ	НКБ / НГБ	ННТБ / НГБ	НСБ / НГБ
НОБ	НЭБ / НОБ	НВБ / НОБ	НГБ / НОБ		НЭкБ / НОБ	НБЛ / НОБ	НКБ / НОБ	ННТБ / НОБ	НСБ / НОБ

⁸⁴ Дмитриева Ю. В. Самосохранительное поведение как условие сокращения смертности и увеличения продолжительности жизни // Народонаселение. – 2019. – Т. 22. – № 3. – С. 93-101.

НЭкБ	НЭБ / НЭкБ	НВБ / НЭкБ	НГБ / НЭкБ	НОБ / НЭкБ		НБЛ / НЭкБ	НКБ / НЭкБ	ННТБ / НЭкБ	НСБ / НЭкБ
НБЛ	НЭБ / НБЛ	НВБ / НБЛ	НГБ / НБЛ	НОБ / НБЛ	НЭкБ / НБЛ		НКБ / НБЛ	ННТБ / НБЛ	НСБ / НБЛ
НКБ	НЭБ / НКБ	НВБ / НКБ	НГБ / НКБ	НОБ / НКБ	НЭкБ / НКБ	НБЛ / НКБ		ННТБ / НКБ	НСБ / НКБ
ННТБ	НЭБ / ННТБ	НВБ / ННТБ	НГБ / ННТБ	НОБ / ННТБ	НЭкБ / ННТБ	НБЛ / ННТБ	НКБ / ННТБ		НСБ / ННТБ
НСБ	НЭБ / НСБ	НВБ / НСБ	НГБ / НСБ	НОБ / НСБ	НЭкБ / НСБ	НБЛ / НСБ	НКБ / НСБ	ННТБ / НСБ	

Раскрыть всю систему этого взаимного влияния не представляется возможным, по нашему мнению, данному вопросу может быть посвящено отдельное, самостоятельное исследование. Однако, мы попытаемся показать систему взаимосвязей НЭБ и других видов национальной безопасности (табл. 2.1.4). Под прямым влиянием мы понимаем влияние НЭБ на соответствующий вид НБ, а под обратным влиянием – влияние этого вида НБ на НЭБ. В табл. 2.1.3 прямое влияние представлено элементами, расположенными под главной диагональю матрицы, а обратное влияние – элементам, расположенными над главной диагональю.

Таблица 2.1.4 – Анализ взаимного влияния различных видов национальной безопасности

Вид НБ	Прямое влияние	Обратное влияние
НВБ	Создание производственной базы для военной организации государства; источник ресурсного обеспечения для военной организации государства	Силовая защита экономического потенциала страны; устойчивый спрос на продукцию и услуги (включая научно-исследователь-

Вид НБ	Прямое влияние	Обратное влияние
		ские и образовательные) в интересах военной организации государства
НГБ	Создание экономической базы для структур, противодействующих угрозам государственной безопасности; создание экономической базы для недопущения социальных потрясений (в т. ч. через систему перераспределения доходов)	Защита экономического потенциала страны; обеспечение доступа к внешним ресурсам закрытого характера (промышленный шпионаж); устойчивый спрос на продукцию и услуги (включая научно-исследовательские и образовательные) в интересах силовых структур и специальных служб государства
НОБ	Создание экономической базы для реализации прав и свобод граждан; создание экономической базы для обеспечения деятельности структур, противодействующих угрозам для общества	Создание условий максимального благоприятствования для добросовестных экономических агентов
НЭкБ	Создание экономической базы для проведения природоохранных мероприятий; разработка и промышленное освоение технологий, направленных на сбережение окружающей среды	Устойчивый спрос на продукты и услуги, связанные с защитой окружающей среды

Вид НБ	Прямое влияние	Обратное влияние
НБЛ	Создание экономической базы для повышения качества жизни и улучшения здравоохранения; создание качественных рабочих мест; повышение производительности труда в целях высвобождения времени человека; развитие положительных форм гибкой занятости ⁸⁵ в целях достижения оптимального баланса между работой и личной жизнью; расширение использования средств автоматизации для высвобождения человека от рутинного, изнурительного труда; развитие нишевых бизнесов, направленных на удовлетворение специфических потребностей отдельных категорий населения; создание экономической базы для обеспечения деятельности структур, противодействующих угрозам личности	Устойчивый спрос на товары и услуги, направленные на повышение качества жизни человека; запрос на инновационные технологические и организационные разработки, призванные повысить качество жизни человека

⁸⁵ Котляров И. Д. Нестандартные формы занятости: позитивные, негативные, нейтральные // Вопросы регулирования экономики. – 2015. – Т. 6. – № 4. – С. 28-36.

Вид НБ	Прямое влияние	Обратное влияние
НКБ	Создание устойчивого спроса на культурные и образовательные услуги в интересах национальной экономики; создание ресурсной базы для поддержки и продвижения культуры	Формирование и сохранение единой системы трудовой и деловой этики, обеспечивающей высокий уровень эффективности функционирования национальной экономики благодаря взаимному доверию и высокой культуре труда
ННТБ	Создание устойчивого спроса на инновационные фундаментальные и прикладные разработки; обеспечение благоприятной институциональной среды для внедрения инноваций	Обеспечение высокого инновационного и технологического уровня развития национальной экономики
НСБ	Создание экономической базы для выстраивания системы выгодных для России отношений с внешними акторами	Создание условий для использования внешней экономической базы в интересах народного хозяйства России

Что касается внутренней структуры НЭБ, то, по нашему мнению, к ней можно отнести следующие виды безопасности:

1. Финансовая безопасность – защищенность финансовой системы и системы денежного обращения государства от негативных воздействий, способность финансовой системы в полном объеме удовлетворять потребности национальной экономики в денежных ресурсах⁸⁶;

⁸⁶ Аганбегян А. Г., Ершов М. В. О связи денежно-кредитной и промышленной политики в деятельности банковской системы России // Деньги и кредит. – 2013. – № 6. – С. 3-11; Барикаев Е. Н. Финансовая безопасность. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 156 с; Воробьев Ю. Н., Воробьева Е. И., Мощева А. С. Финансовая безопасность

2. Производственная безопасность – способность национальной экономики полноценно выполнять свои функции по удовлетворению внутреннего и внешнего спроса⁸⁷ и обеспечивать высокие темпы экономического роста даже в ситуации угроз. Элементами производственной безопасности мы считаем продовольственную⁸⁸ и лекарственную⁸⁹ безопасность, поскольку в этом случае речь идет о производстве наиболее важных для жизнеобеспечения населения товаров (продовольствия и лекарственных препаратов);

3. Ресурсная безопасность – устойчивый доступ национальной экономики к природным ресурсам, необходимым для ее стабильного функционирования (как за счет стабильной системы внешнеторговых связей, так и благодаря развитию национальной сырьевой базы, а также на основе резервирования ресурсов⁹⁰);

4. Технологическая безопасность – наличие стабильного доступа к передовым технологиям, позволяющим обеспечить максимальную эффективность национальной экономики. В данном случае речь идет как о традицион-

государства // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2016. – № 2. – С. 14-17; Петров И. В., Ермоленко О. М. Проблемы и перспективы банковского сектора в обеспечении экономической безопасности страны // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – № 1-3. – С. 142-146; Ханин Г. И., Фомин Д. А. Инвестиционные, финансовые и институциональные предпосылки возрождения российской промышленности // Journal of Institutional Studies. – 2019. – Т. 11. – № 1. – С. 155-175.

⁸⁷ Федорова Е. А., Николаев А. Э., Широкова Ю. С., Федоров Ф. Ю. Экспортная и импортная деятельность российских компаний в условиях санкций // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. – 2019. – № 3. – С. 75-90.

⁸⁸ Голубятникова М. В., Бардулин Е. Н. Продовольственная безопасность как экономическая категория // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 4-1. – С. 154-160; Голубятникова М. В., Курбанов А. Х. Состояние и проблемы обеспечения продовольственной безопасности России в современных геополитических условиях // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2015. – № 1. – С. 6; Сулейманова М. В., Курбанов А. Х. Место продовольственной безопасности в системе национальной безопасности государства в современных социально-экономических условиях // В мире научных открытий. – 2015. – № 5. – С. 102-115.

⁸⁹ Мельников С. В., Плотников В. А. Специфика ценообразования на российском фармацевтическом рынке в контексте обеспечения лекарственной безопасности // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2. – С. 127-132; Плотников В. А., Сулейманова М. В. Анализ моделей обеспечения национальной продовольственной безопасности // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2019. – № 5. – С. 7-12; Фадеева Е. В. Доступность лекарственных препаратов в условиях медикаментозного эмбарго: по материалам исследований // Социологические исследования. – 2019. – № 4. – С. 77-85.

⁹⁰ Козин М. Н., Сафиханов М. А. Проблемы функционирования Росрезерва в условиях санкций // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2018. – № 6. – С. 8-14; Уланов В. Л., Ковалева А. И. О формировании стратегического резерва нефти в России в целях обеспечения экономической безопасности и макроэкономической стабильности // Управленческие науки. – 2017. – Т. 7. – № 2. – С. 6-14.

ных, так и об инновационных технологиях. Поэтому решение задач инновационного развития по своей сути относится к предметной области технологической безопасности⁹¹;

5. Инфраструктурная безопасность – защищенность национальной инфраструктуры от негативных воздействий⁹², инфраструктурная обеспеченность национальной экономики (включая устойчивую транспортную связность страны⁹³);

6. Демографическая безопасность – устойчивое воспроизводство населения и человеческого капитала, повышение качества последнего⁹⁴;

7. Стоимостная безопасность – способность национальной экономики устойчиво производить и перераспределять большой объем добавленной стоимости, достаточный для удовлетворения потребностей государственного бюджета и обеспечения высокого качества жизни населения. Это вид безопасности ранее не рассматривался в литературе, однако мы считаем необходимым его ввести. Задача национальной экономики – не только удовлетворять потребности населения, но и обеспечивать ему достойное качество жизни, чего можно добиться только в том случае, если в стране создается большой объем добавленной стоимости, который впоследствии распределяется между гражданами в виде трудовых доходов, доходов от капитала и социальных выплат.

⁹¹ Бабурина О. Н., Гуриева Л. К. Научно-технологический императив конкурентоспособности России в условиях концептуализации четвертой промышленной революции (Industrie 4.0) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 396-416; Котляров И. Д. Аутсорсинговая модель организации российской нефтегазовой отрасли: проблемы и пути решения // Вопросы экономики. – 2015. – № 9. – С. 45-64.

⁹² Журавлева Н. А. Концепция инфраструктурной безопасности // Terra Economicus. – 2009. – Т. 7. – № 4-2. – С. 133-134; Круглова И. А. Развитие энергетической инфраструктуры в аспекте стандартов «зеленой экономики» и обеспечения экономической безопасности // Ученые записки Международного банковского института. – 2018. – № 2. – С. 7-15; Кузнецова Е. И. Национальная экономическая безопасность как предмет экономической стратегии государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – Т. 4. – № 7. – С. 30-34; План катастроф // Газета.ru, 10.07.2006. Доступно онлайн по адресу: https://www.gazeta.ru/comments/2006/07/10_e_695620.shtml. Проверено 02.12.2019.

⁹³ Котляров И. Д. Геоэкономическое значение трансевразийского транспортного коридора // Записки Горного института. – 2009. – Т. 184. – С. 225-230; Котляров И. Д. Интеграция в рыбной отрасли как инструмент обеспечения ее развития // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2013. – № 1. – С. 48-56.

⁹⁴ Глушкова В. Г., Хорева О. Б. Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Вестник Финансового университета. – 2014. – № 3. – С. 14-25.

Аналогично, только большой объем добавленной стоимости позволит обеспечить полноценное финансирование государственных нужд за счет налоговых отчислений.

Таким образом, в рамках этого *нового, предлагаемого автором вида безопасности – стоимостной безопасности* – ставится задача максимизировать объем добавленной стоимости, создаваемой в стране (в т. ч. и за счет роста производительности труда), обеспечить устойчивость производства этой добавленной стоимости и создать механизм ее эффективного перераспределения (в частности, путем роста числа качественных рабочих мест с высокой оплатой труда). В данном случае следует обратить на одну важную особенность предлагаемого термина, что определяется многозначностью термина «стоимость» в экономической науке.

С одной стороны, понятие стоимости родственно понятию цены. С позиций классической политэкономии, в этом случае стоимость – это, по сути, меновая стоимость. А последняя, выраженная не в пропорциях обмена товара на товар, а в деньгах, и есть цена. В данном же случае речь идет не о стоимостной в смысле «ценовой» безопасности. Речь идет о другом аспекте стоимости, которую в марксизме отождествляют с потребительной стоимостью, а в маржинализме – с полезностью. То есть, в данном случае, говоря о «стоимостной безопасности», мы имеем в виду способность национальной экономики устойчиво генерировать возрастающий объем потребительной стоимости, которая имеет и денежное выражение в том числе.

Отметим, что стоимостная безопасность в нашей стране пока не достигнута. Точнее – уровень ее обеспечения недостаточный. Основным источником доходов в России является не добавленная стоимость, создаваемая в обрабатывающей промышленности, а природная рента, формируемая в добывающих отраслях. Объем последней существенно зависит от конъюнктуры мировых ресурсных рынков, что порождает высокий уровень зависимости экономики России от внешних факторов, ослабляет НЭБ страны.

Очевидно, что однозначно разграничить перечисленные выше элементы НЭБ невозможно – их соотношение также следует описывать балансовой таблицей, аналогичной табл. 2.1.3.

Мы можем прийти к следующим выводам на основании проведенного исследования, результаты которого изложены выше:

- национальная безопасность представляет собой комплекс частных видов безопасности, каждый из которых обеспечивает достижение какого-либо аспекта национальной безопасности. Однако разграничить эти частные виды безопасности затруднительно, поскольку они тесно связаны и влияют друг на друга. По этой причине целесообразно представлять национальную безопасность в виде балансовой таблицы, описывающей это взаимодействие и взаимное влияние частных видов национальной безопасности;

- место национальной экономической безопасности в системе НБ государства заключается в создании экономической основы для достижения НБ через обеспечение экономической базы для частных видов НБ. В свою очередь, частные виды НБ создают условия для достижения НЭБ страны;

- аналогичная ситуация имеет место и для НЭБ: в ее состав также входят различные частные подвиды безопасности, которые создают условия для достижения целей друг друга, и тем самым позволяют достичь НЭБ;

- по нашему мнению, наряду с уже описанными в научной и прикладной литературе подвидами безопасности следует выделить такой новый элемент НЭБ, как стоимостную безопасность – способность национальной экономики устойчиво производить и перераспределять достаточный для достойной жизни населения и полноценного финансирования государственных потребностей объем добавленной стоимости. При отсутствии этого элемента НЭБ национальная экономика не сможет обеспечивать высокий темп экономического развития и справедливое распределения между всеми гражданами положительного эффекта экономического роста;

- мы считаем целесообразным расширение методологической базы обеспечения НБ России. Для этого, по нашему мнению, необходимо помимо наращивания исследовательских усилий провести институционализацию их результатов, т. е. принять нормативно-правовые акты, которые бы давали определения и регламентировали цели и инструменты достижения ключевых видов и подвидов НБ (используя в т. ч. и опыт нормативного регулирования различных видов безопасности, накопленный в странах СНГ⁹⁵). В свою очередь, в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» следует разместить ссылки на эти нормативно-правовые акты. Аналогичные дополнения следует внести и в «Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

⁹⁵ Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» от 04.01.2002 № 80-3. Доступно онлайн по адресу: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1832. Проверено 02.12.2019.

2.2 Зарубежный опыт институционального конструирования в сфере защиты экономических интересов

Необходимость обеспечения национальной экономической безопасности хорошо осознается руководством и научным и экспертным сообществом большинства государств, особенно тех, которые претендуют на экономическое и политическое лидерство в мире, подобно России. НЭБ позволяет защитить национальные конкурентные преимущества и обеспечить наиболее эффективное их использование для достижения национальных интересов. По этой причине в мире накоплен большой практический опыт в сфере обеспечения НЭБ. Кроме того, есть множество теоретических разработок относительно институционального конструирования системы НЭБ⁹⁶. Изучение этого опыта важно для нашей страны, поскольку это позволило бы выявить успешные иностранные модели НЭБ и адаптировать их к потребностям России.

В данном разделе диссертационного исследования мы дадим краткий исторический обзор формирования концепции национальной экономической безопасности, выполним анализ международной теории и практики в области институционального конструирования НЭБ, систематизируем известные подходы и разработаем рекомендации по адаптации зарубежного опыта в интересах обеспечения НЭБ России.

⁹⁶ Афонцев С. А. Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2002. – № 10. – С. 30-39; Загарских В. В. Становление института экономической безопасности в России и за рубежом // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2019. – Т. 15. – № 8. – С. 1440-1456; Латов Ю. В. Российская теневая экономика в контексте национальной экономической безопасности // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. – 2007. – Т. 5. – № 1. – С. 16-27; Фомин А. М. Экономическая безопасность государства // *Международные процессы*. – 2010. – Т. 8. – № 3. – С. 118-133; Цейковец Н. В. Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии. – 2016. – № 1. – С. 129-159; Adams A. B. *National Economic Security*. Norman: University of Oklahoma Press, 1936. – 328 p. + XII p.; *Economic security: Neglected dimension of national security*. Ed. by Sheila R. Ronis. Washington, DC: National Defense University Press, 2011. – 130 p.; Losman D. *Economic Security. A National Security Folly?* // *Policy Analysis*. – 2001. – No. 409. – P. 1-12; Momot T., Avanesova N. Systematization of international experience of ensuring economic security of exacerbation of the threats and challenges of a new type for national and international security // *Baltic Journal of Economic Studies*. – 2016. – Vol. 2. – No 1. – P. 77-83; Navarro P. *Why Economic Security Is National Security* // *Real Clear Politics*, 09.12.2018. Available online at: https://www.realclearpolitics.com/articles/2018/12/09/why_economic_security_is_national_security_138875.html. Accessed on 12.11.2019; Neu C. R., Wolf Jr., C. *The Economic Dimensions of National Security*. Rand Corporation, 1994. – 108 p. Available online at: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR466.html. Accessed on 12.11.2019; Rickards J. G. *Economic Security and National Security: Interaction and Synthesis* // *Strategic Studies Quarterly*. – 2009. – Vol. 3. – No 3. – P. 8-49.

По мнению Ю. В. Латова⁹⁷, в зарубежной экономической мысли можно выделить три этапа эволюции подходов к пониманию сущности национальной экономической безопасности (поскольку предложенная Ю. В. Латовым классификация концепций НЭБ построена по историческому принципу, мы можем назвать ее исторической):

1. Камералистский этап, зарождение которого Ю. В. Латов относит к середине XIX века (что, как мы покажем ниже, не совсем верно), считая его основоположником выдающего немецкого экономиста Фридриха Листа. Отличительным признаком этого этапа является приоритет внешнеэкономических угроз. Сущность национальной экономической безопасности в рамках этого понимания заключается в недопущении подавления национальной экономики иностранными игроками и создании условий для формирования эффективного и конкурентоспособного на мировом рынке народного хозяйства, опирающегося на промышленность.

Цель НЭБ – обеспечение экономической независимости государства, т. е. недопущение иностранного контроля над экономикой и создание достаточной для обеспечения национальных интересов добавленной стоимости. Инструментом достижения этой цели является протекционистская внешнеторговая и промышленная политика. При этом в работах, относящихся к данному этапу, идея НЭБ в явном виде отсутствует – говорится лишь об угрозах экономическому благополучию и самостоятельности государства и инструментах их предотвращения.

Следует отметить, что впервые обращать внимание на важность защиты национальной экономики начали после формирования в Европе централизованных государств, когда возникла потребность в финансировании единого государственного аппарата и наемной (а не феодальной) армии. Эта потребность привела к разработке первых рекомендаций, направленных (в современных терминах) на обеспечение устойчивого экономического роста страны и

⁹⁷ Латов Ю. В. Российская теневая экономика в контексте национальной экономической безопасности // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 1. – С. 16-27.

стабильности ее финансовой системы, что в совокупности должно было гарантировать, с одной стороны, достаточный объем налоговых поступлений, а с другой – благосостояние населения. Инструментом достижения этой цели, по мнению испанского экономиста XVI в. Луиса Ортиса⁹⁸, должен был стать протекционизм, т. е. защита национальных производителей. Таким образом, зарождение представлений о методах обеспечения НЭБ, содержательно соответствующих камералистской концепции, следует относить не к середине XIX в. (как полагает Ю. В. Латов), а к середине XVI в.

Этот автор предлагал создавать налоговые стимулы для испанских ремесленников, ограничивать вывоз из Испании сырья (шерсти) и ввоз в Испанию готовой продукции, произведенной из него (сукна) – это, по мнению Ортиса, должно было создать стимулы для развития в Испании собственных ткацких производств, опирающихся на использование этого сырья (вместо импорта). В свою очередь, экспорт готовой продукции (а не сырья, как это имело место в действительности) должен был дать Испании надежный источник валютной выручки, достаточной для обеспечения ее потребностей. Легко убедиться в том, что Луис Ортис, если перевести его рекомендации на современный язык, говорил о необходимости выстраивания национальных импортозамещающих производств и максимизации производимой в стране добавленной стоимости.

Следует подчеркнуть, что, как отмечал Ортис⁹⁹, развитию ткацких производств в Испании в то время (XVI в.) препятствовала не нехватка сырья (которое было в избытке), а налоговый гнет и высокие цены на это сырье. Испанское правительство рассматривало налоги исключительно как фискальный инструмент для пополнения казны и устанавливало их размер, не считаясь с потребностями производителей. Что же касается высокой цены на сырье, то она

⁹⁸ Литаврина Э. Э. Мемориал испанского экономиста Луиса Ортиса и зарождение идей протекционизма в Испании XVI в. // Средние века. – 1961. – № 19. – С. 142-159.

⁹⁹ Литаврина Э. Э. Указ. соч.

обуславливалась наличием экспортного спроса на нее, из-за чего местные производители были вынуждены покупать это сырье по экспортным ценам, что делало локальное производство нерентабельным (тогда как испанский рынок оставался открытым для импорта, что наносило местным производителям дополнительный удар).

Таким образом, избыток сырья в Испании не конвертировался в конкурентное преимущество для национальной промышленности из-за выравнивания внутренних и внешних цен. В результате такого налогового давления в сочетании с избыточной открытостью экономики промышленность Испании приходила в упадок, а вместе с ней – и народное хозяйство страны, что привело к быстрой утрате этим государством своего политического могущества. Этот пример наглядно показывает, как неэффективная налоговая политика (ориентированная исключительно на фискальный результат) и непродуманный подход к открытию национального рынка для внешних контрагентов приводит к экономическому упадку.

Фактически именно Луис Ортис заложил концептуальные основы внешнеэкономической безопасности государства (хотя и в неявном виде): продуманный баланс закрытости (для поддержки национальных производителей и локализации создания добавленной стоимости) и открытости (для сбыта конечной продукции на внешних рынках и обеспечения притока валютной выручки в страну, а также, в отдельных случаях, для свободного доступа к иностранному сырью для национальной промышленности) в целях обеспечения устойчивого экономического роста. Именно поиск этого баланса фактически является базой для внешнеторговой составляющей национальных моделей экономической безопасности государства.

Как показывает история мировой экономики, государства, в которых слабо развита какая-либо важная отрасль народного хозяйства, обычно создают для защиты ее интересов протекционистские барьеры, тогда как для тех своих отраслей, которые отличаются высоким уровнем развития и конкурен-

тоспособности, эти же государства требуют от других стран свободного доступа на их рынки. Вероятно, первым историческим примером такой стратегии был английский «Навигационный акт», принятый в 1651 г., в соответствии с которым ввоз в Англию товаров и коммерческое каботажное судоходство вдоль ее побережья разрешались только английским судам¹⁰⁰. Это нанесло удар голландскому доминированию на море и позволило создать сильный английский торговый флот.

В XVIII-XIX вв., с ростом экономического могущества ведущих европейских государств, целью их экономической политики стала не защита национальной экономики, а обеспечение сбыта своей продукции на внешних рынках и гарантированный доступ к внешним ресурсам. Однако, что интересно, это не представляет в строгом смысле слова отказ от камералистской концепции НЭБ: произошло лишь смещение баланса от протекционизма к свободной торговле как более соответствующей экономическим интересам ведущих стран. При этом полного снятия тарифных барьеров в реальности не происходило.

В частности, в первой половине XIX в. в Великобритании (промышленном лидере того времени, массово экспортировавшем свои товары за рубеж) действовали «хлебные законы», направленные на поддержку производства зерна внутри страны. Таким образом, для камералистской концепции НЭБ характерен, как мы уже сказали выше, баланс между протекционизмом и свободной торговлей. Использование стратегии протекционизма или фритредерства в чистом виде представляет собой скорее исключение, чем правило, и обычно менее выгодно для национальной экономики, чем их сочетание. Это означает, что сводить камералистскую концепцию НЭБ исключительно к протекционизму некорректно.

¹⁰⁰ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 384 с.

В целом, концепция выстраивания эффективной экономики, основанной на тарифных барьерах для защиты национальных производителей, была разработана в XIX в. в трудах немецкого экономиста Фридриха Листа¹⁰¹, и, несколько ранее, российского государственного деятеля Н. С. Мордвинова¹⁰². Таким образом, применительно к XIX в. можно говорить не о зарождении меркантилистской концепции, а о возрождении представлений о необходимости выстраивать национальную промышленность при помощи протекционистских мер, причем приоритет в ее возвращении в экономическую науку принадлежит не только Фридриху Листу.

Интересно отметить, что к XIX в. относится представление о наплыве дешевых иностранных товаров, убивающих локальную промышленность, как об экономической агрессии. Это означает, что государства должны противодействовать попыткам трансформации себя в рынок сбыта для зарубежных производителей (поскольку при такой модели внешнеторговой деятельности вся добавленная стоимость присваивается за рубежом, а сама страна становится поставщиком природных ресурсов, доход от которых тратится на закупку иностранной промышленной продукции);

2. Кейнсианский этап, начало которого Ю. В. Латов¹⁰³ датирует 30-ми гг. XX века. Авторство соответствующей концепции принадлежит, согласно Ю. В. Латову, Дж. М. Кейнсу. Переход к нему был обусловлен «великой депрессией», возникшей в ведущих капиталистических странах не из-за внешних угроз, а по причине внутренних экономических проблем. Источниками угроз для НЭБ являются «провалы рынка» (нестабильность экономического роста, безработица, инфляция).

Цель НЭБ, в соответствии с этой концепцией, заключается в обеспечении экономической (прежде всего, макроэкономической) и социальной ста-

¹⁰¹ Лист Ф. Национальная система политической экономии. Челябинск: Социум, 2017. – 451 с.

¹⁰² Особое мнение адмирала Мордвинова. М.: Экономическая газета, 2008. – 688 с.

¹⁰³ Латов Ю. В. Российская теневая экономика в контексте национальной экономической безопасности // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 1. – С. 16-27.

бильности, предотвращении безработицы и достижении устойчивости денежного обращения. Инструментом НЭБ выступает государственное регулирование экономики (стимулирование производства, меры по поддержке занятости, мягкая денежная политика). Отметим, что Дж. М. Кейнс не занимался проблемами НЭБ – его интересовало то, каким образом можно обеспечить стабильность экономики и устойчивый экономический рост. Тем не менее, рекомендуемые им меры позволяют добиться в том числе и безопасности национальной экономики (за счет ее устойчивости). Поэтому можно говорить, что изначально и в рамках этого подхода концепция НЭБ формулировалась в неявном виде.

Однако в тот же период идея экономической безопасности была впервые сформулирована в явном виде. Это произошло в 1934 г. в США, однако изначально она была предложена не для уровня государства, а для уровня отдельного гражданина¹⁰⁴. Речь шла о необходимости обеспечить экономическую безопасность (т. е. устойчивость по отношению к экономическим и иным угрозам, таким, как безработица и старость) граждан и домохозяйств. Экономическая стабильность национальной экономики в рамках такого подхода воспринималась как производная от экономической безопасности граждан.

Лишь позднее, уже после Второй Мировой войны, в ходе противостояния США и СССР, представление изменилось, и основное внимание в американских источниках стало уделяться обеспечению безопасности национальной экономики, которая должна была служить основой для экономической безопасности населения;

¹⁰⁴ Цейковец Н. В. Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии. – 2016. – № 1. – С. 129-159; Adams A. B. National Economic Security. Norman: University of Oklahoma Press, 1936. – 328 p. + XII p.; Johnson K. D. Economic Security for Americans // Social Work Journal. – 1954. – Vol. 35. – No 1. – P. 7-10.

3. Институциональный этап, начало которому, по мнению Ю. В. Латова¹⁰⁵, было положено публикацией книги «Иной путь» перуанского экономиста Эрнандо де Сото¹⁰⁶ в 1989 г. Принципиальное отличие высказанных в этой книге идей от рассмотренных ранее концепций заключается в том, что основной угрозой для НЭБ в рамках данного подхода считаются неэффективные институты, или, иначе, высокие административные барьеры: «плохие» законы и/или плохое выполнение «хороших» законов, которые выталкивают экономических агентов в неформальный, теневой сектор, что препятствует деятельности добросовестных участников хозяйственной деятельности и тем самым подрывает национальную экономическую безопасность. Речь идет о чрезмерно жестком регулировании хозяйственной деятельности, которое ограничивает предпринимательскую (и в особенности инновационную) активность, формирует рентоориентированное (т. е. коррупционное) поведение представителей регулирующих органов и т. д.

Цель НЭБ в этом случае – создание институциональной основы для эффективного функционирования национальной экономики (обеспечение гарантии прав собственности, верховенство закона, прозрачность сделок и т. д.). Инструментом достижения этой цели является минимизация административных барьеров: снижение и упрощение обязательных налогов и платежей (не секрет, что предприниматели нередко выталкиваются в серый сектор экономики не только из-за высоких налогов, но и из-за сложности их администрирования), уменьшение административного давления на бизнес, борьба с бюрократизмом и коррупцией. Что же касается теневой экономики, то следует не подавлять ее силовыми инструментами, а ликвидировать причины, которые приводят к ее появлению.

В рамках этой концепции основная угроза для НЭБ связана именно с плохими институтами, однако явным воплощением реализации этой угрозы

¹⁰⁵ Латов Ю. В. Российская теневая экономика в контексте национальной экономической безопасности // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 1. – С. 16-27.

¹⁰⁶ Сото Э. де. Иной путь: Экономический ответ терроризму. Челябинск: Социум, 2007. – 408 с.

служит разросшийся теневой сектор экономики¹⁰⁷, который уклоняется от выплат налогов (и тем самым лишает государственный бюджет ресурсов), способствует росту имущественного неравенства (из-за коррупционных платежей), лишает экономических агентов защиты закона в случае возникновения конфликтов между ними (из-за неформального и серого характера их отношений; фактически, обратившись в суд за защитой, участник таких отношений сам может стать объектом преследования со стороны закона), ослабляет социальные гарантии (отсутствие пенсий, отпусков и т. д.). В конечном счете это подрывает экономическую безопасность как отдельных граждан, так и предприятий и национальной экономики в целом.

Как указывает Ю. В. Латов, эти концепции не являются взаимоисключающими – они дополняют друг друга¹⁰⁸ и позволяют, с одной стороны, лучше понять природу угроз НЭБ и сущность НЭБ как социально-экономического явления, а с другой стороны – расширят спектр инструментов, при помощи которых можно обеспечивать НЭБ страны. Эффективная политика в области НЭБ должна представлять собой сочетание инструментов, рекомендуемых каждой из этих концепций.

Их взаимосвязь можно проиллюстрировать при помощи примера Испании XVI в., ситуацию в которой исследовал Луис Ортис (этот пример был рассмотрен выше). Проблемами, тормозящими развитие испанской экономики, этот автор считал не только непродуманную внешнеторговую политику (в полном соответствии с камералистской концепцией, к которой он принадле-

¹⁰⁷ Головкин М. В., Плотников В. А. Неэкономические факторы экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 1. – С. 35-52; Ермакова Э. Р. Теневая экономика как деструктивный фактор в обеспечении финансовой безопасности государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 8. – С. 1574-1588; Кислошаев П. А. Экономическая безопасность и ее обеспечение в условиях противодействия теневой экономике. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2012.

¹⁰⁸ Латов Ю. В. Российская теневая экономика в контексте национальной экономической безопасности // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 1. – С. 16-27.

жал и фактическим основателем которой был), но и неэффективную налоговую систему Испании, которая подавляла хозяйственную активность (что соответствует взглядам институциональной концепции НЭБ).

Подчеркнем, что эти этапы не следует рассматривать как последовательную смену представлений о природе НЭБ. Скорее речь идет о хронологической последовательности возникновения различных доминирующих взглядов на сущность НЭБ, при этом все три концепции в настоящее время представлены как в научной литературе, так и в практической деятельности по обеспечению НЭБ разных стран.

Важно отметить, что в российских исследованиях преобладает либо камералистский (в его протекционистском варианте), либо кейнсианский подход. Институциональный подход в отечественных публикациях практически не представлен¹⁰⁹. Отчасти это можно объяснить тем, что он не типичен для российской экономической мысли. Традиционно в нашей стране государство выступает (и воспринимается обществом) как регулятор хозяйственной жизни, берущий на себя ответственность за качество ее организации. В силу этого государство активно выполняет регуляторные функции – теоретически в целях минимизации неопределенности для хозяйствующих субъектов и повышения прозрачности экономической активности. Однако на практике это воплощается в усилении административных барьеров. Эта модель функционирования государства как регулятора ведет к тому, что институциональная модель НЭБ не пользуется популярностью ни у представителей власти, ни у исследовательского сообщества.

Отталкиваясь от того, что является основой НЭБ в зарубежных концепциях экономической безопасности государства, Н. В. Цейковец выделяет две парадигмы ее обеспечения¹¹⁰:

¹⁰⁹ Головкин М. В., Плотников В. А. Неэкономические факторы экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 1. – С. 35-52.

¹¹⁰ Цейковец Н. В. Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии. – 2016. – № 1. – С. 129-159.

1. *Хомоцентричную* парадигму, опирающуюся на представление о том, что базой НЭБ является защищенность от экономических угроз каждого конкретного гражданина. Таким образом, обеспечивая экономическую безопасность населения, государство гарантирует безопасность национальной экономики. Именно такова была парадигма НЭБ в США в момент возникновения этой концепции в 1934 г.¹¹¹;

2. *Цивитацентричную* парадигму, в которой первична НЭБ государства, а защищенность граждан от экономических угроз достигается благодаря стабильности национальной экономики, большому объему добавленной стоимости и высоким темпам экономического роста. Такой подход к НЭБ в настоящее время является доминирующим в мировой практике.

Как указывает Н. В. Цейковец¹¹², выделение этих парадигм обуславливается наличием противопоставления частных (индивидуальных) и общественных (государственных) интересов. Однако это противопоставление в рамках каждой парадигмы представляет собой не распределение приоритетов, а причинно-следственную связь – какие инструменты необходимо использовать, чтобы обеспечить как экономическую безопасность национальной экономики, так и экономическую безопасность отдельного гражданина.

Идентифицированные Н. В. Цейковцом парадигмы НЭБ (назовем предложенный им классификационный подход субъектоцентричным) представляют несомненный научный интерес. Однако, к сожалению, они не были разработаны автором в достаточной степени. В частности, не описано, каковы наиболее типичные цели и инструменты их достижения каждой из парадигм, каковы их преимущества и недостатки, каков исторический опыт их использования и т. д.

¹¹¹ Adams A. B. National Economic Security. Norman: University of Oklahoma Press, 1936. – 328 p. + XII p.; Johnson K. D. Economic Security for Americans // Social Work Journal. – 1954. – Vol. 35. – No 1. – P. 7-10.

¹¹² Цейковец Н. В. Указ. соч.

Мы также считаем, что достаточно сложно говорить о том, что является первопричиной НЭБ – экономическая безопасность государства или экономическая безопасность личности. Скорее, справедливо говорить о самоподдерживающемся процессе с положительной обратной связью: рост экономической безопасности государства ведет к росту экономической безопасности гражданина (и наоборот). Самое важное при разработке стратегии НЭБ при таком подходе – определить, на каком аспекте НЭБ (государстве или отдельном человеке) государству необходимо сосредоточить свои первоначальные усилия. Разумеется, это справедливо только в случае эффективной модели НЭБ, когда экономическая безопасность страны не строится за счет населения, а население не повышает свою экономическую безопасность, присваивая государственные ресурсы.

Кроме того, мы полагаем, что хомоцентричной и цивицентричной парадигмами многообразие моделей НЭБ, с точки зрения того, кто именно является ключевым субъектом НЭБ, не исчерпывается. В частности, НЭБ может быть ориентирована на первоочередное обеспечение интересов национальной элиты, которая, в свою очередь, в дальнейшем создает условия для экономической безопасности государства (как источника ресурсов для присвоения) и экономической безопасности общества и отдельной личности (поскольку социальная стабильность служит гарантией долгосрочной возможности присвоения элитой ресурсов). Иными словами, между обществом в целом (которое представлено государством и которое выступает основой НЭБ в цивицентричной парадигме) и отдельной личностью (ключевым элементом хомоцентричной парадигмы) находятся различные социальные группы и слои, которые могут быть достаточно влиятельными для того, чтобы переориентировать НЭБ на обслуживание своих интересов. Таковую парадигму НЭБ мы можем назвать *элитоцентричной*.

Примерами ее на постсоветском пространстве могут быть Россия 1995-2000 гг., когда государство функционировало фактически в интересах олигар-

хических группировок, а также Украина на всем протяжении своей независимости. Отметим, что элитоцентричная парадигма, разумеется, в явном виде в основополагающих документах НЭБ ни одного государства не присутствует. Тем не менее, на практике она реализуется достаточно часто (особенно в слабо развитых сырьевых государствах – таких, как Экваториальная Гвинея).

Помимо этого, Н. В. Цейковец выделяет следующие научные школы (и, соответственно, институциональные модели конструирования) НЭБ¹¹³ (отметим, что Н. В. Цейковец практически не конкретизирует угрозы и инструменты достижения НЭБ, типичные для каждой школы; *приведенный ниже анализ выполнен нами*):

1. Англосаксонская школа, которая характеризуется строгим разделением экономической безопасности на финансовую обеспеченность отдельного гражданина и экономические аспекты национальной безопасности. Основой НЭБ эта школа считает внешнеторговое экономическое лидерство, опирающееся на безусловное технологическое доминирование. Н. В. Цейковец не конкретизирует те инструменты, при помощи которых достигается это лидерство, однако наш анализ показывает, что ими являются свободный доступ к мировым рынкам сбыта и свободный доступ к сырьевым ресурсам, а также регулирование правил международной торговли (эти правила ориентируются на закрепление технологического лидерства развитых государств и на превращение других стран в рынки сбыта и источники дешевых ресурсов). Ресурсной базой НЭБ выступает технологическая квази-рента.

В англосаксонской модели НЭБ, по нашему мнению, в качестве ее самостоятельного варианта выступает американская стратегия НЭБ, которая дополнительно опирается на долларовую финансовую систему как на инструмент экономического глобального доминирования. Основными угрозами НЭБ в рамках англосаксонской школы можно считать посягательство на техноло-

¹¹³ Цейковец Н. В. Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии. – 2016. – № 1. – С. 129-159.

гическое лидерство (промышленный шпионаж, несанкционированное использование интеллектуальной собственности, копирование, принуждение к передаче технологий, активная национальная инновационная политика за пределами глобальной экономики и т. д.) и ограничения на доступ к ресурсам.

Характерным примером первого типа угроз является Китай, который самостоятельно развивает инновационную экономику, претендуя на технологическое лидерство в новом мировом хозяйственном укладе (именно на пресечение этих претензий направлены антикитайские ограничительные меры администрации Дональда Трампа). Второй тип угроз был реализован нефтяным эмбарго со стороны ОПЕК в 1973 г. Это эмбарго оказалось исключительно болезненным для США как с экономической, так и с психологической точки зрения, и поэтому значимое место в их модели НЭБ занимает энергетическая безопасность¹¹⁴.

По мнению Н. В. Цейковца, англосаксонскую школу трудно отнести к хомоцентричной или цивилизационной парадигме. В разные периоды предпочтения государства и исследовательского сообщества колебались в пользу одной из этих парадигм;

2. Азиатская школа, которая разрабатывается исследователями из ведущих стран Азии (Китай, Япония). Для этой школы характерно понимание НЭБ как экономического суверенитета (приоритетная задача НЭБ Китая) и стабильности поставок ключевых ресурсов (эти страны зависят от внешнего снабжения продовольствием и энергоресурсами). В отличие от англосаксонской модели, приоритет отдается не экономическому доминированию, а защите от внешнего экономического доминирования.

Соответственно, угрозами НЭБ являются риск гегемонии над национальной экономикой со стороны транснациональных корпораций (в т. ч. через

¹¹⁴ Economic security: Neglected dimension of national security. Ed. by Sheila R. Ronis. Washington, DC: National Defense University Press, 2011. – 130 p.; Losman D. Economic Security. A National Security Folly? // Policy Analysis. – 2001. – No. 409. – P. 1-12.

подавление национальных компаний) и ограничение поставок ресурсов¹¹⁵. Инструментами достижения НЭБ являются гарантирование поставок ресурсов через диверсификацию поставщиков и выстраивание логистических систем снабжения, а также жесткий контроль над выходом иностранных компаний на национальные рынки.

Как и в случае англосаксонской модели (в которой есть американская подмодель), в азиатской школе НЭБ, по нашему мнению, можно выделить специфический китайский вариант, ориентированный на обеспечение национального экономического суверенитета путем ограничения доступа глобальных лидеров на внутренний рынок и выращивания локальных компаний в тех отраслях, в которых работают эти лидеры (с последующим выведением этих компаний на экспортные рынки). Фактически речь идет о национальном китайском варианте камералистской протекционистской модели. Огромный объем китайского рынка делает решение этой задачи возможным. Достаточно вспомнить про глобальное китайское ограничение доступа к Интернету, сделавшее возможным появление таких компаний и проектов, как Alibaba, WeChat и т. д. (благодаря недопущению на китайский рынок глобальных конкурентов).

Еще одним инструментом недопущения внешнего контроля над национальной экономикой является принуждение иностранных компаний к созданию совместных производств и к передаче технологий. Для Китая этот шаг представляет собой самозащиту от технологического доминирования со стороны развитых стран и возможность поставить себя в равные условия с ведущими государствами, однако сами развитые страны воспринимают такую стратегию с одной стороны, как посягательство на собственное технологическое лидерство, т. е. как угрозу собственной экономической безопасности, а с другой стороны – как недобросовестное поведение (попытка присвоения ин-

¹¹⁵ Цейковец Н. В. Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии. – 2016. – № 1. – С. 129-159.

теллектуальной собственности без инвестиций в ее разработку и без адекватной, с точки зрения правообладателей, оплаты). Очевидно, что это вызывает сопротивление развитых государств.

Экономическое развитие Китая, его претензии на глобальное технологическое лидерство в новом мирохозяйственном укладе могут вести к дальнейшей эволюции китайского варианта азиатской школы НЭБ и к постепенному переходу от защиты от внешнего доминирования к собственному экономическому доминированию, что сблизит его с англосаксонской школой НЭБ. Однако пока явно такая трансформация НЭБ китайскими исследователями не декларируется. Отсутствие таких деклараций в условиях непрерывно растущей экономической мощи Китая может объясняться двумя причинами. Первая из них заключается в нежелании Китая провоцировать излишнюю настороженность по отношению к себе (особенно опасную в ситуации торговой войны с США), и, как следствие, наталкиваться на меры противодействия своим национальным экономическим интересам. Вторая может состоять в том, что Китай не хочет брать на себя издержки глобального лидерства.

В этом отношении показателен пример Японии. В результате быстрого экономического роста в период 1940-1980-х гг. Япония стала одним из технологических лидеров капиталистического мира и мощной экспортоориентированной экономикой. Однако, получая доход от развитого экспорта и обеспечивая тем самым экономический рост страны и благосостояния населения, Япония никогда не высказывала претензий на экономическое и технологическое лидерство – ее целью было лишь обеспечить высокий уровень развития экономики и качества жизни граждан (не исключено, что такова цель и Китая – по крайней мере, именно таковы заявления отдельных китайских специалистов). Тем не менее, ее экономический рост был остановлен в результате соглашений Plaza, поскольку США увидели в Японии (в частности, в ее экспортной политике) угрозу своей НЭБ.

Японский опыт может побуждать китайских политиков и исследователей воздерживаться от деклараций, связанных с претензиями на лидерство.

Кроме того, ситуация Японии позволяет сделать еще один вывод об особенностях американской модели достижения НЭБ: пресекать нужно не претензии на технологическое и экономическое лидерство, а попытки создания потенциала достижения такого лидерства (даже если сама страна на такое лидерство не претендует). В случае Японии подавлены были не претензии на лидерство, а потенциал их выдвижения. Не исключено, что в ситуации с Китаем модель поведения США аналогична.

Как указывает Н. В. Цейковец¹¹⁶, азиатская школа отличается цивицентричностью – вплоть до полного отрицания (в китайском варианте) способности отдельного человека понимать, в чем заключается его собственное благо и благо государства;

3. Российская школа, возникшая на основе осмысления отечественными исследователями тех экономических проблем, с которыми столкнулась Россия (и иные постсоветские государства) в ходе распада плановой экономики и перехода к рыночной системе. Эта школа отличается наибольшим разнообразием подходов к пониманию сущности НЭБ, ключевых угроз и инструментов их устранения. Её важным достоинством является то, что она, во-первых, включает в рассмотрение как внешние, так и внутренние угрозы (в англосаксонской и азиатской школах приоритет отдается внешним угрозам), и, во-вторых, уделяет большое внимание разработке методик количественной оценки уровня НЭБ, что делает возможным измерение НЭБ, принятие мер по ее повышению и оценку эффективности проводимых мероприятий¹¹⁷.

По нашему мнению, называть эту школу российской не совсем корректно. Хотя именно российские ученые разработали ключевые подходы в рамках данной школы и предложили методики количественной оценки НЭБ, тем не менее, интересные результаты получены и специалистами из других государств СНГ (авторы из балтийских государств примкнули к англосаксонской школе НЭБ). Например, белорусские исследователи в качестве угрозы

¹¹⁶ Цейковец Н. В. Указ. соч.

¹¹⁷ Там же.

НЭБ выделяют социальное паразитирование – стремление к присвоению общественных или частных ресурсов¹¹⁸ (что отчасти пересекается со слабо представленной в российских публикациях институциональной концепцией НЭБ). Кроме того, белорусским авторам принадлежит интересное понимание НЭБ как комбинации экономической независимости, экономической устойчивости и инновационного потенциала¹¹⁹. Украинские авторы указывают на то, что основой НЭБ является уровень развития производительных сил и состояние социально-экономических отношений¹²⁰, что представляет собой нетипичную для российских работ попытку включения состояния институтов в анализ проблематики НЭБ.

Выводы работ, относящихся к этой школе, применимы для большинства стран постсоветского пространства ввиду сходства тех проблем, с которыми они столкнулись в ходе транзита к рыночному хозяйству (независимо от того, получены ли эти выводы российскими учеными или авторами из других стран СНГ). По этой причине мы полагаем, что более точно будет описывать эту школу НЭБ как постсоветскую.

Н. В. Цейковец не относит российскую (постсоветскую) школу НЭБ ни к одной из выявленных им парадигм (хomoцентричной или цивитацентричной). В силу разнородности взглядов, представленных в этой школе, определить, к какой парадигме она относится, затруднительно – можно утверждать, что используются обе парадигмы.

Построенная Н. В. Цейковцом географическая классификация моделей институционального конструирования НЭБ, по нашему мнению, обладает важными недостатками. Первый из них заключается в очевидной неполноте этой схемы. Выделение только трех школ, по нашему мнению, чрезмерно

¹¹⁸ Экономическая безопасность: теория, методология, практика / под научн. ред. Никитенко П. Г., Булавко В. Г. Минск: Право и экономика, 2009. – 394 с.

¹¹⁹ Касперович С. А. Экономическая безопасность Республики Беларусь и ее роль в обеспечении общественного благосостояния // Труды БГТУ. – 2012. – № 7. – С. 190-193.

¹²⁰ Momot T., Avanesova N. Systematization of international experience of ensuring economic security of exacerbation of the threats and challenges of a new type for national and international security // Baltic Journal of Economic Studies. – 2016. – Vol. 2. – No 1. – P. 77-83.

упрощает картину. Как было показано нами выше, англосаксонская и азиатская школа внутренне неоднородны, и в их состав входят специфические модели обеспечения НЭБ, которые могут претендовать на уровень самостоятельной школы. Кроме того, использование термина «англосаксонская школа» неявно приводит к выводу о том, что у европейских континентальных государств (в т. ч. таких значимых для геοэкономики, как Франция и Германия) своей школы НЭБ не сложилось, что не совсем точно. Отметим, что основную угрозу своей НЭБ Франция, например, видит в действиях США¹²¹.

Таким образом, все рассмотренные выше подходы к систематизации зарубежных концепций НЭБ (исторический, субъектоцентричный и географический) имеют определенные недостатки и не позволяют адекватно описать накопленный в мире опыт в области институционального конструирования НЭБ. Выполним в этой связи краткий анализ подходов к институциональному конструированию моделей НЭБ различных государств.

США реализуют глобалистскую модель НЭБ, опирающуюся на безусловное доминирование страны в мировой экономике (и призванную обеспечить это доминирование). Основой этой модели служит мощный (крупнейшим в мире) экономический потенциал, технологическое лидерство и контроль над мировой финансовой системой. По определению эта модель может использоваться только одним государством – текущим экономическим лидером.

В рамках этой модели вся мировая хозяйственная система ориентируется на обслуживание интересов США – в более или менее явном виде. Тем самым создаются условия для роста американской экономики и для увеличения благосостояния граждан США.

Задача США заключается в обеспечении гарантированного доступа к мировым ресурсам (поставкам сырья, рынкам сбыта, торговым путям), в контроле над доступом к своим технологическим активам и над мировой долларовой финансовой системой. Использование национальной валюты в качестве

¹²¹ Фомин А. М. Экономическая безопасность государства // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 3. – С. 118-133.

резервной предоставляет США практически неограниченную возможность финансирования своей национальной экономики. Технологическое лидерство служит источником технологической квази-ренды.

Интересно подчеркнуть, что американская концепция НЭБ фактически ставит знак равенства между безопасностью национальной экономики США и безопасностью всей мировой экономической системы. Это обосновывается ключевой ролью США в мировой экономике, однако на практике означает, что США воспринимают мировую экономическую систему как придаток к своей национальной экономике.

Китай строит собственную ограниченную (не глобальную) сферу экономического влияния, направленную на обслуживание национальных экономических интересов. Ее основой служит проект «Пояса и пути», который должен обеспечить Китаю гарантированный доступ к сырьевым и продовольственным ресурсам, сформировать логистическую инфраструктуру для доставки этих ресурсов в Китай и для транспортировки китайской продукции на мировой рынок сбыта. В совокупности это должно создать условия для роста экономики КНР, достижения экономического лидерства и повышения уровня жизни населения. Китайский подход можно назвать доминантным.

Япония реализует автономную модель НЭБ, при которой страна отказывается от формирования сферы экономического влияния и обеспечивает свой экономический рост и благосостояние населения за развития эффективной и диверсифицированной экспортоориентированной экономики, продукция которой продается на мировом рынке.

Эта модель опирается на активное технологическое развитие и свободу торговли (которая создает, с одной стороны, возможность экспортировать продукцию национальных производств без ограничительных мер со стороны государств-импортеров, а с другой стороны – гарантированный доступ к поставкам тех ресурсов, которые в данной стране не производятся).

Германия и Франция используют коллективную модель НЭБ – в этом случае две или более стран вступают в равноправные экономические отношения для совместного технологического и производственного развития, чтобы за счет объединения ресурсов добиться высокой эффективности национальных экономик (как с точки зрения их глобальной конкурентоспособности, так и с точки зрения благосостояния населения). Отметим, что Франция и Германия как ядро ЕС формируют свою сферу экономического влияния за счет европейской периферии (в этом случае речь идет о варианте доминантной модели, но реализуемой в интересах не одного государства, а блока стран). Однако коллективная модель может функционировать и без сферы экономического влияния. Такая ситуация представляет собой коллективную разновидность автономной модели.

Отметим, что НЭБ может достигаться и путем встраивания в стороннюю сферу экономического влияния. Менее мощное экономически и политически государство примыкает к более крупному, и становится, по сути дела, внешним элементом его экономической системы. От коллективной модели такой подход (его можно назвать сателлитным) отличается наличием четко выраженного доминирования одной стороны. Сателлитная модель освобождает менее мощное государство от проблем с доступом к ресурсам и рынкам сбыта, необходимости выстраивания самостоятельной диверсифицированной экономики и наличия собственной денежной системы (в ряде случаев государство-сателлит примыкает к денежной системе государства-доминанта). Уровни неравноправия могут быть разными – от частичной утраты экономического суверенитета вследствие нехватки ресурсов для его обеспечения (такова ситуация с Южной Осетией и Абхазией, опирающихся на экономическую мощь России, или с Косово и прибалтийскими государствами¹²² применительно к ЕС), до фактически колониальных отношений (организуемых Китаем в от-

¹²² Саль Т. Р., Савенкова Т. И. Политика экономической безопасности развития бизнеса в Эстонии // Инновационное развитие экономики. – 2015. – № 1. – С. 79-84.

дельных африканских государствах). Примером на постсоветском пространстве может быть Туркмения, ставшая, по сути дела, сырьевым придатком Китая.

Поскольку для обеспечения НЭБ критично важен национальный экономический потенциал, то разные государства опираются на разные инструменты его формирования. Оптимальным вариантом, очевидно, является наличие мощной диверсифицированной экономики с большим количеством этапов цепочек создания стоимости, с развитым внутренним рынком и устойчивыми связями с внешними рынками. В этом случае экономика, с одной стороны, обладает максимальной степенью устойчивости к различным шокам, а с другой стороны – генерирует достаточный объем добавленной стоимости для создания ресурсной базы достижения национальных экономических интересов. В настоящее время создавать такую экономику могут только наиболее развитые государства (США, Китай, Япония, Франция, Германия).

Развитые страны второго уровня (например, скандинавские) реализуют нишевую модель, специализируясь на ограниченном числе высокотехнологичных товаров (станкостроение, судостроение – в т. ч. военное, информационные технологии). Это обеспечивает им нишевую конкурентоспособность на мировом рынке и избавляет от внешнеэкономической зависимости по тем видам продукции, в которых эти страны обладают национальными компетенциями.

Моноресурсная модель основывается на экспорте ограниченного набора сырьевых товаров, продукции из них низкого уровня переработки и/или продукции сельского хозяйства (также низкого уровня переработки). Поскольку эти товары преимущественно биржевые, особенностью этих экономик является низкая степень устойчивости к шокам на внешнем рынке. Эта модель может реализовываться в неэффективном (когда доходы от экспорта ресурсов идут на текущее потребление), паразитарном (когда экспортная выручка присваивается коррумпированной элитой, как в странах Африки) и эффективном (в этом случае экспортные сверхдоходы служат источником финансирования

для развития экономики, т. е. для перехода к нишевой модели; примером таких стран являются Норвегия и ОАЭ).

Наконец, в качестве специфической разновидности способа формирования экономического потенциала можно говорить о трудовой модели, при которой в стране собственные рабочие места с достаточным уровнем дохода фактически отсутствуют, и трудоспособное население выталкивается за рубеж. За счет этого снимается напряжение на рынке труда, а переводы от трудовых мигрантов служат источником финансирования потребления. Эта модель, очевидно, направлена не на экономическую безопасность государства, а на достижение минимальной экономической безопасности населения. Характерным примером такой модели является Гаити¹²³. На постсоветском пространстве велика роль трудовой миграции на Украине, особенно после подписания этой страной соглашения о безвизовых поездках в ЕС.

Важным фактором формирования модели НЭБ является выбор между открытостью и закрытостью экономики. Открытость экономики создает доступ к внешним поставкам ресурсов (отсутствующих в данной стране) и к зарубежным рынкам, что позволяет получать экспортные доходы. За счет открытости национальная экономика может эффективно участвовать в мировой системе разделения и кооперации труда, специализируясь на тех видах деятельности, в которых она имеет конкурентные преимущества. Однако при этом создаются риски чрезмерной специализации экономики и ее зависимости от внешних контрагентов, т. е. к частичной утрате экономического суверенитета¹²⁴.

Закрытость национальной экономики позволяет избежать этих рисков, однако отказ от участия в мировой системе разделения и кооперации труда ведет к ее недостаточной эффективности, и, как следствие, к технологической

¹²³ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 384 с.

¹²⁴ Котляров И. Д. Аутсорсинговая модель организации российской нефтегазовой отрасли: проблемы и пути решения // Вопросы экономики. – 2015. – № 9. – С. 45-64.

отсталости и более низкому уровню жизни населения (дополнительное давление на который оказывает необходимость финансирования государственных и военных расходов в ситуации неэффективной экономики, что, в конечном счете, происходит за счет потребления). Примеры такой закрытой экономики – Албания после 1961 г. и КНДР.

Закрытость может быть полной, при которой происходит полный отказ от внешнеэкономического сотрудничества, и частичной, когда накладываются ограничения на сотрудничество в определенных отраслях, для определенных размеров сделок, с определенными государствами и т. д.

Интересно подчеркнуть, что закрытость может быть вынужденной – вызванной отказом иностранных государств от сотрудничества (как правило, в качестве инструмента политического принуждения). Тем не менее, с точки зрения модели формирования НЭБ принудительная (вызванная внешними факторами) закрытость ничем не отличается от добровольной закрытости (решение о которой принято государством самостоятельно), поскольку страна вынуждена сама формировать в своих пределах полноценную экономическую базу для достижения своих национальных интересов, не опирающуюся на международное разделение труда (как это происходило в условиях экономической блокады СССР¹²⁵).

После 2014 г. Россия оказалась в ситуации частично закрытой экономики. При этом запрет на технологическое сотрудничество с нашей страной носит принудительный характер (он установлен иностранными государствами в рамках режима санкций)¹²⁶, тогда как решение о закрытии национального рынка для поставок сельскохозяйственной продукции и продовольствия было принято Россией самостоятельно¹²⁷.

¹²⁵ Колеров М. А. Социализм в одной стране: изолированное государство, протекционизм и первоначальное социалистическое накопление. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. – 264 с.

¹²⁶ Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. – 2015. – № 10. – С. 24-32; Клинова М. В., Сидорова Е. А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским Союзом // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 67-79.

¹²⁷ Голубятникова М. В., Курбанов А. Х. Состояние и проблемы обеспечения продовольственной безопасности России в современных геополитических условиях // Региональные агросистемы: экономика и социология.

Проделанный нами анализ позволяет систематизировать подходы к институциональному конструированию НЭБ, которые изложены в таблице 2.2.1.

Таблица 2.2.1 – Модели институционального конструирования НЭБ

Классификационный критерий	Модели институционального конструирования НЭБ	Описание
Направление обеспечения НЭБ	Камералистская	Обеспечение международной конкурентоспособности национальной экономики на основе баланса протекционизма и свободной торговли
	Кейнсианская	Обеспечение устойчивости национальной экономики путем государственного регулирования промышленности, занятости и денежного обращения
	Институциональная	Создание эффективных институтов, способствующих развитию экономики
Основной стейкхолдер НЭБ	Цивитацентричная	В основе НЭБ лежит экономическая безопасность государства
	Хомоцентричная	В основе НЭБ лежит экономическая безопасность отдельного гражданина
	Элитацентричная	В основе НЭБ лежит экономическая безопасность элиты

Классификационный критерий	Модели институционального конструирования НЭБ	Описание
Использование внешнего влияния	Глобалистская	Обеспечение мирового экономического лидерства как основы национальной экономической мощи
	Доминантная	Создание собственной сферы экономического влияния как основы для гарантированного сбыта продукции и поставок ресурсов
	Автономная	Отсутствие внешнеэкономического доминирования (как собственного, так и внешнего)
	Сателлитная	Встраивание в стороннюю сферу экономического влияния как инструмент обеспечения стабильности экономики
Экономическая база	Универсальная	Мощная диверсифицированная экономика, опирающаяся как на внешний, так и на внутренний рынок
	Нишевая	Страновая специализация на выпуске ограниченного набора высокотехнологичной продукции
	Моноресурсная	Опора на продажи (как правило, экспортные) ограниченного набора товаров низкой степени переработки

Классификационный критерий	Модели институционального конструирования НЭБ	Описание
	Трудовая	Использование трудовой миграции как инструмента снятия давления на рынок труда и источника валютной выручки
Наличие партнерских отношений	Индивидуальная	Обеспечение НЭБ за счет собственных ресурсов
	Коллективная	Интеграция с другими государствами в целях выстраивания коллективной системы экономической безопасности
Открытость экономики	Открытая	Внешнеторговая открытость экономики как инструмент доступа к ресурсам и сбыта национальной продукции
	Закрытая	Закрытость экономики как инструмент недопущения зависимости от иностранных контрагентов и сохранения экономического суверенитета

Уточним, что представленные в таблице типы моделей НЭБ являются в некоторой степени абстрактными, поскольку в чистом виде на практике они практически не встречаются. В реальности государства комбинируют различные варианты формирования НЭБ, исходя из собственной ресурсной базы, системы экономических отношений и национальных экономических интересов, а также специфики институционального устройства.

По итогам проведенного анализа мы можем сформулировать следующие обобщающие рекомендации:

- несмотря на то, что в мировом политическом и экономическом дискурсе доминируют представления о равноправном и справедливом экономическом сотрудничестве, на практике ряд государств, в том числе и относящихся к числу лидеров современного мира, строят свою НЭБ на основе экономического доминирования. Задача России в этих условиях заключается в противодействии угрозам своему экономическому суверенитету (т. е. в недопущении трансформации своей национальной экономики в направлении превращения в придаток к экономической системе другого государства или блока государств и перехвата контроля над ключевыми предприятиями¹²⁸) и создании национальной сферы экономического влияния;

- при анализе мировых моделей институционального конструирования НЭБ российские исследователи и представители власти основное внимание уделяют традиционным подходам (камералистскому и кейнсианскому), при этом не используется в полной мере потенциал институционального подхода. Мы полагаем, что меры по поддержке национальной экономики в рамках камералистской и кейнсианской моделей должны сопровождаться целенаправленным созданием институтов, благоприятствующих ведению предпринимательской (и прежде всего – инновационной) деятельности. Исключительно важно отказаться от фискального подхода к бизнесу¹²⁹ и ослабить административные барьеры. В противном случае будут развиваться только те сферы экономики, которые будут иметь государственную поддержку, что может стать причиной долгосрочной консервации технологической отсталости и неэффективности народного хозяйства нашей страны;

¹²⁸ Букреев В. В., Рудык Э. Н. Противодействие внешнему управлению стратегическими промышленными предприятиями России // Альтернативы. – 2019. – № 2. – С. 92-101; Цаголов Г. Н. «Русский алюминий» становится американским // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 154-161.

¹²⁹ Кежун Л. А., Комарова О. В. Налоговый маневр как инструмент макроэкономической политики // Журнал экономической теории. – 2017. – № 4. – С. 269-273.

- в мировой практике институционального конструирования баланс между экономической безопасностью государства и экономической безопасностью отдельного гражданина формируется по-разному. Мы полагаем, что в России в настоящее время основное внимание следует уделять повышению экономической безопасности населения, поскольку именно ее недостаточный уровень тормозит экономический рост, негативно влияет на демографические показатели и снижает предпринимательскую активность;

- необходимо использовать опыт развитых стран-экспортеров природных ресурсов в области трансформации сырьевой ренты в источник для развития национальной экономики. В частности, следует отказаться от простых закупок необходимых для российской промышленности ресурсов и перейти к локализации их производства в нашей стране, в т. ч. через совместные предприятия;

- в силу ограниченности российского рынка, недостаточности собственных ресурсов и введенных коллективным Западом санкций наша страна в настоящее время не сможет выстроить универсальную диверсифицированную экономику. Тем не менее, вполне возможно построение нишевой модели НЭБ, опирающейся на те отрасли, в которых наша страна имеет конкурентные преимущества (военная промышленность, атомная энергетика и нек. др.);

- необходимо не допустить излишней закрытости национальной экономики. Закрытие для нашей страны традиционных рынков вследствие режима санкций следует использовать как возможность выстраивать отношения с новыми партнерами не в режиме простого экспорта и импорта (как это происходило с западными государствами), а на основе долгосрочного сотрудничества в целях трансфера технологий и создания новых производственных цепочек с активным участием российских компаний¹³⁰;

¹³⁰ Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. – 2014. – № 11. – С. 38-47; Котляров И. Д. Локализация производства как инструмент импортозамещения // ЭКО. – 2016. – № 8. – С. 128-140.

- большее внимание следует уделять противодействию теневым экономическим процессам, поскольку они подрывают НЭБ. Однако наряду с силовыми и административными инструментами устранения этих процессов следует также применять меры институционального регулирования, которые будут способствовать переводу теневой экономической активности в легальный формат. Силовое давление следует применять по отношению к тем формам теневой хозяйственной деятельности, которые носят откровенно противозаконный характер (отмывание денег, торговля наркотиками, финансовое мошенничество). Институциональное регулирование должно использоваться по отношению к тем формам и сферам деятельности, которые содержательно незаконными не являются, однако из-за высоких административных издержек выталкиваются в серый сектор (например, самозанятость)¹³¹. Кроме того, необходимо ужесточить контроль над теми – формально законными – сферами хозяйственной деятельности, которые угрожают экономическому благополучию государства и отдельных граждан. В первую очередь, по мнению автора, сюда относятся коллекторский бизнес и микрофинансирование.

¹³¹ Котляров И. Д. Феномен нетипичного предпринимательства // Общество и экономика. – 2016. – № 2. – С. 16-23.

2.3 Оценка влияния институциональных (экономико-политических и социальных) вызовов на обеспечение национальной экономической безопасности России

Изучение специальной литературы показывает, что при анализе современного состояния национальной экономической безопасности России основное внимание специалисты уделяют внешним угрозам¹³², тогда как внутренние проблемы, в том числе вызовы институционального свойства, практически не рассматриваются. В ситуации международных санкций против нашей страны такой подход представляется логичным и естественным. Мы, однако, полагаем, что он значительно упрощает ситуацию.

Сами по себе международные санкции, по мнению автора, не способны причинить критического ущерба экономической безопасности нашей страны, по крайней мере, при их текущем уровне «жесткости», однако они могут значительно усилить негативные эффекты внутренних проблем¹³³ (что подтвер-

¹³² Арефьев П. В., Альпидовская М. Л., Блинов А. О., Данилова О. В., Карасева Л. А., Кузнецов А. В., Мальцев В. В., Нуреев Р. М., Петраков П. К., Слепаков С. С., Соколов Д. П., Степин Е. А., Чусовлянов Д. С. Экономические санкции против России: ожидания и реальность. М.: КноРус, 2017. – 194 с.; Афонцев С. А. Выход из кризиса в условиях санкций: миссия не выполнима // Вопросы экономики. – 2015. – № 4. – С. 20-36; Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. – 2015. – № 10. – С. 24-32; Глазьев С. Ю. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. – 2014. – № 9. – С. 13-29; Горбунова О. А. Воздействие санкций на функционирование российских компаний нефтегазового сектора на мировом рынке нефти и газа // Вестник евразийской науки. – Т. 10. – № 2. – С. 13; Ерасова Е. А., Плотников В. А. Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Экономика и управление. – 2015. – № 3. – С. 22-28; Еремин В. И., Будко Е. Н. Продовольственная безопасность Российской Федерации в условиях санкций // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2015. – № 1. – С. 39-41; Загашвили В. С. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59. – № 11. – С. 67-77; Клинова М. В., Сидорова Е. А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским Союзом // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 67-79; Кнобель А. Ю., Прока К. А., Багдасарян К. М. Международные экономические санкции: теория и практика их применения // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2019. – № 3. – С. 152-162; Лисякевич Р. Влияние взаимных санкций на отношения Польши и России после 2014 г. // Современная Европа. – 2018. – № 7. – С. 152-161; Сабурова С. А. Влияние антироссийских санкций на капитализацию российских банков // Банковское дело. – 2019. – № 2. – С. 36-41; Уланов В. Л., Уланова Е. Ю. Влияние внешних факторов на национальную энергетическую безопасность // Записки Горного института. – 2019. – Т. 238. – С. 474-480. Федорова Е. А., Николаев А. Э., Широкова Ю. С., Федоров Ф. Ю. Экспортная и импортная деятельность российских компаний в условиях санкций // Финансовый журнал. – 2019. – № 3. – С. 75-90; Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. – 2016. – № 1. – С. 22-30 и др.

¹³³ Глазьев С. Ю. О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2015. – № 1. – С. 4-20.

ждается и мировым опытом, в частности, ситуацией в США во время нефтяного эмбарго со стороны ОПЕК в 1970-е гг.¹³⁴). Именно поэтому приоритет при анализе угроз национальной экономической безопасности должен отдаваться внутренним факторам.

Чрезмерная концентрация на внешних угрозах в сочетании с пренебрежением по отношению к внутренним проблемам обеспечения социально-экономической стабильности не позволяет разработать эффективную стратегию национальной экономической безопасности, которая бы соответствовала тем вызовам, с которыми в настоящее время столкнулась наша страна. По этой причине мы считаем необходимым установить, какие внутренние социально-экономические угрозы являются наиболее значимыми для экономической безопасности нашей страны, каким образом они усиливаются за счет санкций и несовершенства институциональной среды, и какие инструменты могут быть использованы для их минимизации.

Исследование угроз экономической безопасности России проводилось в ряде публикаций различных авторов¹³⁵. Тем не менее, анализ показывает, что в большинстве работ системный подход к пониманию состава этих угроз представлен в недостаточной степени. В частности, изучение угроз проводится на разном уровне обобщения: наравне с угрозами общего характера в одной и той же работе могут быть перечислены и угрозы более частные (которые вполне могут быть объединены в общую угрозу)¹³⁶. Кроме того, в основном рассматриваются «структурные» угрозы, связанные с сырьевой зависимостью и низ-

¹³⁴ Losman D. Economic Security. A National Security Folly? // Policy Analysis. – 2001. – No. 409. – P. 1-12.

¹³⁵ Глазьев С. Ю. О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2015. - № 1. – С. 4-20; Гостева С. Р. Демографическая угроза национальной безопасности России // Вопросы гуманитарных наук. – 2007. – № 1. – С. 373-387; Илюткина Т. В. Сущностная и структурная характеристика понятия «экономическая безопасность» // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 8. – С. 10-15; Сенчагов В. К. Новые угрозы национальной безопасности и защита национальных интересов России // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 10. – С. 8-18; Ускова Т. В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. – 2019. – № 1. – С. 7-16; Харламова А. А. Возникновение новых угроз экономической безопасности России // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2017. – № 1. – С. 36-39 и др.

¹³⁶ Ускова Т. В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. – 2019. – № 1. – С. 7-16.

кими темпами экономического роста, тогда как многие другие угрозы институциональной природы, имеющие ключевое значение для национальной экономической безопасности, не изучаются.

Такая несистемность анализа связана с тем, что исследование угроз национальной экономической безопасности (НЭБ) чаще всего проводится в отрыве от структуры НЭБ (даже в тех работах, где предпринимаются попытки систематизировать угрозы НЭБ, как правило, нет привязки состава угроз к составу НЭБ¹³⁷). При таком подходе анализ угроз естественным образом сводится к перечислению тех рисков экономического характера, которые исследователь счел приоритетными. При этом риски, как уже было сказано выше, будут разноуровневыми, а сам перечень рисков – неполным.

В составе НЭБ можно выделить производственную составляющую (темпы и качество роста, диверсифицированность экономики, обеспечение занятости и достойной оплаты труда и т. д.), а также финансовую, демографическую, ресурсную, технологическую, стоимостную и инфраструктурную составляющие. Каждая из них, разумеется, может быть детализирована далее (например, в инфраструктурной безопасности мы считаем возможным выделить транспортный и энергетический¹³⁸ компоненты). С учетом этого в качестве основных современных угроз НЭБ РФ мы считаем возможным выделить:

1. Преимущественно сырьевую ориентацию национальной экономики;
2. Неустойчивый экономический рост;
3. Падение доходов населения;
4. Неэффективную денежную и финансовую политику;
5. Неблагоприятную демографическую ситуацию;
6. Низкий уровень транспортной связности.

При этом, следует подчеркнуть, что в последние месяцы, в рамках мер по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции

¹³⁷ Титов А. Б., Михеенко О. В. Экономическая безопасность в системе национальной безопасности России // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 1. – С. 46-49.

¹³⁸ Локтионов В. И. Эволюция концепции энергетической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 5. – С. 927-941.

Covid-19, принимаемых на локальном (объектовом, поселенческом), региональном, национальном и международном уровнях, эти проблемы не только усилились, но и мультиплицировались вследствие их связности и взаимного негативного влияния друг на друга. Далее рассмотрим эти проблемы по отдельности.

Экономика России критично зависит от валютной выручки, получаемой благодаря экспорту природных ресурсов (нефть и газ)¹³⁹ или продукции из них низкой степени переработки (стальной прокат, алюминий и т. д.). Однако при анализе этой зависимости необходимо быть очень осторожным в формулировках. Следует понимать, что проблемой является не само по себе ресурсное богатство нашей страны (в противном случае действительно придется говорить о сырьевом проклятии), а то, как оно используется. То есть, проблемы коренятся не в природно-ресурсном, но в институциональном факторе.

Доходы от сырьевого экспорта могут направляться на финансирование текущего потребления, развития новых производств с высокой добавленной стоимостью (как опирающихся на соответствующие природные ресурсы, так и в других отраслях), развитие инфраструктуры, создание резервов для защиты от экономических шоков и формирование инвестиционных фондов для сохранения текущего уровня национального дохода после исчерпания имеющихся запасов природных ресурсов (мы оставляем в стороне незаконные варианты, такие, как коррупционное обогащение элиты, имеющей доступ к доходам от экспорта, и т. п.).

Самым неэффективным вариантом является первый, поскольку он является источником «голландской болезни». В этом случае для населения и бизнеса более выгодно приобретение всех необходимых ресурсов за рубежом (за счет сырьевых сверхдоходов) с подавлением развития национальных производств. Вторым по неэффективности можно назвать резервирование для за-

¹³⁹ Колпаков А. Ю. Роль топливно-энергетического комплекса в формировании экономической динамики России // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 6. – С. 111-129.

щиты от экономических шоков. При реализации такой модели выручка от экспорта при помощи разного рода инструментов изымается из экономики и сохраняется в надежных и высоколиквидных, а потому низкодоходных финансовых активах, как правило, зарубежных.

С экономической точки зрения обе эти модели практически равнозначны – они призваны использовать ресурсную ренту как источник для обеспечения потребления без ее трансформации в долгосрочный эффект для национальной экономики. В первом случае в стране искусственно и краткосрочно повышается уровень жизни населения (не подкрепленный ни реальным приростом производительности труда, ни ростом производимой национальной экономикой добавленной стоимости), падающий после снижения мировых цен на ключевой энергоноситель (нефть). Примером реализации такой стратегии служит чавистская Венесуэла, в которой нефтяные сверхдоходы направлялись на финансирование текущего потребления социально незащищенных групп населения. В результате, после падения цен на нефть Венесуэла столкнулась с жесточайшим экономическим кризисом.

Вторая модель лишает национальную экономику инвестиционных ресурсов и тормозит экономический рост, хотя позволяет в случае экономического кризиса использовать созданные финансовые резервы для его сглаживания. Однако эффект для экономики в этом случае носит точечный характер, поскольку резервы расходуются только во время кризиса и направляются зачастую не столько на долгосрочное развитие, сколько на спасение стратегически значимых компаний, столкнувшихся в ходе кризиса с проблемами вследствие неэффективности или чрезмерной рискованности своей докризисной стратегии. Кроме того, нередко эти резервы могут направлять и на стимулирование потребления в период кризиса (например, на увеличение зарплат сотрудников бюджетных организаций и пенсий).

Наконец, есть риск того, что вливаемые в экономику резервные средства будут использоваться в интересах тех организаций, через которые происходит

вливание, а не в интересах экономики в целом (что, более того, может привести к углублению кризиса). Такая ситуация имела место в России в период девальвации рубля в 2008-2009 гг. и в 2014 г. Направляемые для поддержания курса рубля денежные средства проходили через системообразующие банки. И они использовались крупнейшими банками для валютных спекуляций и игры против национальной валюты, что вело к еще большему падению ее курса, а не для оказания реальной финансовой поддержки предприятий и населения.

Наиболее эффективными вариантами использования сырьевой ренты является ее инвестирование в формирование национальных цепочек добавленной стоимости (как это произошло в Норвегии, где нефтегазовые сверхдоходы направлялись на создание высокотехнологичных предприятий в области разведки, бурения и добычи углеводородов, что позволило нарастить доходы от производства нефти и газа и успешно экспортировать услуги нефтесервиса), строительство инфраструктуры и создание фондов будущих поколений (эти фонды принципиально отличаются от резервных фондов тем, что проводят более агрессивную инвестиционную политику для максимизации дохода; именно по такой модели, в частности, функционирует соответствующий норвежский фонд).

К сожалению, в России в настоящее время нефтегазовая рента направляется преимущественно на финансирование текущих расходов государственного бюджета и на формирование резервного фонда. Инвестирования экспортных доходов в национальную экономику не происходит. Не осуществляется и создания фондов будущих поколений (Фонд национального благосостояния недавно был объединен с Резервным фондом). Резервные средства вкладываются в высоколиквидные и низкодоходные иностранные активы, что фактически приводит к финансовым потерям из-за ограничений на направления инвестирования в условиях санкционного давления.

Вложения в казначейские обязательства США (наиболее популярный инструмент формирования международных резервов) для России закрыты из-

за риска замораживания (и поэтому доля этих активов в российских резервах непрерывно сокращается), для активов в евро все более распространенной становится отрицательная ставка дохода, а вложения в юань (доля которых в российских резервах растет) недостаточно ликвидны и сравнительно высокорискованны. В результате текущая сырьевая рента не превращается в инструмент финансирования будущих источников долгосрочного дохода. Как следствие, сырьевая ориентация национальной экономики консервируется (поскольку не формируются иные отрасли и производства, которые могли бы создавать добавленную стоимость помимо природной ренты).

Примером, иллюстрирующим наши рассуждения, может быть то, что при реализации компанией «Новатэк» различных очередей проекта «Ямал СПГ» для выполнения необходимых работ и закупки оборудования и материалов привлекались в основном иностранные поставщики и подрядчики с минимальными обязательствами по локализации¹⁴⁰. Иными словами, инвестиции в проект «Ямал СПГ» не обернулись заказами для российских производителей и не послужили инструментом финансирования импортозамещающих производств, а в значительной части были направлены за рубеж¹⁴¹. В сочетании с тем фактом, что «Ямал СПГ» пользуется исключительными налоговыми льготами, можно говорить о двойных потерях для национальной экономики – как из-за минимизации налоговых выплат, так и из-за отсутствия мультипликативного эффекта для российской промышленности.

Таким образом, проблема сырьевой ориентации экономики нашей страны заключается не в наличии сверхдоходов от экспорта природных ресурсов, а в том, что эти сверхдоходы не трансформируются в развитие народного хозяйства, диверсификацию промышленности и создание не зависящих от экспорта сырья источников добавленной стоимости. Это ведет к дисбалансу

¹⁴⁰ Котляров И. Д. Локализация производства как инструмент импортозамещения // ЭКО. – 2016. – № 8. – С. 128-140.

¹⁴¹ Иванова К. С. Перспективы и проблем развития производства и сбыта СПГ в России // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2019. – № 7. – С. 46-50.

национальной экономики и к высокому влиянию на нее ценовых шоков на сырьевых рынках.

Еще одна проблема, мало дискутируемая в научном и профессиональном сообществе, но объективно существующая, заключается в том, что в обозримой перспективе нефть может перестать быть источником доходов для нашей страны¹⁴². По отдельным оценкам, запасы нефти в России могут быть исчерпаны через 25-30 лет. Хотя формально потенциал поддержания добычи существует (в частности, за счет арктических и шельфовых месторождений), однако возлагать на него особые надежды не стоит из-за сравнительно низкого качества этих запасов и сложности их эксплуатации, а также из-за недоступности необходимых для их разработки передовых нефтегазовых технологий. Из-за этого Россия может стать нетто-импортером нефти. Такой переход переживали и переживают многие страны-производители (например, в прошлом такое произошло в США, в настоящее время с падением добычи сталкивается Норвегия). Газ как источник дохода заместить нефть не сможет.

Кроме того, может произойти – также на горизонте 25-30 лет – переход от углеводородной энергетики к энергетике, основанной на возобновляемых источниках энергии¹⁴³. В этом случае спрос на нефть также будет падать, что приведет к снижению доходов от ее экспорта и к разрушению всей отраслевой структуры российской экономики, ее шоковой перестройке.

Это означает, что необходимо разработать дорожную карту по трансформации нефтяной ренты в инструмент финансирования долгосрочных источников доходов для национальной экономики. В частности, нефтегазовые и иные сырьевые проекты, получающие бюджетные льготы, должны в максимальной степени опираться на отечественных поставщиков и подрядчиков, а

¹⁴² Фальцман В. К. Россия без собственной нефти? // Вопросы экономики. – 2019. – № 4. – С. 152-160.

¹⁴³ Мастепанов А. М. Нефть в перспективном мировом энергетическом балансе: на перепутье мнений и оценок // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2019. – № 4. – С. 5-8.

при их отсутствии – добиваться локализации производства иностранных высокотехнологичных продуктов и услуг в России с обязательной передачей компетенций¹⁴⁴ подобно тому, как это практикуется в Китае и Индии.

Развитие национальных производств имеет большое значение, поскольку они могут поставлять продукцию не только для предприятий нефтегазовой промышленности, и тем самым создадут условия для функционирования других отраслей экономики и для диверсификации народного хозяйства в целом. Далее, необходимо наращивать глубину переработки сырья, чтобы увеличивать размер добавленной стоимости, создаваемой в стране. Хотя средняя рентабельность такой многопередельной производственной цепочки может быть ниже рентабельности чистого экспортера сырья, с точки зрения интересов национальной экономики такой вариант предпочтителен, поскольку он позволяет создавать рабочие места, увеличивать налоговые поступления, снижать затраты на импорт продуктов высоких переделов (т. е. обеспечить импортозамещение) и т. д.

Кроме того, он выгоден и для самих многоуровневых вертикальных компаний, так как он дает им возможность нарастить массу выручки (т. е. увеличить денежный поток и, как следствие, стоимость бизнеса). Это повысит инвестиционную привлекательность таких компаний, что создаст условия для роста инвестиций в них и для повышения эффективности их деятельности, а также будет способствовать росту капитализации российского фондового рынка.

Стимулировать рост глубины переработки природных ресурсов можно при помощи налоговых льгот, что же касается компаний, находящихся в государственной (или преимущественно государственной) собственности, то для проведения соответствующих мероприятий можно использовать директивные

¹⁴⁴ Котляров И. Д. Локализация производства как инструмент импортозамещения // ЭКО. – 2016. – № 8. – С. 128-140.

инструменты. Отметим, что сейчас налоговые рычаги имеют противоположную направленность. Проведенный в отрасли налоговый маневр подавляет развитие переработки и стимулирует экспорт сырой нефти.

Наконец, необходимо принять меры по использованию сырьевой ренты для финансирования строительства инфраструктуры, прежде всего – транспортно-логистической. Этот вопрос будет рассмотрен ниже.

С проблемой замедления экономического роста Россия столкнулась в 2013 г., а введение международных санкций и обвал нефтяных цен в 2014 г. усилили эту проблему. Динамика ВВП была отрицательной в 2015 г., после чего произошел переход к восстановительному росту, однако этот рост был крайне неустойчивым. ВВП снижался во втором квартале 2016 г., в четвертом квартале 2017 г. и первом квартале 2019 г. Наконец, вследствие развития пандемии Covid-19, произошло существенное падение ВВП во втором квартале 2020 года. Сам восстановительный рост фактически закончился в 2018 г. и позволил только достичь докризисных показателей, но не превысить их значительно¹⁴⁵. Темпы роста за этот период не превышали 2%, что крайне мало, тогда как в настоящее время ожидается, что темпы роста в будущие годы составят в среднем не более 1,5%. Можно говорить, что экономика оправилась от шока 2014 г. и предприятия приспособились к новым условиям ведения хозяйственной деятельности, однако условий для долгосрочного роста создано не было.

По этим параметрам текущая экономическая ситуация принципиально отличается от кризисов 1998 г. и 2008-2009 гг., когда восстановительный рост был быстрым и привел к превышению докризисных значений, обеспечил устойчивый рост экономики в среднесрочной перспективе и способствовал росту благосостояния населения.

Существующие значения экономического роста ниже среднемировых. Это означает, что российская экономика с каждым годом все сильнее отстает

¹⁴⁵ Гурова Т., Долженков А., Ивантер А., Маврина Л., Обухова Е., Полунин Ю. На краю единицы // Эксперт. – 2019. – № 30-33. – С. 12-19.

от экономик ведущих государств. Углубляется разрыв в уровне экономического потенциала России и государств, которые ведут против нее политику санкционного давления, что, в конечном счете, может стать причиной геополитического и геостратегического поражения нашей страны в текущей конфронтации. Снижается инвестиционная привлекательность России, что не позволяет привлекать финансирование для реализации значимых промышленных и производственных проектов. Наконец, снижается привлекательность России с точки зрения помещения человеческого капитала. Не веря в долгосрочные перспективы экономического успеха и видя длительный период падения реального дохода (который значительно снизился после 2014 г.), наиболее квалифицированные кадры стремятся покинуть страну.

Отметим, что издержки ведения бизнеса в России растут. Происходит непрерывный рост цен на электроэнергию, коммунальные расходы и т. д. Повышение эффективности налогового администрирования приводит к тому, что темпы роста налоговых поступлений многократно превышают темпы роста ВВП. Это означает, что рост налоговых сборов вызван не ростом доходов предприятий, а повышением собираемости налогов. Иными словами, все большая доля доходов компаний перечисляется в государственный бюджет. Это отрицательно сказывается на эффективности бизнеса, особенно мелкого и среднего, и, как следствие, становится причиной его закрытия (количество мелких бизнесов в России непрерывно сокращается). В совокупности это выступает препятствием для экономического роста.

Растущие издержки предприятия пытаются перекладывать на потребителей, однако это ограничивается стагнирующими доходами населения. Тем не менее, цены растут, что приводит к падению реальных доходов граждан, ограничивает спрос на конечную продукцию и снижает потенциал экономического роста.

Дополнительный отрицательный эффект был создан повышением НДС с 1 января 2019 г.¹⁴⁶ Хорошо известно, что в период кризиса налоги и иные обязательные выплаты в государственный бюджет повышать не следует, поскольку это негативно сказывается на состоянии экономики. Это – один из постулатов теории сбалансированного по деловому циклу бюджета. Однако, эти общеизвестные и проверенные на практике правила в России были нарушены. Итогом этого повышения НДС налога стал всплеск инфляция и ухудшение ситуации с реальными доходами населения.

Формируется замкнутый круг. Не видя перспектив роста, предприятия не инвестируют в расширение производств, повышение производительности труда и т. д., и стремятся всеми силами снизить свои издержки (в т. ч. и издержки на персонал). Отсутствие этих инвестиций и далее тормозит экономический рост, и цикл воспроизводится. В основе его – известный механизм взаимодействия акселератора и мультипликатора, причем это взаимодействие в данном случае носит негативный характер, направляя экономику в направлении дальнейшего сжатия.

Дополнительно ухудшают ситуацию международные санкции, которые усложняют доступ к зарубежным финансовым ресурсам, и упавшие (по сравнению с пиковыми значениями 2014 г.) цены на энергоносители. Кроме того, тормозом для развития экономики является необходимость удержания военного паритета с США и блоком НАТО, которые обладают намного большим экономическим и военным потенциалом по сравнению с нашей страной.

Государство пока не предпринимает значимых шагов для запуска экономического роста. Большие надежды возлагаются на национальные проекты¹⁴⁷, однако их реальный запуск все время переносится, а механизм их финансирования не определен с достаточной полнотой. Более того, сами эти проекты пока недостаточно проработаны, и нет веских оснований полагать, что они

¹⁴⁶ Аганбегян А. Г. Не с увеличением пенсионного возраста и повышения НДС надо начинать реализацию целей и задач на перспективу // Общество и экономика. – 2018. – № 8. – С. 5-12.

¹⁴⁷ Гурова Т., Долженков А., Ивантер А., Маврина Л., Обухова Е., Полунин Ю. На краю единицы // Эксперт. – 2019. – № 30-33. – С. 12-19.

смогут создать мультипликативный эффект в экономике и будут способствовать экономическому росту. Уточним, что целью является не просто среднее положительное значение темпа роста ВВП, а превышение среднемирового темпа роста в сочетании с устойчивой положительной динамикой роста. Только в этом случае России удастся сократить отставание от ведущих мировых государств, добиться достойного места в мировой системе разделения труда и обеспечить рост благосостояния населения. В том числе, будет достигнута одна из декларируемых макроэкономических приоритетных целей – занять 5-е место в мире по размеру ВВП (исчисленному по паритету покупательной способности).

Важный инструмент государственного стимулирования промышленности – государственный оборонный заказ¹⁴⁸ – уже практически исчерпал свой потенциал. Расходы на закупку вооружений и военной техники снижаются, и предприятиям ОПК в настоящее время нужно искать альтернативные источники дохода (экспортные рынки, выход на рынок гражданской продукции и т. д.).

Негативное влияние на запланированные меры по перезапуску в стране экономического роста оказала пандемия Covid-19. В этой ситуации необходимо в кратчайшие сроки провести ревизию национальных проектов, установить, какие из них с наибольшей вероятностью приведут к ускорению экономического роста (до значений, превышающих среднемировые), определить приоритетные проекты и сформировать дорожную карту их выполнения с четким графиком финансирования. При этом важно, чтобы данные проекты были ориентированы на выстраивание импортозамещающих производств и цепочек создания стоимости внутри России. Именно такой подход позволит создать мультипликативный эффект, поскольку сформирует гарантированный спрос

¹⁴⁸ Князьнеделин Р. А., Наружный В. Е., Смуров А. М. Государственный заказ: теория, механизм исполнения, специфика реализации в оборонной сфере. СПб.: СПбГЭУ, 2017. – 159 с.

на продукцию и услуги российских предприятий и подтолкнет их к инвестированию¹⁴⁹.

Также необходимо стимулировать экспорт российской продукции с высокой добавленной стоимостью. Для этого следует проработать систему поддержки продвижения отечественных товаров за рубежом. В настоящее время национальные компании организуют экспорт самостоятельно и сталкиваются на этом пути с большими трудностями из-за нехватки соответствующих компетенций, неизвестности российской продукции для иностранных потребителей, острой конкуренции с уже существующими поставщиками и санкционных барьеров (жертвами таких неконкурентных мер стал, например, производитель программных продуктов в сфере кибербезопасности компания «Касперский»).

Государственная поддержка экспорта позволила бы этим предприятиям эффективнее продавать свою продукцию за рубежом. Это дало бы возможность компенсировать для них неблагоприятные условия ведения бизнеса в России за счет выхода на мировой рынок, и послужило бы стимулом к инвестициям в наращивание производства в нашей стране с целью последующего экспорта, что, в конечном счете, благоприятствовало бы экономическому росту.

Необходимо также устранять негативный эффект санкций. Следует вести непрерывную работу по их частичному или полному снятию, а также по расширению работы с технологически развитыми и/или политически мощными государствами, которые не присоединились к политике санкционного давления, чтобы сотрудничество с ними могло компенсировать ухудшение экономических связей с традиционными партнерами России (прежде всего, с Европой) из-за санкций. При этом необходимо добиваться того, чтобы новые экономические связи не сводились к поставкам российского сырья, а предусматривали закупку российской высокотехнологичной продукции (в области

¹⁴⁹ Аганбегян А. Г. Как госбюджет может стать локомотивом социально-экономического развития страны // Вопросы экономики. – 2015. - № 7. – С. 142-151.

энергетики, вооружений, транспортного машиностроения и т. д.), а также включение российских предприятий в производственные цепочки на высших переделах.

Наконец, нужно способствовать притоку финансовых ресурсов в экономику за счет изменения параметров денежного обращения и более эффективного использования сырьевых сверхдоходов.

Перед Россией остро стоит проблема низких доходов населения и тесно связанная с ней проблема неравенства доходов¹⁵⁰. Как показали исследования¹⁵¹, только в 15 субъектах федерации модальный доход превышает 1,5 региональных прожиточных минимума, а доля бедного населения (с доходом ниже одного регионального прожиточного минимума) не более 10%. К ним относятся нефтегазовые регионы и крупнейшие мегаполисы России с прилегающими областями. В 39 регионах модальный доход находится в интервале от 1,25 до 1,5 регионального прожиточного минимума, а доля бедных составляет 10,5-17,5%. Эти регионы расположены преимущественно в Центральной России, Сибири и на Дальнем Востоке.

Неблагополучными можно признать 31 субъект федерации, где модальный доход не превышает 1,25 регионального прожиточного минимума (а в двух регионах – Тыва и Ингушетия – даже опускается ниже прожиточного минимума). Они расположены на Кавказе (фактически все кавказские регионы попали в эту группу), в Сибири и Поволжье. К ним также относятся Карелия и Крым.

Исследование также показало¹⁵², что в России бедность тесно связана с рождением детей. Наличие в семье одного ребенка, а тем более двух детей, резко повышает вероятность перехода семьи в категорию малоимущих (эта проблема отмечалась специалистами и ранее¹⁵³, и, к сожалению, она до сих

¹⁵⁰ Варшавский А. Е. Неравенство: богатые и бедные, их характеристика и проблемы // Вопросы политической экономики. – 2019. – № 2. – С. 58-74.

¹⁵¹ Обухова Е., Маврина Л. Выживание, но не жизнь // Эксперт. – 2019. – № 29. – С. 13-19.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Экономическая безопасность России: Общий курс / Под ред. В. К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. – 896 с.

пор не потеряла свою остроту). При этом, чем выше региональный доход по сравнению с региональным прожиточным минимумом, тем сильнее выражено расслоение по доходам. Более того, чем выше региональный темп роста, тем быстрее растет неравенство по доходам¹⁵⁴.

Важно отметить, что в последние годы неравенство доходов несколько сглаживается, в частности, благодаря увеличению зарплат бюджетников. Однако это устранение расслоения имеет, по отзывам специалистов, и ярко выраженный негативный аспект. Прекратился рост доходов среднего класса, а само положение среднего класса стало нестабильным, значительно выросла вероятность выхода из этой социальной группы вниз.

Еще одна проблема заключается в измерении бедности. В России принята оценка имущественного положения с точки зрения дохода, однако большее значение имеет и уровень и качество потребления человека, то, насколько это потребление соответствует принятым в обществе стандартам. К сожалению, сейчас поездка в отпуск и даже покупка двух пар обуви для всех членов семьи на каждый сезон для значительной части населения России недоступны¹⁵⁵. Эти факты никак не учитываются официальной статистикой, хотя именно они более достоверно отражают реальное материальное положение людей, чем уровень дохода.

Трансформировалась и структура доходов россиян – если в 2000 году доля предпринимательского дохода в них составляла 15%, а социальных выплат – 14%, то в 2018 году предпринимательская деятельность приносила только 7,5% совокупного дохода, а социальные выплаты – 19,4%. Это означает, что население становится все более зависимым от государственной поддержки, тогда как предпринимательская активность сокращается. Но источником государственных трансфертов являются налоги с бизнеса, а в условиях сжатия последнего неизбежно снизятся и ресурсные возможности консолидированного бюджета.

¹⁵⁴ Обухова Е., Маврина Л. Выживание, но не жизнь // Эксперт. – 2019. – № 29. – С. 13-19.

¹⁵⁵ Там же.

Причинами рассмотренных негативных эффектов являются торможение экономического роста (его отсутствие не позволяет повышать доходы граждан; напомним, что в период экономического роста 2000-2008 гг. доходы населения бурно росли), искусственное подавление инфляции путем ограничения денежной массы и изъятие нефтегазовых доходов в резервный фонд. Попытки государства купировать эти эффекты нельзя назвать успешными.

Законодательное повышение минимальной зарплаты до уровня прожиточного минимума, которое теоретически могло бы привести к росту доходов населения, на практике стало причиной сокращения официальной занятости и перевода части трудовых контрактов в теневой сектор из-за того, что такой рост зарплаты ведет к повышению налогов для работодателей (т. е. к росту издержек для бизнеса, что в условиях слабого экономического роста и ужесточения налогового администрирования в целом для предпринимателей неприемлемо). В результате положение работников ухудшилось.

Формально перевод в теневой сектор не отразился на выплатах работникам, однако при этом снижается уровень их социальной защищенности и, как следствие, их текущее и долгосрочное качество жизни. Аналогичная проблема произошла и со знаменитыми «майскими указами» Президента РФ: требования повысить среднюю зарплату сотрудникам бюджетных организаций привела к массовым реальным и формальным (путем перевода работников на долю ставки) сокращениям и росту трудовой нагрузки.

При этом ряд мероприятий правительства по своему содержанию объективно ухудшают материальное положение населения. Так, исключительно негативный эффект для доходов имела поспешно реализованная пенсионная реформа¹⁵⁶. Повышение пенсионного возраста отчасти обосновывалось тем, что сейчас значительная часть людей даже при достижении прежнего рубежа

¹⁵⁶ Аганбегян А. Г. Не с увеличением пенсионного возраста и повышения НДС надо начинать реализацию целей и задач на перспективу // Общество и экономика. – 2018. – № 8. – С. 5-12; Иванов С. В. Пенсионная реформа-2019: детерминанты, последствия, альтернативы // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6. – № 2. – С. 6-54.

выхода на пенсию (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин) продолжает работать, имея для этого необходимый запас здоровья и мотивацию. Проблема, однако, заключается в том, что при достижении этого возраста работающим людям начислялась пенсия, которая позволяла им увеличить свой располагаемый доход. Сейчас эта возможность исчезла.

Очевидно, что в ситуации слабого экономического роста и фискальных¹⁵⁷ и антиинфляционных приоритетов правительства ожидать значительного улучшения ситуации с бедностью не приходится. Однако низкий уровень доходов населения сам по себе является одним из ключевых факторов торможения экономического роста. Подчеркнем, что, как показал Томас Пикетти, слабый экономический рост ведет к усилению имущественного неравенства¹⁵⁸, что представляет собой дополнительную угрозу для социальной стабильности и, как следствие, для НЭБ России.

Правительству следует принять меры по насыщению экономики денежными средствами и по развитию инструментов адресной поддержки малоимущих слоев населения (путем реализации программ продовольственной помощи, софинансирования заработной платы для низкооплачиваемых рабочих мест, упрощения получения пособия для детей и рост его величины и т. д.).

Проблемы денежной и финансовой политики хорошо известны¹⁵⁹. Банк России поддерживает сравнительно высокую процентную ставку, при этом всем силами ограничивая инфляцию, в том числе и путем низких, недостаточных для запуска экономического роста темпов увеличения денежной массы. Низкая инфляция в сочетании с существующей ключевой ставкой ведет к тому, что реальная стоимость кредита становится неподъемной для большин-

¹⁵⁷ Кежун Л. А., Комарова О. В. Налоговый маневр как инструмент макроэкономической политики // Журнал экономической теории. – 2017. – № 4. – С. 269-273.

¹⁵⁸ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.

¹⁵⁹ Аганбегян А. Г., Ершов М. В. О связи денежно-кредитной и промышленной политики в деятельности банковской системы России // Деньги и кредит. – 2013. – № 6. – С. 3-11.

ства предприятий реального сектора экономики. При этом объем финансирования целевых инструментов субсидирования процентной ставки непрерывно сокращается.

Сверхдоходы от экспорта нефти изымаются в резервный фонд и не поступают в экономику, а размещаются под низкий процент в иностранных активах. При этом министерство финансов размещает государственные облигации под значительно более высокий процент. Эта политика ведет как к прямым убыткам для нашей страны (из-за необходимости выплачивать разницу между процентной ставкой, по которой привлекается финансирование, и ставкой, по которой размещаются наши активы), так и к косвенным потерям (искусственной ограничением финансирования национальной экономики из-за изъятия импортной выручки тормозит экономический рост). Наряду с экономическими санкциями, которые ограничивают доступ отечественной экономики к международному финансированию, эта модель регулирования финансовой и денежной системы страны ведет к ослаблению народного хозяйства¹⁶⁰.

Как показано выше, такая политика финансовых властей ведет к тому, что сокращаются доходы населения и растет бедность. Основная проблема, по нашему мнению, заключается в том, что финансовые власти России свою основную обязанность видят в регулировании параметров денежного обращения, а не в создании условий для устойчивого экономического роста. Иными словами, финансово-денежная система воспринимается в отрыве от реального сектора национальной экономики. Финансовая стабильность является самоцелью (в соответствии с положениями «вашингтонского консенсуса»). Такой подход глубоко ошибочен: центральные банки ведущих государств мира ориентированы именно на создание финансовых условий для устойчивого экономического роста (или для скорейшей ликвидации последствий спада).

Говорить о пересмотре парадигмы работы финансовых властей России в настоящее время не приходится. Поэтому, к сожалению, неэффективная,

¹⁶⁰ Глазьев С. Ю. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. – 2014. – № 9. – С. 13-29.

ориентированная на подавление инфляции путем ограничения спроса и на создание резервов за счет ограничения инвестиционных ресурсов, политика будет продолжаться.

Демографические угрозы для национальной экономической безопасности пока остаются малоисследованной темой, однако их значение очень велико¹⁶¹. Демографические риски заключаются в снижении рождаемости и в негативной динамике человеческого капитала. Квалифицированные и наиболее динамичные люди ориентированы на эмиграцию, тогда как в Россию идет массовый приток низкоквалифицированной рабочей силы, преимущественно из бывших советских среднеазиатских республик¹⁶². Последний фактор ведет к смещению этнического баланса в нашей стране и создает риски межэтнической напряженности.

Сокращение рождаемости ниже порога воспроизводства населения является естественным следствием демографического перехода. Люди предпочитают инвестировать в ограниченное число детей, и при этом стремятся избегать чрезмерного объема родительских обязанностей. Еще одним фактором снижения рождаемости является то, что при рождении второго ребенка значительно возрастает риск перехода в малоимущую группу населения. Фактически люди оказываются перед непростым и неэтичным выбором: либо рожать второго ребенка и «плодить нищету», либо иметь сравнительно приемлемый уровень материального благополучия, отказавшись от увеличения количества детей в семье.

Исправить ситуацию можно за счет расширения поддержки семей с детьми. Причем речь идет не только о финансовой поддержке, но и поддержке сервисной – увеличении числа мест в яслях и детских садах, увеличении количества воспитателей в них (чтобы ребенок получал полноценное сопровожде-

¹⁶¹ Гостева С. Р. Демографическая угроза национальной безопасности России // Вопросы гуманитарных наук. – 2007. – № 1. – С. 373-387.

¹⁶² Говорин А., Казиахмедов Г., Кинасова Е. Особенности влияния иммиграции на экономическую безопасность России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2013. – № 1. – С. 120-129.

ние, и мог проводить вне дома большее количество времени), содействие молодым родителям в воспитании ребенка. Дело в том, что семьи зачастую боятся заводить детей не только потому, что предполагают, что не справятся финансово, но и потому, что опасаются, что ребенок приведет к слому их привычной модели жизни, ограничит возможности саморазвития, самореализации и проведения досуга.

Как показывает пример Швеции, эффективно функционирующая система детских садов способна в значительной степени снять эти опасения. Важным плюсом сервисной поддержки является то, что она по определению адресная: если финансовую помощь семья может использовать на цели, не связанные с благополучием ребенка, то сервисная поддержка направлена на ребенка и на семью, и альтернативные варианты ее применения отсутствуют либо существенно ограничены. Пока что основным направлением поддержки семей, материнства и детства в РФ является финансовое субсидирование. Мы считаем необходимым перейти к сервисной поддержке.

Важной проблемой для развития России является недостаточная и неэффективно организованная транспортная сеть. Наземная транспортная инфраструктура сосредоточена преимущественно в европейской части России, тогда как в Сибири и на Дальнем Востоке она практически отсутствует. При этом транспортная сеть ориентирована на Москву как на главный узел системы путей сообщения – в отличие от европейских государств, прямые магистрали между ведущими экономическими центрами России не развиты. Это ведет к перегрузке московского транспортного узла и удлиняет и удорожает перевозку.

Особенно остро это проявилось в период распространения в России пандемии Covid-19 в марте-апреле 2020 г. Московская агломерация с расположенными в ней транспортными узлами национального и международного значения, оказалась в максимальной степени подвержена эпидемическим рискам.

Реакцией на это властей было закрытие аэропортов, ограничение железнодорожного сообщения и т. д. Реализация этих логичных, в целом, мер немедленно негативно сказалась на транспортной связности России.

Нехватка транспортно-логистической инфраструктуры становится тормозом для сырьевого экспорта, а также препятствует эффективному использованию отечественных ресурсов из-за больших расстояний между регионами их производства и потребления. Развитие транспортной инфраструктуры снизит издержки экспортеров, позволит российским потребителям получить доступ к продукции, произведенной в других регионах страны (например, дальневосточной рыбы¹⁶³) и создаст условия для вовлечения в хозяйственный оборот новых месторождений. Кроме того, это позволит предлагать транспортные услуги для иностранных потребителей – например, для китайских, корейских и японских грузоотправителей, поставляющих свои товары в Европу, могут быть потенциально привлекательны перевозки по Транссибу¹⁶⁴.

Пока же развитию транспортной инфраструктуры уделяется недостаточно внимания, в результате чего крупные компании вынуждены финансировать ее создание самостоятельно. Это ложится на них тяжелым бременем и провоцирует кризисные ситуации (примером может быть «Мечел», самостоятельно построивший железную дорогу до Эльгинского месторождения в Якутии и столкнувшийся из-за связанного с этим строительством долгового бремени с угрозой банкротства).

Перед Россией сейчас стоит дилемма выбора оптимального варианта развития железнодорожной инфраструктуры. Необходимо определить, следует ли инвестировать в создание высокоскоростных магистралей (ВСМ), или расширять пропускные возможности традиционных железных дорог (а также строить новые). Важным преимуществом ВСМ служит то, что они позволяют создать в России производства инновационной железнодорожной техники и

¹⁶³ Котляров И. Д. Интеграция в рыбной отрасли как инструмент обеспечения ее развития // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. – 2013. – № 1. – С. 48-56.

¹⁶⁴ Котляров И. Д. Геоэкономическое значение трансевразийского транспортного коридора // Записки Горного института. – 2009. – Т. 184. – С. 225-230.

наработать новые технологические компетенции. Однако этот вариант обладает важным недостатком: ВСМ ориентированы в первую очередь на пассажирские перевозки, и неясно, будет ли на них достаточный спрос.

Неравномерность размещения населения приведет к тому, что основные ВСМ будут сосредоточены в европейской части России, тогда как фактическая транспортная изоляция Сибири и Дальнего Востока сохранится. По этой причине приоритетным вариантом развития железнодорожной инфраструктуры, по нашему мнению, должно быть ускоренное строительство традиционных железных дорог – как расширение пропускной способности уже существующих магистралей, так и создание новых.

Важной угрозой выступает то, что из-за недостаточной транспортной связности разные части страны формируют самостоятельные экономические системы с разной внешнеэкономической ориентацией. В результате хозяйственное единство страны может разрушиться – с соответствующими последствиями для политического единства. (Не случайно в Конституции РФ одним из системообразующих принципов существования нашей страны названо наличие единого экономического пространства.) История распада СССР указывает на то, что России следует обращать особое внимание на обеспечение транспортной связности.

При этом необходимо развивать прямые пути сообщения между ведущими экономическими центрами страны, т. е. децентрализовать транспортную систему, строить ее не по звездчатой топологической схеме, а по сетевой. Примером такой прямой магистрали является «Белкомур», который создаст условия для выхода добывающих регионов Урала на экспортные порты Белого моря.

Также следует определиться с выбором организационно-экономического механизма создания транспортной инфраструктуры. В настоящее время большие надежды возлагаются на государственно-частное партнерство (ГЧП),

основанное на привлечении частных инвестиций¹⁶⁵. Однако механизм ГЧП предполагает введение в той или иной формы платы с перевозчиков за использование транспортной инфраструктуры. В ситуации слабого экономического роста такие обязательные платежи крайне негативно сказываются на бизнесе и представляют собой дополнительное финансовое давление на него. Кроме того, из-за стремления концессионеров максимально быстро окупить свои инвестиции, плата за пользование дорогами нередко завышается, что вызывает негативную реакцию пользователей и снижает объем перевозок по этим дорогам (фактически из-за этого они не выполняют те функции, для которых строились).

Наконец, автомобильные и железные дороги на основе ГЧП строятся в первую очередь там, где уже есть интенсивные транспортные потоки (на бесплатных магистралях), а не там, где надо создавать новую инфраструктуру для обеспечения связности страны¹⁶⁶ – из-за необходимости обеспечивать экономическую эффективность проектов (для компенсации инвестиций концессионера и снижения финансовых рисков государства, которому, в случае недополучения прибыли концессионером придется компенсировать эти доходы).

Отметим, что при развитии транспортно-логистической инфраструктуры в нашей страны учитывается преимущественно прямой экономический эффект (т. е. то, способен ли построенный объект генерировать прибыль сам

¹⁶⁵ Астафьев А. В. Контракт жизненного цикла – новая форма государственно-частного партнерства для организации регулярного контейнерного сообщения // Экономика железных дорог. – 2015. – № 12. – С. 55-65; Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы методологии // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2009. – № 3. – С. 17-33; Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 9. – С. 41-50; Горбань Т. С. Развитие инфраструктуры в рамках государственно-частного партнерства // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 12-4. – С. 45-47; Крекотнев Р. Н., Курбанов А. Х., Пахомов В. И. Риски государственно-частного партнерства при реализации проектов строительства объектов военно-складской инфраструктуры // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2014. – № 2. – С. 256-266; Курбанов А. Х., Плотников В. А. Государственно-частное партнерство и аутсорсинг: сравнительный анализ структуры и характера отношений // В мире научных открытий. – 2013. – № 4. – С. 33-47; Плотников В. А., Федотова Г. В., Пролубников А. В. Государственно-частное партнерство и специфика его реализации в регионах России // Экономика и управление. – 2015. – № 1. – С. 38-43; Эмиров Н. Д., Степочкина М. Д. Государственно-частное партнерство - эффективный инструмент развития регионов России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2015. – № 1. – С. 228-232.

¹⁶⁶ Ивантер А., Маврина Л., Ульянов Н. Нам такие дороги дороги // Эксперт. – 2019. – № 45-46. – С. 13-21.

по себе), тогда как косвенные эффекты во внимание не принимаются. При таком подходе, очевидно, текущая модель строительства инфраструктуры (ориентированная на уже существующие транспортные потоки, а не создание условий для возникновения новых) сохранится. Мы полагаем, что необходимо усилить финансовое участие государства в строительстве транспортно-логистической инфраструктуры (в т. ч. путем реинвестирования нефтегазовой ренты). Это позволит создать спрос на строительные услуги (что послужит стимулом для экономического роста) и вовлечь в хозяйственный оборот новые ресурсы.

Выявленные нами угрозы, описанные выше в тексте данного параграфа диссертации, в сводном виде представлены в табл. 2.3.1.

Таблица 2.3.1 – Состав внутренних социально-экономических угроз национальной экономической безопасности России

Тип угроз	Сущность угроз	Инструменты элиминирования
Сырьевая ориентация национальной экономики	Неэффективное использование сверхдоходов от сырьевого экспорта; низкий объем добавленной стоимости, создаваемой в несырьевом секторе	Стимулирование формирования национальных цепочек добавленной стоимости в интересах российского нефтегазовой отрасли путем реинвестирования сырьевой ренты; рост числа переделов в нефтегазовой отрасли и иных сырьевых отраслях (за счет реинвестирования сырьевых доходов)
Неустойчивый экономический рост	Увеличение экономического отставания от ведущих стран мира	Запуск национальных проектов; ослабление налого-

Тип угроз	Сущность угроз	Инструменты элиминирования
		вого давления на экономику; стимулирование экспорта; изменение финансовой и денежной политики
Падение доходов населения	Ухудшение уровня и качества жизни граждан; сокращение спроса на российскую продукцию	Изменение финансовой и денежной политики; расширение мер социальной поддержки
Неэффективная денежная и финансовая политика	Регулирование параметров денежного обращения и финансовой системы страны в отрыве от задач обеспечения экономического роста	Переход к финансовой и денежной политике, ориентированной на экономический рост
Демографические риски	Ухудшение человеческого капитала; невозможность воспроизводства населения	Расширение финансовой поддержки семей с детьми; внедрение сервисной поддержки семей с детьми
Слабая транспортная связность	Риск распада хозяйственного единства страны; сложность эффективного использования национальных ресурсов	Рост строительства транспортно-логистической инфраструктуры (в т. ч. за счет реинвестирования сырьевой ренты)

Из таблицы видно, что выявленные нами внутренние социально-экономические угрозы для национальной экономической безопасности тесно связаны друг с другом. Неэффективная финансово-денежная политика, например,

становится причиной сохранения сырьевой ориентации экономики (из-за неэффективного использования сырьевых сверхдоходов), торможения экономического роста и падения доходов населения. Высокий уровень бедности препятствует экономическому росту и создает демографические риски и т. д. Следовательно, эти проблемы должны решаться в комплексе.

Наибольшие угрозы, по нашему мнению, создаются из-за неэффективной финансово-денежной политики (поскольку, как показывает таблица, она во многом обуславливает все остальные угрозы), однако, как было сказано выше, вероятность того, что она будет пересмотрена, крайне невелика. (Хотя смена персонального состава Правительства РФ в начале 2020 года и дает надежду на изменение ситуации.)

Второй по значимости угрозой мы считаем отсутствие экономического роста, поскольку она консервирует все отмеченные нами проблемы. Высокий темп экономического роста мог бы компенсировать неэффективную финансово-денежную политику. Однако в совокупности экономическая стагнация и неэффективная политика в области финансов и денежного обращения фактически замораживают развитие экономики и минимизируют вероятность устранения отмеченных нами угроз.

По итогам проведенного исследования мы можем сформулировать следующие промежуточные выводы:

- при обеспечении национальной экономической безопасности необходимо уделять приоритетное внимание внутренним социально-экономическим угрозам. Именно они создают наибольшие риски для народного хозяйства, углубляют отставание от ведущих стран мира и ухудшают экономические перспективы России. Международные санкции только усиливают негативный эффект этих угроз;

- выявленные нами угрозы тесно связаны друг с другом и взаимно усиливаются. По этой причине устранять их по отдельности невозможно, поскольку они будут воспроизводиться. Стратегия противодействия социально-экономическим угрозам должна быть комплексной;

- наибольшей угрозой, по нашему мнению, является неэффективная финансово-денежная политика, направленная на регулирование параметров денежного обращения в отрыве от обеспечения экономического роста. Эта парадигма деятельности финансовых властей нуждается в скорейшем пересмотре, однако вероятность этого мала. Парадоксальным образом финансовые власти России даже в условиях санкционного давления действуют в соответствии с требованиями «вашингтонского консенсуса»¹⁶⁷;

- задача руководства страны заключается в скорейшем запуске экономического роста, пересмотре финансово-денежной политики и развитии несырьевого сектора экономики на основе сверхдоходов от экспорта природных ресурсов. Инструментом стимулирования экономического роста может быть начало реализации национальных проектов (частью таких проектов является развитие транспортно-логистической инфраструктуры), а также содействие в поддержке экспорта. Это позволит решить проблему падающих доходов населения и устранить демографические риски.

¹⁶⁷ Губанов С. С. О системных основах экономической безопасности России // Экономические и социальные перемены. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 49-61.

Глава 3. Методы противодействия экономико-политическим и социальным угрозам национальным экономическим интересам

3.1 Выявление векторов трансформации системы международных экономико-политических связей и механизмов их влияния на национальные экономические интересы

Система мировых экономических и политических отношений в настоящее время претерпевает глубокие изменения¹⁶⁸. Внутренней причиной происходящих трансформаций является резко обострившаяся борьба за политическое и экономическое лидерство, что внешне воплощается в торговых войнах¹⁶⁹, ужесточившейся конкуренции за рынки, санкционном давлении, «прокси» войнах на периферии ведущих мировых государств и т. д. Эти изменения имеют важные последствия для экономической безопасности нашей страны¹⁷⁰, однако пока систематизированного описания для них предложено не было. Мы намерены восполнить этот пробел.

В российской научной и аналитической литературе по очевидным причинам основной акцент делается не на трансформации мировой системы экономических и политических отношений в целом, а только на тех аспектах этой трансформации, которые непосредственно затрагивают Россию и ее интересы. Однако отсутствие комплексного анализа происходящих глобальных изменений не позволяет выстроить целостную и непротиворечивую картину угроз для нашей страны, что, в свою очередь, препятствует разработке комплексной стратегии противодействия и адаптации к изменяющейся обстановке.

¹⁶⁸ Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. – 2016. – № 1. – С. 22-30; Шамахов В. А., Межевич Н. М. Глобальная политика и глобальная экономика: ожидаемые сюрпризы первой половины 2019 года // Управленческое консультирование. – 2019. – № 7. – С. 10-16.

¹⁶⁹ Кузнецов А. В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия // Финансы: теория и практика. – 2019. – Т. 23. – № 5. – С. 50-61.

¹⁷⁰ Сенчагов В. К., Побываев С. А., Соловьев А. И. Оценка влияния глобальных рисков как инструмент формирования экономической стратегии России: индикативный подход // Экономические стратегии. – 2016. – Т. 18. – № 8. – С. 24-31; Харламова А. А. Возникновение новых угроз экономической безопасности России // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2017. – № 1. – С. 36-39.

Далее мы изложим наше видение сущности этих изменений на глобальном уровне и возможных мер, которые следует принять Российской Федерации, чтобы минимизировать негативные последствия происходящей трансформации для её национальной экономической безопасности.

После развала мировой социалистической системы в 1989-1991 гг. и распада политического и экономического лидера этой системы – СССР – единственной сверхдержавой в мире стали США. Позиционируя себя в качестве «лидера свободного мира» в течение холодной войны, после ее окончания США стали лидером всего мира (оптимисты могли, вероятно, считать в 1991 г., что весь мир стал свободным – фактически именно это утверждал Фрэнсис Фукуяма в своей знаменитой работе «Конец истории»¹⁷¹). Их статус сверхдержавы основывался на

- неоспоримом военно-политическом лидерстве (крупнейшие вооруженные силы, мощный ядерный арсенал, система возглавляемые США военных союзов, в первую очередь – НАТО);
- крупнейшей экономике мира;
- технологическом лидерстве;
- статусе доллара США как международной валюты, что предоставляет США уникальную возможность получения внешнего финансирования.

Важно подчеркнуть, что факторы лидерства США и само лидерство представляют собой взаимосвязанную и взаимоподдерживающуюся систему. Факторы лидерства дают США возможность быть лидером, но, будучи лидером (и получая связанную с этим ренту), США могут укреплять факторы своего лидерства. То есть, действует система положительных обратных связей (по аналогии с моделью мультипликатора – акселератора в макроэкономике).

¹⁷¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007. – 588 с.

Отметим, что, противостоя советскому блоку в холодной войне¹⁷², США ревностно оберегали свое лидерство в капиталистическом мире, пресекая попытки других государств перехватить его. В частности, в 1985 г. на основе соглашения Plaza был остановлен экономический рост Японии – страны, которая, по прогнозам 1980-х гг., должна была постепенно стать ведущей экономикой мира. Япония была фактически принуждена к заключению этого соглашения, которое стало причиной длительной стагнации японской экономики, которая не преодолена и до настоящего времени. Эта политика продолжилась и после распада СССР – по оценкам отдельных специалистов, агрессия НАТО в Югославии в 1999 г. в качестве одной из целей имела подрыв евро как потенциального конкурента доллара США.

Эпоха после 1991 г. рассматривается не только как период безоговорочного доминирования США, но и как эра глобализации – выстраивания единой мировой экономики с центром в США со сложной системой кооперации и разделения труда между странами и глобальными регионами¹⁷³. Признаками глобальной экономики стали деиндустриализация традиционных ведущих экономических центров мира (США и Европы), перенос промышленных производств в Азию (в первую очередь – в Китай, который смог благодаря этому пережить мощный экономический рывок, который к настоящему времени вывел китайскую экономику по размеру ВВП, исчисленного по паритету покупательной способности, на первое место в мире), и сосредоточение США и Европы на производстве товаров, услуг и технологий с высокой добавленной стоимостью.

¹⁷² Левин М. И., Шевелева И. В. Воспоминание о будущем: трансфер технологий и опыт холодной войны // *Финансы и бизнес*. – 2017. – № 2. – С. 54-65.

¹⁷³ Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2016. – № 1. – С. 17-30; Кондратьев В. Б. Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63. – № 1. – С. 49-58; Котляров И. Д. Формы аутсорсинга в современной международной торговле // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2011. – № 6. – С. 65-72; Кошовец О. Б., Ганичев Н. А. Глобальная цифровая трансформация и ее цели: декларация, реальность и новый механизм роста // *Экономическая наука современной России*. – 2018. – № 4. – С. 126-143.

Однако после кризиса 2008 г. стали проявляться противоречия мировой глобальной экономической модели, а рост экономического и политического потенциала отдельных государств в сочетании с развитием новых технологий (открывающих дорогу новому технологическому укладу¹⁷⁴) стал размывать статус США как единственного лидера. Поскольку же, как было сказано выше, лидерство США и факторы это лидерства тесно связаны друг с другом, угрозы единоличному лидерству США воспринимаются руководством этой страны как угрозы национальному благополучию и процветанию, поэтому должны устраняться любой ценой. Именно противодействие этим угрозам, по мнению автора, и является причиной текущего обострения мировой экономической и политической ситуации.

В качестве угроз лидерству США выступают:

- растущая экономическая и технологическая мощь Китая, который по размеру своей экономики (по ВВП в номинальном исчислении) стремительно настигает США, и при этом сумел добиться значимых прорывов в технологическом развитии (прежде всего, в области искусственного интеллекта). КНР открыто декларирует желание стать глобальным технологическим лидером в условиях цифровой экономики. Для противодействия этому США открыто используют инструментарий экономического принуждения.

Несмотря на быстрое развитие Китая, он по-прежнему зависит от поставок высокотехнологичной продукции из США (хотя эта зависимость постепенно ослабляется, в том числе и за счет достаточно небрежного отношения Китая к вопросам использования и защиты интеллектуальной собственности, что позволяет ему быстро копировать и осваивать передовые зарубежные наработки). Вторым слабым местом Китая является сильная зависимость от экспорта (во многом для обеспечения которого и реализуется проект «Один

¹⁷⁴ Бабурина О. Н., Гуриева Л. К. Научно-технологический императив конкурентоспособности России в условиях концептуализации четвертой промышленной революции (Industrie 4.0) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 396-416; Клочков В. В. Влияние технологий «цифровой экономики» на индустриальный сектор // Друкеровский вестник. – 2018. – № 2. – С. 59-67; Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4. – С. 16-24.

пояс, один путь», призванный обеспечить Китай собственной зоной экономического влияния и гарантировать пути поставок продукции и ресурсов, в том числе внутриконтинентальные, для которых снимаются риски военного блокирования морских портов и международных – в частности Малаккского и Ормузского, проливов.

Именно по этим слабым местам и наносят удар США, блокируя поставки высокотехнологичной продукции (например, санкции, введенные против компании ZTE и Huawei), препятствуя сбыту китайских высокотехнологичных товаров за рубежом (это в целом подрывает эффективность инновационных китайских компаний; примером может быть запрет на использование оборудования Huawei в США и ряде их союзников) и вводя заградительные пошлины на импорт китайской продукции в США¹⁷⁵. Цель США заключается в недопущении собственного поражения в технологической гонке с Китаем, усложнении деятельности китайских высокотехнологичных компаний и предоставлении конкурентных преимуществ для национальных высокотехнологичных фирм. Помимо этого, США хотят сократить дефицит своего торгового баланса и создать стимулы для экономического роста.

Китай в настоящее время оказался перед выбором – либо принять требования США и добровольно ограничить свое экономическое и технологическое развитие (США настаивают на сокращении государственной поддержки китайской экономики, ужесточении контроля над соблюдением прав иностранных владельцев интеллектуальной собственности, ревальвации юаня и т. д.), либо отказаться от этих требований и находиться под действием инструментов торговой войны, начатой США, постепенно сдавая свои позиции и попадая в фактическую полуколониальную зависимость.

С точки зрения интересов России, давление США на Китай может стать причиной замедления роста китайской экономики и, как следствие, снижения

¹⁷⁵ Петровский В. Е. Американско-китайские торговые войны: экономика или геополитика? // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 2. – С. 51-58.

спроса на те ресурсы, которые Россия поставляет в КНР (прежде всего, на углеводороды). Это приведет как к сокращению физических поставок российских ресурсов, так и к снижению цен на них, что неблагоприятно отзовется на состоянии российского бюджета и замедлит экономический рост нашей страны (и так крайне слабый и неуверенный);

- восстановление военного потенциала Российской Федерации. Разумеется, США (особенно если принять во внимание их союзников) с военной точки зрения гораздо сильнее России. Однако уровень военной мощи России вырос до того размера, при котором она может создавать угрозу для США и причинить, даже в случае своего военного поражения, такой ущерб США и их союзникам, который поставит под сомнение саму возможность их дальнейшего существования.

При этом, слабым местом России, унаследованным от СССР, является диспропорция между военной мощью и экономическим потенциалом. Российская экономика сравнительно невелика по размерам. По данным МВФ, в 2018 году номинальный американский ВВП составлял \$20 580 млрд, а российский – \$1 657 млрд, т.е. составлял чуть более 8% от американского. Расчеты с использованием паритета покупательной способности (источник – то же) дают несколько более оптимистичный результат, российский ВВП увеличивается до \$42 58 млрд, что составляет около 20% от ВВП США. Тем не менее, очевидно, что экономическая мощь России меньше, чем у США, если не порядок, то в разы.

Поддержание текущего уровня военного паритета требует от России больших затрат, особенно высоких в условиях стагнации, и участие в гонке вооружений ложится тяжелым бременем на государственный бюджет (основным источником пополнения которого являются нефтегазовые доходы). Кроме того, Россия отстает от передовых стран с точки зрения уровня технологического развития, что вынуждает ее приобретать инновационную продукцию за рубежом (в том числе и для нужд ОПК) – эта проблема тоже имеет давнюю историю (она также существовала еще во времена СССР).

США противодействуют этой угрозе путем ограничения поставок высокотехнологичной продукции, роста военных угроз (в частности, выходом из договора РСМД, что вынуждает Россию применять ответные меры и ведет к увеличению ее военных расходов и еще большему давлению на отечественную экономику) и блокирования российского экспорта вооружений и углеводородов¹⁷⁶.

Рост военных угроз выражается не только в нагнетании агрессивной риторики и принуждении к гонке вооружений, но и в проведении военных операций, затрагивающих интересы России, на ее периферии. Примерами могут быть поддержка США террористических и повстанческих организаций в Сирии, ведущих борьбу против законного президента этой страны Башара Асада, предоставление вооружения и военной техники киевскому режиму, которые используются для карательных операций в регионах, за которые Россия приняла на себя гуманитарную ответственность (народные республики Донбасса) и т. д.

Особо следует указать на содействие в восстановлении украинского военного флота после его фактической ликвидации в 2014 г., а также помощь в пополнении Морской охраны Государственной пограничной службы Украины; украинские ВМС и МО ГПСУ ведут активную провокационную деятельность против России в Черном и Азовском морях – атаки на российские нефтяные платформы, попытка прорыва через Керченский пролив в ноябре 2018 г., задержание российских рыболовных судов и т. д.

Отметим, что США не считают Россию (в отличие от Китая) значимым экономическим соперником и введенные санкции направлены не на слом российской экономики как таковой, а на лишение ее необходимых ресурсов для

¹⁷⁶ Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. – 2015. – № 10. – С. 24-32; Ерасова Е. А., Плотников В. А. Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Экономика и управление. – 2015. – № 3. – С. 22-28; Загашвили В. С. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59. – № 11. – С. 67-77; Клинова М. В., Сидорова Е. А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским Союзом // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 67-79.

поддержания военной мощи. Напротив, меры против Китая предназначены именно для противодействия росту экономического¹⁷⁷ и технологического потенциала КНР (несмотря на возросшую военную мощь Пекина и на его политическую экспансию в Юго-Восточной Азии, США видят в Китае прежде всего экономического противника).

Хотя у России и Китая существует конфликт интересов с США, это не делает наши страны естественными союзниками. Китай ориентирован на сохранение своего экономического потенциала и достижение технологического лидерства, и не желает военно-политического противостояния с США, и поэтому не будет оказывать России явную политическую поддержку. Более того, Китай скорее будет использовать нашу страну в своих долгосрочных целях. Прежде всего, Россия удобна для отвлечения внимания США от Китая, и, кроме того, с учетом частичной изоляции России Китай может заместить выпавших традиционных российских партнеров на выгодных для себя условиях (благодаря отсутствию конкуренции);

- возникновение региональных лидеров, претендующих на ведение самостоятельной (не согласованной с США) политики. Наиболее яркими примерами могут быть Венесуэла, Турция и Иран. Интересно отметить, что, хотя Турция является членом НАТО, США в последние годы придерживаются в отношении этой страны исключительно агрессивной риторики и вводят против нее ограничительные меры (в т. ч. озвучиваются перспективы исключения Турции из производственной цепочки по выпуску нового истребителя F-35).

Что же касается Ирана, то против него задействован весь потенциал экономического подавления (запрет на экспорт углеводородов, запрет на ведение торговых операций, запрет на проведение платежей и т. д.). Жесткие меры давления используются в отношении и Венесуэлы (запрет на оплату поставок углеводородов из Венесуэлы в пользу подконтрольных текущему венесуэль-

¹⁷⁷ Курбанов А. Х., Плотников В. А. Экономический потенциал страны как экономическая категория // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 3. – С. 45-56.

скому правительству экспортеров – отметим при этом, что сами поставки разрешены), однако ситуация в этой стране усугубляется, по нашему мнению, некомпетентностью правящего режима, допустившего, даже в условиях санкций, обвальное падение экономики.

Меры экономического подавления против этих государств с точки зрения экономической безопасности России носят двойной характер. С одной стороны, заинтересованность этих стран в обеспечении самостоятельной экономической и политической стратегии естественным образом вынуждает их к балансированию между альтернативными центрами силы, т. е. благоприятствует наращиванию их сотрудничества с Россией. В частности, Россия может обеспечить сбыт в эти государства продукции ОПК, получить доход от управления природными ресурсами этих стран (включая их сбыт на мировых рынках – к посредничеству России в этой области может прибегнуть и – по некоторым данным – уже прибегает Венесуэла), получить выгодные контракты на развитие и обновление инфраструктуры этих стран и т. д.

Теоретически это позволило бы России обеспечить внешний рынок для сбыта своей продукции и для закупки необходимых ресурсов, т. е. сформировать собственную зону экономического влияния. Это значительно бы упростило проведение политики импортозамещения и позволило бы повысить эффективность российской экономики, а также частично сгладить негативный эффект санкций против России. С другой стороны, неустойчивость политического положения в этих странах (находящихся под давлением США), а также нехватка финансовых ресурсов (по той же причине) делает эти государства недостаточно выгодными и высокорискованными партнерами.

Сбыт дорогостоящей российской продукции на этих рынках будет осуществляться в кредит (что, в условиях финансовых санкций против России и крайне неустойчивого экономического роста в нашей стране, становится сложной задачей), а долгосрочные контракты гарантируются лишь личной заинтересованностью правящих режимов. В случае их свержения контракты бу-

дут расторгнуты на невыгодных условиях, и переданы альтернативным поставщикам. Это подтверждается ситуацией в Иране. В период действия предыдущих санкций против Ирана именно Россия была одним из немногих торговых партнеров этой страны и оказывала ей умеренную политическую поддержку. После заключения иранской ядерной сделки санкции с Ирана были сняты и иранская экономика открылась для международных контрактов и инвестиций.

С учетом предыдущего опыта взаимодействия с Ираном российские предприятия могли бы рассчитывать на определенные преференции, однако этого не произошло. Все значимые контракты (например, на поставку локомотивов) были отданы поставщикам из других государств. Таким образом, хотя потенциал сотрудничества России с этими странами существует, он невысок и его использование связано со значительными рисками (однако использовать его все равно необходимо).

Подчеркнем, что в настоящее время нет государств, которые бы одновременно угрожали экономическому и военно-политическому лидерству США (в среднесрочной перспективе такая угроза может возникнуть со стороны Китая, который, однако, пока что не заинтересован в нагнетании напряженности). Кроме того, среди стран, против которых США применяют меры экономического давления, нет единства относительно противодействия этому давлению.

Используемая в настоящее время США политика санкционного давления и торговых войн беспрецедентна. Впервые объектом такого давления стал крупнейший мировой экспортер (Китай), что ведет к подрыву существующей системы глобальной экономики с ее распределенными цепочками создания стоимости. США стремятся сконцентрировать под своим контролем все ресурсы и производства, которые необходимы им для удержания технологического лидерства и ради этого готовы жертвовать проектом глобальной эконо-

мики (которая была выгодна корпорациям, но создавала угрозы для долгосрочного лидерства США). Причем речь идет о двух взаимосвязанных аспектах деятельности США по трансформации мировой экономики:

1) получение контроля над ключевыми ресурсами и недопущение победы потенциальных соперников в технологической гонке, для чего используются санкции и торговые ограничения, ломающие систему единой мировой торговли;

2) в условиях слома существующей мировой экономической системы для США становится необходимым получить контроль над ключевыми ресурсами, чтобы избежать попыток встречного давления (справедливо, вероятно, говорить о реализации грандиозной программы импортозамещения и реиндустриализации США). Это ведет к дальнейшему развалу мировой экономической системы, поскольку влечет за собой отказ США от сотрудничества с традиционными поставщиками (ввиду устранения потребности в них), переориентацию американской экономики на собственные ресурсы и необходимость переориентации товарных потоков (ранее направлявшихся в США). Более того, США могут производить ресурсов больше, чем необходимо для удовлетворения их собственных потребностей, и тогда избыток будет поступать на мировой рынок, создавая на него дополнительное давление.

Важным шагом в этом направлении становится получение Америкой энергетической независимости за счет программы добычи сланцевой нефти и сланцевого газа (что позволяет исключить риск давления со стороны экспортеров этих ресурсов). Энергетическая независимость США создает значительные угрозы для экономической безопасности нашей страны, поскольку добыча углеводородов в Америке ведет к насыщению мирового рынка, усложнению сбыта российской нефти и газа и снижению цен на эти ресурсы (что ведет к снижению валютной выручки нашей страны). Более того, США противодействуют российскому экспорту газа в Европу, убеждая европейских потребителей в способности Америки удовлетворить потребности Европы в этом ресурсе за счет собственных поставок.

Еще одним примером является освобождение США от зависимости от российских услуг космических запусков благодаря сравнительно успешной реализации проекта Falcon от Илона Маска. Это отрицательно сказывается на эффективности российской космической отрасли, которая не сумела заблаговременно адаптироваться к этой угрозе.

Подчеркнем, что тенденция к слому глобальной экономики не является универсальной. США устраниют глобальные производственные цепочки в тех секторах, в которых существование таких цепочек угрожает долгосрочным интересам Америки, тогда как в тех сегментах, где наличие глобального рынка выгодно для США, Америка поддерживает глобализацию и помогает выстраиванию глобальных связей. Примером может быть рынок сжиженного природного газа (СПГ), существование которого позволяет США получить выгоду от экспорта энергоресурсов.

Это означает, что США не просто ломают, а переформатируют глобальный рынок, стремясь получить контроль над всеми ресурсами, которые могут быть источниками ренты для американской экономики, но при этом желают иметь возможность извлекать эту ренту за счет продажи этих ресурсов (или продуктов, произведенных на их основе) на глобальном рынке. Можно утверждать, что предшествующая модель глобализации реализовывалась в интересах транснациональных корпораций (и поэтому выгоду от нее могли получать все ведущие страны мира), тогда как текущая модель переформатирования глобализации в интересах США ведет к тому, что все преимущества глобального рынка будут работать только для выгоды США как национального государства. Это своего рода «локальная» глобализация, выстраивание глобальной экономики для обслуживания экономических интересов одной страны.

С учетом сказанного выше в деятельности США по сохранению за собой глобального лидерства, с точки зрения экономической безопасности России, выделяются четыре группы мероприятий, описание которых приведено в таблице 3.1.1.

Из таблицы видно, что, несмотря на противостояние России и США, большая часть американских мероприятий, создающих угрозу для экономической безопасности нашей страны, направлена против России лишь косвенно (хотя сам масштаб угроз от этого меньше не становится). Ключевая задача Америки заключается в удержании собственного экономического, технологического и военно-политического лидерства, что стало сложным в существующей системе мировых экономических отношений. Поэтому США ломают эту систему. Антироссийские санкции важное определенное место в перечне инструментов, используемых США для слома, но не определяющее.

Таблица 3.1.1 – Экономическая политика США как источник угроз для экономической безопасности России (составлено автором)

Виды мероприятий	Сущность мероприятий	Направленность против России
Повышение эффективности экономики США	Реализация программ по обеспечению национальной экономики США собственными ресурсами. Мероприятия носят экономическую направленность и преследуют преимущественно экономические цели	Напрямую эти меры против России не направлены, однако их проведение создает угрозу для России (за счет устранения ее продукции с рынка) и позволяет США эффективнее отстаивать свои интересы в противостоянии с Россией
Подавление попыток получения экономического лидерства другими странами	Давление на Китай в форме ужесточения условий сотрудничества с ним (рост пошлин на	Замедление экономического роста Китая может повлечь за собой снижение спроса на товары российского сырьевого и

Виды мероприятий	Сущность мероприятий	Направленность против России
	<p>китайский импорт, запрет на закупки китайского высокотехнологического оборудования, запрет на продажи китайским компаниям высокотехнологических компонентов, запрет на трансфер интеллектуальной собственности в Китай и т. д.).</p> <p>Мероприятия носят экономическую направленность и преследуют преимущественно экономические цели</p>	<p>энергетического экспорта</p>
<p>Противодействие восстановлению военной мощи России</p>	<p>Санкционное давление на Россию.</p> <p>Мероприятия носят экономическую направленность, однако их цели преимущественно политические</p>	<p>Меры направлены непосредственно против России и призваны ограничить экономический рост нашей страны с целью создания дефицита финансовых ресурсов для поддержания военной мощи</p>

Виды мероприятий	Сущность мероприятий	Направленность против России
Противодействие региональным центрам силы	Ограничение экономического и политического потенциала стран, стремящихся проводить самостоятельную политику и претендующих на статус региональных лидеров. Мероприятия носят экономическую направленность, однако преследуют политические цели	Могут способствовать развитию российского экспорта за счет переключения подавляемых стран на товары российского производства. Могут увеличить для России экономическое бремя поддержки своих союзников

Таким образом, нашей стране следует адаптироваться к следующим типам трансформаций мировой системы экономических и политических отношений (и противостоять соответствующим типам угроз собственной экономической безопасности):

- смена модели глобализации мировой экономики и рост автономии США (ведущие к утрате или риску утраты традиционных рынков сбыта российской продукции из-за роста предложения на этих рынках и переориентации сложившихся товарных потоков);
- изменение отношений США с другими крупными экономическими и политическими игроками;
- санкции, непосредственно направленные на подавление российской экономики.

Россия, по очевидным причинам, основное внимание уделяет третьему типу угроз, из-за чего реакция нашей страны на трансформацию системы меж-

дународных политических и экономических отношений зачастую запаздывает. В частности, Россия чуть не пропустила глобализацию мирового рынка газа (за счет развития технологий его сжижения и формирования глобальной инфраструктуры для транспортировки сжиженного газа) и стремительный выход США на него. Ликвидировать это отставание призван проект «Ямал СПГ» компании «Новатэк».

Однако, хотя «Ямал СПГ» активно наращивает экспортные поставки и формально этот проект может быть признан успешным, с точки зрения экономических интересов нашей страны ситуация неоднозначная. Во-первых, этот проект освобожден от ряда налогов, и экспорт произведенного в его рамках СПГ ведет к недополученным доходам для российского бюджета (освобождение от этих налогов было тем условием, которое выдвинул международный консорциум, участвующий в этом проекте). Во-вторых, СПГ «Новатэка» поставляется преимущественно на европейский рынок, вытесняя с него традиционный трубопроводный газ «Газпрома», по которому пошлины и налоги в бюджет уплачиваются в полном объеме. По подсчетам экспертов, весь объем поставок «Новатэка» обеспечивается за счет вытеснения поставок «Газпрома» в Европу, что ведет к прямым потерям для российского бюджета (которые, по различным мнениям, приводимых в научных и деловых источниках, а также в комментариях экспертов в СМИ, могут быть оценены в 10-30 млрд рублей ежегодно). Таким образом, присутствие России на мировом рынке СПГ является своего рода «пирровой победой», т. к. достигается за счет прямых потерь бюджета.

Аналогичная ситуация, как было сказано выше, складывается на рынке космических запусков, с которого в настоящее время Россия вытесняется (и пока эффективного инструмента противодействия этой ситуации предложено не было).

Можно утверждать, что России необходимо разработать комплексную стратегию противодействия всем перечисленным выше типам угроз.

Выше мы отметили, что трансформация мировой системы экономических отношений порождена ужесточением борьбы за экономическое и технологическое лидерство. Однако выше мы рассмотрели только те меры, которые принимают США для удержания своего лидерства. Тем не менее, активную деятельность по перехвату лидерства ведет Китай, и реализуемая им стратегия также таит в себе угрозы для экономической безопасности нашей страны.

Речь идет прежде всего о проекте «Один пояс, один путь», который выстраивается для обслуживания экономических интересов Китая. Фактически можно утверждать, что действия Китая во многом аналогичны стратегии США – КНР создает инструменты для вовлечения других национальных экономик в сферу экономического влияния, для того, чтобы использовать их ресурсы в своих интересах. Это китайский вариант локальной глобализации. Это позволяет говорить о конкуренции между двумя новыми проектами глобальной экономики – китайской и американской, т. е. о соперничестве за право определять в среднесрочной и даже долгосрочной перспективе правила игры в мировой системе экономических отношений.

Заметная часть создаваемой в рамках проекта «Один пояс, один путь» инфраструктуры будет пролегать по России. С одной стороны, это будет способствовать инфраструктурному развитию нашей страны и даст возможность увеличить грузопотоки (и доход от перевозки грузов). Но, с другой стороны, этот проект (как в целом, так и его российская составляющая) связан со значительными рисками для отечественной экономики:

- практикуемая Китаем модель создания инфраструктуры за рубежом предполагает использование китайских технологий, китайских поставщиков и, в случае необходимости, китайских банков для кредитования проектов, а также китайских специалистов высокой квалификации¹⁷⁸. Выбор такой модели является естественным с точки зрения интересов Китая (поскольку она позво-

¹⁷⁸ Луконин С. Под маской благодетеля // Эксперт. – 2019. – № 7. – С. 38-43.

ляет ему максимизировать свою выгоду), однако она явно не в интересах России, которая не получит никакой выгоды от реализуемых в ее пределах масштабных инфраструктурных проектов, поскольку вся добавленная стоимость будет произведена в Китае (но при этом Россия будет должна частично или в полном объеме их финансировать – возможно, за счет китайских кредитов).

В условиях неустойчивого роста национальной экономики передача масштабных заказов китайским подрядчикам дополнительно ухудшает положение российских поставщиков и создает риски их ухода с рынка (с негативными экономическими и социальными последствиями для нашей страны; в конечном счете, может возникнуть ситуация, когда Россия не сможет самостоятельно реализовать ни один крупный проект без сотрудничества с Китаем). Использование китайских кредитов, кроме того, ведет к росту внешней задолженности страны. Реализация по такой модели проектов в России – это поддержка китайской, а не российской экономики.

При этом, переговорные позиции нашей страны недостаточно сильны, и жестко настаивать на локализации производства в рамках таких проектов России затруднительно (в т. ч. и по причине отсутствия ряда производств, которые надо специально создавать). Как следствие, участие России в инициативе «Один пояс, один путь» будет представлять собой просто наращивание зависимости нашей страны от Китая, превращение ее в рынок сбыта для китайских товаров, поставщика ресурсов для китайской экономики и в логистический маршрут для китайского экспорта и импорта;

- «Один пояс, один путь» ориентирован на вовлечение участников этого проекта в сферу экономического влияния Китая. Однако, среди участников есть и государства, которые традиционно воспринимаются Россией как входящие в зону ее экономических и политических интересов (речь идет прежде всего о бывших советских республиках Средней Азии, которую ныне принято именовать Центральной Азией)¹⁷⁹. Их участие в проекте «Один пояс, один

¹⁷⁹ Плотников В. А., Ускова К. Л. Экономическая безопасность России и развитие евразийской интеграции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 1. – С. 5-10.

путь» ведет к их дальнейшему обособлению от России и снижению потенциала интеграционного сотрудничества в рамках ЕАЭС.

С учетом того, что ЕС и США удалось отторгнуть от российской зоны экономического влияния Украину (наиболее мощную, после России, экономику на постсоветском пространстве), окончательная утрата Россией возможностей сотрудничества с государствами Средней Азии приведет к дальнейшему сжиманию отечественной экономики и к ее замыканию в пределах национальных границ.

К сожалению, риски экономической экспансии Китая в российском экспертном, научном и профессиональном сообществе осознаются не в полной мере. Скорее в нем преобладает энтузиазм относительно перспектив сотрудничества с Китаем (которое может заместить сотрудничество с коллективным Западом)¹⁸⁰. Однако перспективы эти, по нашему мнению, призрачны. Китай ведет борьбу за глобальное экономическое лидерство, и Россия рассматривается им лишь как источник ресурсов для победы в этой борьбе. Содействовать развитию российской экономики Китай не будет.

Это означает, что нашей стране необходимо разработать стратегию противодействия росту экономического потенциала Китая за счет российских интересов. Модель сотрудничества с Китаем должна учитывать интересы российской национальной экономики и не допускать получения Китаем контроля над теми секторами народного хозяйства России, которые имеют стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности, в том числе ее экономической составляющей.

Представленные в данном параграфе результаты позволяют сделать следующие обобщающие выводы:

¹⁸⁰ Братерский М. В., Кутырев Г. И. Россия между двух систем: перспектива транзита из атлантического мира в мир евразийско-тихоокеанский // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 220-240.

- в настоящее время в мире разворачивается соперничество за глобальное экономическое и технологическое лидерство в условиях нового технологического уклада. Основными участниками этого противостояния являются Китай и США. В рамках этой борьбы происходит переформатирование глобальной системы экономических отношений с целью переориентировать ее на исключительное обслуживание интересов страны-лидера;

- основные угрозы долгосрочной экономической безопасности России создаются именно переформатированием мировой системы экономических отношений, и введенные против нашей страны санкции являются лишь одним из инструментов этого переформатирования. К сожалению, основное внимание в России уделяется противодействию санкциям (углубленному рассмотрению этого вопроса будет посвящен следующий параграф диссертации), а не разработке стратегии адаптации к трансформирующейся системе мировых экономических отношений. По нашему мнению, стратегия национальной экономической безопасности нашей страны в качестве своего ключевого элемента должна включать признание необходимости адаптации к переформатированию этой системы;

- свое сотрудничество с Россией Китай выстраивает на основе безусловного приоритета китайских интересов. Оказавшись в международной изоляции, Россия склонна переоценивать потенциал партнерства с Китаем, тогда как для Китая наша страна выступает всего лишь инструментом для обеспечения своих претензий на глобальное экономическое лидерство. Выстраивать отношения с Китаем необходимо с учетом интересов России, в том числе и при помощи тех инструментов, которые использует КНР в отношениях с другими государствами (локализация производств, передача технологий и т. д.).

3.2 Защита российских национальных экономических интересов в условиях экономических санкций

После 2014 г. против Российской Федерации применяются непрерывно ужесточающиеся меры экономического и политического давления (санкции), цель которых заключается в принуждении нашей страны к отказу от реализации самостоятельной политики¹⁸¹. Сущность этих санкций состоит в ограничении доступа России к мировому рынку, что не позволяет нашей стране использовать потенциал глобальной экономики в интересах собственного развития.

Представление об эффективности такого санкционного подхода основывается на том, что после 1991 г. Россия стала участником мировой системы разделения труда (к сожалению, на достаточно невыгодных для себя условиях), что привело к ее экономической зависимости от мировых рынков (на которых наша страна либо приобретает необходимые ей ресурсы, в том числе и для обеспечения функционирования стратегических отраслей, таких, как нефтегазовый комплекс или ОПК¹⁸², либо продает свою продукцию и тем самым обеспечивает себе валютную выручку).

С момента начала активного санкционного давления против нашей страны прошел уже достаточный срок, который позволяет выполнить как анализ сущности санкционных мер, так и эффективности антисанкционной политики Российской Федерации, ее результативности с позиций обеспечения национальной экономической безопасности.

Действующие санкционные ограничения проявляются в следующих формах (мы не рассматриваем здесь специфические запреты на поставки в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации, которые носят скорее во-

¹⁸¹ Харламова А. А. Возникновение новых угроз экономической безопасности России // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2017. – № 1. – С. 36-39.

¹⁸² Ерасова Е. А., Плотников В. А. Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Экономика и управление. – 2015. – № 3. – С. 22-28; Котляров И. Д. Аутсорсинговая модель организации российской нефтегазовой отрасли: проблемы и пути решения // Вопросы экономики. – 2015. – № 9. – С. 45-64.

енный, чем экономический характер, и говорим лишь о санкциях, которые затрагивают хозяйствующих субъектов за пределами военной организации России)¹⁸³:

1. Запрет (или жесткие ограничения) на поставки в Россию высокотехнологичных товаров и услуг в целях снижения эффективности национальной экономики и ограничения экономического потенциала нашей страны¹⁸⁴ (и, как следствие, финансовой базы государственного бюджета). Этот запрет охватывает, в частности, современное прецизионное машиностроительное оборудование, передовые технологии для нефтегазовой промышленности и т. д. Его следствием является усложнение технического перевооружения промышленных предприятий, замедление ввода в эксплуатацию новых месторождений, невозможность выпуска высокотехнологичной продукции (в частности, продукции ОПК) и т. д. Фактически речь идет о консервации технологической отсталости нашей страны. Запрет на поставки технологий для нефтегазового комплекса хорошо известен, в качестве еще одного примера можно привести запрет на продажу материалов для производства крыльев для совместного российско-китайского авиалайнера МС-21.

Необходимо отметить, что США вместе со своими союзниками после 1945 г. (когда в полной мере была осознана важность технологий для обеспечения экономического роста) активно противодействовали технологическому развитию тех стран, в которых они видели угрозу своему экономическому лидерству, и реализовывали стратегию контролируруемую технологического отставания (организационным инструментом осуществления которой был КОКОМ)¹⁸⁵. Даже после отказа СССР от противостояния и последующего распада

¹⁸³ Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. – 2015. – № 10. – С. 24-32; Загашвили В. С. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59. – № 11. – С. 67-77; Клинова М. В., Сидорова Е. А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским Союзом // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 67-79.

¹⁸⁴ Курбанов А. Х., Плотников В. А. Экономический потенциал страны как экономическая категория // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 3. – С. 45-56.

¹⁸⁵ Левин М. И., Шевелева И. В. Воспоминание о будущем: трансфер технологий и опыт холодной войны // Финансы и бизнес. – 2017. – № 2. – С. 54-65.

социалистической системы ограничения на поставку высокотехнологичной продукции в Россию сохранялись (что не позволяло нашей стране занять значимое место в глобальных производственных цепочках¹⁸⁶). Таким образом, действующие сейчас против России санкции не являются чем-то новым – речь идет об ужесточении политики технологических ограничений, но не о принципиально новой стратегии США и их союзников в отношении нашей страны;

2. Запрет на долгосрочное финансирование ключевых банков и предприятий нефтегазового сектора, что усложняет финансирование национальной экономики и наносит косвенный удар по бюджету РФ (который вынужден замещать за счет собственных ресурсов выпавшее внешнее финансирование). Санкционные ограничения в этой области будут непрерывно расширяться, в частности, обсуждаются перспективы запрета на операции с государственным долгом нашей страны;

3. Запрет на сотрудничество зарубежных покупателей с предприятиями российского ОПК (примерами могут быть запрет на проведение платежей в долларах США для «Росвооружения», открытое противодействие поставкам российских комплексов ПВО С-400 в адрес Турции и Индии и т. д.). Сущность этих мер заключается в ограничении финансирования российского ОПК за счет международных продаж (что косвенно препятствует инновационному развитию российской экономики в целом, поскольку отечественный ОПК является одним из немногих секторов российской экономики, в котором сохранилась ориентация на технологические инновации собственной разработки), удорожании военной техники для ВС РФ (снижение международных продаж устранил эффект экономии на масштабе производства в ОПК) и снижении экономической и производственной эффективности ОПК в целом (что приведет к падению обороноспособности России);

¹⁸⁶ Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 1. – С. 17-30.

4. Противодействие наращиванию российского нефтяного и газового экспорта (самым ярким примером выступает давление на газопровод «Северный поток-2»). Суть этих мер аналогична запрету на экспорт нефти и газа, наложенному на Иран – ограничение притока денег в российскую экономику, подрыв ее ресурсной обеспеченности, создание дисбаланса между потребностями государства и национальной экономики в целом в финансировании и возможностями привлечения финансовых ресурсов.

Отметим, что перечисленные выше меры не только снижают эффективность российской экономики (заметим, что выше мы не рассматривали персональные санкции, введенные против отдельных физических лиц), но и прямо или косвенно подрывают обороноспособность нашей страны¹⁸⁷. Это происходит за счет

- недопущения к технологиям и элементной базе, необходимым для производства вооружений и военной техники;

- сокращения возможностей финансирования ОПК и, как следствие, урезания оборонных программ (примером может быть отказ от разработки межконтинентальных ракет железнодорожного базирования «Баргузин»);

- ограничения возможностей международных продаж российской военной техники и вооружений, что снижает эффективность ее производства и приводит либо к росту затрат российского бюджета на ее разработку и приобретение, либо к отказу от производства отдельных моделей.

Таким образом, санкции имеют комплексный характер. Однако в данном исследовании, исходя из его цели, задач и общей направленности, мы будем анализировать преимущественно экономические аспекты санкций.

Проделанное выше описание направлений санкционного давления на российскую экономику позволяет установить структуру санкций с точки зрения тех целей, для достижения которых осуществляется давление, и используемых инструментов санкционного принуждения (см. табл. 3.2.1). Уточним, что

¹⁸⁷ Ерасова Е. А., Плотников В. А. Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Экономика и управление. – 2015. – № 3. – С. 22-28.

в таблице речь идет об экономических целях давления, но эти цели являются промежуточными (общей и конечной целью давления является принуждение России к отказу от своего внешнеполитического курса; по нашему мнению, имеет место ориентация на принуждение России к отказу от политического суверенитета путем лишения ее суверенитета экономического).

Таблица 3.2.1 – Структура мер экономического давления на Россию

		Цель давления	
		Ограничение притока финансовых ресурсов в Россию	Ограничение технологического развития России
Инструменты давления	Ограничения на поставку в Россию	<p>I.</p> <p>Запрет на долгосрочное финансирование российских банков и компаний.</p> <p>Запрет (перспективный) на операции с госдолгом России</p>	<p>II.</p> <p>Запрет на поставки российским компаниям передовых технологий и высокотехнологичного оборудования в ряде отраслей</p>
	Ограничения на поставки из России	<p>III.</p> <p>Противодействие экспорту нефти и газа из России</p>	<p>IV.</p> <p>Противодействие экспорту продукции российского ОПК</p>

Анализ информации, приведенной в структурированном виде (в форме матрицы) в таблице 3.2.1, позволяет произвести предварительную оценку эффективности мероприятий по противодействию санкционному давлению.

В качестве ведущей антисанкционной стратегии в нашей стране выступает импортозамещение, т. е. развитие собственных производств тех ресурсов

и готовых продуктов, в доступе к которым России отказано. Выбор такой стратегии очевиден, поскольку нашей стране в ситуации невозможности приобретения этих ресурсов на мировом рынке необходимо найти их альтернативный источник¹⁸⁸. Интересно отметить, что по отдельным видам ресурсов и товаров Россия сама стимулирует импортозамещение, введя запрет на их поставки из-за рубежа (речь идет о продовольственном эмбарго и опирающемся на него аграрном импортозамещении¹⁸⁹).

Приоритетом является создание в нашей стране инновационных промышленных производств, позволяющих сформировать полноценные цепочки создания ценности по выпуску высокотехнологичной продукции в интересах ключевых отраслей отечественной экономики (нефтегазовый комплекс, включая разведку, добычу, переработку и транспортировку, особое значение имеет освоение технологий сжижения газа; горнодобывающая промышленность; ОПК; авиастроение, где остро стоят вопросы автоматизации, микроэлектроники и материаловедения; станкостроение и т. д.). Определенные успехи в этом направлении достигнуты, в частности, активно развиваются нефтегазовые технологии¹⁹⁰, постепенно создается спрос на продукцию отечественного станкостроения со стороны предприятий ОПК и т. д. Важным результатом следует считать готовность отечественной промышленности обеспечить композит-

¹⁸⁸ Афонцев С. А. Перспективы импортозамещения в российской экономике // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2016. – № 1. – С. 13-19; Василенко Т. А. К вопросу о перспективах импортозамещения в России // Сибирская финансовая школа. – 2016. – № 1. – С. 69-72; Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. – 2014. – № 11. – С. 38-47; Гусев М. С. Импортозамещение как стратегия экономического развития // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 2. – С. 30-43; Загашвили В. С. Зарубежный опыт импортозамещения и возможные выводы для России // Вопросы экономики. – 2016. – № 8. – С. 137-148; Курбанов А. Х., Наружный В. Е. Перспективы реализации программы импортозамещения в интересах оборонно-промышленного комплекса России в современных условиях // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 3. – С. 72-77; Левченко Л. В., Иванова Н. И. Стратегии импортозамещения в мировой экономике: уроки для России // Экономические науки. – 2016. – № 138. – С. 125-128; Мантуров Д. В., Никитин Г. С., Осьмаков В. С. Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления // Вопросы экономики. – 2016. – № 9. – С. 40-49; Харитоновна Е. В. Теоретические аспекты импортозамещения как модели развития российской экономики // Социально-экономические явления и процессы. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 85-92.

¹⁸⁹ Хайруллина О. И. Оценка влияния продовольственного эмбарго на рынок мяса // Экономика сельского хозяйства России. – 2019. – № 2. – С. 75-84.

¹⁹⁰ Кершенбаум В. Я. Направления импортонезависимости в нефтегазовом комплексе России // Управление качеством в нефтегазовом комплексе. – 2016. – № 1. – С. 9-10.

ными материалами проект МС-21 (интересно, однако, что работа над импортозамещающими композитами началась задолго до введения санкций против этого проекта, но при этом вплоть до самого последнего момента оператор проекта все равно ориентировался на поставки композитов из-за рубежа).

Последний эпизод иллюстрирует тот факт, что, несмотря на заявленную важность импортозамещения, при реализации стратегических проектов в нашей стране предпочтение зачастую отдается закупкам у иностранных поставщиков (из государств, не присоединившихся к санкциям против России или даже из государств, которые поддерживают санкции – в надежде на то, что санкции соответствующие поставки затронут не сразу) вместо размещения заказов у отечественных производителей (даже в тех случаях, когда в нашей стране уже существуют или создаются собственные производства).

Вероятно, это связано с более высокой репутацией иностранных поставщиков и с меньшими рисками покупателей, а также с тем, что иностранные компании могут предложить более выгодные условия продажи. Кроме того, причиной сложившегося положения являются институциональные изъяны, присущие российской модели смешанной экономики. Крупнейшие стратегически значимые предприятия, даже те из них, что контролируются государством (например, ПАО «Газпром»), будучи созданными в организационно-правовой форме коммерческих организаций, ориентированы, прежде всего, на извлечение (максимизацию – с теоретических позиций) прибыли. Стремление к сиюминутной прибыли за счет закупок, например, технологического оборудования у ненадежных иностранных поставщиков, перевешивает мотив принятия риск-защищенных решений, направленных на сотрудничество и развитие поставщиков отечественных.

В итоге, стратегия импортозамещения реализуется не в полном объеме, и к подлинному импортозамещению предприятия приступают нередко только в том случае, когда доступ к иностранной продукции (включая возможности организации поставок через третьи страны) оказывается окончательно закрыт.

Это позволяет говорить о том, что в отечественной экономике формируются две группы компаний:

- лидеры рынка, которые предпочитают закупать продукцию у проверенных иностранных поставщиков;
- инноваторы, которые на свой страх и риск инвестируют в разработку импортозамещающей продукции даже при отсутствии заказов со стороны потенциальных потребителей (упомянутых выше лидеров).

Проблема заключается в том, что поддержка инноваторов со стороны лидеров минимальна, и необходимо принимать меры к тому, чтобы российские компании (в первую очередь – компании с государственным участием) переходили к сотрудничеству с российскими производителями импортозамещающей продукции и инициировали создание импортозамещающих производств, не дожидаясь введения санкций. Без специальных мер государственного регулирования, основанных на административном принуждении и создании стимулирующих экономических механизмов здесь не обойтись. Если подобные меры не будут приниматься, национальная экономическая безопасность России существенно ослабнет.

Тем не менее, импортозамещение в сфере передовых технологий устраняет (или, точнее, в перспективе позволит устранить) лишь те негативные эффекты санкций, которые связаны с квадрантом II приведенной выше таблицы. Ясных стратегий, которые позволили бы элиминировать риски, связанные с остальными квадрантами таблицы, в литературе пока предложено не было. В этой связи, ниже мы рассмотрим, как отсутствие этих стратегий препятствует обеспечению национальной экономической безопасности и какие угрозы оно создает для реализации стратегии импортозамещения.

Важность последнего аспекта хотелось бы подчеркнуть особо. Санкции, направленные на подавление экономического потенциала нашей страны, носят комплексный характер. Столь же комплексными должны быть и меры противодействия им. То есть здесь применим известный кибернетический прин-

цип «необходимого разнообразия» У.Р. Эшби. Если противодействие санкциям будет точечным, то, во-первых, полностью нейтрализовать негативный эффект санкций не удастся и, во-вторых, сами эти точечные меры не будут достаточно успешными из-за того, что они не поддерживаются другими анти-санкционными мероприятиями.

Прежде всего, импортозамещение, осуществляемое исключительно в интересах российской экономики для обеспечения ее альтернативными западным технологиями собственной разработки, в современных условиях будет заведомо неэффективным и ляжет тяжелым бременем на государственный бюджет. Фактически есть риск того, что проводимое импортозамещение превысит ресурсные возможности национальной экономики и подорвет ее – в полном соответствии с ожиданиями государств, вводящих против России санкции. Именно перенапряжение российской экономики, по мнению специалистов Rand Corporation, должно стать главным оружием США и их союзников в разворачивающемся геополитическом противостоянии¹⁹¹, и проводимое импортозамещение, т. е., по сути дела, дублирование в локальном масштабе глобальных производственных цепочек, может быть эффективным инструментом инициирования и углубления такого перенапряжения.

Экономика в настоящее время носит глобальный характер, и задача отдельных национальных экономик заключается не в выстраивании автаркического хозяйства, а в использовании преимуществ глобального разделения труда¹⁹². Полностью замкнутые в пределах одной страны производственные цепочки (которые сейчас выстраиваются в нашей стране) будут заведомо неэффективны по сравнению с глобальными производствами. Эта неэффектив-

¹⁹¹ Dobbins J., Cohen R. S., Chandler N., Frederick B., Geist E., DeLuca P., Morgan F. E., Shatz H. J., Williams B. Overextending and Unbalancing Russia. Assessing the Impact of Cost-Imposing Options // Rand Corporation, 2019. Available online at: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html. Checked on 16.06.2019.

¹⁹² Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 1. – С. 17-30; Загашвили В. С. Зарубежный опыт импортозамещения и возможные выводы для России // Вопросы экономики. – 2016. – № 8. – С. 137-148.

ность обуславливается тем, что глобальные цепочки, во-первых, получают выгоду от наиболее эффективного размещения производств в разных странах и, во-вторых, получают гораздо большую экономию на масштабе. В случае национальных производственных цепочек эти факторы отсутствуют. Это означает, что нашей стране необходимо сохранять хозяйственные связи с иностранными компаниями из дружественных России государств в рамках единых цепочек создания ценности, но при этом развивать в нашей стране те этапы производств, которые имеют ключевое, стратегическое значение для национальной экономической безопасности.

Иными словами, необходимо находить оптимальный с точки зрения долгосрочных интересов нашей страны баланс внешних и внутренних ресурсов. Пока же такой баланс не найден. Либо декларируется стремление к полному импортозамещению (и это ведет к тому, что импортозамещение будет осуществляться ради импортозамещения, поскольку это позволяет чиновникам «осваивать средства» и позволяет прикрыть хозяйственные провалы декларациями об ориентации на стратегические интересы государства), либо сохранится старая модель использования исключительно иностранных ресурсов (изменились лишь страны, из которых осуществляются поставки; например место ЕС займет КНР).

Далее, рынок нашей страны сравнительно невелик по сравнению с ведущими экономическими центрами мира (Евросоюз, США, Китай), и предполагаемый объем спроса на импортозамещающую продукцию будет мал. Это означает, что необходимо обеспечить сбыт производимой продукции на мировом рынке, т. е. развивать экспорт (с похожей проблемой столкнулись российские аграрии, которые нарастили производство свыше возможностей отечественного рынка, и в настоящее время вынуждены развивать международные продажи в условиях достаточно жесткой конкуренции; их рентабельность сильно сократилась из-за перенасыщения российского рынка, и ряд крупных компаний закрыл отдельные направления или полностью прекратил свою де-

тельность). Однако США и их союзники будут стремиться заблокировать возможности сбыта российской продукции – как из-за стремления подавить экономический потенциал нашей страны, так и из-за желания не допустить конкуренции со стороны российских производителей (как это имеет место в случае проекта МС-21¹⁹³).

Ключевой задачей в этом случае становится формирование внешнего рынка для сбыта отечественной продукции, защищенного от потенциальных санкций. Аналогом такого рынка во времена СССР была мировая социалистическая система (в частности, координируемая СЭВ – Советом Экономической Взаимопомощи), в рамках которой в первую очередь обращались произведенные в социалистических странах товары с высокой добавленной стоимостью (в т. ч. и высокотехнологичные). В этом контексте следует подчеркнуть особо политику Китая, поскольку он в настоящее время сам выстраивает собственный международный рынок для обслуживания своих экономических интересов на основе проекта «Один пояс, один путь». Это показывает, что даже государство со столь емким внутренним рынком, как Китай, нуждается во внешних партнерах для сбыта своей продукции, чтобы обеспечить эффективность своей экономики, и подтверждает наш тезис о необходимости выстраивания для России собственного внешнеэкономического рынка для сбыта конечной продукции.

Сразу следует уточнить, что в качестве такого внешнего рынка не может выступать Китай. Он заинтересован в использовании России как рынка сбыта и как ресурсной базы для своей экономики. Те же высокотехнологичные товары, которые Россия может ему предложить, Китай предпочтет не закупать, а копировать. И негативный опыт такого рода, к сожалению, имеется.

Энтузиазм относительно перспектив сотрудничества с Китаем, который нередко демонстрируется в российских аналитических работах и новостных

¹⁹³ Похожая ситуация сложилась в августе 2020 года, когда, после анонсирования Россией разработки первой в мире вакцины от Covid-19, которая, в этой связи, получает колоссальные рыночные перспективы в мире, США объявили о введении санкций против российских НИИ и компаний, участвующих в ее разработке и производстве. Это ни что иное, как силовая попытка устранения сильного рыночного конкурента.

публикациях, нам представляется неоправданным. Китай не заинтересован в выстраивании долгосрочных отношений с Россией в ущерб отношениям с США. Китай не будет – в силу разницы в масштабах экономики – рынком сбыта для нашей страны. Наконец, простая переориентация на Китай тех торговых потоков, которые раньше имели место или предполагались со странами, оказывающими санкционное давление на Россию, будет означать замещение зависимости от одних рынков сбыта (Европа) зависимостью от других рынков, но только зависимостью более жесткой, поскольку Пекин не преминет воспользоваться изоляцией России в своих экономических интересах.

Это означает, что гипотетическое российское внешнеэкономическое пространство должно быть достаточно диверсифицированным, чтобы избежать зависимости от одного партнера.

В настоящее время такой рынок теоретически может быть создан на основе стран, проводящих независимую от коллективного Запада политику, но при этом не претендующими на то, чтобы стать самостоятельными центрами силы (как это имеет место в случае Китая и Индии), но, с другой стороны, обладающих достаточно емкими рынками, на которых российская продукция будет конкурентоспособной. Проблема, однако, заключается в том, что эти страны в большинстве своем:

- либо неплатежеспособны (Куба, Венесуэла, КНДР);
- либо их самостоятельная политика не имеет под собой никаких иных оснований, кроме устремлений их диктаторского руководства (иными словами, она не подкреплена экономическими и политическими факторами), и сотрудничество с Россией будет исключительно конъюнктурным и привязанным к фигуре правителя;
- либо по своему технологическому потенциалу сопоставимы с Россией и сами стремятся к лидирующим позициям (Турция, Бразилия; в частности, Турция заинтересована не просто в покупке российской военной техники, а в локализации военных производств);

- либо за них конкурируют иные центры силы, кроме России (большую активность проявляет Китай);

- либо они находятся на большом географическом удалении от России, что затрудняет взаимные поставки (ЮАР).

Разумеется, для отдельных государств эти факторы совпадают. Это сильно ограничивает выбор потенциальных направлений сотрудничества. Безусловно, партнерство надо развивать даже с такими «неудобными» контрагентами, но при этом всецело обеспечивая экономические и политические интересы нашей страны (так, как это делает Китай, который стремится получать контроль над значимыми активами в тех странах, в которых реализует свои проекты).

Наиболее перспективным, на наш взгляд, с точки зрения сбыта высокотехнологичной продукции, в настоящее время выступает партнерство с такими странами, как Пакистан, Бангладеш и Вьетнам. Несмотря на то, что на доминирование на этих рынках ориентируется Китай, эти государства сами по себе достаточно крупны с экономической точки зрения, чтобы быть заинтересованными в наличии альтернативного центра силы среди своих партнеров. Эта ориентация соответствует декларируемому российскими властями «повороту на Восток»¹⁹⁴.

Что касается экспорта сырьевых товаров, и прежде всего – нефти и газа, то необходимо, помимо сохранения доли рынка в Европе, стремиться обеспечить поставки в Юго-Восточную Азию (в первую очередь – сжиженного природного газа). При этом, разумеется, следует наращивать глубину переработки российского сырья, чтобы максимизировать валютную выручку и уйти от конкуренции исключительно на сырьевом рынке.

¹⁹⁴ Братерский М. В., Кутырев Г. И. Россия между двух систем: перспектива транзита из атлантического мира в мир евразийско-тихоокеанский // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 220-240.

Приоритетными направлениями аграрного экспорта выступают, по нашему мнению, также страны Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки.

Логичным было бы выстраивать внешний рынок на основе ЕАЭС, однако входящие в него государства, несмотря на дружественные декларации, проводят по отношению к России очень осторожную внешнюю политику и находятся под сильным влиянием других центров силы (ЕС, США, Китай). Кроме того, будучи в прошлом частью СССР, они опасаются усиления экономических позиций России у себя, поскольку воспринимают это как угрозу своему суверенитету. Наконец, зная о заинтересованности России в политическом сотрудничестве, эти страны склонны выставлять завышенную цену (в частности, в виде экономических преференций) за возможность партнерства (которое, к тому же, чаще всего является не реальным, а фиктивным; наглядным примером служит Белоруссия, активно противодействующая соблюдению режима продовольственного эмбарго, но при этом длительное время получавшая высокие доходы от реэкспорта российской нефти и нефтепродуктов). Безусловно, работу над сотрудничеством с этими государствами следует продолжать, однако чрезмерные надежды с ними связывать не стоит.

Обобщая приведенную выше аргументацию, можно систематизировать проблемы реализации стратегии импортозамещения в России в виде таблицы 3.2.2. Как видно из этой таблицы, причины проблем политики импортозамещения взаимосвязаны – ожидаемая низкая эффективность устраняет стимулы к импортозамещению. Это означает, что и устраняться эти проблемы должны совместно. При этом, дополнительно отметим, что в стране фактически отсутствует официальная статистика по импортозамещению (на сайте Росстата приводятся лишь данные по продовольствию и сельхозпродукции, см.: <https://rosstat.gov.ru/folder/11188>), что делает невозможным эффективное управление в рассмотренной сфере.

Подводя итоги выполненного исследования, результаты которого приведены выше, мы можем утверждать следующее:

- хотя импортозамещение является естественной реакцией на ограничение доступа к мировым ресурсам, сама по себе ориентация на преимущественное импортозамещение в долгосрочном плане порочна, поскольку она лишает экономику возможности использовать выгоды глобального разделения труда. Выстраивание импортозамещающих цепочек (в которых в пределах страны будут сосредоточены все стадии производства) исключительно в интересах российских потребителей станет причиной низкой экономической эффективности таких цепочек по сравнению с глобальными, и их функционирование ляжет тяжелым бременем на национальную экономику (ресурсы которой в настоящее время и так ограничены). Причем низкая эффективность таких цепочек будет принципиально непреодолимой в условиях изоляции от мировой экономики, что еще больше снизит эффективность отечественного народного хозяйства;

Таблица 3.2.2 – Проблемы реализации стратегии импортозамещения в России

Проблема	Сущность	Возможные пути преодоления
Низкая заинтересованность лидеров российской экономики (в т. ч. госкомпаний) в реализации импортозамещения	Высокие риски неэффективности отечественной импортозамещающей продукции (как причина отказа от закупки российских товаров-аналогов). Высокие затраты временных и финансовых ресурсов для организации импортозамещающих производств (как причина отказа от самостоятельной деятельности по импортозамещению)	Поддержка закупки российских товаров и развития импортозамещающих производств (через требования к госзакупкам, налоговые стимулы и т. д.)
Риски неэффективности российских производств из неучастия в	Невозможность получить экономию на масштабе производства благодаря	Сотрудничество с поставщиками из стран,

мировой системе разделения и кооперации труда	закупкам комплектующих у глобальных поставщиков. Длительность срока формирования компетенций. Малый размер российского рынка не позволяет получить экономию на масштабе производства	которые не ведут санкционной политики против России. Развитие (в том числе активизация государственной поддержки) экспорта российской продукции
---	--	--

Составлено автором.

- задача национальной экономики заключается не в развитии импортозамещающих производств полного цикла, а в формировании тех компетенций, которые будут востребованы на мировом рынке и которые позволят нашей стране на выгодных для себя условиях встроиться в систему международного разделения труда. В числе потенциальных направлений формирования таких компетенций могут быть атомная энергетика, военное судостроение и самолетостроение и т. д.;

- реализации стратегии импортозамещения препятствует низкая заинтересованность ведущих российских компаний в его проведении. Им проще и дешевле пытаться искать пути приобретения импортной продукции (в том числе усложняя международные логистические цепочки) вместо разработки и запуска в производство отечественного аналога. Это косвенно подтверждает приведенные выше тезисы: отечественный аналог будет менее экономически эффективен, и на первых порах будет уступать иностранной продукции и по своим техническим характеристикам. Фактически можно говорить о «мягком саботировании» импортозамещения со стороны ведущих российских компаний. В этой ситуации необходимо создавать стимулы для импортозамещения, в первую очередь – в виде государственной поддержки и более жесткого администрирования;

- импортозамещение будет эффективным только в том случае, если создаваемые производства будут встроены в систему мирового разделения труда, в

том числе и путем экспорта российской продукции. Это означает, что необходимо осуществлять поддержку экспорта импортозамещающей продукции, в частности, за счет формирования зарубежных рынков сбыта.

Однако даже выстраивание собственного международного рынка сбыта устраняет только проблемы, связанные с квадрантами III и IV, при этом нерешенным остается вопрос с финансовым обеспечением российской экономики (квадрант I). Предполагается, что его также можно решить при помощи импортозамещения, т. е. замещения внешних источников денежных средств внутренними, однако на практике этого не произошло. Полноценная самостоятельная финансовая система в нашей стране еще не выстроена. Банки крайне настороженно относятся к кредитованию бизнеса.

В настоящее время основным источником финансирования народного хозяйства становится государство (либо напрямую, либо через квази-государственные банки). Хотя важность госбюджета как источника финансирования отрицать нельзя¹⁹⁵, его также не следует рассматривать в качестве ведущего источника средств для национальной экономики смешанного типа с развитым и многоотраслевым частным сектором, а сейчас имеет место именно такая ситуация. Это ограничивает потенциал роста, и, кроме того, ведет к перекосу стимулов при отборе проектов для финансирования. Еще сильнее ухудшает ситуацию жесткая антиинфляционная политика Банка России, которая ограничивает доступ хозяйствующих субъектов к финансированию.

По этой причине первоочередной задачей, с позиций решения задач импортозамещения, а также достижения национальной экономической безопасности, следует признать создание собственной финансовой системы, а также обеспечение альтернативного доступа к внешним источникам финансирования (из-за ограниченности существующих возможностей российского финан-

¹⁹⁵ Аганбегян А. Г. Как госбюджет может стать локомотивом социально-экономического развития страны // Вопросы экономики. – 2015. - № 7. – С. 142-151.

сового рынка и банковской системы). В противном случае наша страна столкнется с нехваткой финансовых ресурсов для проведения антисанкционных мероприятий¹⁹⁶.

На остроту этой проблемы (и отсутствие реальных возможностей ее устранения) указывает то, что руководство Банка России готово в качестве инструмента организации доступа к международному финансированию рассматривать такие экзотические варианты, как создание специальной криптовалюты (что создает нежелательные ассоциации с Венесуэлой, где национальная криптовалюта также рассматривалась в качестве универсального способа борьбы с кризисом, который, тем не менее, наступил). Более разумным вариантом выглядит создание разного рода банков развития в рамках тех организаций и неформальных объединений, участником которых является Россия (в частности БРИКС), однако ресурсные возможности таких банков пока еще несколько ограничены.

Таим образом, подводя промежуточный итог исследования, мы можем сформулировать следующие выводы:

- санкции против России с точки зрения направлений их действия можно разделить на ограничения на поставки в Россию и ограничения на поставки из России, а с точки зрения целей – на санкции, ограничивающие приток финансов в Россию, и санкции, препятствующие технологическому развитию российской экономики;

- санкции против России носят комплексный и взаимосвязанный характер и ориентируются на причинение максимального ущерба российской экономике, подрыв национальной экономической безопасности;

- основной акцент в стратегии противодействия санкциям делается на импортозамещении, однако крупные компании-лидеры российской экономики интерес к импортозамещению проявляют в недостаточной степени,

¹⁹⁶ Аганбегян А. Г., Ершов М. В. О связи денежно-кредитной и промышленной политики в деятельности банковской системы России // Деньги и кредит. – 2013. – № 6. – С. 3-11.

предпочитая сотрудничать с проверенными поставщиками. Необходимо принять меры по стимулированию импортозамещающей политики путем побуждения российских заказчиков к сотрудничеству с российскими производителями импортозамещающих товаров;

- к реализации стратегии импортозамещения необходимо подходить взвешенно. Не следует стремиться дублировать в условиях ограниченного российского рынка максимальное число глобальных производственных цепочек. Необходимо стремиться, с учетом действующих санкционных ограничений, использовать преимущества глобального разделения труда;

- существующая стратегия противодействия санкциям может быть охарактеризована как точечная, не позволяющая нейтрализовать все негативные эффекты санкций. Следует принять меры по приданию ей комплексного характера за счет выстраивания экспортных рынков для российской продукции и формирования эффективной финансовой системы.

3.3 Наднациональное регулирование процессов защиты национальных экономических интересов

В условиях, с одной стороны, углубления международного разделения труда и недостаточности большинства национальных рынков для достижения необходимого для глобальной конкурентоспособности уровня эффекта экономии на масштабе производства и непрерывного роста величины инвестиций, необходимых для организации предприятий¹⁹⁷ (что подтверждается глобальными сделками слияния и поглощения и доминированием на мировом рынке транснациональных производственных цепочек), а с другой стороны – нарастания геоэкономических и геополитических конфликтов, задача обеспечения национальной экономической безопасности (НЭБ) должна решаться не только на национальном, но и на наднациональном уровне.

Такой подход определяется принципом одноуровневости угроз экономической безопасности и механизмов их парирования¹⁹⁸: если угроза носит, например, страновой характер, то и нейтрализовываться она должна на уровне страны в целом, попытка нейтрализовать ее на уровне отдельных отраслей, регионов или предприятий будет низкорезультативной, т. к. у соответствующих органов управления всегда будет недоставать компетенций, полномочий и информации для того, чтобы эффективно обеспечивать экономическую безопасность. Соответственно, если ряд угроз НЭБ России носит международный, наднациональный характер¹⁹⁹, на что мы указывали ранее, то и противодействие им должно осуществляться, по возможности, с использованием инструментов наднационального регулирования.

¹⁹⁷ Глазьев С. Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2010. – № 2. – С. 4-10.

¹⁹⁸ Рукинов М. В. Наднациональные инструменты обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность России: актуальные аспекты: сборник избранных статей всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, ноябрь 2019). – СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2019. – С. 68-74; Рукинов М. В. Проблемы защиты экономических интересов и обеспечения экономической безопасности в современных условиях интеграции и глобализации // Социально-экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2019. – С. 253-256.

¹⁹⁹ Плотников В. А. Изменения глобальных институтов управления под влиянием национальных экономических интересов (по материалам XII Петербургского международного экономического форума) // Экономика и управление. – 2008. – № 3 (35). – С. 7-9.

В данном случае речь может идти о:

- создании инструментов, которые позволили бы использовать внешние ресурсы в интересах НЭБ (и национальной экономики в целом), и при этом обеспечивали наиболее эффективное применение национальных ресурсов (т. е. предотвращали бы неравноправную торговлю, утечку финансового и человеческого капитала, хищническую эксплуатацию природных ресурсов в интересах иностранных государств и организаций и т. д.). В качестве внешних ресурсов, которые могут применяться в интересах национальной экономики, выступают природное сырье, производственные мощности (которые включаются в международные производственно-сбытовые цепочки, создающие ценность для страны-интегратора), финансы, человеческий капитал, рынки сбыта и т. д. Речь идет о создании ориентированной на обслуживание интересов России сферы национального экономического влияния, которая позволила бы нашей стране наращивать свой экономический потенциал и тем самым укреплять НЭБ. Применительно к другим государствам можно указать на Китай, который формирует такую сферу при помощи проекта «Пояса и пути». Подчеркнем, что в эту сферу национального экономического влияния (СНЭВ) могут входить как страны, так и социальные структуры (прежде всего – национальные диаспоры; примером может быть Армения, которая получает значительное внешнее финансирование от зарубежной армянской диаспоры). Кроме того, эта сфера может быть формальной (основанной на определенных соглашениях) и неформальной (основанной на высокой интенсивности экономических связей, не подкрепленной официальными договорами);

- созданию заинтересованности у внешних акторов в обеспечении НЭБ нашей страны. В первую очередь эта цель достигается посредством асимметричной взаимозависимости – когда сотрудничество между Россией и внешним актором важнее для этого актора, чем для России. Решение этой задачи тесно связано с формированием сферы национального экономического влияния (утрата ключевого экономического партнера связана с большими рисками для

экономики «подчиненной» страны, и поэтому она всеми силами будет сохранять сложившиеся экономические связи и способствовать НЭБ доминирующего государства. Примерно такая, в общем-то парадоксальная, ситуация складывается в процессе торговых войн последних лет между США и Китаем. Последний испытывает мощное давление со стороны Америки, существенно ущемляющее его национальные экономические интересы, но вынужден поддаваться этому давлению, т. к. его экономика существенно зависит от состояния экономики США). Впрочем, взаимозависимость может быть и симметричной – в этом случае сохранение экономических отношений одинаково важно для всех сторон, что побуждает их отказываться от конфликтов²⁰⁰. Возможен и иной вариант – когда заинтересованность в НЭБ России у иностранного актора связана с тем, что Россия по каким-то причинам содействует достижению этим актором своих стратегических целей (т. е., фактически, используется этим актором в своих интересах). Россия в этой системе экономических отношений будет играть роль сателлита более мощного государства, его экономического протектората. К сожалению, в настоящее время, когда геополитическое противостояние обострилось, а собственный экономический потенциал России сравнительно невелик, рассматривать такой вариант приходится всерьез, с сугубо прагматических позиций, без излишних эмоций, особенно с учетом растущего влияния Китая. Именно по такой модели формируется система НЭБ Украины – страны, фактически пережившей крах государственности в 2014 г., столкнувшейся с глубоким падением экономики и демографическим оттоком (по сути дела, Украина повторила судьбу СССР) и поэтому лишенной ресурсов для обеспечения собственной НЭБ. Тем не менее, позиционируя себя как антироссийский форпост и спекулируя этой ролью в глазах США и НАТО (т. е. государств и блоков, заинтересованных в подавлении экономического и

²⁰⁰ Boutin J. D. K. Beyond interdependence: Economic security and Sino-American-Australian trilateralism // International Journal. – 2015. – Vol. 70. – No 3. – P. 372-390.

политического потенциала России), Украина получает от коллективного Запада комплекс поддержки, который позволяет ей удерживать свою НЭБ на минимально приемлемом для видимости сохранения государства уровне;

- создании систем коллективной экономической безопасности. В этом случае государства, не имеющие достаточных ресурсов для обеспечения НЭБ, объединяются, чтобы совместными усилиями достичь приемлемого уровня экономической безопасности для всех участников (отметим, что ослабление экономических противоречий, получаемое благодаря партнерству в рамках такой системы коллективной экономической безопасности, также способствует укреплению НЭБ каждого члена). Речь может идти как о построении комплексной наднациональной экономической безопасности (охватывающей все ее аспекты), так и о системе, обеспечивающей отдельные аспекты экономической безопасности (продовольственный, ресурсный, демографический, финансовый и т. д.) на наднациональном уровне. В определенных ситуациях создание коллективной системы экономической безопасности может быть необходимо, если государства совместно используют один и тот же ресурс, и надо определить правила пользования им, а также обеспечить его защиту. Примером может быть ситуация в постсоветской Средней Азии, где остро стоит проблема совместного использования водных ресурсов²⁰¹. Такие коллективные системы безопасности активно опираются на симметричную взаимозависимость, описанную выше.

Сразу подчеркнем, что три описанных выше подхода не исключают друг друга и могут быть использованы на практике в разных комбинациях.

В данном разделе диссертационного исследования мы опишем, во-первых, те инструменты, которые могут быть использованы для формирования наднациональной основы системы НЭБ (СНЭВ, мотивация внешних акторов

²⁰¹ Затонский А. В., Гераськина И. Н., Стерхова В. В. Исследование истощения водных ресурсов на основе математических многофакторных моделей // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Электротехника, информационные технологии, системы управления. – 2018. – № 26. – С. 171-182.

к обеспечению НЭБ России и коллективные системы экономической безопасности), во-вторых, те государства и социальные структуры, которые наиболее перспективны с точки зрения их включения в состав этой наднациональной системы, и, в-третьих, сформируем вероятный сценарий того, как геополитические и геоэкономические соперники России будут пытаться противодействовать построению наднациональной системы НЭБ нашей страны.

Мировая история знает большое количество примеров выстраивания СНЭВ в интересах какого-либо государства. Вероятно, самый первый из них относится к V в. до н. э. – речь идет о Делосском морском союзе, который обслуживал интересы Афин²⁰². Именно тогда вскрылась ключевая проблема таких СНЭВ – ярко выраженное неравноправие отношений между головным государством и остальными участниками ведет к недовольству членов СНЭВ и в конечном счете к их отказу от участия в ней (и даже к их переходу на сторону врага, как это продемонстрировала Пелопонесская война между Афинами и Спартой). По этой причине формирование и сохранение СНЭВ требовало наличия у головного государства аппарата подавления такого недовольства, как военного, так и экономического. Иными словами, участие в СНЭВ чаще всего носило принудительный характер.

Важность СНЭВ для обеспечения экономического благополучия головного государства подтверждается рядом исторических примеров. В частности, становление капитализма как общественного строя и успех капиталистических держав (сначала Великобритании, позднее – Франции) был во многом связан с колониальной политикой этих государств (очевидно, что колонии представляют собой СНЭВ метрополии). Колонии в Азии и Африке (и прежде всего – Индия, «жемчужина» Британской империи) служили для метрополий рынками сбыта их промышленной продукции и источником процветания их

²⁰² Лурье С. Я. История Греции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. – 680 с.

производств (а также поставщиками дешевых ресурсов)²⁰³. Формирование колониальных империй происходило, в первую очередь, военными методами и предполагало полную подчиненность колоний интересам метрополий (вплоть до полного пренебрежения правами населения колоний).

Показателен пример того, как сбыт британской текстильной продукции (более дешевой по сравнению с индийскими тканями благодаря ее массовому промышленному производству) в Индии привел к разорению местных ткачей и их голодным смертям²⁰⁴. Для создания СНЭВ использовались также и экономические инструменты, в частности, неравноправные торговые соглашения (заклучавшиеся европейскими державами с Китаем, Османской империей и т. д.), что приводило к полуколониальному статусу формально независимых государств. Недостаточный (для сбыта национальных промышленных товаров) размер собственных колоний был одной из причин заинтересованности Германии в переделе мира, приведшей к Первой Мировой войне (после поражения в этой войне Германия в соответствии с условиями Версальского мира была лишена всех имевшихся у нее колоний в качестве меры по ограничению ее экономического потенциала; эти колонии были перераспределены между державами-победительницами).

В колониальных СНЭВ ярко проявился отмеченный выше недостаток – необходимость постоянного противодействия попыткам подчиненных регионов добиться равноправия. Ущерб, нанесенный европейским государствам (ведущим колониальным державам мира) по результатам Второй Мировой войны, в сочетании с демократизацией правящих режимов и недовольством населения метрополий высокими затратами на удержании колоний (в которых после 1945 г. массово начали действовать вооруженные национально-освободительные движения, эффективно боровшиеся с колониальными войсками, в

²⁰³ Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи: монография. – М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, 2020. – 328 с.

²⁰⁴ Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 384 с.

т. ч. и благодаря поддержке со стороны стран социалистического блока), привели к краху колониальных империй и необходимости поиска новых инструментов формирования СНЭВ²⁰⁵.

В современном мире открытая колониальная модель является неприемлемой – как по правовым соображениям (впрочем, по мнению автора, это не является непреодолимым препятствием, с учетом того, как вольно некоторые страны, например США, обращаются, с нормами международного права), так и с точки зрения чрезмерных затрат на обеспечение ее функционирования (более существенным, по нашему мнению, является именно этот мотив).

Интересно подчеркнуть, что в период колониального раздела мира (конец XIX в. – начало XX в.) две крупные экономические державы не испытывали потребности в колониях благодаря большой емкости собственного внутреннего рынка. Речь идет о США и России, государствах, сформировавшихся путем колонизации не «заморских», а прилегающих неосвоенных территорий с их последующим включением в единое национальное экономическое пространство и созданием единого рынка. Сейчас, однако, ситуация принципиально отличается: ни одна страна в мире не обладает достаточным внутренним рынком для того, чтобы обеспечить необходимый для достижения конкурентоспособности производства объем выпуска, и поэтому у государств, претендующих на экономическое и политическое лидерство, должна быть своя наднациональная СНЭВ (в идеале эта СНЭВ должна носить глобальный характер, как это имеет место в случае с долларовой системой, являющейся основой СНЭВ США).

При этом, поскольку СНЭВ по своей сути ориентирована на обслуживание интересов головного государства, неравноправие является ее важным элементом. При этом, эффективно функционирующая СНЭВ не должна опираться на прямолинейную эксплуатацию ее участников, т. к. это вызовет ее разрушение. Напротив, членство в СНЭВ должно позволять ее участникам

²⁰⁵ Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи: монография. – М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, 2020. – 328 с.

максимизировать свою выгоду и при этом наращивать экономический потенциал головного государства. Некоторое пренебрежение интересами остальных участников СНЭВ ради достижения национальных экономических интересов головного государства не должно вызывать у этих участников сопротивления – именно потому, что получаемая ими выгода от сотрудничества перекрывает это пренебрежение их интересами.

Примером здесь может быть международная долларовая финансовая система: выгода от участия в ней значительно выше потерь, которые с ней связаны, при этом она ориентирована на приоритетное обслуживание интересов США. Это наглядно продемонстрировала история с восстановлением США тотальных санкций против Ирана в 2018 г. (объектом этих санкций становятся и организации, сотрудничающие с Ираном). Евросоюз, компании из которого активно инвестировали в Иран в период временного отсутствия санкций, предполагал компенсировать своим предприятиям, сотрудничающим с этой страной, убытки, которые они могли понести из-за санкций, а также планировал создать механизм проведения платежей с Ираном в обход долларовой системы. Однако после угрозы США, что попытки противодействовать американским санкциям против Ирана будут жестко пресекаться, а страны, которые будут их обходить, могут быть поставлены вне долларовой системы, Евросоюз отказался от своих намерений, несмотря на протесты Ирана. Более того, сами европейские компании, уже инвестировавшие в Иран, предпочли свернуть свои проекты в этой стране, поскольку связанные с этим убытки были намного меньше тех убытков, которые они могли бы понести в случае наложения на них санкций.

Изложенное выше наглядно показывает, что наиболее эффективная СНЭВ формируется на основе уникального ресурса, которым обладает головное государство, и доступ к которому создает для участников СНЭВ ощутимые выгоды (а исключение из нее может привести к потерям). Долларовая финансовая система демонстрирует, что при наличии такого ресурса специального аппарата подавления недовольных участников СНЭВ не требуется – само

ограничение в доступе к этому ресурсу является инструментом принуждения. Участники СНЭВ настолько заинтересованы в сохранении своего присутствия в ней, что соглашаются на ущерб своим экономическим интересам, лишь бы не быть из нее исключенными.

Фактически оператор такой СНЭВ не столько принуждает остальные государства присутствовать в ней, сколько разрешает им быть ее участниками. Очевидно, что именно такой подход является наиболее эффективным инструментом формирования СНЭВ и обеспечения ее функционирования. Неравноправие в этом случае заключается не в подавлении оператором СНЭВ интересов остальных участников, а в контроле над правилами функционирования СНЭВ и над условиями ее использования. Очевидно, что выстроенная США долларовая система соответствует и второму условию, сформулированному в начале данного раздела: ее участники заинтересованы в ее стабильности не менее, чем сами США, поскольку ее обвал, если он случится, практически похоронит всю систему международных расчетов и приведет к обесценению всех активов, номинированных в долларах (а именно на такие активы приходится большая часть мировых резервов и инвестиций).

По сходному пути пытается идти Китай, который в настоящее время при помощи проекта «Пояса и пути», представляющего собой систему транспортно-логистической инфраструктуры, привязывает к себе государства, где создаются соответствующие объекты. Благодаря этой уникальной инфраструктуре (аналог у которой отсутствует) государства получают доступ к емкому китайскому рынку и могут извлекать выгоду от движения товарных потоков. Однако между проектом «Пояс и путь» и глобальной долларовой системой есть важные отличия.

«Пояс и путь» явно предполагает неравноправие государств-участников по отношению к Китаю, опирающееся, в частности, на активное использование долговых инструментов и частичный контроль над суверенитетом, что вызывает недовольство этих государств и послужило причиной замораживания некоторых проектов (например, в Малайзии). Это показывает, что выгоды от

участия в «Поясе и пути» для отдельных стран являются менее ощутимыми, чем риски из-за недостаточно продуманного баланса между ценностью этой инфраструктуры для участников и уровнем неравноправия (Китай стремится трансформировать контроль над инфраструктурой в контроль над партнерами).

В силу описанных причин стратегию формирования СНЭВ Китая, по мнению автора, можно охарактеризовать как неокOLONиальную, основанную во многом на принуждении (долговом и экономическом). Отметим, что, в отличие от глобальной долларовой финансовой системы, у которой пока нет конкурентов (и поэтому исключение из нее чревато большими потерями), «Пояс и путь» является лишь частью глобальной транспортной системы и у него есть конкуренты, на которые государства-участники могут переориентироваться (и переключиться на обслуживание иных рынков, чем китайский).

Важным инструментом формирования СНЭВ может выступать национальная диаспора. По способу ее формирования, с некоторыми упрощениями, можно различать:

- внешнюю диаспору (совокупность представителей определенной национальности, в силу исторических причин традиционно проживающих за пределами базового для данной национальности государства; такая диаспора, как правило, существует достаточно давно и не имеет намерений переселиться в свое «базовое» государство);

- миграционную диаспору (создающуюся в настоящее время за счет оттока населения за рубеж в поисках лучших условий жизни и работы; такая диаспора нередко сохраняет устойчивую экономическую связь со своей базовой страной и может вернуться в нее при достижении определенного уровня благополучия).

Миграционная диаспора, при ее сохранении в течение нескольких поколений, может трансформироваться во внешнюю диаспору. Пример внешней

диаспоры – венгры в Румынии или – что более показательно – албанцы в Косово в рамках Сербии (а до этого – Югославии), миграционной диаспоры – среднеазиатские трудовые мигранты в России.

Государства традиционно стремятся сохранять связи со своими диаспорами, в т. ч. и юридические. Важным инструментом обеспечения таких связей является предоставление представителям диаспор гражданства страны их происхождения (или квази-гражданства – как это имеет место в Польше, где лицам польского происхождения, проживающим за рубежом на постоянной основе и имеющим иное гражданство, выдается т. н. «карта поляка»). Такой подход является законным и соответствующим международной практике, однако нередко воспринимается негативно государствами, в которых эта диаспора проживает, поскольку рассматривается ими как отказ от лояльности (или, как минимум, как размывание лояльности).

Национальная диаспора может служить способом ослабления давления на национальном рынке труда (когда избыточная рабочая сила уезжает работать за рубеж), инструментом более эффективного использования человеческого капитала (в том случае, если в национальной экономике не хватает рабочих мест соответствующей квалификации), источником притока денежных средств (как от трудовых мигрантов, так и в форме финансовой поддержки своей исторической родины), источником инвестиций из-за рубежа, поставщиков высококвалифицированной рабочей силы (если государство поощряет возвращение представителей диаспоры на историческую родину), инструментом лоббирования НЭИ страны в государстве проживания диаспоры, и даже инструментом экономического (политического) контроля над страной (или над отдельными отраслями экономики или регионами), где находится диаспора (если представители этой диаспоры более активны экономически, политически и/или демографически, чем коренное население) и т. д.

Примером такого контроля может быть высокая роль китайцев в бизнесе государств Юго-Восточной Азии, большое присутствие бизнесменов индий-

ского происхождения в государствах Африки (прежде всего, южной и юго-восточной, в бывших колониях Британской империи). Очевидно, что все эти меры позволяют либо не допустить ослабления национального экономического потенциала, либо добиться его роста, либо, наконец, снизить экономический потенциал (и подорвать национальную экономическую безопасность) государства проживания диаспоры, что также благоприятно отражается на НЭБ базовой для этой диаспоры страны. Однако чрезмерная (на взгляд коренного населения) экономическая и политическая активность диаспоры, а также ее лояльность не государству проживания, а государству происхождения, вызывает у коренного населения и руководства страны стремление тем или иным образом подавить эту активность (вплоть до погромов и изгнаний).

Далее рассмотрим институты коллективной экономической безопасности. Они стали возникать еще в XIX в. в форме разного рода межгосударственных союзов, однако они охватывали только отдельные аспекты НЭБ, прежде всего, финансовую безопасность (монетные союзы, такие, как Латинский, Скандинавский и т. д.). Полноценно такие институты начали формироваться только после Второй Мировой войны в Европе. Они также начинались с отраслевых экономических союзов (таких, как Европейское объединение угля и стали), однако с течением времени переросли в межгосударственные организации, обеспечивающие все аспекты НЭБ – в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), а впоследствии – в Европейский Союз (ЕС). Разумеется, сводить все функции ЕС только к обеспечению коллективной экономической безопасности государств-членов будет неправильно, однако наличие этой функции у Евросоюза несомненно²⁰⁶.

То, что такой коллективный институт экономической безопасности возник именно в Европе после Второй Мировой войны, объясняется как разрушительными последствиями этой войны (т. е. необходимостью предотвратить

²⁰⁶ Байдури́н М. С. Обеспечение экономической безопасности ЕАЭС на основе развития экономической интеграции стран СНГ. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра экон. наук. М.: Институт проблемы рынка РАН, 2017. – 355 с.; Pinder J. European Economic Security: How Can We Master the Modern Economy? // International Journal. – 1984. – Vol. 40. – No 1. – P. 128-144.

возникновение новых вооруженных конфликтов, что достигалось в т. ч. и за счет экономической интеграции), так и тем, что масштаб экономик европейских государств уже не был достаточен для того, чтобы каждая страна могла обеспечивать свою НЭБ самостоятельно в конкуренции друг с другом и с США (новым экономическим лидером капиталистического мира), а также в противостоянии с социалистической системой. Экономическое, а впоследствии и политическое объединение Европы позволило создать игрока, экономический потенциал которого был достаточен для обеспечения коллективной экономической безопасности в новых условиях.

Создание коллективной системы экономической безопасности не исключает формирования СНЭВ – однако не вокруг одной страны, а вокруг группы государств. Более того, внутри этой системы коллективной безопасности также могут существовать отношения неравноправия (выделение в Евросоюзе ядра и периферии является хорошо известным фактом, и при этом периферия выступает сферой экономического влияния для ядра, в первую очередь – для Германии; экономическое неравноправие обеспечивается при помощи долговой дипломатии). Наконец, в составе Евросоюза есть и экономические протектораты внешних акторов – Великобритания, формально бывшая в течение длительного времени членом ЕЭС и Евросоюза, скорее выступала в качестве сателлита США²⁰⁷, которые вносили большой вклад в ее экономическую безопасность (и вызвались полностью ее обеспечивать после выхода Великобритании из ЕС).

Аналогичную коллективную систему экономической безопасности попытался построить СССР – сначала в рамках глобальной экономической системы социализма, а после отпадения от нее Китая – в составе Совета экономической взаимопомощи. Интересно, что, несмотря на несопоставимость масштабов экономики СССР и стран народной демократии, а также ограниченность суверенитета восточноевропейских государств, Совет экономической

²⁰⁷ Котляров И. Д. Разделенные государства и их роль в современной геополитике // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2007. – № 2. – С. 68-81.

взаимопомощи не был СНЭВ для СССР, а выступал в качестве именно коллективного института экономической безопасности с выстроенной системой межстранового разделения труда и координацией хозяйственной деятельности. При этом, в составе Совета экономической взаимопомощи были и явные экономические протектораты СССР – такие, как Куба, чью НЭБ СССР гарантировал.

Наш анализ показывает, что описанные нами наднациональные инструменты обеспечения НЭБ, как правило, используются в комплексе и дополняют друг друга. Государству необходимо формировать оптимальный набор этих инструментов с учетом своего экономического потенциала, национальных экономических интересов и традиционно сложившихся экономических связей. И это ярко подтверждает опыт постсоветского развития современной Российской Федерации.

После распада СССР и Совета экономической взаимопомощи Россия утратила или значительно ослабила экономические связи не только с бывшими странами народной демократии, но и с бывшими советскими республиками (которые ранее формировали с Россией единую экономическую систему в рамках унитарного, по факту, государства). Те же связи, которые сохранились, основаны не на партнерстве (т. е. достижении совместных целей, как это было, например, в составе Совета экономической взаимопомощи), а на индивидуальных интересах каждого государства (которое нацелено максимизировать свою выгоду за счет контрагента). Отказ от экономических связей был обоюдным. Восточноевропейские страны рвали связи с Россией и формировали новую систему хозяйственных отношений с Западной Европой и США, тогда как Россия отказывалась от поддержки своих экономических сателлитов (Куба) из-за нехватки ресурсов и стремления перевести все взаимодействия на рыночную основу.

Это означает, что:

1. Российская экономика (потенциал которой в относительном выражении намного меньше как потенциала экономики СССР, так и – тем более –

потенциала совместной экономической системы государств-участников Совета экономической взаимопомощи) в настоящее время обладает намного меньшим собственным ресурсом обеспечения НЭБ, чем СССР, и поэтому намного сильнее нуждается в наднациональной системе НЭБ;

2. Выстраивание такой наднациональной системы затруднено тем, что, во-первых, экономический потенциал России сравнительно невелик, и она пока мало что может предложить возможным партнерам с точки зрения обеспечения их НЭБ и их мотивации к участию в обеспечении НЭБ России, во-вторых, статус России как государства, находящегося под санкциями и обладающего образом страны-агрессора, препятствует выстраиванию отношений с ней, поскольку возможные партнеры могут сами оказаться объектом санкций²⁰⁸, и, в-третьих, исторически существовавшие экономические связи в значительной степени разорваны, и их восстановление затруднительно или невозможно (из-за переориентации участников этих связей на других партнеров), а выстраивание новых связей осложняется двумя предшествующими проблемами;

3. Государства, которые выстраивают хозяйственные связи с Россией, заинтересованы преимущественно в использовании ее ресурсов для достижения собственных целей, тогда как приоритетные отношения они формируют с другими странами или интеграционными проектами²⁰⁹ или же сами претендуют на единоличное глобальное (Китай) или региональное (Индия, Пакистан) лидерство, и не будут входить в чью-либо сферу влияния. Для России это создает риски того, что она ради иллюзии партнерства будет идти на значимые экономические (и политические) уступки, получая в ответ не реальную

²⁰⁸ Арефьев П. В., Альпидовская М. Л., Блинов А. О., Данилова О. В., Карасева Л. А., Кузнецов А. В., Мальцев В. В., Нуреев Р. М., Петраков П. К., Слепаков С. С., Соколов Д. П., Степин Е. А., Чусовлянов Д. С. Экономические санкции против России: ожидания и реальность. М.: КноРус, 2017. – 194 с.; Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. – 2015. – № 10. – С. 24-32.

²⁰⁹ Байдурин М. С. Обеспечение экономической безопасности ЕАЭС на основе развития экономической интеграции стран СНГ. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра экон. наук. М.: Институт проблемы рынка РАН, 2017. – 355 с.

экономическую и политическую поддержку, а лишь декларации о готовности к партнерству (такова, например, стратегия Белоруссии);

4. Отдельно следует указать на проблему постсоветских государств, которые теоретически являются наиболее очевидными партнерами России по возможным наднациональным системам экономической безопасности. Но даже те из них, которые декларировали себя в качестве партнеров нашей страны, после 2014 г. стали дистанцироваться от России, воспринимая ее в качестве угрозы своей государственности (риторика руководства этих государств могла остаться неизменной – они продолжали заявлять о дружеских связях с Россией, однако при этом начали предпринимать шаги, призванные ограничить реальное партнерство с нашей страной, в частности, укреплять сотрудничество с другими государствами, как это произошло в Белоруссии²¹⁰). Что же касается государств, которые изначально стремились отдалиться от России, то они воспользовались событиями 2014 г. для того, чтобы минимизировать экономическое взаимодействие. В частности, после 2014 г. произошел окончательный разрыв кооперационных связей России и Украины, что негативно отразилось на оборонном и экономическом потенциале нашей страны и, как следствие, на ее национальной и экономической безопасности.

Рассмотрим перспективы выстраивания наднациональной системы обеспечения НЭБ России:

1. Отмеченные выше проблемы означают, что Россия пока не обладает возможностями для формирования собственной СНЭВ. У нашей страны отсутствуют рычаги для эксплуатации ресурсов других государств в своих интересах из-за недостаточности национального экономического потенциала. Россия не обладает эксклюзивными ресурсами, которые могли бы привязать экономики других стран к ее национальной экономике. Все государства и квази-

²¹⁰ Гронский А. Д. Отношения Белоруссии с Европейским Союзом и США (1992-2018 гг.): от дистанцирования к дрейфу на Запад // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 71-97.

государственные образования, которые входят в орбиту экономического влияния России, являются экономическими сателлитами, неспособными самостоятельно обеспечивать свою НЭБ (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика)²¹¹, и с точки зрения НЭБ России представляют собой скорее не ресурс, а источник затрат (по крайней мере, в среднесрочной перспективе). Единственным экономически значимым ресурсом, которым обладает Россия и который теоретически способен обеспечить зависимость иностранных экономик от России и тем самым создать основу для ее СНЭВ, являются энергоносители (именно на нем основывалась выдвинутая в середине 2000-х гг. концепция трансформации нашей страны в энергетическую сверхдержаву). Однако Россия не имеет возможности управлять ценами на эти ресурсы (поскольку они – биржевой товар), и рента от этих ресурсов находится вне контроля нашей страны (что наглядно показали кризисы 1998 г., 2014-2016 гг. и начала 2020 г.). Кроме того, эти ресурсы, во-первых, не являются эксклюзивными (на рынке присутствует много поставщиков, и покупатели России прикладывают большие усилия для того, чтобы диверсифицировать свои источники поставок²¹²), и, во-вторых, Россия в силу выбранной стратегии развития доставки этих энергоносителей (трубопроводный транспорт) находится как минимум не в меньшей зависимости от своих покупателей, чем они от нее;

2. Русскоязычные диаспоры в других государствах в настоящее время довольно сложно использовать для обслуживания НЭИ России. Миграционная диаспора (проживающая в дальнем зарубежье) во многом формируется из людей, которые целенаправленно рвут свои отношения с Россией, поскольку в нашей стране они лишены возможности реализовать себя (по крайней мере, таково их представление) в силу определенных ограничений. В частности, в

²¹¹ Котов Е. В. Управление экономикой непризнанной Донецкой республики: правовые основы, закономерности, перспективы // Право и управление. XXI век. – 2019. – Т. 15. – № 2. – С. 72-80.

²¹² Вейнер Ч. Диверсификация ради отказа от российского газа: пример Польши // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 138-163; Жизнин С. З. Экономические и геополитические аспекты «Северного потока – 2» // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11. – № 3. – С. 25-42.

России сравнительно сложно организовать инновационные или производственные проекты из-за недостаточно благоприятной институциональной среды и сложности доступа к финансированию, из-за чего ряд перспективных стартапов предпочитает переводить свой бизнес в развитые страны. Даже если они впоследствии открывают свои филиалы в России, головная компания и ключевые акционеры остаются за рубежом. Что касается внешней диаспоры, проживающей преимущественно в постсоветских государствах, то она предпочитает реализовывать себя в этих странах, а связи с Россией в большинстве случаев не выходят за пределы родственных отношений. Кроме того, постсоветские республики проводят более или менее активную целенаправленную политику по выдавливанию этой диаспоры в Россию (наиболее яркий пример – Туркмения), лишению ее политических прав (Эстония, Латвия) или принудительной ассимиляции (Прибалтика, Украина). Преследованиям подвергается и русский язык, который лишен официального статуса на большей части бывшего СССР. Это было связано с тем, что русскоязычное население воспринималось руководством новых независимых стран (нередко националистически ориентированным) как «пятая колонна» России и препятствие к строительству своей государственности. Эта политика, заметная уже в первые годы после распада СССР, значительно активизировалась после 2014 г. (когда произошло воссоединение Крыма с Россией, а украинский режим начал карательную операцию на Донбассе, и одновременно родилась концепция «русского мира»). Русскоязычное население стало рассматриваться как угроза национальной независимости и целостности государства, и из-за этого, с одной стороны, настороженность по отношению к нему значительно выросла, а – с другой стороны – оно оказалось вынуждено активно демонстрировать свою лояльность государствам проживания и ассимилироваться. Парадоксальным образом концепция «русского мира» оттолкнула от России – в том числе и невольно – значительное число постсоветского населения. Даже те люди, которые хотят сохранить свой русский язык и культуру, не всегда видят себя вместе с Россией

и не хотят, чтобы их воспринимали как нелояльных граждан своей страны проживания. Наконец, Россия непрерывно обвиняется во вмешательстве во внутреннюю политику других государств. В этих условиях использовать потенциал диаспор для достижения НЭИ России затруднительно – по крайней мере, в среднесрочной перспективе. Сами диаспоры пока не готовы к нему, а попытки педалировать этот процесс могут еще больше оттолкнуть их от нашей страны и вызвать еще большее сопротивление государств их проживания. Это означает, что в настоящее время сотрудничество необходимо выстраивать не столько с диаспорами, сколько с государствами их проживания, при этом подчеркивая уважение к их независимости и территориальной целостности. С учетом этого, России необходимо как можно скорее урегулировать ситуацию с Украиной, поскольку именно она вызывает наибольшие опасения как у постсоветских стран, так и у международного сообщества в целом;

3. Сказанное выше означает, что наднациональная система обеспечения НЭБ России может быть только коллективной. Инструментами ее формирования могут выступать в первую очередь ЕАЭС²¹³ и ШОС, в несколько меньшей степени – БРИКС²¹⁴ и другие интеграционные объединения²¹⁵. Цель таких партнерств заключается в наращивании экономического потенциала России в рамках экономического потенциала соответствующего интеграционного объединения, создании альтернативных источников тех ресурсов, доступ к которым России отрезан из-за санкций (прежде всего, финансовым) и эффективном использовании тех ресурсов, которым обладает наша страна.

Наиболее перспективными элементами такой наднациональной коллективной системы защиты НЭБ России, по мнению автора, являются:

²¹³ Ананьев А. А., Дронов Р. В. Евразийская экономическая безопасность. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. – 95 с.; Байдулин М. С. Обеспечение экономической безопасности ЕАЭС на основе развития экономической интеграции стран СНГ. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра экон. наук. М.: Институт проблемы рынка РАН, 2017. – 355 с.; Плотников В. А., Ускова К. Л. Экономическая безопасность России и развитие евразийской интеграции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 1. – С. 5-10.

²¹⁴ Козырь Н. С., Яркина М. В. Разработка подходов к оценке экономической безопасности государств на примере альянса БРИКС // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 8. – С. 1514-1529.

²¹⁵ Дронов Р. В., Ананьев А. А. О проблеме экономической безопасности в системе Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 4. – С. 75-77.

1) создание коллективных банков развития, которые могли бы предоставлять финансирование для реализации стратегических проектов (в т. ч. инфраструктурных). Возможно, в рамках таких банков было бы целесообразно создать коллективную расчетную единицу (наподобие ЭКЮ, СДР или переводного рубля), которая бы, не используя в реальном денежном обращении, могла бы применяться для международных расчетов в целях избавления от зависимости от доллара США. С учетом технологических изменений такая коллективная единица могла бы быть реализована на платформе блокчейн²¹⁶, что гарантировало бы высокий уровень защищенности и отсутствие контроля со стороны финансовой системы США.

Заинтересованность в наличии таких банков максимальна у России, однако и у других международных игроков она присутствует, прежде всего, у Китая в свете его торговой войны с США. Поддержку такой расчетной единицы могло бы оказать номинирование в ней части золотовалютных резервов центробанков стран-участников. Тем не менее, Китай, будучи заинтересован в росте международной значимости своей валюты, может противодействовать запуску такой коллективной денежной единицы, которая может составить конкуренцию юаню;

2) создание альтернативных площадок для размещения долгосрочных долговых обязательств – также, возможно, на технологической платформе блокчейн²¹⁷. Заинтересованность в этом у партнеров России может быть достаточно высокой, поскольку это позволит реализовать цифровизацию финансовой отрасли (а все страны БРИКС стремятся к развитию цифровой эконо-

²¹⁶ Бурякова А. О., Вашило А. А. Цифровизация бюджетных отношений Союзного Государства России и Белоруссии // *Финансы и кредит*. – 2019. – Т. 25. – № 2. – С. 443-457; Дорофеев М. Л., Косов М. Е. Роль и перспективы внедрения криптовалют в современную мировую финансовую систему // *Финансы и кредит*. – 2019. – № 2. – С. 392-408; Кочергин Д. А., Янгирова А. И. Цифровые валюты как новая форма денег центральных банков // *ЭКО*. – 2019. – № 10. – С. 148-171; Скобликов Е. Казначейский блокчейн vs цифровая экономика // *Общество и экономика*. – 2018. – № 11. – С. 58-73.

²¹⁷ Толкаченко О. Ю. Первичное предложение токенов как альтернативный источник венчурного финансирования // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. – 2018. – № 4. – С. 16-22.

мики) и при этом за счет того, что такие площадки будут служить для финансирования крупных проектов на межгосударственной основе, это упростит создание законодательной базы для цифровых финансов и обеспечит гарантии для инвесторов. Таким образом, инициаторы организации таких платформ могут стать обладателями первой в мире криптоинфраструктурой для корпоративного и государственного финансирования;

3) создание совместных производственных цепочек в рамках межстрановой кооперации²¹⁸, при этом следует добиваться, чтобы Россия уходила от функции поставщика преимущественно сырьевых ресурсов, и контролировала часть звеньев этих цепочек, связанных с верхними переделами и с производством значительного объема добавленной стоимости (и с необходимостью технологического развития). Моделью в этой области может быть кооперация России и Китая при создании (и будущем производстве) лайнера МС-21 и России и Индии при разработке ракет Brahmos. Проблема при организации таких партнерств, однако, заключается в том, что их потенциальные участники в первую очередь заинтересованы не в развитии технологического потенциала России, а в освоении присутствующих у нее, но отсутствующих у них компетенций.

При реализации таких проектов необходимо избегать ситуации подобного неравноправия и добиваться локализации в России новых производств и передачи технологий²¹⁹ (в обмен на доступ к российским технологиям и компетенциям). Наиболее эффективными такие программы, по нашему мнению, могут быть в разработке инновационных видов оружия (в частности, большой

²¹⁸ Бирюкова О. В., Мануйлов И. А. Развитие производственных цепочек во внутрирегиональной торговле: уроки для ЕАЭС // Экономическая наука современной России. – 2017. – № 1. – С. 92-103; Кадочников П. А. Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 2. – С. 8-13; Наружный В. Е., Князьнеделин Р. А., Насонов С. В. Обоснование цикла формирования импортозамещающих производственных цепочек в оборонно-промышленном комплексе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 3. – С. 76-86.

²¹⁹ Котляров И. Д. Локализация производства как инструмент импортозамещения // ЭКО. – 2016. – № 8. – С. 128-140.

эффект могла бы принести кооперация России и Китая при разработке управляемых роев беспилотников и гиперзвукового оружия; Россия в рамках такой кооперации предоставила бы свои разработки по гиперзвуку, тогда как Китай мог бы предоставить свои компетенции в области искусственного интеллекта).

Перспективность этого направления связана с наличием у России большого научного задела в данной области²²⁰, с необходимостью распределять усилия при разработке инновационных вооружений (как это делают, например, США в программе истребителя пятого поколения F-35) и создавать для них гарантированные рынки сбыта, а также по причине того, что единая система вооружений служит хорошей основой для военной кооперации, т. е. для интеграции в области военного потенциала, что будет способствовать обеспечению НЭБ²²¹. Кроме того, сотрудничество в оборонно-промышленном комплексе носит межгосударственный, во многом нерыночный характер, и поэтому оно намного более устойчиво к негативному воздействию санкций (в отличие от партнерства между частными коммерческими предприятиями). При помощи таких производственных цепочек можно добиться эффективной (равноправной) взаимозависимости России и других стран-партнеров²²², что позволит повысить НЭБ нашей страны (поскольку у внешних акторов появится заинтересованность в стратегическом сотрудничестве с Россией, что будет побуждать их способствовать обеспечению российской НЭБ).

Отметим, что после введения санкций в 2014 г. основное внимание руководства нашей страны уделялось переориентации экспортных потоков, т. е. в первую очередь поиску новых рынков сбыта для российских углеводородов. Для этого, в частности, реализуется проект «Сила Сибири», а за счет проекта СПГ «Ямал» достигается большая гибкость поставок газа (поскольку исчезает

²²⁰ Клочков В. В., Лукашов А. М., Максимов В. В., Рождественская С. М. Опережающее создание научно-технического задела в интересах развития вооружения, военной и специальной техники // Военная мысль. – 2018. – № 12. – С. 23-32.

²²¹ Андреева Е. С. Разоружение и военное сотрудничество как векторы обеспечения национальной безопасности // Управленческое консультирование. – 2017. – № 3. – С. 51-59.

²²² Boutin J. D. K. Beyond interdependence: Economic security and Sino-American-Australian trilateralism // International Journal. – 2015. – Vol. 70. – No 3. – P. 372-390.

привязка к магистральным газопроводам²²³). Но такой подход нам представляется неверным с позиций стратегических – в этом случае сырьевая направленность российской экономики сохраняется, а зависимость от европейского рынка частично замещается зависимостью от рынка китайского (но сама по себе внешняя зависимость остается, что дает основу для внешнего давления и нарушения, в этой связи, НЭБ России).

Однако эффективность санкций во многом связана с тем, что Россия после 1991 г. не была допущена к участию в глобальных производственных цепочках и функционировала лишь как поставщик сырья. Сейчас необходимо исправить эту ситуацию и компенсировать наше отсутствие в европейских и американских цепочках создания стоимости развитием таких цепочек в партнерстве со странами ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Поскольку экономика Китая намного больше экономики России (см. рис. 3.3.1, из которого следует, что в сопоставимых оценках ВВП по паритету покупательной способности китайская экономика более чем в 6 раз крупнее российской), добиться заинтересованности КНР в сохранении НЭБ нашей страны можно не за счет большого объема выпуска продукции в составе совместных производственных цепочек (Россия такой выпуск просто не сможет обеспечить), а путем стратегической, эксклюзивной ориентации этих цепочек, когда, несмотря на сравнительно малый (по масштабам Китая) объем производства соответствующие цепочки имеют критическое значение для национальной безопасности КНР, устойчивого развития экономики этой страны, достижения ею приемлемого уровня реализации собственных экономических интересов и интересов в сфере безопасности. Именно поэтому мы предлагаем их формировать в оборонно-промышленном комплексе;

²²³ Иванова К. С. Перспективы и проблем развития производства и сбыта СПГ в России // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2019. – № 7. – С. 46-50.

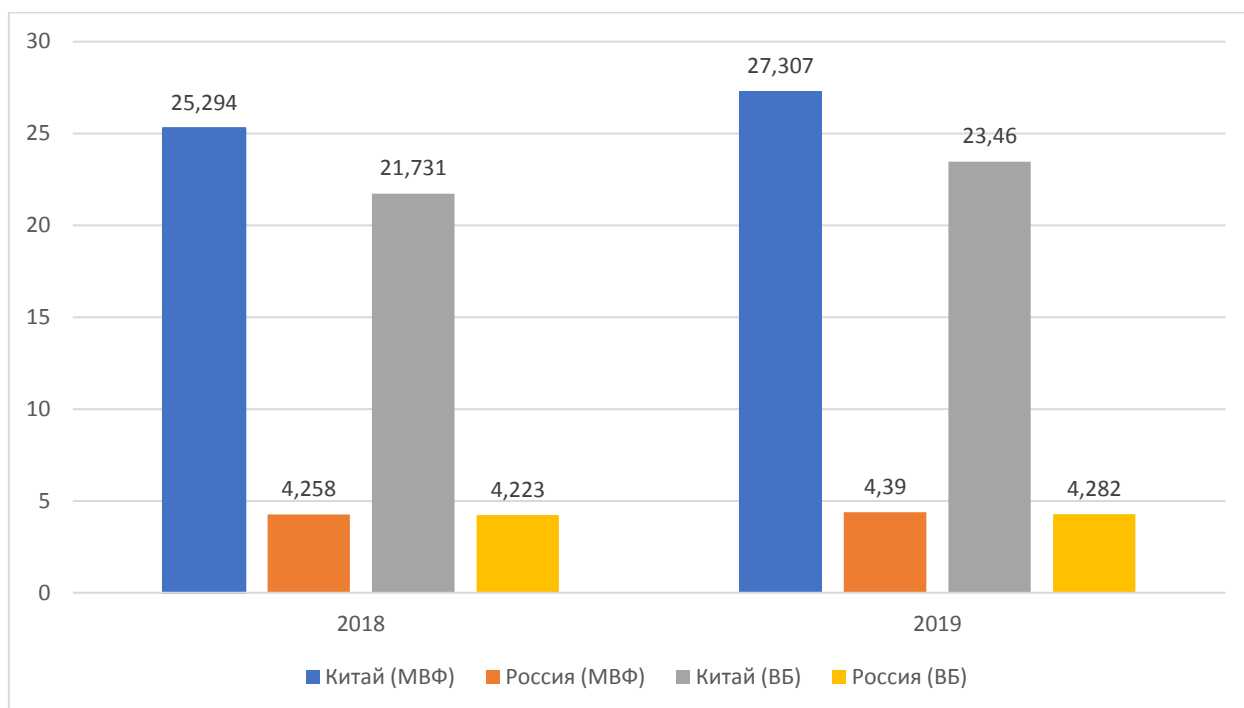

Рисунок 3.3.1 – Величина ВВП по паритету покупательной способности Китая и России, трлн долл. США (составлено автором по данным Международного валютного фонда, МВФ, и Всемирного банка, ВБ)

4) участие России в проекте «Пояс и путь» в целях реализации логистического потенциала нашей страны²²⁴, однако на льготных условиях. Существующая модель инфраструктурного строительства в рамках этого проекта предполагает, что оно производится с привлечением китайского финансирования (предоставляемого в кредит), преимущественно китайских подрядчиков, китайских технологий и китайской рабочей силы. Объекты переходят либо в собственность Китая, либо в его долгосрочную аренду. Для России такая модель неприемлема. Китайский капитал следует привлекать, однако операторами проектов должны быть российские компании (или, как минимум, совместные организации), при этом Китай должен гарантировать определенный объем перевозок, чтобы обеспечить окупаемость этих проектов.

²²⁴ Котляров И. Д. Геоэкономическое значение трансевразийского транспортного коридора // Записки Горного института. – 2009. – Т. 184. – С. 225-230.

В том случае, если этот объем обеспечен не будет, Китай должен будет все равно произвести причитающиеся платежи (фактически речь идет о резервировании путей сообщения для определенного объема перевозок – аналоге модели take or pay, или же здесь применим правовой режим и финансовая модель концессионного соглашения, например, реализованного на Западном скоростном диаметре в Санкт-Петербурге). В некотором смысле Китай при таком подходе выступает гарантом кредитов, выданных для реализации таких проектов китайскими банками. Строительство должно вестись с максимальным использованием российских подрядчиков и на условиях обязательной передачи части ключевых технологий. В разумный срок эти объекты должны переходить в собственность Российской Федерации (как это соответствует международной практике государственно-частного партнерства).

Эти условия могут показаться жесткими, однако именно по России, вследствие ее географического положения, пролегает значительная часть сухопутной инфраструктуры «Пояса и пути», что позволяет ей настаивать на их выполнении. Наконец, не стоит забывать о том, что экономический потенциал России мал по сравнению с экономикой Китая, и передача части технологий значительного ущерба Китаю не нанесет;

5) продвижение русского языка и русской культуры как ключевых достояний ЕАЭС, ШОС и БРИКС (не следует забывать, что русский язык является одним из официальных языков ООН). Одним из его элементов должно быть развитие русскоязычных программ высшего образования для иностранных студентов в ведущих вузах нашей страны (в идеале – с ориентацией на подготовку будущей политической, экономической, научной, культурной и интеллектуальной элиты страны, входящих в эти интеграционные образования). Русский язык в значительной мере утратил свои позиции на мировой арене после распада СССР и необходимо прилагать усилия, чтобы изменить ситуацию. Национальный язык и культура являются важными инструментами мягкой силы, и надо в полной мере реализовывать их потенциал. Это создаст предпосылки для защиты экономических интересов страны в будущем.

Очевидно, что все эти шаги будут сталкиваться с активным противодействием коллективного Запада²²⁵, который будет преследовать две цели: не дать России набрать экономический потенциал, достаточный для подтверждения ее геополитических претензий, и не позволить возможным партнерам России использовать ее ресурсы для своего технологического и промышленного развития (которое могло бы поставить под угрозу текущее лидерство Запада). Возможные меры противодействия представлены в таблице 3.3.1.

Таблица 3.3.1 – Предложения по управлению формированием наднациональной системы обеспечения НЭБ России (составлено автором)

Наднациональные инструменты обеспечения НЭБ	Меры противодействия коллективного Запада	Меры по элиминированию противодействия
Коллективные банки развития	Санкции против этих банков и сотрудничающих с ними компаний	Создание альтернативной мировым валютам межгосударственной расчетной единицы. Использование криптовалют
Альтернативные коллективные площадки привлечения финансирования	Санкции против этих площадок, их организаторов и участников	Токенизация предлагаемых активов на основе технологии блокчейн
Создание совместных производственных цепочек и обмен компетенциями	Санкции против участников цепочек	Отказ от расчетов в мировых валютах. Создание

²²⁵ Байдури М. С. Обеспечение экономической безопасности ЕАЭС на основе развития экономической интеграции стран СНГ. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра экон. наук. М.: Институт проблемы рынка РАН, 2017. – 355 с.

Наднациональные инструменты обеспечения НЭБ	Меры противодействия коллективного Запада	Меры по элиминированию противодействия
		ние цепочек в оборонно-промышленном комплексе
Участие в проекте «Пояс и путь»	Политическое и экономическое давление на Китай с целью заставить исключить Россию из проекта. Санкции против оператора российского участка транспортной инфраструктуры, грузоперевозчиков и грузоотправителей	Использование посреднических структур для организации коммерческой деятельности оператора транспортной инфраструктуры
Продвижение русского языка и русской культуры	Формирование образа русского языка и русской культуры как угрозы национальной и государственной идентичности других стран. Ограничение на использование русского языка в других странах	Концепция русского языка как языка мира и дружбы и одного из глобальных языков планеты

Таким образом, подводя промежуточный итог проведенному исследованию, мы можем сформулировать следующие выводы:

- с точки зрения выстраивания наднациональной системы обеспечения НЭБ Россия в настоящее время находится в противоречивой ситуации. С одной стороны, потребность нашей страны в такой системе исключительно высока. Однако, с другой стороны, Россия сейчас является неудобным или неэффективным партнером для большинства государств;

- несмотря на сравнительно большую русскоязычную диаспору в дальнем и ближнем зарубежье, не стоит переоценивать ее потенциал как инструмента достижения НЭИ нашей страны. Эта диаспора зачастую не разделяет ценности «русского мира» и по своей инициативе дистанцируется от России, предпочитая демонстрировать лояльность стране проживания. Кроме того, любые шаги по продвижению России в диаспоре будут крайне негативно восприняты странами проживания, которые будут рассматривать такие шаги как недружественные (трактуя их как вмешательство во внутреннюю политику и угрозу своей государственности и территориальной целостности). Более того, эти шаги могут быть опасными и для самих диаспор, поскольку они будут восприниматься как нелояльные по отношению к странам проживания и принуждаться к эмиграции или ассимиляции;

- наиболее рациональным вариантом создания наднациональной системы обеспечения НЭБ России в текущих геополитических и геоэкономических условиях является участие в коллективных системах безопасности (в составе таких интеграционных объединений, как ЕАЭС, ШОС, БРИКС). Реализация этой задачи требует углубления кооперации в рамках этих объединений;

- ключевое значение имеет выстраивание финансовой составляющей такой наднациональной системы обеспечения безопасности, а именно независимых от мировой долларовой системы инструментов для международных расчетов и финансирования. Необходимо содействовать созданию коллективных банков развития и альтернативных площадок для предоставления заемного финансирования, в том числе с использованием блокчейна;

- необходимо развивать проекты промышленного и инфраструктурного сотрудничества в составе упомянутых выше интеграционных объединений (в

т. ч. в оборонно-промышленном комплексе). Эти проекты должны быть направлены на максимизацию технологического и экономического потенциала нашей страны за счет локализации верхних переделов производственных цепочек;

- необходимо разработать программу по продвижению русского языка и русской культуры как инструмента мягкой силы. Русский язык должен сохранять свою значимость. Для этого ему необходимо стать одним из языков получения высшего образования в ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Этот фактор может показаться не имеющим непосредственного отношения к экономике, однако в случае реализации этой стратегии русский язык может стать элементом нематериального капитала нашей страны, как следствие, значительно сократятся издержки России на освоение ее жителями языков других государств в интересах международного общения (поскольку это общение сможет в значительной степени реализовываться на основе русского языка);

- создание наднациональной системы экономической безопасности, ориентированной в т. ч. на достижение НЭИ России, неизбежно столкнется с противодействием других значимых геополитических игроков. По этой причине необходимо разработать комплекс мер по минимизации негативных последствий этого противодействия и реализовать его через меры государственной политики.

Глава 4. Методы обеспечения экономической безопасности России в условиях технологических трансформаций и перехода к новому технологическому укладу

4.1 Вектора технологических трансформаций и прогнозирование технологического развития российской экономики с учетом задач обеспечения национальной экономической безопасности

Переход к новому технологическому укладу²²⁶, сопровождающийся перестройкой моделей взаимодействия между хозяйствующими субъектами и сменой поведения потребителей, создает новые возможности для предприятий и стран, которые сумеют использовать эту трансформацию в своих интересах, но при этом является источником угроз для организаций, которые слишком привязаны к своим стандартным бизнес-моделям. Эта трансформация носит подрывной²²⁷ характер, она резко снижает эффективность традиционных бизнес-моделей по сравнению с новыми подходами к организации бизнеса и создает риски ликвидации ряда компаний, бывших лидерами предыдущего технологического уклада, и даже целых отраслей, игравших ранее важную роль в экономике.

Это затронет интересы как отдельных корпораций (которым потребуется адаптироваться к новым условиям ведения хозяйственной деятельности),

²²⁶ Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. Технологический перелом начала XX века и интересы России // Экономические стратегии. – 2008. – Т. 10. – № 3. – С. 12-19; Бодрунов С. Д. Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 2. – С. 5-11; Глазьев С. Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2010. – № 2. – С. 4-10; Глазьев С. Ю. О политике опережающего развития в условиях смены технологических укладов // Вестник РАЕН. – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 29-35; Глазьев С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52. – № 2. – С. 3-29; Глазьев С. Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. – 768 с.

²²⁷ Мы специально используем термин «подрывной», в отличие от традиционного – «прорывной», чтобы подчеркнуть авторскую приверженность концепции инноваций Й.А. Шумпетера, который рассматривал их как «созидательное разрушение». Внедрение в хозяйственную практику новых технологий не только повышает производительность труда, экономит ресурсы, позволяет лучше удовлетворять потребности людей и т.д., но и разрушает имеющиеся, уже сложившиеся бизнесы. Т.е., с позиций нашего рассмотрения, ориентированного на обеспечение экономической безопасности, инновационно-технологическое развитие не только несет положительные эффекты для экономики, но и является серьезным источником угроз экономической безопасности, подрывая и даже разрушая сложившиеся бизнесы и виды хозяйственной активности.

так и целых государств. Прежние национальные конкурентные преимущества могут потерять свою значимость, что потребует коренной перестройки народного хозяйства для сохранения его устойчивости и способности обеспечивать достойный уровень жизни населения страны. В свою очередь, бизнес-лидеры прежнего технологического уклада могут быть вытеснены с рынка новыми компаниями, которые, за счет инновационных технологий, могут эффективнее удовлетворять потребности клиентов. Уход с рынка компаний и перестройка национальных экономик неизбежно приведут к необходимости замещать ликвидированные рабочие места. Наконец, новые технологии могут привести к обесцениванию человеческого капитала.

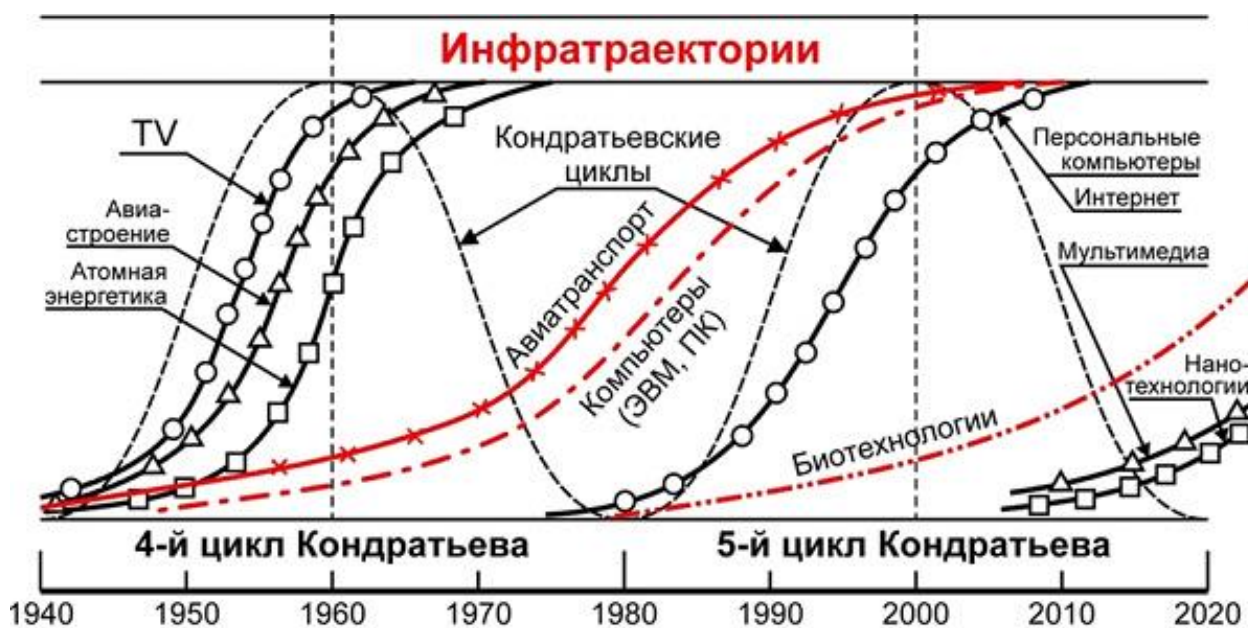
Все эти факторы могут привести к глубоким социальным и экономическим потрясениям – в том случае, если государство не сможет адаптироваться к ним (применительно к России, к сожалению, приходится говорить только об адаптации; нашей стране, скорее всего, не удастся войти в число лидеров нового технологического уклада, хотя отдельных точечных успехов в нем она добиться может). Такая адаптация требует ясного понимания сущности происходящих технологических трансформаций. По этой причине представляется необходимым выполнить анализ основных направлений технологических и организационных преобразований, связанных с переходом к новому технологическому укладу (ТУ).

Общая схема смены технологических укладов, предложенная академиком РАН С.Ю. Глазьевым, приведена на рисунке 4.1.1.

Современные технологические трансформации чаще всего связываются с цифровизацией²²⁸, однако такой подход значительно упрощает ситуацию.

²²⁸ Амелин С. В., Щетинина И. В. Организация производства в условиях цифровой экономики // Организатор производства. – 2018. – Т. 26. – № 4. – С. 7-18; Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 9–25; Бабурина О. Н., Гуриева Л. К. Научно-технологический императив конкурентоспособности России в условиях концептуализации четвертой промышленной революции (Industrie 4.0) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 396-416; Бодрунов С. Д., Демиденко Д. С., Плотников В. А. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // Управленческое консультирование. – 2018. – № 2. – С. 43–54; Букреев В. В. Является ли цифровизация панацеей для российской экономики // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 4. – С. 48-56; Коломыцева О. Ю., Плотников В. А. Специфика обеспечения экономической безопасности предприятий

Новый ТУ не исчерпывается цифровыми технологиями, хотя они играют важную роль в новой парадигме организации хозяйственной деятельности. Помимо все более широкого распространения информационно-компьютерных технологий (ИКТ), глубокие изменения переживают технологии промышленного производства и энергетика, а также модели межорганизационных взаимодействий²²⁹. Ниже мы рассмотрим эти факторы по отдельности.

Источник: Глазьев С.Ю. Последняя мировая война, США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016. С. 52.

Рисунок 4.1.1 – Общая схема смены технологических укладов

в условиях цифровизации экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 5-1. – С. 75-83; Котляров И. Д. Формы ведения предпринимательской деятельности в виртуальном пространстве: попытка классификации // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 2. – С. 89-100; Маркова В. Д. Влияние цифровой экономики на бизнес // ЭКО. – 2018. – № 12. – С. 7-22; Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4. – С. 16-24; Эпштейн Д. Б. О влиянии цифровой экономики на экономический рост // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 4. – С. 78-90.

²²⁹ Устюжанина Е. В., Сигарев А. В., Шеин Р. А. Цифровая экономика как новая парадигма экономического развития // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16. – № 12. – С. 2238-2253.

Цифровизацию не следует сводить к простому расширению использования ИКТ, т. е. к росту применения информатизации и автоматизации²³⁰. Информационные технологии совершили качественный скачок, позволивший добиться значительных успехов в области создания искусственного интеллекта²³¹ (ИИ) и интернета вещей. Благодаря этому, различные единицы техники (производственное оборудование, транспортные средства, военная техника и т. д.) могут непрерывно собирать информацию о внешней среде, обмениваться ею друг с другом без участия человека, сообщать ее центральному координирующему элементу (ИИ), который – также без участия человека, на основе заранее разработанных алгоритмов – принимает решения об оптимальной стратегии поведения в текущей ситуации и доводит эти решения до координируемых им единиц техники, которые воплощают их в жизнь. За счет этого многократно повышается скорость принятия решений, их точность и быстрота выполнения, и, как следствие, качество выполнения соответствующим производственным (транспортным, военным и т. д.) комплексом своих функций.

Цифровые («умные») технологии охватывают самые разные аспекты функционирования как экономики, так и общества в целом, а также жизни отдельного человека²³². Рассмотрим наиболее существенные из них:

1. «Умный» завод, на котором производственная деятельность осуществляется с минимальным привлечением живого труда²³³. На завод в автоматическом режиме поступают заказы, формируются цифровые двойники готовых изделий, заказы на отдельные комплектующие и элементы в автоматическом режиме передаются субподрядчикам, собирается готовое изделие и передается логистическому оператору для доставки. Очередность производства

²³⁰ Устюжанина Е. В., Сигарев А. В., Шеин Р. А. Указ. соч.

²³¹ Цветкова Л. А. Технологии искусственного интеллекта как фактор цифровизации экономики России и мира // Экономика науки. – 2017. – Т. 3. – № 2. – С. 126-124.

²³² Дородных Е. Е., Курбанов А. Х. Трансформация управления производством на предприятиях оборонно-промышленного комплекса в условиях цифровизации экономики // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2019. – № 6. – С. 57-61.

²³³ Крылатков П. П., Калинина Н. Е. Эволюция цифрового пространства современного машиностроительного предприятия // Организатор производства. – 2018. – Т. 26. – № 3. – С. 7-18.

и загрузка оборудования определяются автоматически, что позволяет минимизировать простои. Наличие цифровых двойников позволяет сократить время производственных испытаний, а также переналадки оборудования. Производство осуществляется фактически под заказ, что дает возможность устранить издержки, связанные с хранением сырья, комплектующих и полуфабрикатов, т.е. в полной мере реализовать потенциал организационной модели «точно в срок»;

2. «Умный» транспорт, обходящийся без участия человека (и, шире, «умная» логистика²³⁴). Транспортное средство получает информацию от центрального диспетчерского пункта (функционирующего на основе ИИ) о наличии запроса на перевозку и предполагаемом маршруте, самостоятельно прибывает в точку отправления, получает там объект для перевозки (груз или пассажира) и доставляет его в точку назначения. Выбор оптимального маршрута производится путем непрерывного обмена информацией с центральным диспетчерским пунктом, который гибко отслеживает информацию на дороге. Оптимальное поведение на транспортной магистрали формируется самим транспортным средством, которое отслеживает ситуацию на магистрали в своем непосредственном окружении (при частичном участии центрального диспетчерского пункта);

3. «Умный» город, в котором происходит непрерывный сбор информации о транспорте (пробки, происшествия, доступность парковочных мест, загруженность транспортных средств и т. д.), безопасности, возможности проведения досуга и т. д., на основе которой центральный ИИ принимает решения (в сфере своей ответственности) и разрабатывает рекомендации для внешних пользователей (жителей города, локальных компаний и т. д.) относительно наиболее эффективного использования городских и их собственных ресурсов;

²³⁴ Бекмурзаев И. Д., Курбанов А. Х., Курбанов Т. Х. Направления и этапы построения логистических систем на основе использования цифровых технологий // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 4. – С. 5-9.

4. «Умный» дом, также на основе ИИ, формирующий оптимальные условия проживания человека в соответствии с установленными алгоритмами (от содействия в организации распорядка дня и управления микроклиматом до самостоятельного заказа необходимых товаров и оплаты коммунальных счетов).

Перечень, приведенный выше, разумеется, не является полным. Трансформируется энергетика, сфера финансов²³⁵, образование²³⁶, медицина, государственное управление²³⁷, военное дело и т. д. Важными примерами таких трансформаций является развивающийся в Китае социальный рейтинг (позволяющий непрерывно контролировать деятельность человека и социально поощрять или штрафовать его за те или иные поступки), а также технология ударных роев – комплексов беспилотных летательных аппаратов, наносящих совместный удар по цели и самостоятельно координирующих свою атаку²³⁸.

Все перечисленное означает значительно большее вмешательство ИИ в хозяйственную, социальную и личную жизнь (с частичным устранением человека от принятия определенных решений и вытеснения его из ряда видов деятельности) и резкий рост рисков, связанных с возможностью неконтролируемого поведения или недобросовестного использования ИИ. Однако это, как предполагается, будет компенсироваться повышением качества и эффективности выполнения соответствующих процессов, большей индивидуализацией конечного продукта и освобождением человека от рутинной деятельности. Тем не менее, вопросы «этики роботов» все чаще становятся предметом серьезных дискуссий, т. к. «неэтичное» с человеческих позиций, но вполне рациональное поведение управляемых ИИ устройств может нанести существенный

²³⁵ Котляров И. Д. Финтех: сущность и модели реализации // ЭКО. – 2018. – № 12. – С. 23-39.

²³⁶ Балашов А. И. Четвертая технологическая революция и новые подходы к подготовке кадров для системы государственного и муниципального управления // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 19-27.

²³⁷ Князьнеделин Р. А., Бекмурзаев И. Д., Титов В. А. Повышение эффективности системы государственных закупок на основе цифровых платформ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 2. – С. 53-61.

²³⁸ Хазбиев А. Интеллект в ударе // Эксперт. – 2019. – № 14. – С. 76-81.

ущерб не только жизни и здоровью отдельных людей, сохранности имущества, но и экономической безопасности предприятий, регионов и даже стран.

Эффективность ИИ и информационных технологий в целом будет возрастать и далее, поскольку прогнозируется прорыв в области квантовых вычислений. Создание квантового компьютера, во-первых, значительно повысит быстродействие информационных систем, и, во-вторых, позволит обеспечить практически абсолютную защиту информации.

Промышленность постепенно мигрирует в сторону аддитивного производства (3D-печати)²³⁹, при котором, в отличие от ранее применявшихся технологических процессов, сразу формируется конечное изделие, а не заготовка, подлежащая дальнейшей (зачастую – многоступенчатой) обработке. Это снижает затраты материалов и повышает качество продукции, ускоряет производственный процесс, снижает объемы отходов и сокращает транзакционные (логистические) издержки. Это также значительно упрощает взаимодействие между заказчиками и изготовителями конечного продукта.

Если в традиционной модели организации промышленного производства продукт выпускался на мощностях исполнителя и затем доставлялся заказчику, то новая технологическая парадигма допускает, что конечный продукт будет непосредственно изготавливаться у заказчика, на установленном у него оборудовании для аддитивного производства (т. е. на 3D-принтере). Поставщик этого продукта будет обеспечивать заказчика сырьем для 3D-печати, обслуживать принтер и периодически обновлять программное обеспечение (или предоставлять временный доступ к возможности выпуска того или иного продукта). Аналогично, производители принтеров основной доход будут получать не от продажи оборудования, а от его обслуживания²⁴⁰.

²³⁹ Ульянов Н. Технологии на вырост: развитие аддитивных технологий в России // Эксперт. – 2017. – № 24. – С. 30-36.

²⁴⁰ Ульянов Н. Указ. соч.

Хотя переход к аддитивному производству представляет собой технологическую инновацию, очевидно, что он содержит в себе инновацию организационную (изменяется модель взаимодействия заказчика и поставщика) и продуктовую (от продажи готового продукта поставщик переходит к обслуживанию деятельности заказчика). Т.е. речь идет о дальнейшей сервисизации промышленного производства, расширении доли сферы услуг в совокупной добавленной стоимости.

В энергетике происходят два взаимосвязанных процесса²⁴¹:

- переход к безуглеродным технологиям, т. н. «декарбонизация энергетики», заключающаяся в замещении ископаемого горючего топлива (нефти и продуктов, полученных на ее основе, каменного угля и т. д.) альтернативными источниками энергии;

- расширение использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ) – солнечные, ветровые, приливные и т. д. электростанции. Из традиционных способов получения электроэнергии сюда относятся гидроэлектростанции.

Будучи изначально неконкурентоспособными по цене по сравнению с традиционными источниками энергии, ВИЭ за счет совершенствования технологий, роста выпуска и законодательной поддержки постепенно приближаются по ценовым параметрам к традиционной энергетике. Присущий ВИЭ важный недостаток – нестабильность выработки энергии (из-за высокой зависимости от погодных факторов и иных естественно-природных, неконтролируемых человеком факторов) – корректируется благодаря совершенствованию управления энергосистемами, что позволяет стабилизировать их функционирование.

²⁴¹ Глазьев С. Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2010. – № 2. – С. 4-10; Мастепанов А. М. Нефть в перспективном мировом энергетическом балансе: на перепутье мнений и оценок // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2019. – № 4. – С. 5-8.

Что касается безуглеродных технологий, то в первую очередь необходимо отметить непрерывный рост доли электромобилей в мировом парке личных транспортных средств. Этому способствует законодательная поддержка электромобилей в развитых странах (наиболее жесткое законодательное и налоговое давление на автомобили с двигателями внутреннего сгорания осуществляется в Европе, где предполагается фактически вытеснить их с рынка в ближайшие десятилетия), совершенствование технологий хранения электроэнергии и развитие инфраструктуры.

Распространению электромобилей благоприятствует сравнительная простота электродвигателей, что облегчает применение автоматизации в автомобильном транспорте (замещение водителей автопилотами). Расширение применения электромобилей связано не только с экологическими соображениями, но и с необходимостью повысить качество жизни населения. Наибольшее количество автомобилей приходится на места компактного проживания людей (города и городские агломерации). Двигатели внутреннего сгорания являются источником выхлопных газов и шума, тогда как у электродвигателей эти проблемы отсутствуют.

Еще одной революцией в энергетике является применение водорода как источника энергии²⁴². Сфера его использования очень широка – если электродвигатели пока представлены преимущественно на автотранспорте, то водород может использоваться на водном транспорте, в металлургии (в настоящее время тестируются доменные печи на водороде) и т. д.

Подчеркнем, что важной предпосылкой этой энергетической революции стало стремление развитых стран обеспечить свою энергетическую и экологическую безопасность²⁴³ (а в конечном счете – НЭБ) за счет перехода к экологически чистым и потенциально намного менее опасным (по сравнению с атомной энергетикой, у которой после аварии на Фукусиме сложился крайне

²⁴² Куликов С. Первый хочет стать главным // Эксперт. – 2019. – № 48. – С. 46-51.

²⁴³ Круглова И. А. Развитие энергетической инфраструктуры в аспекте стандартов «зеленой экономики» и обеспечения экономической безопасности // Ученые записки Международного банковского института. – 2018. – № 2. – С. 7-15.

неблагоприятный имидж) источникам энергии, не зависящим от поставок от государств, в финансировании которых (путем закупки у них энергоносителей и выплаты сырьевой ренты) развитые страны не заинтересованы.

Наконец, происходит переход от вертикальных производственно-сбытовых цепочек к платформенным моделям организации бизнеса и экосистемам²⁴⁴. Платформа обеспечивает возможность гибкого взаимодействия между большим количеством потребителей и провайдеров определенного ресурса. Изначально платформы использовались в сфере услуг (примерами могут быть гостиничная платформа Airbnb, платформа заказа такси Uber, торговая платформа Avito, платформа для подбора персонала Headhunter и т. д.) и финансов (краудфандинговые платформы), однако постепенно они распространяются и в сектор промышленного производства, позволяя заказчику найти удобного и эффективного поставщика необходимых ресурсов²⁴⁵. Они также используются в области инновационных разработок, повышая эффективность применения инноваций (как это имеет место в случае платформы Android).

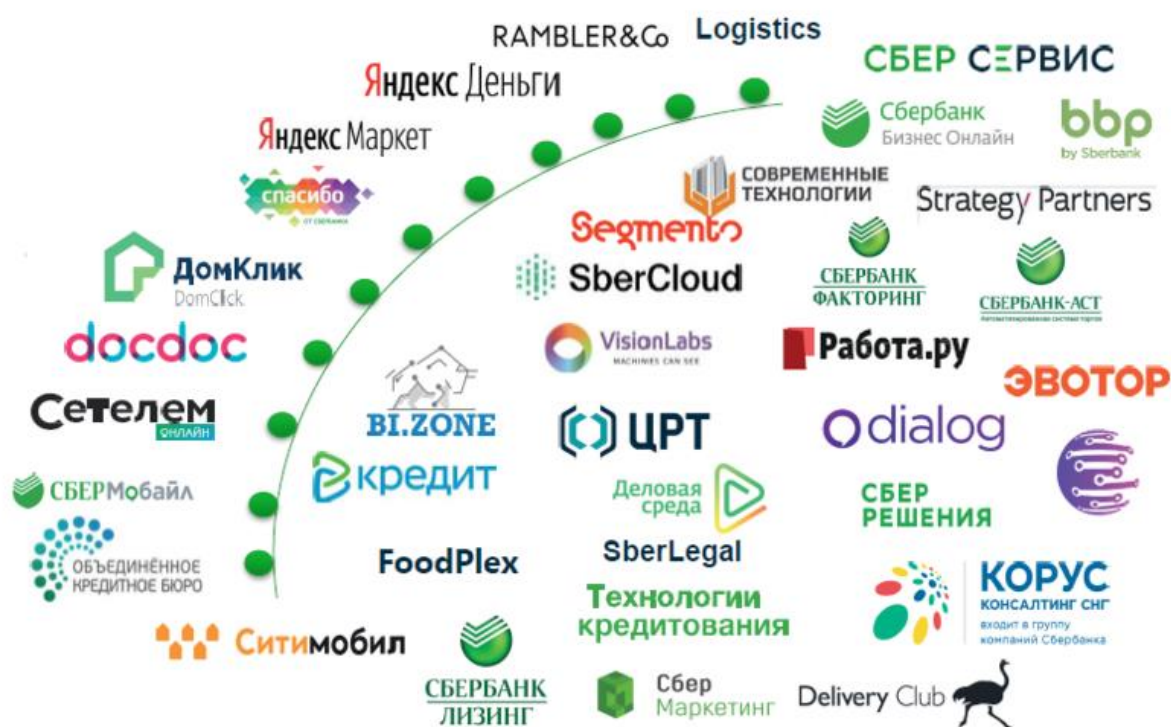
Платформы можно рассматривать как следующий этап отказа предприятий от собственных активов (предшествующим этапом можно считать использование аутсорсинга²⁴⁶). В отличие от аутсорсинга, где заказы размещаются у одного партнера на долгосрочной основе, платформа позволяет привлекать большое количество исполнителей на разовой основе. Благодаря платформам потребители соответствующего ресурса снижают свои издержки (оплачивается только реальное использование ресурса), а провайдеры могут увеличить эффективность его использования (за счет более высокой загрузки и квантования времени использования ресурса многочисленными контрагентами).

²⁴⁴ Клейнер Г. Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1. – С. 40-45; Орехова С. В., Заруцкая В. С. Интеграция бизнеса: эволюция подходов и новая методология // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 554-574.

²⁴⁵ Смородинская Н. В., Катуков Д. Д. Распределенное производство и «умная» повестка национальных экономических стратегий // Экономическая политика. – 2017. – Т. 12. – № 6. – С. 72-101.

²⁴⁶ Курбанов А. Х., Плотников В. А. Аутсорсинг: история, методология, практика. М.: Инфра-М, 2012. – 112 с.; Котляров И. Д. Аутсорсинг как форма межфирменной кооперации: теоретический анализ // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. – № 5. – С. 19-31.

Экосистемы (или, иначе, метафирмы) представляют собой совокупность фирм, координирующих свою деятельность для производства конечного продукта (или набора продуктов). В ряде случаев экосистема функционирует как совокупность компаний, объединившихся вокруг центрального ядра²⁴⁷, и оказывающих потребителям услуги в партнерстве с ядром и отчасти в его интересах (в России так работает экосистема «Сбербанка», см. рисунок 4.1.2). Использование такой модели снижает издержки центрального ядра на организацию непрофильных для него сервисов (поскольку их предоставлением занимаются партнеры ядра), а потребители получают доступ к более широкому набору услуг.

Источник: TAdviser, см.: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экосистема_Сбербанка.

Рисунок 4.1.2 – Состав экосистемы «Сбербанка», 2019 г.

²⁴⁷ Котляров И. Д. Метафирма как форма организации хозяйственной деятельности // Управление экономикой: методы, модели, технологии. Материалы XV Международной научной конференции. В 2 томах. – Т. 1. – Уфимский государственный авиационный технический университет: Уфа, 2015. – С. 88-91.

Использование платформ меняет не только организацию хозяйственной деятельности, но и поведение потребителей. У них исчезает потребность в постоянном владении определенными товарами – например, автомобилями: им становится проще и удобнее получать временный доступ к этому благу только на тот период, когда они испытывают в нем потребность²⁴⁸. Это избавляет потребителей от издержек (финансовых и временных), связанных с владением соответствующим благом²⁴⁹. В свою очередь, эти блага из материальных товаров фактически становятся сервисами²⁵⁰, что соответствует тенденции роста роли услуг в экономике.

Рассмотренные технологические и организационные изменения создают для экономики России как новые возможности, так и новые угрозы, которые проявляются на микро- и макроуровне (см. табл. 4.1.1). Эти возможности и риски тесно связаны друг с другом²⁵¹. Рассмотрим этот вопрос более детально.

Более высокая эффективность новых технологий и новых моделей организации бизнеса создает для компаний-новичков, использующих эти технологии и бизнес-модели, возможность выхода на рынок, занятый компаниями-лидерами прежней волны. Конкурировать с этими лидерами, используя технологии прежней волны, практически невозможно, поскольку они в совершенстве освоены лидерами, а масштаб их деятельности обычно настолько велик, что новичок не может ни создать сопоставимые по масштабу производственные мощности (чтобы добиться соответствующего эффекта экономии на масштабе производства) из-за недостаточности средств для инвестиций, ни – тем более – обеспечить себе сопоставимый объем продаж (поскольку рынок занят лидерами, и переманить к себе клиентов исключительно сложно).

²⁴⁸ Гимранов Г. А. Факторы эволюции производственно-потребительских отношений в экономике совместного потребления // КАНТ. – 2019. – № 3. – С. 265-268.

²⁴⁹ Котляров И. Д. Организация автотранспортного обслуживания на основе коммерческого каршеринга // Мир транспорта. – 2016. – Т. 14. – № 6. – С. 78-85.

²⁵⁰ Невская А. А., Баронина Ю. А. Автомобиль как услуга в России: эволюция рынка и подходов иностранных инвесторов // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2018. – № 3. – С. 166-176.

²⁵¹ Эскиндаров М. А., Масленников В. В., Масленников О. В. Риски и шансы цифровой экономики в России // Финансы: теория и практика. – 2019. – Т. 23. – № 5. – С. 6-17.

Кроме того, во многих сложившихся отраслях действует положительный эффект «первого шага», формирующий стратегическое конкурентное преимущество давно работающих в отрасли компаний за счет эффекта опыта (обучения, освоения). Новые, подрывные, технологии, с одной стороны, ликвидируют конкурентное преимущество прежних лидеров, а с другой стороны – на ранних стадиях своего существования сравнительно низкочастотны и упрощают выход на рынок. Однако освоение новых технологий осуществляется новыми компаниями, а не технологическими лидерами прежней волны, которые понесли значительные затраты на формирование своих производственных мощностей в соответствии с ситуацией прежнего технологического уклада, и не готовы списать эти мощности в утиль, а свои инвестиции в них – в потери. Компании-новички, которые не связаны такими инвестициями, легко формируют инновационные производственные мощности и выходят на рынок, вытесняя с него прежних лидеров.

Таблица 4.1.1 – Анализ возможностей и угроз, связанных с переходом к новому технологическому укладу, для НЭБ РФ (разработано автором)

	Возможности	Угрозы
Микроуровень	Возможность возникновения новых компаний-лидеров (в открывающихся нишах) на национальном и глобальном уровне	Вытеснение с рынка прежних компаний-лидеров из-за их более низкой эффективности по сравнению с фирмами, использующими новые технологии и бизнес-модели (а также из-за их несоответствия новым условиям ведения бизнеса). Захват российского рынка иностранными компаниями за счет их более высокого уровня технологического развития и больших ресурсов
Макроуровень	Возможность компенсации технологического отставания национальной экономики и завоевания	Ликвидация конкурентных преимуществ и источников рентных доходов страны из-за переключения иностранных контрагентов на

	<p>нишевого технологического лидерства за счет ускоренного развития в отдельных отраслях</p>	<p>новые технологии (т. е. исчезновение значительной части национального экономического потенциала). Консервация и углубление технологического отставания национальной экономики из-за неспособности освоить новые технологии. Усиление технологической зависимости от зарубежных стран (из-за отсутствия собственных технологий)</p>
--	--	---

Таким образом, происходящие технологические изменения открывают для России «окно возможностей». В случае надлежаще подобранных мер стимулирования, наша страна теоретически может создать новых технологических лидеров и за счет ускоренного перехода к новому ТУ ликвидировать свое технологическое отставание (поскольку придется не устранять свое отставание в рамках прежнего уклада – фактически именно эта задача решалась в ходе сталинской модернизации, – а вместе с другими государствами начинать со старта в новом ТУ).

Кроме того, в ходе происходящей технологической революции будет иметь место пересборка глобальных производственных цепочек, как с географической точки зрения (в рамках нового ТУ распределение конкурентных преимуществ между государствами будет отличаться от существующих), так и с точки зрения состава участников (поскольку сменятся компании-лидеры мировой экономики). Это создает для России возможность занять в этих новых производственных цепочках достойное место²⁵², позволяющее присваивать большой объем добавленной стоимости.

Отметим, что переход к новому ТУ открывает дополнительные возможности и для отдельных традиционных компаний. Например, если литий как

²⁵² Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 1. – С. 17-30.

ключевой элемент аккумуляторов для современных электронных устройств будет заменен алюминием (а перспективные исследования в этом направлении активно ведутся), то это приведет к резкому росту спроса на этот металл и росту выручки компаний-производителей алюминия, в т. ч. и российских.

Фактически это означает, что России необходимо переключиться на поддержку новых технологий и инновационных компаний, чтобы таким образом создать в нашей стране будущих лидеров нового ТУ, а также разработать дорожную карту перехода к новому технологическому укладу и обеспечить ее ресурсами (на первых порах – преимущественно государственными, поскольку инвестиционные риски, связанные с технологической трансформацией, очень велики). При этом, чем скорее будет произведен такой переход, тем с меньшими затратами он будет связан²⁵³, и тем выше вероятность того, что положительный потенциал технологической трансформации будет полностью реализован в целях обеспечения лидерства российской экономики. Но создание таких лидеров, как и ликвидация технологического отставания, пока являются только возможностью, для реализации которой как руководству нашей страны, так и инвестиционному сообществу нужно специально прилагать усилия, тогда как угрозы, перед лицом которых находится российская экономика, уже существует, и наступление связанных с ними негативных эффектов представляется гораздо более вероятным, чем использование благоприятных возможностей технологической трансформации.

Реализации благоприятных возможностей перехода к новому ТУ препятствуют следующие факторы:

1. Зависимость России от иностранных поставок высокотехнологичных ресурсов, что препятствует ведению инновационных разработок. Причем это касается не только микроэлементной базы, но и исходного сырья (например, лития для аккумуляторов). В ситуации санкций (когда возможность закупки отдельных видов ресурсов отсутствует или существенно затруднена) и

²⁵³ Глазьев С. Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2010. – № 2. – С. 4-10.

волатильности валютного курса проведение инновационных разработок становится сложным и затратным процессом;

2. Недостаточно благоприятный инвестиционный климат, препятствующий привлечению средств венчурными производственными проектами. Как следствие, авторы перспективных разработок активно вытесняются за рубеж, в результате чего эти разработки реализуются и коммерциализируются в других странах и поступают в Россию уже в виде иностранных продуктов;

3. Малое количество качественных рабочих мест с высокой оплатой труда, которые порождали бы потребность в систематической автоматизации и роботизации. Высокая доля в России неквалифицированных рабочих мест и сравнительно низкая оплата труда минимизируют стимулы компаний к внедрению инновационных капиталоемких и трудозамещающих технологий;

4. Важная проблема заключается в том, что ни отечественный бизнес, ни государственные заказчики не испытывают доверия к инновационным разработкам российских предприятий, и предпочитают покупать продукты-аналоги у иностранных производителей²⁵⁴. Это связано с тем, что заказчики не хотят брать на себя риски, связанные с сотрудничеством с малоизвестными поставщиками, и желают приобретать продукцию, уже имеющую позитивный имидж на соответствующем рынке. В частности, как показала практика, даже после решения о том, что в производстве продукции в интересах гособоронзаказа должно использоваться отечественное оборудование, российские производители стремятся любым путем получить разрешение на приобретение ино-

²⁵⁴ Характерно, в этой связи, мнение директора департамента радиоэлектронной промышленности Минпромторга России В. Шпака: «Если говорить о барьерах, то они в головах. Причем, у всех. У наших производителей, которые, возможно, не так в себе уверены, как следовало бы. И у наших потенциальных покупателей, у которых когда-то давно засело в голове: российское – это значит дорого и плохо работает. Сегодня это не так. Опять же вспомним, что китайская электроника, о которой 30 лет назад никто не знал, сегодня занимает, по экспертным оценкам, 45% мирового рынка, американская – гораздо меньше... Надо думать не о том, что есть сейчас, а том, куда идти. Можно переживать, что меня насильно заставляют покупать российское, а мне оно совсем не нужно, и от этого не будет никакой пользы. А можно относиться так: да, я сейчас вкладываю усилия в технологии, решения, которые, может быть, сейчас чуть-чуть отстают от того, что я обычно покупаю, в техническом отношении, но зато я приобретаю гарантированную защиту от возможных сложностей в будущем» (цит. по: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Импортзамещение_вычислительной_техники_и_микроэлектроники).

странного станка вместо российского аналога, поскольку доверие к зарубежной продукции выше²⁵⁵. Однако в результате формируется замкнутый круг: отсутствие репутации мешает получать заказы, а при отсутствии заказов и опыта реального использования продукта невозможно сформировать репутацию. Очевидно, что разорвать этот порочный круг можно лишь при государственной поддержке;

5. Недооценка рисков перехода к новому ТУ, из-за чего как у государства, так и у лидеров российского рынка отсутствуют планы адаптации к новым технологическим и организационным условиям. В частности, отсутствуют программы разработки отечественных электромобилей, не создается необходимая для них инфраструктура, слабо поддерживаются проекты в области технологий хранения электроэнергии, наконец, пока не осуществляются инвестиции в разработку и производство природных ресурсов, необходимых в рамках нового ТУ (в частности, лития и водорода);

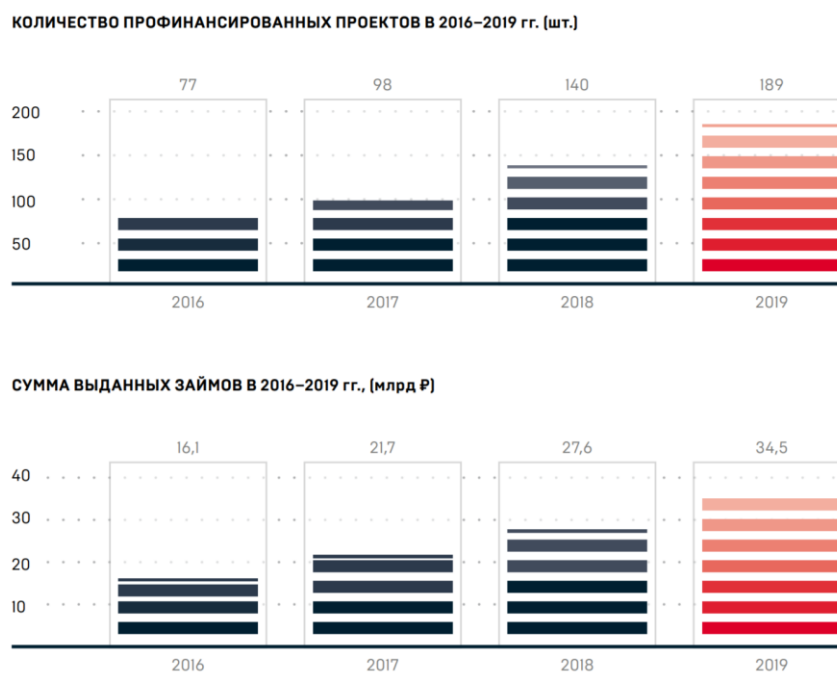
6. Действительная реализация мероприятий, связанных с переходом к новому ТУ, с одной стороны, требует, готовности брать на себя ответственность за соответствующие решения, а с другой стороны, может повлечь за собой значимые перестановки в российской элите (из-за смены стратегических направлений развития экономики и нового распределения ресурсов). К сожалению, по очевидным причинам российская элита к таким шагам не готова, а в силу высокой концентрации собственности в нашей стране и большой роли государственного сектора в экономике проведение соответствующих мероприятий новыми игроками, не связанными с элитными группами, невозможно в силу нехватки ресурсов.

Очевидно, что необходимо формирование комплекса мероприятий, которые позволили бы устранить эти проблемы. К числу таких мероприятий можно отнести налоговые льготы для стратегических проектов (в т. ч. для про-

²⁵⁵ Ульянов Н. Взять свое // Эксперт. – 2018. – № 6. – С. 26-31.

ектов освоения природных ресурсов – лития, редкоземельных металлов, водорода и т. д.), субсидирование инновационных разработок в прорывных отраслях, преференции при закупках отечественной инновационной продукции, причем не только в рамках закупок для государственных и муниципальных нужд, но и для закупок компаний с государственным участием по 223-ФЗ (это значительно расширило бы потенциальный рынок сбыта для российских производителей), а также программы поддержки экспорта отечественных инновационных товаров.

Также необходимо оказывать содействие в переходе российских компаний на инновационные производственные и организационные технологии. В частности, проводимое перевооружение российской промышленности должно происходить на основе новых цифровых и аддитивных технологий, а не просто путем закупки станков. Необходимо финансировать часть инвестиций, связанных с таким техническим перевооружением, например, через Фонды развития промышленности, как федеральный, так и созданные в российских регионах. На рисунке 4.1.3 представлены результаты деятельности федерального Фонда, которые имеют положительную динамику.

Источник: Годовой отчет Фонда развития промышленности за 2019 год, с. 15.

Рисунок 4.1.3 – Результаты деятельности Фонда развития промышленности

Важную роль в реализации перехода к новому ТУ могут сыграть Национальная технологическая инициатива²⁵⁶ (НТИ) и технологические платформы²⁵⁷. Однако пока состав предложенных направлений развития в рамках НТИ и одобренных технологических платформ вызывает вопросы. В частности, налицо избыточное внимание к цифровизации экономики, тогда как другие аспекты перехода к новому ТУ в этих платформах не учитываются. Большое значение придается сервисной составляющей (например, такому направлению, как HealthNet), но при этом во многом за рамками рассмотрения остается производство. При таком подходе есть риск построения высокотехнологичной экономики услуг, опирающейся на иностранные производственные и технологические ресурсы. Как следствие, в этом случае сырьевой характер экономики преодолен не будет, а затраченные бюджетные средства не создадут мультипликативного эффекта. А если говорить о ситуации в целом – НЭБ РФ будет ослаблена, т. к. вырастет технологическая зависимость России от других стран.

Естественным следствием перехода к новому ТУ является вытеснение с рынка (или значительное ослабление) компаний, которые не смогут адаптироваться к новым технологическим и организационным условиям. Среди этих компаний, как мы покажем ниже, есть предприятия, на которых основывается НЭБ России в настоящее время (нефтегазовая отрасль и оборонно-промышленный комплекс). Необходимо, чтобы эти компании либо адаптировались к условиям нового ТУ, либо замещались инновационными российскими компа-

²⁵⁶ Национальная технологическая инициатива. Официальный сайт. Доступно онлайн по адресу: <https://www.nti2035.ru/>. Проверено 02.12.2019; Постановление Правительства РФ от 18.04.2016 № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы». Доступно онлайн по адресу: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196930/. Проверено 02.12.2019.

²⁵⁷ Перечень технологических платформ (утвержден решениями Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 1 апреля 2011 г., протокол № 2, от 5 июля 2011 г., протокол № 3, решением президиума Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 21 февраля 2012 г., протокол № 2). Доступно онлайн по адресу: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/formation/doc20120403_11. Проверено 02.12.2019; Филин С. А. Стратегические технологические платформы как основа технологической безопасности России в будущем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 1. – С. 18-34.

ниями-лидерами новой технологической волны. В противном случае они будут устранены с рынка иностранными фирмами, что причинит нашей национальной экономической безопасности (НЭБ) значительный ущерб.

Кратко рассмотрим те угрозы, которые несет переход к новому технологическому укладу для ключевых отраслей национальной экономики России.

С максимальными угрозами сталкиваются российские нефтегазовые компании. Спрос на поставляемое ими сырье может в среднесрочной перспективе резко снизиться из-за переориентации потребителей в развитых странах на другие источники энергии²⁵⁸. Это, в свою очередь, может привести к падению выручки этих компаний и сокращению величины природной ренты, изымаемой в бюджет, т. е. к снижению ресурсных возможностей российского бюджета и российской экономики в целом. Хотя в настоящее время такие перспективы рассматриваются руководством отечественной нефтегазовой отрасли как маловероятные, мы полагаем, что соответствующие риски недооценивать нельзя. У России уже есть печальный опыт недооценки перспектив формирования глобального рынка сжиженного природного газа, из-за чего в экстренном порядке пришлось ликвидировать это отставание за счет реализации проекта «Ямал СПГ» с огромными налоговыми льготами, большими инвестициями в закупку иностранного оборудования и технологий и созданием конкуренции для «Газпрома» на европейском рынке.

Маркером происходящих технологических изменений служат политические события. До недавних пор основные конфликты были связаны с обеспечением контроля над нефтью. Однако переворот в Боливии в ноябре 2019 г., по оценкам отдельных специалистов, был обусловлен контролем над литием (колоссальными запасами которого обладает эта страна), а именно литий является ключевым элементом аккумуляторов, необходимых и для электромобилей, и для различных электронных устройств.

²⁵⁸ Глазьев С. Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2010. – № 2. – С. 4-10; Сазонов Д. Ю., Уланов В. Л. Возобновляемые источники энергии как фактор риска развития российских энергетических компаний // Известия Российской академии наук. Энергетика. – 2018. – № 4. – С. 3-13.

Эти риски угрожают как стабильности отечественных нефтегазовых компаний²⁵⁹ (которым, как минимум, придется менять свою бизнес-модель и переориентироваться на развитие химических и нефтехимических производств; как максимум, часть компаний будет вынуждена уйти с рынка), так и экономической безопасности нашей страны. Утрата нефтегазовых доходов и потеря возможности использовать поставки энергоресурсов как инструмент экономического давления резко сократит финансовые ресурсы государства, лишит экономику средств для развития (что особенно критично в ситуации ограничения доступа к мировым рынкам капитала и возможным санкциям против российского государственного долга) и не позволит формировать финансовые ресурсы для компенсации последствий экономических кризисов. Наконец, переориентация мировой энергетики на новые ресурсы может обесценить инвестиции в создание инфраструктуры, связанной с добычей и транспортировкой нефти, прежде всего – магистральных трубопроводов²⁶⁰ (по крайней мере, на европейском направлении).

Фактически эффект от энергетической революции может оказаться сопоставимым с эффектом санкций. Примером может быть Иран, экономика которого оказалась в кризисе из-за запрета на сбыт нефти на мировом рынке и падения валютной выручки. Однако перестать закупать углеводороды у России в среднесрочной перспективе могут и без таких запретов, просто из-за снижения спроса на них. Это показывает, что неспособность адаптироваться к новому ТУ не только усилит технологическое отставание нашей страны²⁶¹, но и лишит ее текущих конкурентных преимуществ и источников рентных платежей, что нанесет сильный удар по экономическому потенциалу России и может подорвать НЭБ нашей страны.

Чтобы минимизировать эти риски, нашей стране необходимо:

²⁵⁹ Сазонов Д. Ю., Уланов В. Л. Возобновляемые источники энергии как фактор риска развития российских энергетических компаний // Известия Российской академии наук. Энергетика. – 2018. – № 4. – С. 3-13.

²⁶⁰ Глазьев С. Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2010. – № 2. – С. 4-10.

²⁶¹ Дятлов С. А., Фейгин Г. Ф. Цифровое неравенство и экономическое развитие: особенности страновой дифференциации // Инновации. – 2018. – № 10. – С. 48-54.

- развивать нефте- и газохимические производства, в т. ч. и ориентированные на экспорт, чтобы избавиться от зависимости от единственного способа использования углеводородов как энергетического ресурса;

- развивать производство тех энергетических ресурсов, которые могут быть востребованы в рамках нового ТУ, прежде всего, лития²⁶² и водорода. По оптимистическим оценкам, Россия может занять на мировом рынке водорода долю, сопоставимую с текущей долей нашей страны на мировом рынке нефти, что позволит компенсировать выпадающие доходы от нее²⁶³. Это сохранит позиции России как ключевого экспортера энергоресурсов и, кроме того, обеспечит экономическую и энергетическую безопасность нашей страны в условиях нового ТУ (т. е. позволит не зависеть от закупок нового типа энергоносителей).

Важно подчеркнуть, что, во-первых, каждый ТУ базируется на своем собственном энергоресурсе²⁶⁴, и, во-вторых, эволюция энергетики идет путем смещения потребления в сторону все более экологически чистых и наукоемких энергоресурсов. Таким образом, производя инновационный энергоресурс, Россия, с одной стороны, получит возможность занять важное место в новом ТУ (точнее, в новой системе глобального разделения труда), а, с другой стороны, сможет обеспечить инновационное развитие экономики. В частности, водород в чистом виде в природе практически отсутствует, и его производство требует развитой энергетики. Россия, занимая одно из лидирующих мест в мире по уровню технологий атомной энергетики²⁶⁵, может укрепить свое лидерство в этой области и одновременно стать надежным поставщиком водорода на мировой рынок;

²⁶² Колерова В. Нам нужен свой литий // Эксперт. – 2018. – № 40. – С. 24-27.

²⁶³ Куликов С. Первый хочет стать главным // Эксперт. – 2019. – № 48. – С. 46-51.

²⁶⁴ Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. М.: URSS, 2019. – 288 с.

²⁶⁵ Кузнецов А. В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия // Финансы: теория и практика. – 2019. – Т. 23. – № 5. – С. 50-61.

- развивать новые энергетические технологии (прежде всего, технологии хранения электроэнергии²⁶⁶), чтобы не зависеть от импортных поставок и иметь возможность экспортировать сами эти технологии и продукцию, произведенную на их основе. Национальная технологическая инициатива пока уделяет мало внимания технологиям хранения энергии, основной акцент ставится на умных сетях²⁶⁷. С одной стороны, это позволит развивать технологии ИИ в энергетике и повышать качество использования электроэнергии и снабжения потребителей, но, с другой стороны, здесь нет попытки выйти на новый уровень развития собственно энергетических технологий (просто повышается эффективность уже существующей энергетики). Такой подход нам представляется недостаточным. В частности, необходимо создавать спрос на инновационную энергетику, формируя инфраструктуру для электротранспорта и оказывая поддержку производству электромобилей.

Велик уровень угроз для отечественного ОПК, который на текущий момент является, вероятно, самой передовой отраслью народного хозяйства нашей страны. Добившись значительных успехов в разработке новых систем вооружения, прежде всего, гиперзвуковых и противовоздушных (противоракетных), Россия объективно отстает от мировых лидеров в области создания боевых систем искусственного интеллекта. В частности, если говорить о системах ПВО, то Россия по-прежнему ориентируется на противодействие классическим авиаударам, тогда как в краткосрочной перспективе, вероятнее всего, воздушные удары будут наноситься роями беспилотников, координируемыми ИИ (эти же рои могут обеспечивать прикрытие для ударной авиации)²⁶⁸. Противодействие таким атакам при помощи традиционных средств ПВО экономически неэффективно, и система противовоздушной обороны будет просто не успевать отражать удары.

²⁶⁶ Ульянов Н. Накопи и сохрани // Эксперт. – 2017. – № 41. – С. 44-51.

²⁶⁷ Национальная технологическая инициатива. Официальный сайт. Доступно онлайн по адресу: <https://www.nti2035.ru/>. Проверено 02.12.2019.

²⁶⁸ Хазбиев А. Интеллект в ударе // Эксперт. – 2019. – № 14. – С. 76-81.

Соответственно, в краткосрочной перспективе велика вероятность того, что наша страна будет иметь технологически продвинутые системы вооружений, которые, однако, будут недостаточно хорошо управляться (из-за слабости отечественных систем ИИ), чтобы эффективно противостоять ударам вероятного противника, и будут сравнительно легко подавляться. Это, очевидно, негативно скажется как на национальной безопасности нашей страны (и на ее экономическом компоненте), так и на эффективности российского ОПК, спрос на продукцию которого со стороны иностранных покупателей будет снижаться из-за ее недостаточного технологического уровня.

Еще одна проблема для российского ОПК заключается в том, что он не успеет перестроиться на инновационную модель цифрового аддитивного производства. В результате он окажется неспособен производить вооружение и военную технику нового поколения. Для предотвращения этой проблемы России необходима кооперация с государствами, добившимися значительного прогресса в области развития ИИ, прежде всего, с Китаем (самостоятельно компенсировать технологический разрыв наша страна, по авторским оценкам, не в состоянии). Такая кооперация должна основываться на тщательно продуманном механизме обмена технологиями, который не допустит незаконного или невыгодного для нашей страны присвоения иностранными партнерами уникальных российских компетенций²⁶⁹.

Хотя эта проблематика обычно обходится в российских научных и деловых публикациях, не стоит забывать о таком инструменте освоения отсутствующих технологий, как деловая разведка и промышленный шпионаж²⁷⁰. В ситуации геополитического противостояния использование этого инструмента может стать для нашей страны вынужденной необходимостью. Однако следует помнить о том, что для полноценного освоения внешних компетенций

²⁶⁹ Ульянов Н. Технологии на вырост: развитие аддитивных технологий в России // Эксперт. – 2017. – № 24. – С. 30-36.

²⁷⁰ Левин М. И., Шевелева И. В. Воспоминание о будущем: трансфер технологий и опыт холодной войны // Финансы и бизнес. – 2017. – № 2. – С. 54-65; Плотников В. А., Седелкин К. Ю. Деловая разведка в системе управления конкурентоспособностью предпринимательских структур // Ученые записки Санкт-Петербургской академии управления и экономики. – 2008. – № 1. – С. 41-44.

необходимо обладать собственной производственной базой высокого уровня. Это условие пока, к сожалению, не выполняется.

Проделанный выше анализ позволяет утверждать следующее:

- происходящая технологическая трансформация представляет собой переход к новому технологическому укладу и не сводится к одной цифровизации экономики (ключевым элементом этой цифровизации мы считаем внедрение искусственного интеллекта). Важными составляющими этой трансформации являются использование аддитивных технологий, трансформация энергетики (переход к инновационным энергоносителям и внедрение зеленой энергетики), распространение новых моделей организации бизнеса и потребления продукции;

- переход к новому ТУ создает для национальной экономической безопасности нашей страны как важные возможности, так и высокие риски. В случае реализации благоприятного сценария Россия сможет ликвидировать свое технологическое отставание и оптимизировать свое положение в глобальных цепочках создания стоимости. Однако если будет реализован неблагоприятный вариант, то наша страна не только усилит свое технологическое отставание от ведущих мировых государств (в т. ч. и от наших геополитических соперников) и попадет в еще большую зависимость от поставок высокотехнологичных ресурсов, но и утратит свои существующие конкурентные преимущества и источники рентных платежей. Это значительно ослабит экономический потенциал нашей страны, подорвет (возможно, критически) национальную экономическую безопасность и оборонную мощь России;

- существующая институциональная среда в России делает более вероятным реализацию негативного сценария. Для устранения этого риска необходима разработка подкрепленной финансовыми ресурсами дорожной карты перехода к новому технологическому укладу. При этом необходимо отчетливое понимание того, что новый ТУ не сводится к цифровизации, а представляет

собой комплексное явление, охватывающее широкий спектр информационных, промышленных и организационных технологий, и этот комплексный характер должен быть отражен в рекомендуемой дорожной карте;

- с отраслевой точки зрения, наиболее велики угрозы для отечественной нефтегазовой промышленности и оборонно-промышленного комплекса. В случае нефтегазовой отрасли это связано с возможным падением спроса на углеводороды со стороны экспортных потребителей (из-за их перехода на инновационные энергоносители). Риски для ОПК связаны со слабым развитием технологий промышленного ИИ и отсутствием компетенций в области аддитивного производства;

- снизить отраслевые риски, связанные с переходом к новому ТУ, можно при помощи развития вертикальных производственных цепочек на основе нефтегазового сырья, инновационной реиндустриализации национальной экономики на основе «умной» автоматизации и аддитивных производств, развития производства и добычи новых энергетических ресурсов (прежде всего, лития и водорода) и кооперации с иностранными государствами в области технологий промышленного ИИ.

4.2 Механизм влияния технологических вызовов цифровой эпохи на обеспечение национальной экономической безопасности России

В текущей напряженной геополитической и геоэкономической обстановке²⁷¹ (ее анализ был выполнен в приведенных выше материалах диссертации) основное внимание специалистов по экономической безопасности в нашей стране уделяется проблемам противодействия санкционному давлению путем выстраивания собственных производств стратегической продукции²⁷², создания самодостаточной финансовой системы²⁷³, обеспечения продовольственной безопасности²⁷⁴, переориентации на новых внешнеэкономических партнеров и т. д. И такие точки приложения усилий вполне резонны. Однако, при этом за пределами внимания исследователей остается проблема, которая со стратегической точки зрения имеет для нашей страны намного большее значение, поскольку она связана с глобальной трансформацией мирового технологического и экономического уклада. В первую очередь речь идет о цифровизации и переходе к цифровой экономике («Индустрии 4.0»)²⁷⁵.

²⁷¹ Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. – 2015. – № 10. – С. 24-32; Ерасова Е. А., Плотников В. А. Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Экономика и управление. – 2015. – № 3. – С. 22-28.

²⁷² Афонцев С. А. Перспективы импортозамещения в российской экономике // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2016. – № 1. – С. 13-19; Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. – 2014. – № 11. – С. 38-47; Горбунова О. А. Воздействие санкций на функционирование российских компаний нефтегазового сектора на мировом рынке нефти и газа // Вестник евразийской науки. – Т. 10. – № 2. – С. 13; Ерасова Е. А., Плотников В. А. Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Экономика и управление. – 2015. – № 3. – С. 22-28; Клочков В. В., Лукашов А. М., Максимов В. В., Рождественская С. М. Опережающее создание научно-технического задела в интересах развития вооружения, военной и специальной техники // Военная мысль. – 2018. – № 12. – С. 23-32; Котляров И. Д. Аутсорсинговая модель организации российской нефтегазовой отрасли: проблемы и пути решения // Вопросы экономики. – 2015. – № 9. – С. 45-64; Мантуров Д. В., Никитин Г. С., Осьмаков В. С. Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления // Вопросы экономики. – 2016. – № 9. – С. 40-49.

²⁷³ Петров И. В., Ермоленко О. М. Проблемы и перспективы банковского сектора в обеспечении экономической безопасности страны // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10. – № 1-3. – С. 142-146.

²⁷⁴ Голубятникова М. В., Курбанов А. Х. Состояние и проблемы обеспечения продовольственной безопасности России в современных геополитических условиях // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2015. – № 1. – С. 6; Красюк И. А. Продовольственная безопасность России в современных экономических условиях // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 5. – С. 68-75.

²⁷⁵ Беркаева А. К., Туганова Э. Э. Проблемы экономической безопасности цифрового общества в условиях цифровизации // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 22-29; Бодрунов С. Д., Демиденко Д. С., Плотников В. А. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // Управленческое консультирование. – 2018.

В российской научной литературе опубликовано большое количество работ, посвященных проблеме цифровизации²⁷⁶ (отметим, что новый технологический уклад не ограничивается цифровой трансформацией экономики, однако, именно последствия цифровизации наиболее наглядны, и, по этой причине, вызывают наибольший интерес исследователей, экспертов, бизнес-сообщества и власти). Но в них основное внимание уделяется анализу сущности цифровой революции (Индустрии 4.0, промышленному интернету и т. д. – эти термины зачастую выступают как синонимы), вопросу реализации цифровизации российской экономики, а не тому, с какими угрозами для экономической безопасности нашей страны связана цифровизация (единственным исключением является работа З. К. Зоидова²⁷⁷, но она носит преимущественно обзорный характер).

При анализе рисков цифровизации обычно изучается только какой-либо отдельный аспект цифровой трансформации экономики (например, распространение криптовалют²⁷⁸). Из-за этого нет полной картины данных рисков. Единственная работа, в которой предложен комплексный обзор угроз, связанных с цифровизацией, рассматривает эти угрозы, во-первых, с точки зрения интересов общества, а не национальной экономической безопасности, и, во-вторых, применительно к обществу в целом, а не с учетом специфики России²⁷⁹. Далее опишем основные направления реализации этих угроз под углом зрения обеспечения экономической безопасности страны.

– № 2. – С. 43–54; Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4. – С. 16-24.

²⁷⁶ Бодрунов С. Д., Демиденко Д. С., Плотников В. А. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // Управленческое консультирование. – 2018. – № 2. – С. 43–54; Коровин Г. Б. Социальные и экономические аспекты цифровизации в России // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 1-11; Маркова В. Д. Влияние цифровой экономики на бизнес // ЭКО. – 2018. – № 12. – С. 7–22; Устюжанина Е. В., Сигарев А. В., Шеин Р. А. Цифровая экономика как новая парадигма экономического развития // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16. – № 12. – С. 2238-2253.

²⁷⁷ Зоидов З. К. Организационно-экономический механизм повышения экономической безопасности России в условиях построения цифровой экономики // Проблемы рыночной экономики. – 2019. – № 1. – С. 50-57.

²⁷⁸ Фетисов В. Д., Фетисова Т. В. Проблемы использования биткойна и экономическая безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 3. – С. 452-464.

²⁷⁹ Попов Е. В., Семячков К. А. Проблемы экономической безопасности цифрового общества в условиях глобализации // Экономика региона. – 2018. – Т. 14. – № 4. – С. 1088-1101.

Прежде всего, самый главный риск, по мнению автора, заключается в том, что Россия не успеет провести цифровизацию экономики, что окончательно зафиксирует ее технологическое отставание от ведущих стран мира. Задачи реиндустриализации нашей страны, которые ставятся в настоящее время, хотя и содержат упоминания о необходимости ее проведения на новой технологической основе, на практике, как правило, решаются в рамках предыдущего технологического уклада (развитие нецифровых производств и т. д.).

Это связано с тем, что тактические цели (минимизировать негативные эффекты геополитического давления) доминируют над стратегическими (ликвидация технологического отставания национальной экономики, т. е. обеспечение ее догоняющего развития и, в конечном счете, выход на траекторию опережающего роста). Приоритет этих тактических целей объясняется как нехваткой ресурсов для решения стратегических задач, так и субъективно большей срочностью тактических проблем, а также человеческим фактором (лица, которые руководят модернизационными проектами в нашей стране, нуждаются в быстрых результатах, достижимых с низкой степенью риска; в этих условиях, например, организация завоза двигателей для вертолетов из-за рубежа через третьи страны проще, быстрее, удобнее, чем создание в России инновационных производств – с неясными перспективами как открытия самих этих производств, так и наличия спроса на их продукцию).

России необходимо как противодействовать санкционному давлению, так и пытаться выстроить новый технологический уклад. Эти задачи могут быть совмещены – в этом случае импортозамещающие производства с самого начала ориентируются на использование технологий «Индустрии 4.0». Однако в этом случае риски того, что быстро заместить иностранные поставки не получится, достаточно велики (поскольку задача импортозамещения усложняется из-за необходимости одновременно решать задачу совершения технологического скачка). Из-за этих рисков соответствующие задачи решаются по отдельности, что ведет к дополнительным затратам ресурсов, усиливает технологическое отставание (поскольку задачи импортозамещения решаются в

рамках предыдущего технологического уклада), однако упрощает противостояние санкционному давлению. Указанные аспекты систематизированы в таблице 4.2.1.

Таблица 4.2.1 – Возможные подходы к решению задач цифровизации и противостояния санкционному давлению (составлено автором)

Критерии сравнения	Вариант 1	Вариант 2
Подходы к решению задач цифровизации в условиях санкционного давления	Задачи цифровизации и противодействия санкционному давлению решаются совместно	Задачи цифровизации и противодействия санкционному давлению решаются в отрыве друг от друга
Сущность	Умная реиндустриализация российской экономики	Точечное решение задач импортозамещения. Точечная цифровизация отдельных отраслей и предприятий
Используемые инструменты	Комплексная программа умной реиндустриализации национальной экономики с привлечением государственных и частных ресурсов в целях достижения конкурентоспособной на мировом уровне экономики с большим объемом производимой добавленной стоимости	Поиск альтернативных иностранных поставщиков (фиктивное импортозамещение). Поиск обходных путей для сотрудничества с имеющимися до санкций поставщиками. Развитие отдельных импортозамещающих производств на традиционной (устаревающей) материально-технической базе. Цифровизация добывающих и потребительских отраслей без синергетического эффекта для экономики в целом
Преимущества для национальной экономики	Возможность стать одним из лидеров нового технологического уклада. Формирование стратегических факторов эффективности российской экономики. Балансировка	Быстрота и простота достижения заявленных тактических целей (парирование санкционного давления). Отсутствие больших затрат на проведение комплексной умной реиндустриализации

Критерии сравнения	Вариант 1	Вариант 2
	политического и экономического уровня развития России. Создание спроса на квалифицированную рабочую силу. Повышение уровня жизни населения и создание условий для развития демографического потенциала	
Риски для национальной экономики	Сложность достижения успеха в условиях санкционного давления и низкого уровня развития собственных компетенций. Долгосрочный характер реализации	Консервация технологической отсталости России и сохранение зависимости от зарубежных поставок высоких технологий. Снижение уровня жизни населения. Дальнейшее социальное расслоение. Снижение демографического потенциала. Сохранение и углубление дисбаланса между политическим и экономическим потенциалом России

Очевидно, что в случае реализации варианта 1, представленного в таблице, трансформация мировой системы хозяйственных связей и технологического уклада выступает в качестве источника возможностей для развития национальной экономики. Напротив, в варианте 2 эта трансформация является в глазах лиц, принимающих решения, источником угроз, которые должны быть элиминированы немедленно, без разработки стратегии долгосрочного развития. Основных причин, которыми можно оправдать выбор второго варианта, две. Первая из них заключается в том, что Россия находится в настоящее время в исключительно неблагоприятной ситуации для догоняющего развития. Вторая причина состоит в том, что экономический эффект от цифровизации экономики пока неочевиден.

Да, в сфере цифровизации даются оптимистические прогнозы, которые обещают стремительный рост экономической эффективности и, соответственно, уровня НЭБ. По оценкам, «в России сумма экономического эффекта от реализации программы цифровизации может составить 5-6 трлн руб. роста валового внутреннего продукта к 2024 г. Государство намерено вложить 1,5 трлн руб., следовательно, кратность отдачи – 3-4»²⁸⁰. В то же время, на практике не всё так радужно. Как сообщает Интернет-портал TAdviser.ru (далее приводится цитата по: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровая_экономика_России), «19 мая 2020 года стало известно, что сроки реализации ряда проектов нацпрограммы «Цифровая экономика» могут быть изменены... Уже на май 2020 года нарушены сроки реализации магистральных проектов, среди которых – развитие сетей связи 5G, создание государственной единой облачной платформы, типового автоматизированного рабочего места госслужащего, венчурного фонда поддержки образовательных проектов и другие мероприятия. Из 231 запланированного результата нацпрограммы в первом квартале 2020 года достигнуто в полной мере только 6. Около 150 находятся в работе с разной степенью отклонений от запланированных сроков, а 66 признаны невыполненными, это почти 30% от общего количества».

Рассмотрим причины, предопределяющие более высокую вероятность выбора второго из описанных выше вариантов, более глубоко. Заметим, что по сравнению со сталинской индустриализацией, когда СССР нужно было встроиться в уже существующий технологический уклад при наличии мобилизационной экономики и ясной программы развития страны, подкрепленной ресурсами (не будь говорить о цене этих ресурсов для общества), а также условиях Великой депрессии, когда иностранные компании были готовы выполнять заказы в интересах нашей страны, и, наконец, при наличии мощного ци-

²⁸⁰ Уколов В.Ф., Афанасьев В.Я., Черкасов В.В. Ключевые эффекты цифровизации и возможные потери // Вестник университета. 2019. № 8. С. 56.

визационного советского проекта, который обуславливал привлекательность России для международного сообщества, сейчас ситуация носит принципиально иной характер.

В России имеет место рыночная регулируемая экономика, не являющаяся мобилизационной, что ограничивает как свободу принятия решений органами государственного управления, так и объем ресурсов, которые могут быть отвлечены (мобилизованы) на реализацию национальных проектов. При этом в рамках национальной экономики происходит борьба разных квази-олигархических групп, нацеленных в первую очередь на обслуживание своих интересов (подтверждением этого служит, например, статистика оттока капитала из России за рубеж, несмотря на явный дефицит финансовых ресурсов внутри страны – см. табл. 4.2.2), а не на решение общенациональных задач.

Таблица 4.2.2 – Сальдо финансовых операций частного сектора (чистое кредитование (+) / чистое заимствование (-)), млрд долл. США

I квартал 2020 г.	II квартал 2020 г. (оценка)	январь-июнь 2020 г. (оценка)	Справочно:		
			I квартал 2019 г.	II квартал 2019 г.	январь- июнь 2019 г.
16,8	12,1	28,9	24,0	-0,7	23,3

Источник: данные ЦБ РФ, доступные на его интернет-сайте (<https://www.cbr.ru/search/?text=сальдо+финансовых+операций+частного+сектора>).

Все это сильно усложняет как ресурсное обеспечение цифровизации, так и долгосрочное целеполагание. Доступ России к технологиям ограничен – формально из-за санкционного давления, однако фактически из-за того, что в мире сейчас разворачивается гонка за лидерство в новом технологическом укладе, и усиливать позиции России в этой гонке у ее участников заинтересованности нет. Наконец, России необходимо войти в новый, еще только формирующийся технологический уклад, а не встроиться в уже существующий, что требует значительно более высоких затрат и сопряжено с большими рисками.

Фактически это означает, что у России нет образцов, у которых она могла бы перенимать технологии (в ходе сталинской индустриализации такими образцами были США и Германия). В силу этого цифровизация является более сложной и масштабной задачей, чем индустриализация. Это создает ряд препятствий для ее реализации.

Преодоление этих препятствий требует стратегических действий на уровне всей системы публичного управления РФ. В подписанном 21 июля 2020 года президентском указе о национальных целях развития страны на период до 2030 года, одна из национальных целей – это «Цифровая трансформация». Она предполагает решение следующих задач: достижение цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы; увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95%; рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, до 97%; увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в 4 раза по сравнению с уровнем 2019 года.

Что касается неясности экономического эффекта от проведения цифровизации, то пока что большая часть полезных следствий от внедрения цифровых технологий выступает скорее в качестве теоретических прогнозов. Упрощение хозяйственных взаимодействий пока не трансформировалось в прирост производительности труда, а внедрение этих технологий требует значительных инвестиций, что создает риски и ведет к уменьшению экономического эффекта²⁸¹. С одной стороны, опасение того, что цифровизация не принесет ощутимого результата в обозримой перспективе, служит вполне рациональным обоснованием для отказа от стратегии цифровизации экономики в условиях ресурсных ограничений.

²⁸¹ Эпштейн Д. Б. О влиянии цифровой экономики на экономический рост // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 4. – С. 78-90.

Если придерживаться такой точки зрения, тогда лучше дождаться, когда эти технологии будут проверены на практике и подтвердят свою эффективность, после чего перейти к внедрению проверенных образцов. Но, с другой стороны, в ситуации разворачивающейся технологической гонки копирование оправдавших себя технологий является путем к сохранению и консервации отставания (не говоря уже о том, что это копирование требует, как соответствующих компетенций, который пока недостаточно развиты, так и доступа к этим образцам, который, как правило, блокируется). Примером служит отказ от развития собственной электронной техники в СССР и копирование технологий IBM, реализованных в ЭВМ серии ЕС.

Отметим, что с этой точки зрения Россия является хорошим полигоном для проведения цифровизация. Пережив деиндустриализацию после развала Советского Союза, наша страна не испытывает проблем, с которыми связано внедрение инноваций на уже существующих производствах – эти производства после 1991 г. были в значительной степени ликвидированы. Барьеров, создаваемых старым капиталом для создания инновационных производств в обрабатывающей промышленности, нет, можно с нуля создавать новые производства на инновационных технологических и организационных принципах. Однако для этого требуются значительные ресурсы. В сталинском СССР они были созданы за счет мобилизационной экономики, а в послевоенной Германии – благодаря плану Маршалла, но они отсутствуют в современной России.

Большой проблемой в случае России выступает несоответствие между геополитическими и экономическими (технологическими) целями, которое отсутствовало во время сталинской индустриализации. Претендуя на статус одного из политических полюсов силы в мире, Россия не предпринимает (в силу уже перечисленных выше причин) реальных шагов по выстраиванию современной самодостаточной экономики, способной дать экономическую базу для политического лидерства. Это позволяет предположить, что происходящий в мире переход к цифровой экономике приведет к выталкиванию России на периферию хозяйственного развития.

Цифровизация народного хозяйства нашей страны произойдет в тех отраслях, которые либо обеспечивают ресурсами глобальную экономику (и поэтому необходимо обеспечивать их конкурентоспособность на мировом уровне, а также встраивание этих бизнесов в глобальные цифровые экосистемы), либо связаны с обслуживанием потребностей населения (финансовая сфера, розничная торговля, государственные услуги), либо имеют значение для национальной безопасности (военная организация государства, оборонно-промышленный комплекс).

Для первых двух типов отраслей ресурсы будут изысканы за счет того, что они сами генерируют устойчивый денежный поток благодаря наличию спроса. Цифровизация стратегических отраслей будет проведена за счет государственных ресурсов, поскольку государство заинтересовано в обеспечении национальной безопасности и сохранении суверенитета страны. Однако в этой ситуации комплексная цифровизация национальной экономики проведена не будет (прежде всего – в обрабатывающей промышленности), и наша страна не станет один из важных мировых игроков в рамках нового технологического уклада.

Важная проблема заключается в том, что для проведения цифровизации промышленности необходимо прежде всего выстроить эту промышленность (советские производства были в значительной степени ликвидированы, а новые производства практически не создавались). Иными словами, нам недостаточно провести цифровизацию промышленности – предварительно необходимо реализовать программу реиндустриализации на новой технологической основе. К сожалению, для этого на текущий момент отсутствуют объективные экономические предпосылки (спрос на продукцию этих производств).

Таким образом, на новом уровне развития технологий, по-видимому, сохранится существующая модель функционирования отечественной экономики, при которой доходы от продажи ресурсов и продукции с низкой степенью переработки (и с низкой добавленной стоимостью) используются для приобретения потребительских товаров за рубежом у ведущих экономик мира.

Высокая вероятность реализации этого риска связана с нехваткой ресурсов для проведения комплексной цифровизации национальной экономики (как финансовых, так и технологических), отсутствием комплексной стратегии цифровизации страны и санкционным давлением, которое, с одной стороны, ограничивает доступ к передовым технологиям и препятствует их освоению в России, а с другой стороны – вынуждает тратить значительные ресурсы на противодействие этому давлению, а не на инновационное развитие национальной экономики.

Для минимизации этого риска, как показывают авторские исследования, необходимо:

- принять комплексную программу инновационного импортозамещения, опирающегося на использование цифровых технологий;

- эта программа должна включать перечень требований к государственным предприятиям и предприятиям, выполняющим государственный заказ, относительно объема и направлений использования цифровых технологий при реализации проектов импортозамещения. Это позволит использовать ресурсы бюджета как базу для технологического развития отечественной экономики²⁸²;

- программа должна содержать комплекс мер поддержки отечественных разработчиков цифровых технологий в критических отраслях (искусственный интеллект, кибербезопасность, цифровое моделирование бизнеса), включая их предпочтительность при государственных закупках соответствующих технологий, использованию этих технологий государственными предприятиями и предприятиями, выполняющими государственный заказ. Необходимы также меры по содействию экспорту этих технологий (для расширения рынка сбыта).

Вторая группа угроз связана с возможностью получения контроля внешними агентами контроля над национальной экономикой. Наша страна в настоящее время находится на низком уровне цифрового развития, и цифровизация

²⁸² Аганбегян А. Г. Как госбюджет может стать локомотивом социально-экономического развития страны // Вопросы экономики. – 2015. – № 7. – С. 142-151.

потребуется импорта технологий и оборудования из других государств. Оставляя в стороне вопрос о том, что поставщики разрешат импорт в Россию только тех технологий, которые не будут угрожать лидерству страны их происхождения (т. е. цифровизация в России будет поверхностной и точечной), отметим, что наличие в этом оборудовании и программном обеспечении «закладок» создаст условия для дистанционного внешнего контроля над российской экономикой. С учетом же того, что иностранные высокотехнологичные продукты используются и для производства военной техники в нашей стране, перспектива такого контроля делает невозможным обеспечить не только экономическую безопасность, но и национальную безопасность в целом.

Помимо такого косвенного контроля (связанные с ним риски будут реализованы только в случае возникновения конфликтов между Россией и страной-поставщиком оборудования), необходимо помнить и об угрозе прямого контроля. Цифровая экономика опирается на цифровые глобальные цепочки создания ценности. России в этих цепочках (которые будут формироваться странами-лидерами нового технологического уклада – США или Китаем – в своих интересах) будет выделена скромная роль. Эти цепочки будут формироваться и управляться так, чтобы максимизировать выгоду контролирующей их структуры. Поскольку такой контроль будет основан не только на организационно-управленческих, но и на технологических инструментах, можно без преувеличения сказать, что российская экономика будет обслуживать интересы внешних структур.

Возникновение этого риска связано с тем, что отличительной особенностью цифровизации как экономического (а не технологического) феномена является ее глобальный и открытый характер. Она позволяет хозяйствующим субъектам независимо от их масштаба взаимодействовать за пределами своих национальных границ, т. е. она снимает ограничения на размер рынка (причем это касается рынка поставщиков, потребителей, финансов, рабочей силы

и т. д.)²⁸³. Это достигается за счет резкого удешевления и упрощения взаимодействия. Однако оборотной стороной этого процесса является повышение открытости национальных рынков – как с экономической (в этом смысле цифровизация поддерживает глобализацию), так и с технологической точки зрения.

Технологическая открытость связана с тем, что необходимо обеспечить совместимость работы различных устройств. На практике технологическая открытость воплощается чаще всего в неявной стандартизации – когда некий тип оборудования, программного обеспечения и т. д. становится де-факто стандартом на рынке (это достигается чаще всего за счет сетевого эффекта). Обладатели этих стандартов (т. е. их разработчики) получают возможность извлекать ренту из пользования ими и регулировать доступ к соответствующим технологиям (важно отметить, однако, что ключевой элемент цифровой инфраструктуры, обеспечивающий информационную связность глобальной экономики – Интернет – не находится в чьей-либо собственности).

Основой для регулирования доступа служит как заинтересованность самих обладателей стандартов в сохранении источника ренты, так и стремление национальных правительств создать технологическое отставание для конкурирующих государств. Сама же по себе технологическая открытость становится источником возможности для злонамеренного воздействия на деятельность хозяйствующих субъектов (вирусные атаки, создание преднамеренных сбоев программного обеспечения и т. д.). Именно эти аспекты (извлечение ренты из обладания технологиями, ограничение доступа к технологиям и риски злонамеренного воздействия) представляются нам основными угрозами, связанными с глобальным характером цифровизации.

В результате проявления обоих этих факторов, локальные рынки экономически и технологически встраиваются в глобальный рынок. Это повышает

²⁸³ Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4. – С. 16-24.

эффективность глобальной экономики в целом, однако негативно влияет на локальные рынки, возможность развития которых существенно ограничивается. Основными выгодоприобретателями цифровизации становятся те национальные экономики, которые уже обладают высоким уровнем технологического и экономического развития. То есть в вопросах цифровизации действует известное из теории стратегического менеджмента и управления конкурентоспособностью «преимущество первого шага».

Наконец, третья группа угроз заключается в том, что цифровизация экономики влечет за собой изменение модели организации хозяйственной деятельности и изменение системы отношений между экономическими агентами. Элементами этой трансформации является падение спроса на рабочую силу (из-за замещения работников средствами автоматизации – известное опасение, что «людей заменят роботы») и изменение модели занятости (переход к неустойчивым трудовым отношениям²⁸⁴). Из-за этих факторов положение работников ухудшается вследствие следующих факторов:

- внедрение современных средств автоматизации, основанных на использовании искусственного интеллекта²⁸⁵, требует минимального участия человека в производственном процессе, и, как следствие, провоцирует падение спроса на рабочую силу²⁸⁶. Это ведет к сокращению занятости и к снижению гарантий постоянного дохода у населения;

- устранение потребности в квалифицированных сотрудниках, занятых по модели постоянного найма (из-за замещения их средствами автоматиза-

²⁸⁴ Долженко Р. А. Взаимосвязь новых форм трудовых отношений и прекаризации труда в условиях постиндустриальной экономики // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2014. – № 12. – С. 179-185; Котляров И. Д. Нестандартные формы занятости // Общество и экономика. – 2015. – № 1-2. – С. 203-218.

²⁸⁵ Цветкова Л. А. Технологии искусственного интеллекта как фактор цифровизации экономики России и мира // Экономика науки. – 2017. – Т. 3. – № 2. – С. 126-124.

²⁸⁶ Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 44-52; Бобков В. Н., Новикова Н. В., Шичкин И. А. Цифровая революция и ее воздействие на устойчивость рынков труда и занятости // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – № 3. – С. 12-17; Одегов Ю. Г., Павлова В. В. Новые технологии и их влияние на рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 2. – С. 60-70; Форд М. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016; Хайнс Э. Как подготовиться к «безработному» будущему // Форсайт. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 19-30.

ции), ведет к тому, что все более широкое распространение приобретают неустойчивые формы занятости (не предполагающие постоянного трудового контракта, гарантированного размера заработной платы, наличия социальной защиты и т. д.)²⁸⁷. Работник привлекается по мере необходимости, и оплачивается только фактически выполненная работа. При этом непрерывное внедрение средств и систем автоматизации может привести к тому, что даже за такие низкокачественные рабочие места конкуренция обостряется, что обуславливает дальнейшее ухудшение условий труда работников.

Это, при системном проявлении и генерации синергетического негативного эффекта, может стать причиной ухудшения положения населения, которое будет лишено как устойчивого источника дохода в течение трудоспособного периода своей жизни, так и источника финансирования пенсии на время старости. Обсуждаемые в настоящее время модели парирования этой угрозы (например, переход к четырехдневной рабочей неделе или всеобщий гарантированный доход) являются, по мнению автора, наивными и популистскими, т. к. не имеют под собой серьезного экономического обоснования. Ожидания ухудшения материального положения могут стать причиной снижения рождаемости и оттока населения за рубеж, т. е. сокращения демографической базы национальной экономики РФ.

Выше нами было сказано, что перспективы системной цифровизации в нашей стране мы оцениваем в целом как неблагоприятные (цифровизация бу-

²⁸⁷ Азьмук Н. А. Трансформация занятости в странах с развитой информационной экономикой // Проблемы экономики. – 2014. – № 3. – С. 7-12; Базжина В. А., Цыганкова И. В., Никишина О. Ю. Развитие нестандартных форм занятости в современной России // Российское предпринимательство. – 2014. – № 24. – С. 71-86; Бобков В. Н., Новикова И. В., Квачев В. Г. Вызовы неустойчивой занятости: приоритеты регулирования российского законодательства // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 3. – С. 41-50; Ванкевич Е. В., Зайцева О. В. Нестандартная занятость: сущность, формы, масштабы, регулирование // Белорусский экономический журнал. – 2015. – № 3. – С. 129-146; Долженко Р. А. Взаимосвязь новых форм трудовых отношений и прекаризации труда в условиях постиндустриальной экономики // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2014. – № 12. – С. 179-185; Долженко Р. А. Новые формы трудовых отношений: уточнение понятий // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2014. – № 1. – С. 168-173; Колот А. М. Трансформация института занятости как составляющая глобальных изменений в социально-трудовой сфере: феномен прекаризации // Уровень жизни населения регионов России. – 2013. – № 11. – С. 93-101; Федченко А. А., Дорохова Н. В., Дашкова Е. С. Гибкая занятость: глобальный, российский и региональный аспекты // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 1. – С. 16-24.

дет носить точечный характер), и теоретически это могло бы позволить избежать тех негативных социальных последствий, которые мы описали. Иными словами, цифровизация не будет настолько глубокой, чтобы создать значимые риски для социальной стабильности. Однако на самом деле ситуация является намного более сложной. Точечная цифровизация будет направлена на увеличение доходов ведущих российских компаний, а не на повышение эффективности национальной экономики в целом. Этот рост доходов будет достигаться в т. ч. и за счет распространения роботизации и неустойчивой занятости, т. е. снижения спроса на рабочую силу, при этом с высокой вероятностью достигнутый рост производительности труда не будет трансформирован в рост заработной платы. Это и позволяет говорить о том, что вероятность реализации этих социальных рисков очень высока.

Напротив, в том случае, если бы цифровизация российской экономики была сплошной и всеобъемлющей, если она была бы поддержана полноценной программой реиндустриализации, то это привело бы к созданию качественных и высокопроизводительных рабочих мест, которые создали бы спрос на квалифицированную рабочую силу с высокой оплатой труда, и позволили бы распределить выгоды от внедрения цифровых технологий среди всего населения России. В этой ситуации исчезающие в традиционных секторах экономики рабочие места замещались бы новыми, цифровыми (как это происходило, например, при деиндустриализации ведущих стран мира, когда исчезающие рабочие места в промышленности замещались рабочими местами в сфере услуг)²⁸⁸.

Именно в этом случае удалось бы избежать негативных эффектов цифровизации, их отрицательного влияния на НЭБ. Новый технологический уклад должен создавать спрос на рабочую силу, высвобождаемую в ходе ликвидации предыдущего технологического уклада. В частности, автоматизация создает спрос на обслуживание современного оборудования и на его разработку, а

²⁸⁸ Зоргнер А. Автоматизация рабочих мест: угроза для занятости или источник предпринимательских возможностей? // Форсайт. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 37-48; Капелюшников Р. И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. – 2017. – № 11. – С. 111-140.

также позволяет высвободить человека для продуктивной, квалифицированной и творческой работы. Что же касается неустойчивых форм занятости, то не все они содержат в себе негативный потенциал (в частности, некоторые из них позволяют обеспечить доступ к рынку труда тех социальных, возрастных, географических и иных групп населения, которые отрезаны от рынка труда в рамках традиционной модели занятости²⁸⁹). К сожалению, в рамках тех шагов по цифровизации, которые наблюдаются в нашей стране (точечные действия отдельных компаний, не поддерживаемые единой национальной стратегией), вероятность такого исхода очень мала. Таким образом, эти социальные риски порождаются не цифровизацией как таковой, а тем, как она может быть реализована в России, т. е. они зависят от качества реализуемой политики, эффективности систем менеджмента российских организаций и системы публичного управления.

Отметим еще один момент. Российская экономика, в отличие от экономик ведущих мировых государств, всегда была трудоинтенсивной, а не капиталоемкой. Отчасти это связано с особенностями советской социально-экономической модели, в рамках которой населению гарантировалась занятость (зачастую – искусственно). Эта модель сохранилась и в настоящее время, из-за чего в России существует заметная искусственная занятость (или, иначе, скрытая безработица). Из-за этого, в частности, производительность и оплата труда у нас заметно отстают от ведущих стран мира. В условиях цифровизации существует вероятность того, что государство, чтобы избежать социальных волнений, каким-либо способом продолжит реализовывать политику искусственной занятости.

Прежде всего, этого можно добиться путем введения новых регулятивных требований (как сейчас, например, создается искусственный спрос на труд охранников, не говоря уже об избыточной занятости в государственном сек-

²⁸⁹ Котляров И. Д. Нестандартные формы занятости: позитивные, негативные, нейтральные // Вопросы регулирования экономики. – 2015. – Т. 6. – № 4. – С. 28-36.

торе). Кроме того, могут быть приняты законодательные ограничения на использование определенных разновидностей неустойчивой занятости для защиты интересов работников²⁹⁰. Однако ее естественным следствием станет дальнейшее падение производительности труда, средней оплаты труда и эффективности национальной экономики (из-за искусственного ограничения технического прогресса и невозможности реализации потенциала позитивных форм неустойчивой занятости).

Таким образом, основные риски цифровизации для экономической безопасности нашей страны связаны с:

- углублением технологического отставания России от ведущих экономик мира из-за неспособности нашей страны провести полную цифровизацию национального хозяйства в условиях санкционного давления, недостаточных ресурсов и отсутствия единой стратегии развития нового технологического уклада в нашей стране. В этой ситуации цифровизация будет носить точечный характер и приведет к окончательному (как минимум, долгосрочному – до начала следующей технологической волны) вытеснению России на периферию мирового хозяйства, где ее роль будет сводиться к поставкам ресурсов для ведущих экономик мира и функционированию в качестве рынка сбыта для продукции этих экономик;

- получение контроля над национальной экономикой нашей страны со стороны поставщиков цифровых технологий (в рамках точечной цифровизации экономики России). Этот контроль может быть как явным (цифровое встраивание во внешние цепочки создания ценности), так и неявным (риски перехвата контроля над национальными производствами благодаря встроенным «закладкам» в программное обеспечение и оборудование);

²⁹⁰ Бобков В. Н., Новикова И. В., Квачев В. Г. Вызовы неустойчивой занятости: приоритеты регулирования российского законодательства // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 3. – С. 41-50; Котляров И. Д. Проблемы регулирования нестандартных форм занятости // Вопросы регулирования экономики. – 2015. – Т. 6. – № 1. – С. 55-66; Локтюхина Н. В., Новикова И. В. Регулирование рынка труда и занятости населения в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 1. – С. 40-49.

- ухудшение социальной обстановки в России из-за распространения моделей организации хозяйственной деятельности, характерных для цифровой экономики. Это может стать причиной снижения рождаемости и оттока наиболее квалифицированных кадров за рубеж, что лишит Россию демографического потенциала и приведет к катастрофическому снижению величины и качества человеческого капитала.

В качестве вывода можно отметить, что в этих условиях основная задача государства – создать условия для минимизации негативных последствий смены технологического уклада (в том числе и в сфере социально-трудовых отношений) и для того, чтобы цифровизация служила источником повышения качества занятости, роста производительности труда и большей эффективности национальной экономики.

4.3 Технологические трансформации и технологическая безопасность и их влияние на устойчивость ведения бизнеса (обеспечение экономической безопасности на микроуровне хозяйственной системы)

Следует отметить, что, несмотря на многочисленные риски и угрозы ЭБ, которые сопровождают современный этап технологического развития России, они не являются фатальными. Наша страна на протяжении своей многовековой истории неоднократно переживала периоды модернизации и качественных, кардинальных преобразований, каждый раз вызывавшиеся накопившимся отставанием от передовых держав своего времени. Сегодня такого рода отставание вновь накапливается, становясь системной угрозой экономической и – в целом – национальной безопасности. Технологические сдвиги, в частности – цифровизация, это лишь один из факторов, который соединяется с рядом других факторов, совместно образующих определенную системную целостность. Далее рассмотрим наиболее важные из них²⁹¹.

В первую очередь, как нам представляется, следует указать на фактическое завершение активных рыночных реформ, инициированных в стране в последнем десятилетии XX века и приведших не только к распаду СССР и мировой системы социализма, но и к радикальному снижению объемов производства и потребления в России, что крайне негативно сказалось на НЭБ РФ. О глубине падения ВВП РФ в ходе рыночной трансформации её экономики свидетельствуют данные, представленные на рис. 4.3.1 (график построен по статистическим данным Всемирного банка). Если принять объем ВВП 1989 года за единицу, то его восстановление произошло лишь спустя 18 лет. Фактически, для экономики России это были «потерянные годы», в течение которых многие другие страны мира, как развитые, так и развивающиеся, продолжали развиваться. Отсюда очевидна необходимость догоняющего развития.

²⁹¹ Рукинов М. В. Модернизация и экономическая безопасность // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 3 (117). – С. 45-49.

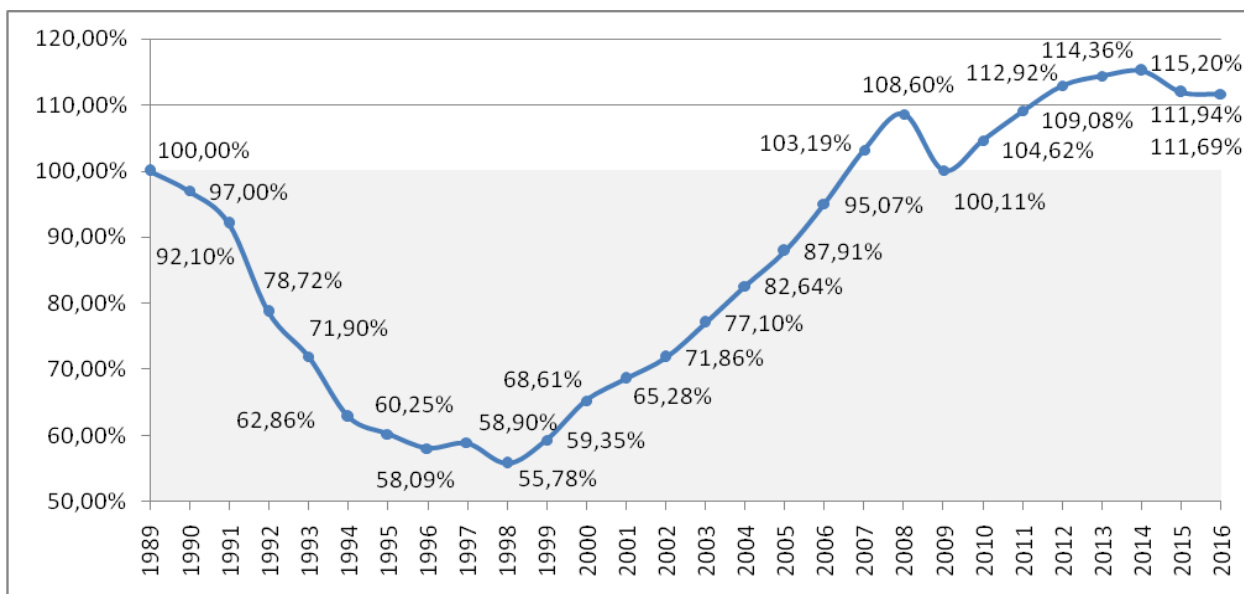

Рисунок 4.3.1 – Долгосрочная динамика ВВП РФ (1989 год – 100%)²⁹²

Важно отметить, что десятилетие восстановительного роста (1998-2008 гг.) вследствие, как принято считать, мирового финансового и экономического кризиса, после кризисного проседания ВВП РФ в 2009 г. и последующего восстановления, прервалось выходом на своеобразное «плато новой нормальности». (В дополнение к представленным на рисунке 4.3.1 данным, заимствованным нами из публикации Бодрунова С. и Плотникова В., на рисунке 4.3.2 приведены более актуальные данные о динамике ВВП РФ после 2016 г.).

В краткосрочной перспективе экономический рост в стране практически прекратился, и главной причиной этого, по нашему мнению, являются не экономические санкции коллективного Запада, введенные против России в предыдущий период, а накопившиеся в экономике страны структурные проблемы. Они тесно связаны с неопределенностью политических решений по регулированию экономики. Помимо этого, 2020 год сопряжен с новым мощным

²⁹² Bodrunov S., Plotnikov V. Institutional Structures Influence on the Technological Development of the Economic System // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference – Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth, 8-9 November 2017, Madrid, Spain. P. 2658-2665.

риском – пандемией Covid-19, вызвавшей ограничения социальной и хозяйственной активности во всём мире. По официальным оценкам Банка России, вследствие пандемии спад экономики России по итогам 2020 года составит 4-6%, МВФ дает близкую оценку – 6.6%.

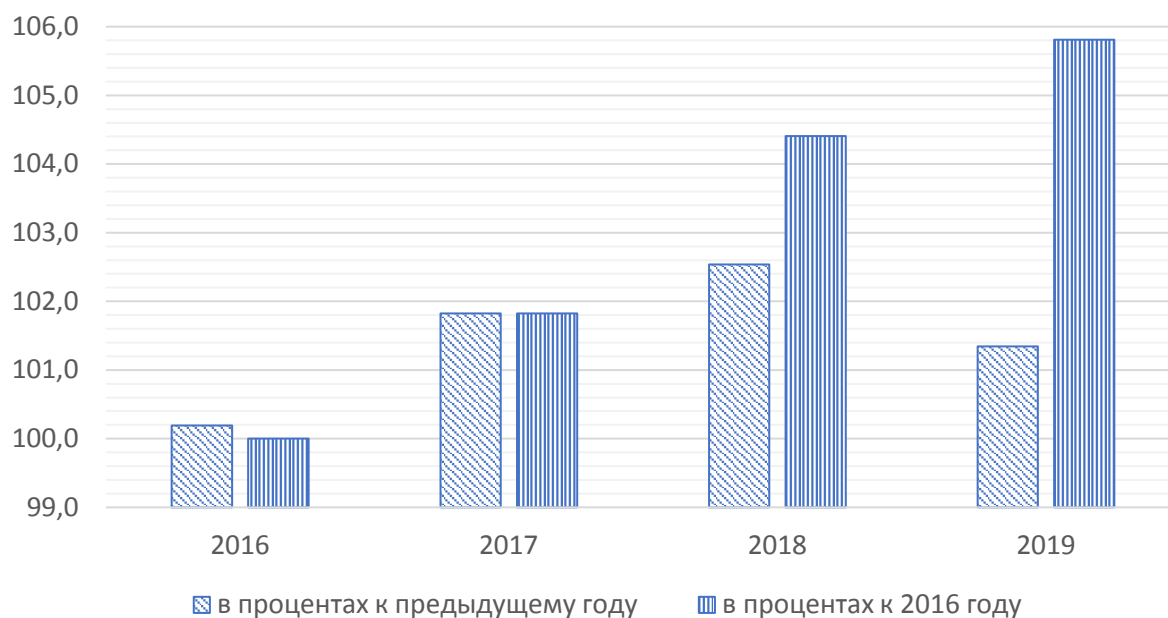

Рисунок 4.3.2 – Краткосрочная динамика физического объема ВВП РФ (данные Росстата, см.: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab3\(1\).htm](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab3(1).htm))

Подчеркнем еще раз, что текущие макроэкономические проблемы РФ и проблемы в области НЭБ не являются ситуационными, а вызваны долгосрочными фундаментальными факторами. Несмотря на наличествующие в литературе мощные аргументы относительно неэффективности (с позиций социально-экономического развития, демографии, развития науки и образования, обеспечения экономической безопасности и т. д.) проведенных в стране рыночных реформ, а также на фактически наличествующий «молчаливый» отказ официальных властей от их идеологических установок (особенно ускорившийся с начала 2020 года, после смены состава правительства и назначения на должность премьер-министра М. Мишустина), объективного анализа их хода

и последствий, допущенных при этом ошибок, не сделано. Это затрудняет выстраивание курса дальнейшего экономического развития, в силу неопределённости методологической платформы, на которой оно должно строиться.

То есть период ориентации на идеологемы «рыночного фундаментализма» вроде бы завершился, хотя официально об этом не сказано, что порождает неуверенность и неопределенность, особенно в среде крупного бизнеса, работающего в России. Но что придет на смену старой идеологии и методологии государственного регулирования экономики? Кейнсианство? Новый марксизм? Новая концепция евразийской политэкономии? Или что-то еще? Пока что это неясно, кроме того, что будущий экономический курс должен быть более прагматичным и ориентированным на конкретные результаты.

К сожалению, несмотря на актуальность этой проблематики, практически не заметно усилий политической власти и государственного аппарата по привлечению к ее разрешению научно-экспертного сообщества. Между тем, складывающаяся ситуация неопределенности в теоретическом осмыслении будущего курса экономического развития и соответствующей ему экономической политики приводит к ослаблению национальной экономической безопасности. И это тесно связано с происходящей буквально на наших глазах технологической революцией. К сожалению, в своем технологическом развитии Россия «застыла на месте». Это иллюстрируют данные, приведенные в таблице 4.3.1, построенной автором по данным Росстата.

Таблица 4.3.1 – Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП РФ, %

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
По ОКВЭД-2007	19,7	20,3	21,1	21,8	21,4	22,1	–	–
По ОКВЭД2	–	–	–	21,5	21,0	21,5	21,6	21,1

Источник: данные Росстата, доступные на его интернет-сайте (см.: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/economydevelopment/#).

Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП РФ стабильно составляет величину, немногим превышающую 20%, и тенденций к росту этого показателя не прослеживается. Да, у российских компаний есть некоторые достижения в различных секторах инновационной и высокотехнологичной деятельности. Так, Россия занимает первое место в мире по производству высокообогащённого урана для нужд атомной энергетики и первое место в мире по экспорту ядерного топлива в связи с тем, что отечественные технологии обогащения урана являются наиболее эффективными в мире. Или, например, в составленном в 2015 г. Bloomberg «Глобальном инновационном индексе» Россия вошла в мировой топ-5 по индексу развития высшего образования, уровень которого является предпосылкой для инновационного развития. Но, к сожалению, производственно-технологические достижения нашей страны в целом достаточно скромные.

И это подтверждается данными о динамике выпуска производств, относимых к высокотехнологичным видам экономической деятельности²⁹³. Как можно судить по рисунку 4.3.3, составленному нами по данным Росстата, это производство в последние годы стагнирует, причем темпы падения ускоряются. Это порождает угрозы и риски экономической безопасности, связанные с новыми технологиями и ростом технологической зависимости (т. е. ослаблением технологической безопасности) России от других стран.

Заметим, что, как отмечалось ранее, сейчас передовые страны мира переходят к очередному, шестому, технологическому укладу. В России же основные производства базируются на технологиях четвертого уклада. Но это отставание в текущий исторический период бифуркационного развития не является фатальным. Мы солидарны с мнением академика Глазьева С.Ю., который настаивает на возможности «скачка» в технологическом развитии страны.

²⁹³ Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; компьютеров, электронных и оптических изделий; летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования.

Но «окно возможностей» для этого скачка скоро закроется. И вот тогда в технологическом отношении российская экономика займет положение «догоняющего игрока» на несколько десятилетий, до тех пор, пока не наступит момент для новой бифуркации.

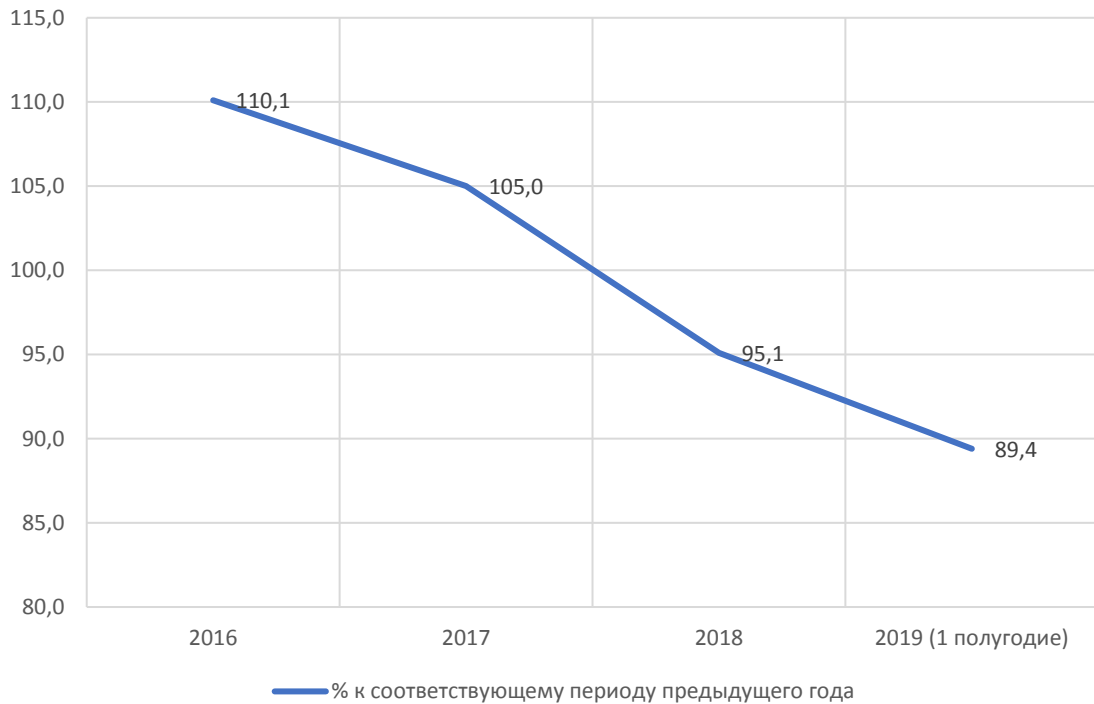

Рисунок 4.3.3 – Индекс производства по высокотехнологичным видам экономической деятельности, % (данные Росстата)

В этой связи нам представляется целесообразным пересмотреть сформированную в стране модель государственного управления в инновационно-технологической сфере. Сблизить науку, образование, производство не на уровне деклараций и президентских поручений, а путем интеграции административного управления этими важнейшими сферами, влияющими на развитие в стратегической ситуации. Пока же ситуация складывается так, как ее описывает профессор Плотников В.А., с оценкой которого мы согласны:

«При формировании 18 мая 2018 г. нового российского правительства совершена грубая ошибка, которая может блокировать успешное циф-

ровое [не только цифровое, но и в целом технологическое – *прим. автора*] развитие национальной промышленности... Созданное Министерство науки и высшего образования Российской Федерации включено в сферу полномочий заместителя Председателя Правительства Российской Федерации по вопросам социальной политики. Следует ли считать, что мы отказываемся от технологического развития? И связь науки и производства следует разорвать? Автор полагает, что нет, но этот вопрос требует незамедлительного решения»²⁹⁴.

Заметим, что несмотря на реорганизацию структуры и существенное изменение персонального состава российского правительства в январе 2020 года, эта принципиальная управленческая ошибка так и не была устранена.

Еще один серьезный модернизационный вызов, тесно связанный с технологическим, это – демографический. Если страна ставит перед собой серьезные стратегические цели, связанные с ускоренным и качественным развитием, то необходимо обеспечить их достижение ресурсами, прежде всего, человеческими. С другой стороны – именно рост уровня и качество жизни населения являются конечной целью модернизации. Но на практике реальные доходы населения стагнируют, а численность россиян сокращается. Так, по оценке Росстата, численность постоянного населения Российской Федерации по состоянию на 01.01.2019 составила 146,8 млн человек, сократившись за 2018 год на 93,5 тыс. человек (0,06%), миграционный прирост компенсировал естественную убыль населения (она составила 218 394 человек) лишь на 57,2%.

Демографические показатели – наиболее наглядное свидетельство уровня социального благополучия, которое определяется не только формально-количественными показателями, но и качественными, субъективно

²⁹⁴ Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4 (112). – С. 21.

воспринимаемыми населением. И именно через призму восприятия населением текущей социально-экономической ситуации следует оценивать степень достижения НЭБ. В этой связи, усиления требует социальная составляющая государственной политики, реализуемой в России (об этом речь пойдет далее). При этом, в этой политике обязательно должны учитываться соображения обеспечения национальной экономической безопасности.

Наиболее существенный и первоочередный шаг, который, как нам представляется, должен быть предпринят – это снижение уровня имущественной дифференциации населения. Определенный прогресс в этом вопросе наблюдается (см. табл. 4.3.2), но изменение распределения доходов на уровне десятых долей процента скорее выглядит как случайная флуктуация, чем как устойчивая закономерность. По-видимому, в нашей стране следует пойти на хорошо известный в мировой практике шаг в виде установления прогрессивного индивидуального налогообложения, совмещенного с введением достаточно высоких необлагаемых минимумов доходов. Эти шаги декларируются к введению с 2021 года, но каков будет механизм их реализации, насколько он окажется эффективным – пока что неясно. Системных исследований по этому вопросу пока что не проводилось.

Таблица 4.3.2 – Дифференциации денежных доходов населения РФ (по данным Росстата)

Год	По 20-процентным группам населения (по возрастанию), %					Коэффициент Джини
	I	II	III	IV	V	
2011	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	0,417
2012	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	0,420
2013	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	0,419
2014	5,2	9,9	14,9	22,6	47,4	0,416
2015	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1	0,413

2016	5,3	10,1	15,0	22,6	47,0	0,412
2017	5,4	10,1	15,1	22,6	46,8	0,409
2018	5,3	10,1	15,1	22,6	46,9	0,411

Рассмотренные выше изменения, безусловно, оказывают существенное влияние на обеспечение НЭБ в целом, как общесистемного для национальной экономики феномена. В то же время, следует учитывать, что уровень развития и потенциал национальной экономики во многом определяются организацией, направленностью и результатами хозяйственной деятельности на микроуровне. Развитый и устойчивый бизнес является источником налогов для государства, предоставляет занятость населению, обеспечивает наполнение потребительских рынков товарами и услугами, занимается разработкой и внедрением инноваций и т. д. Поэтому его слабость немедленно сказывается на уровне НЭБ в целом.

Наиболее очевидным признаком слабости хозяйствующих субъектов является статистика банкротств²⁹⁵. Заметим, что традиционно этот феномен рассматривается не только с экономических, но и с иных, в частности – с правовых, позиций. Так, например, Н. Мунтян указывает: «Банкротство может рассматриваться как в финансовом отношении (с точки зрения причиненного им финансового ущерба), так и с юридических позиций (предприятие признается неплатежеспособным, когда в отношении него возбуждено дело о банкротстве и/или выполнены иные процедуры, предусмотренные национальным законодательством)»²⁹⁶. Мы полагаем, что необходимо расширить трактовку банкротства с использованием методических подходов теории экономической безопасности²⁹⁷.

²⁹⁵ Рукинов М. В. Анализ феномена банкротства с позиций теории экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 1 (115). – С. 23-27.

²⁹⁶ Мунтян Н. Банкротство компаний: обзор методических подходов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 4 (38). – С. 37.

²⁹⁷ Эта проблематика нашла отражение в серии авторских препринтов, изданных в Санкт-Петербургском институте внешнеэкономических связей, экономики и права: Банкротство предприятия и его связь с обеспечением экономической безопасности (2010); Экономическая преступность как фактор риска экономической без-

Общеизвестно, что сам термин «банкрот» имеет итальянское происхождение. Слово состоит из двух частей: «banco» – скамья и «rotto» – сломанный. Оно дословно переводится как «сломать скамью». Такая конструкция термина связан с тем обстоятельством, что в средневековой Италии отказ платить по долговым обязательствам из-за отсутствия средств приводил к тому, что скамью, на которой сидел должник, ведущий торговую или финансовую деятельность, приводили в негодность, ломали. Это действие носило как демонстративно-символический, так и общественно-правовой характер. С позиций теории экономической безопасности, публичный слом скамьи можно рассматривать как элемент информационного обеспечения ее достижения.

В современных условиях правовое регулирование банкротства стало гораздо более совершенным, чем это было в средневековой Италии. В развитых странах регулирование несостоятельности (банкротства) является сложившейся областью права, в частности, в России основным актом, регулирующим правоотношения в данной области, является Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ. Основная цель регулирования – снижение ущерба для экономики от факта банкротства того или иного предприятия, т. е. это регулирование играет важную роль в обеспечении экономической безопасности.

При этом акценты в достижении указанной могут быть довольно разнообразными. В частности²⁹⁸:

- защита прав кредиторов;
- снижение уровня системных хозяйственных рисков в экономике за счет ликвидации неэффективных предприятий, оказывающих негативное влияние на устойчивость деловых партнеров;
- перераспределение активов в пользу эффективно хозяйствующих предприятий;

опасности (на примере криминальных банкротств) (2012); Направления совершенствования механизмов регулирования экономической безопасности (на примере законодательства о банкротстве) (2014); Классификация угроз экономической безопасности предприятий (на примере банкротств) (2016).

²⁹⁸ Телюкина М. В. Основы конкурсного права. – М., 2004. – С. 77-82.

- развитие справедливой конкуренции;
- проведение реорганизации предприятий и их финансовой реструктуризации, направленное на возобновление их деятельности, повышение эффективности;
- повышение качества корпоративного управления, в частности – за счет смены неэффективных собственников и/или неквалифицированных менеджеров.

Вследствие реализации процедуры банкротства наблюдается двойное положительное влияние на экономическую безопасность. Во-первых, исключаются из механизма хозяйствования неэффективно функционирующие предприятия, которые являются источником рисков и угроз для других субъектов экономической активности, а также для местных сообществ и социума в целом. Последнее характерно для крупных предприятий, оказывающих существенное влияние на экономику в целом или ее отдельные (отраслевые и региональные) подсистемы. Во-вторых, вследствие банкротства предприятия прекращают свою деятельность и их активы (как, правило, по заниженным ценам) вовлекаются в хозяйственный оборот более эффективно работающими предприятиями, растет эффективность и экономики в целом. В итоге, сохранившиеся (необанкроченные) предприятия повышают свою эффективность, их уровень экономической безопасности возрастает.

Таким образом, несмотря на то, что банкротство негативно сказывается на самих несостоятельных предприятиях и их кредиторах, работниках, местных сообществах, где локализованы активы этих предприятий, с позиций оздоровления экономики в целом, обеспечения экономической безопасности не на микро-, а на мезо- и макроуровне экономической системы, следует признать, что данный институт способствует сохранению и укреплению производственного потенциала экономики, общему оздоровлению экономических отношений, повышению «запаса прочности» экономики при рассмотрении ее с позиций обеспечения экономической безопасности.

Особенно это важно применительно к вопросу технологических и – в частности – цифровых трансформаций экономики России. Для проведения радикальной технологической модернизации требуется не модернизация существующих предприятий, а полное их закрытие, в том числе путем реализации процедур банкротства, и создание на основе высвободившихся активов (производственных помещений, сооружений, рабочей силы, земельных участков и др.) новых бизнесов.

Как мы показали в своих более ранних исследованиях, результаты которых получили отражение в кандидатской диссертации, выполненной на тему «Механизмы передела собственности в современной России», можно выделить несколько форм проявления эффективности института банкротства:

1. Социальная эффективность. Она выражается в сохранении и укреплении потенциала экономики как основы экономического роста страны, предотвращении криминализации экономической сферы путем распространения захвата имущества с использованием процедур банкротства и др. То есть, в данном случае речь идет даже не об экономической безопасности, но об укреплении социально-экономической системы в целом.

2. Макроэкономическая эффективность. Это – более узкая категория, она проявляется в общем оздоровлении экономических отношений посредством установления общепринятого и справедливого порядка разрешения спорных (конфликтных) ситуаций между субъектами хозяйствования; недопущении финансовой разбалансированности экономики, возникновения неплатежей, способных привести к дезорганизации финансово-экономической системы.

3. Предпринимательская (микроэкономическая) эффективность. Это – последний, нижний уровень проявления эффективности института банкротства. Здесь эффективность проявляется в росте факторной производительности, инновационном развитии, увеличении отдачи от имеющихся активов

и т. д. Всё это происходит вследствие передачи ресурсов их от несостоятельных предпринимателей и собственников их платежеспособным (т. е. более эффективным) конкурентам.

В то же время, несмотря на отмечаемые нами положительные эффекты банкротства для оздоровления экономики и повышения уровня экономической безопасности, значимость которых особенно велика в условиях структурных трансформаций народного хозяйства, вызванных комплексом факторов, следует указать на необходимость достаточно строгого контроля за всеми стадиями реализации процедур, связанных с банкротством. Это обусловлено возможностями злоупотреблений в этой сфере, которые могут привести к негативным последствиям для социально-экономической системы. В частности, существенной проблемой для современной России являются т. н. «криминальные» банкротства, когда они совершаются преднамеренно, что наносит ущерб законопослушным экономическим субъектам²⁹⁹.

Типичными негативными проявлениями преднамеренных «криминальных» банкротств являются силовой (рейдерский) захват эффективно работающих предприятий, вывод капитала из стратегически и социально важных отраслей, в том числе вывоз капитала за рубеж, криминальный передел собственности, экономическая эффективность которого определяется тем, что зачастую «активы должников на стадии внешнего управления и конкурсного производства отчуждаются в 10-20 раз ниже их реальной стоимости» (данные А. Г. Шеломенцева, см.: http://www.econom.nsc.ru/eco/arhiv/ZacazStatiy/99_12/report1.htm), и др.

Все эти процессы, к сожалению, можно наблюдать в современной российской практике банкротства. Но их наличие не является свидетельством необходимости отказа от рассматриваемого механизма, требуется лишь более строгая его регламентация и контроль за корректным его использованием. Не-

²⁹⁹ Фалинский И. Ю. Моделирование региональной теневой экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2017. – № 1 (31). – С. 9-13.

обходим баланс в использовании процедуры банкротства с тем, чтобы совокупный ущерб для экономической безопасности от ее реализации был меньше, чем соответствующий положительный эффект.

Интересно отметить, что в банкротствах в России, по-видимому, такого рода равновесие достигнуто. Указанный вывод подтверждают имеющиеся статистические данные о банкротствах предприятий в России. В последние годы их количество стабилизируется и находится на сравнительно низком уровне (см. табл. 4.3.3), что свидетельствует о стабилизации ситуации в экономике. К сожалению, полных статистических данных по этому вопросу в стране не собирается и не публикуется. Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (bankrot.fedresurs.ru), казалось бы, предназначенный для этой цели, представляет информацию лишь по платной подписке, а в открытом доступе приведены сведения, которые с аналитических позиций могут быть охарактеризованы как «информационный шум».

Таблица 4.3.3 – Динамика банкротств в РФ и крупнейших мегаполисах³⁰⁰

	1 кв. 2018	2 кв. 2018	3 кв. 2018	9 мес. 2018	9 мес. 2018 к 9 мес. 2017, %
РФ, в т.ч.:	3176	3450	3054	9680	0
Москва	583	687	658	1928	8
Санкт-Петербург	177	197	165	539	2

В таблице 4.3.4 представлен фрагмент данных, приводимых на указанном Интернет-ресурсе, размещенных на нем лишь в одну дату – 30 ноября 2018 г. (см.: bankrot.fedresurs.ru/Messages.aspx). В эту дату было размещено 59 сообщений, касающихся конкретных обстоятельств, связанных с банкротством различных организаций, но получить из этого сводные данные, которые

³⁰⁰ Пирожков А. Количество банкротств в России за 9 месяцев 2018 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://m.dp.ru/a/2018/10/09/Kolichestvo_bankrotstv_sta (дата обращения 17.10.2018).

позволяют оценить картину в целом, крайне затруднительно. По нашему мнению, требуется совершенствование процедур статистического наблюдения в рассматриваемой сфере, что позволит предпринимать более обоснованные и эффективные действия, связанные с регулированием банкротства и повышением уровня экономической безопасности в целом, например подобно тому, как это делается Росстатом в отношении показателей, характеризующих уровень импортозамещения в стране (см.: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/importexchange/#).

Представляется необходимым отметить существенную зависимость исхода процедур банкротства для предприятия-должника от масштабов его бизнеса, его социальной и стратегической значимости для страны (региона) в целом. Наблюдается тенденция: чем крупнее и значимее бизнес, тем более «щадящий» характер носят применяемые к нему процедуры банкротства. Так, по оценкам Журавской Е. В. и Сониной К. И. [9], в 2002 г. процедуры банкротства в отношении крупных, экономически или социально значимых предприятий завершились конкурсным производством примерно в каждом четвертом случае, тогда как применительно ко всему кругу должников – в двух случаях из трех³⁰¹.

Таблица 4.3.4 – Сообщения, публикуемые в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (фрагмент)

Тип сообщения	Должник	Адрес
Сообщение о праве кредитора выбрать способ распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности	ООО "Кутекром"	Псков, Николая Васильева, 87А
Сообщение о собрании кредиторов	ООО "Октябрьский завод металлоконструкций"	Октябрьский, Трудовая, 1

³⁰¹ Журавская Е. В., Сонин К. И. Экономика и политика российских банкротств // Вопросы экономики. – 2004. – № 4.

Объявление о проведении торгов	ООО "Стройпрофиль"	Самара, За-водское, 14
Судебный акт по результатам рассмотрения заявления об оспаривании сделки должника	ООО "Комфорт"	Обнинск, Ле-нина, 188
Заявление о признании сделки должника недействительной	Богуславский В.А.	Сочи, Виноградная, –
Сообщение о праве кредитора выбрать способ распоряжения правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности	ООО "Независимая логистическая компания"	Екатеринбург, Досто-евского, 132

Составлено автором по материалам Интернет-ресурса bankrot.fedresurs.ru/Messages.aspx.

С позиций экономической справедливости, трактуемой с позиций «фундаментально-рыночного» подхода, такая ситуация вызывает непонимание и желание упрекнуть власти в неэффективности деятельности или же – что весьма модно у представителей некоторых социальных слоев – в склонности к коррупции. Но наша точка зрения на указанную тенденцию отлична от приведенной. Мы убеждены, что в реальной практике хозяйствования и государственного управления следует воздерживаться от применения абстрактных теоретических конструкций, а использовать более комплексный подход к оценке, который присущ, в частности, теории экономической безопасности.

С позиций необходимости ее обеспечения, банкротство значимых крупных предприятий может нанести серьезный ущерб социально-экономической системе в целом, поэтому от него следует (при наличии возможности) воздерживаться. Т. е. событие микроуровня (банкротство предприятия) способно нанести существенный ущерб НЭБ, т. е. оказать негативное влияние на макроуровень. Естественно, этого следует избегать.

Отметим, что такая же практика имеется и тех странах мира, где процедуры банкротства используются широко и повсеместно. Так, власти США в разгар финансового кризиса 2008 года вместо того, чтобы обанкротить его виновников – неплатежеспособные ипотечные компании «Фэнни Мэй» и

«Фредди Мак», национализировали их, вложили в них значительные бюджетные средства и предприняли комплекс мер по восстановлению их нормальной хозяйственной деятельности. Очевидно, что в основе логики действий американских властей лежало стремление сохранить устойчивость экономической и финансовой систем за счет активных действий, связанных с прямым вмешательством в экономические процессы.

Таким образом, банкротство является сложным феноменом, для анализа которого недостаточно применения стандартного инструментария экономической науки, но его изучение с использованием приемов и методов, принятых в теории экономической безопасности, дает более адекватные результаты. Это свидетельствует в пользу необходимости расширения и развития данного направления междисциплинарного знания. Это особенно важно с учетом происходящих технологических изменений в экономике, которые способны вызвать массовые банкротства не модернизовавшихся в должной степени предприятий.

О масштабах модернизационных изменений свидетельствуют предпринимаемые государством шаги по развитию цифрового сектора экономики РФ. В целях развития цифровой экономики в России 9 мая 2017 года был издан Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», который определил программу мероприятий по развитию экономики в России на среднесрочную перспективу с учетом возможностей ее информатизации и цифровизации. В развитие этого документа 28 июля 2017 года было выпущено распоряжение Правительства России, утвердившее программу «Цифровая экономика Российской Федерации», на базе которой в дальнейшем был инициирован национальный проект «Цифровая экономика».

Анализ этих документов позволяет выделить ряд интересных показателей. Так, в 2024 году должны выйти на рынок не меньше 10 национальных компаний-лидеров (среди операторов экосистем), которые смогли бы конку-

рировать на мировых рынках. К этому же году в стране должны функционировать 10 цифровых платформ для базовых областей экономики: в цифровом образовании, цифровом здравоохранении, для создания «умного города». Кроме того, в сфере цифровых услуг успешное функционирование должны осуществлять не меньше 500 малых и средних бизнесов в сфере создания цифровых технологий и оказания цифровых услуг. Акцент в программе ставится на построении инфраструктуры, которая необходима при создании и функционировании цифровой экономики. Прежде всего, это центры обработки данных, сети связи и доступ к интернету.

Безусловно, все эти меры следует признать актуальными и востребованными. В то же время, очевидно, что их реализация потребует значительных ресурсов, причем не только финансовых, но и физических. Но их предложение в РФ ограничено, в связи с чем, развитие цифровой экономики будет происходить не только «параллельно» традиционным отраслям, но и частично за счет предприятий традиционных отраслей. В этой связи, можно ожидать увеличения уровня рисков на микроуровне хозяйственной системы, которое может трансформироваться в увеличение числа банкротств предприятий, не справившихся с вызовами цифровизации. Поэтому далее мы рассмотрим риски и угрозы цифровой экономики, направления их преодоления³⁰².

Итак, развитие цифровой экономики сопряжено не только с положительными последствиями, но и с различного рода рисками и угрозами. Их источниками являются два основных эффекта. Во-первых, это появление новых видов рисков и угроз, присущих именно цифровой экономике и базирующихся на ее технологических особенностях. Во-вторых, при переходе к цифровой экономике происходит институциональная трансформация, которая сама по себе, независимо от ее причин и природы, является мощным дестабилизирую-

³⁰² Приводимый далее материал опубликован в составе совместной статьи автора с Волковой А. А. и Плотниковым В. А. (Волкова А.А., Плотников В.А., Рукинов М.В. Цифровая экономика: сущность явления, проблемы и риски формирования и развития // Управленческое консультирование. 2019. № 4 (124). С. 38-49), при этом, приводимые положения разработаны лично автором диссертации.

щим фактором для устойчивого и успешного социально-экономического развития. Рассмотрим некоторые негативные последствия развития цифровой экономики (детальный и полный анализ фактических и перспективных рисков и угроз представляет собой самостоятельную исследовательскую проблему и может стать предметом отдельного научного исследования):

– рост киберпреступности. Например, по данным Microsoft, в первом квартале 2017 года 14,8% компьютеров в России подверглись воздействию вредоносного программного обеспечения (в целом в мире данный показатель составил 9%);

– технологическая уязвимость созданной цифровой инфраструктуры. В качестве примера можно указать на возникающие периодически в разных странах мира, в том числе развитых, блэкауты (лавинοобразное прекращение электроснабжения обширных территорий);

– быстрое устаревание техники и, как следствие, наличие проблемы её утилизации. Если проблема утилизации ядерных отходов находится в центре общественного внимания и довольно серьезного законодательного регулирования, то проблема обращения с «электронными отходами» редко поднимается. Между тем, по данным ООН, каждый год в мире производится до 100 млн тонн «электронных отходов», не более 20% этого объема перерабатывается в соответствии с экологическими требованиями. С развитием цифровой экономики ее экологические опасные эффекты будут нарастать;

– рост технологической зависимости России от зарубежных поставщиков и, как следствие, ослабление технологической и экономической безопасности как на уровне страны в целом, так и отдельных отраслей и предприятий.

Серьезным сдерживающим фактором для развития цифровой экономики являются имеющиеся в РФ кадровые ограничения. Так, согласно данным Фонда развития интернет-инициатив, к 2027 году российская экономика испытает нехватку около 2 млн ИТ-специалистов. При этом, по итогам 2016 года в России насчитывалось около 1,9 млн ИТ-специалистов (2,4% процента тру-

доспособного населения; аналогичный показатель по США, Германии и Великобритании – 4,3%). Сейчас в нашей стране ежегодно выпускается порядка 60 тыс. ИТ-специалистов, а для устранения нехватки кадров необходимо осуществлять добор на обучение примерно 40 тыс. человек ежегодно.

Но это нельзя сделать «механически», необходимо развитие инфраструктуры образования, подготовка новых преподавателей и т.д. Данный вывод подтверждается опытом перевода профессионального образования в РФ в дистанционный формат весной 2020 г. из-за пандемии Covid-19. Как выяснилось, для эффективного проведения соответствующих мероприятий попросту нет необходимых (прежде всего – технических) ресурсов.

Указанные выше и многие другие риски, угрозы и проблемы развития цифровой экономики требуют принятия мер по их нейтрализации. К сожалению, сделать это быстро и исключительно за счет ресурсов государства (коль задача развития цифровой экономики позиционируется как национально значимая) нельзя. Требуются комплексные усилия с использованием как публичных, так и частных ресурсов. Среди первоочередных задач, определяющих направления деятельности, по нашему мнению, можно указать:

1. Стимулирование создания и развития бизнеса, ориентированного на цифровую экономику. Уже сегодня в России работают ряд компаний, которые могут быть признаны мировыми лидерами в своих сегментах цифровой экономики (Лаборатория Касперского, АБВУУ, Parallels, Luxoft, Яндекс и др.). Государство может оказывать им целевую поддержку: предоставлять гарантии по банковским кредитам, в том числе – экспортным, компенсировать часть затрат на патентование, формировать целевые инвестиционные фонды, оказывать поддержку через механизм госзакупок и т. д.;

2. Дополнительная поддержка малого и среднего бизнеса в сфере создания цифровых технологий, платформ, оказания цифровых услуг. Этого можно добиться, например, предоставлением определённых льгот соответствующим компаниям (например, в отношении страховых выплат или налоговых взно-

сов), разрабатывающим цифровые технологии, созданием здоровой конкуренции между такими компаниями, обеспечивая их заказами и стандартами, которым должен соответствовать конечный продукт;

3. Формирование и масштабирование цифровых платформ для основных сфер экономики. Сейчас в России и многих других странах существуют порталы предоставления государственных и муниципальных услуг, платформы для проведения платежей, происходит переход налоговых органов на приём электронной отчетности, идёт внедрение применения пластиковых карт для социальных выплат и т.д. Следует отметить, что в России имеются существенные проблемы, связанные с внедрением ИТ в органах местного самоуправления. Решить эти проблемы сами муниципалитеты, с учетом дотационности их большинства, не в состоянии, требуется специальная поддержка их цифровизации со стороны региональных и федеральных властей;

4. Увеличение объемов подготовки ИТ-специалистов (на приоритетность этого направления деятельности мы уже указывали ранее);

5. Формирование отраслевых, региональных и общестрановом систем обеспечения кибербезопасности. В частности, необходимо доработать законодательство в отношении борьбы с киберпреступностью, создать подразделения защиты в правоохранительных органах, разработать защищённые технологические решения, обеспечить взаимодействие между всеми участниками глобальной цифровой экономики. При этом необходимо помнить, что обеспечение безопасности не должно тормозить рост и развитие технологий. Следует усилить межстрановой информационный обмен в области обеспечения кибербезопасности.

Глава 5. Научно-практические рекомендации и прикладные аспекты обеспечения национальной экономической безопасности Российской Федерации в современных условиях с учетом социальных факторов

5.1 Социальные аспекты обеспечения национальной экономической безопасности РФ

Существенное внимание (как теоретическое, так и практическое) к проблематике экономической безопасности в нашей стране, на что мы указывали выше, вызвано, на наш взгляд, в том числе и произошедшими на периоде жизни одного поколения россиян изменениями в реальном статусе РФ (СССР) и его восприятию в массовом сознании³⁰³. Из ведущей страны мира, политического и экономического лидера, вследствие проведенных на рубеже тысячелетий институциональных реформ, в основе которых были принципы «рыночного фундаментализма», наша страна стала одной из – пусть крупных и значимых – но развивающихся стран, по своему экономическому потенциалу балансирующей на грани вхождения-невхождения в топ-10 крупнейших экономик мира (если рассматривать рейтинг стран мира по ВВП в номинальном исчислении).

Адекватно этому снизились и многие показатели уровня и качества жизни россиян. То есть, проблемы в обеспечении НЭБ приобрели значимое социальное измерение. Рассмотренные процессы естественным образом привели к критичному отношению к реформам со стороны населения³⁰⁴. Представители власти также проявляли озабоченность сложившимся положением. Это привело к принятию на государственном уровне стратегических документов, ориентированных на обеспечение НЭБ.

Ныне действующая, актуальная версия соответствующей стратегии объявлена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О

³⁰³ Рукинов М. В. Социальные аспекты экономической безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 3. – С. 21-24.

³⁰⁴ Быстрянец П. С. Социологический взгляд на феномен доверия // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2017. – № 4 (106). – С. 119-125.

Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Это – документ стратегического планирования, разработанным в целях реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, определенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

В Стратегии указано (п. 14), что одной из целей государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности является «повышение уровня и улучшение качества жизни населения». В то же время, анализ основных направлений государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности, перечисленных в п. 15 Стратегии, показывает, что эта цель является во многом декларативной. Среди этих направлений перечисляются «развитие системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики», «обеспечение устойчивого роста реального сектора экономики», «создание экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, стимулирования инновационного развития» и т.д. Всё это, по мнению автора, задает рамки для обеспечения экономического развития, достижения экономической безопасности, но не оказывает прямого влияния на уровень и качество жизни россиян.

В п. 27 Стратегии перечислены используемые для оценки состояния экономической безопасности в Российской Федерации показатели. При этом, значимая их часть напрямую связана с анализируемой нами сферой обеспечения высоких уровня и качества жизни населения. Это «валовой внутренний продукт на душу населения (по паритету покупательной способности)», «уровень инфляции», «коэффициент напряженности на рынке труда», «доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума» и др. Что нас тревожит в этой ситуации? Есть социальные показатели обеспечения экономической безопасности. Их важность и значимость не вызывает сомнения. В то же время, в Стратегии нет целей по достижению конкретных значений этих показателей. Нет инструментов движения в этом направлении.

К чему это может привести (и приводит), по нашему мнению? Наличие оценочного показателя, не подкрепленного целеполаганием и организационно-управленческими механизмами, размывает ответственность органов власти и конкретных должностных лиц за достижение его того или иного численного значения. Следовательно, управление становится неэффективным. Для него не заданы ориентиры. Оценка эффективности всегда предполагает сопоставление идеальных (заданных в системе целеполагания) и фактически полученных результатов. Если цели четко не сформулированы и не определены их количественные индикаторы, то, естественно, не может идти речи и о строгой оценке эффективности.

Рассмотрим в качестве примера такой показатель, как численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (в процентах от общей численности населения). Его динамика за 1992-2017 гг. (источник данных – Интернет-сервер Росстата, см.: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#) приведена на рисунке 5.1.1.

Нельзя отрицать, что за период времени, прошедший после старта в стране радикальных рыночных реформ, ситуация с бедностью россиян улучшилась. Но, тем не менее, начиная с 2007 года, существенного прогресса в этом вопросе не произошло. Если в 2007 г. денежные доходы ниже величины прожиточного минимума имели 13,3% от общей численности населения, то в 2017 году эта величина составила 13,2%, практически не изменившись. В абсолютных показателях это 19,3 млн чел., что сопоставимо с численностью населения, например, Румынии или Чили.

В последующие годы ситуация «заморозилась». Например: «Во втором квартале 2019 года доходами ниже прожиточного минимума располагало 18,6 млн человек, или 12,7% населения страны... Доля малоимущего населения во втором квартале 2019 года снизилась по сравнению с первым кварталом 2019 годом на 1,6%. Тем не менее, Росстат зафиксировал увеличение доли населе-

ния с доходами ниже прожиточного минимума по сравнению со вторым кварталом 2018 года (тогда он составлял 12,5%)» (цит. по: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/60982>). Или: «В I квартале 2020 года доходами ниже прожиточного минимума располагали 18,6 млн человек или 12,6% населения страны» (цит. по: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/92799>). Сводная современная картина по рассматриваемым показателям приведена в таблице 5.1.1.

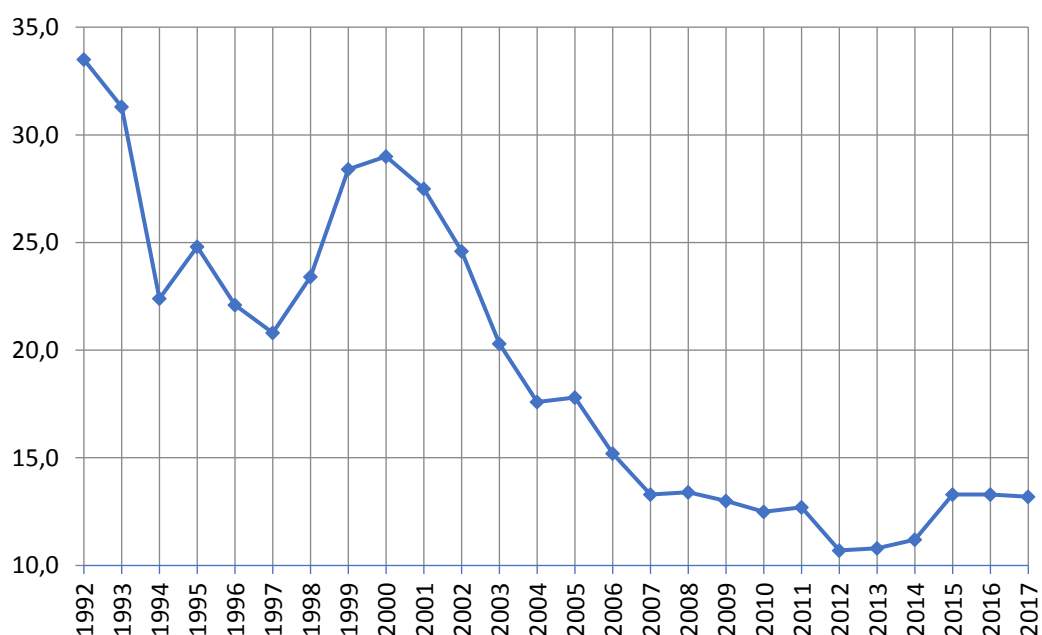

Рисунок 5.1.1 – Численность населения РФ с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения (составлено автором по данным Росстата)

При этом, сама величина прожиточного минимума не позволяет рассчитывать на какое-либо развитие человеческого потенциала, а лишь позволяет обеспечить физическое выживание людей. Приведем в качестве примера показатели за 1 квартал 2018 года. Прожиточный минимум в России составлял 10,038 тыс. руб., в том числе для трудоспособного населения – 10,842, пенсионеров – 8,269, а детей – 9,959 тыс. руб. Более актуальные данные приведены

в таблице 5.1.2, а в таблице 5.1.3 представлены данные о соотношении прожиточного минимума и гарантированных социальных выплат в РФ.

Таблица 5.1.1 – Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации

Период	Млн человек	В % от общей численности населения
2019 г.		
I квартал	20,9	14,3
II квартал	18,6	12,7
I полугодие	19,8	13,5
III квартал	17,6	12,0
Январь-сентябрь	19,2	13,1
IV квартал	13,5	9,2
Год	18,1	12,3
2020 г.		
I квартал	18,6	12,6

Источник: Росстат, https://rosstat.gov.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/132.htm.

Таблица 5.1.2 – Величина прожиточного минимума за I квартал 2020 г. в целом по Российской Федерации, в расчете на душу населения, руб. в месяц

Показатель	Все население	В том числе:		
		трудоспособное население	пенсионеры	дети
Величина прожиточного минимума, в т.ч.:	10843	11731	8944	10721
стоимость потребительской корзины, в т.ч. минимальный набор:	10114	10435	8944	10721
продуктов питания	5078	5237	4486	5393
непродовольственных товаров	2518	2599	2229	2664
услуг	2518	2599	2229	2664

расходы по обязательным платежам и сборам	729	1296		
---	-----	------	--	--

Источник: Росстат, https://rosstat.gov.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/132.htm.

Таблица 5.1.3 – Размеры основных социальных гарантий, установленных законодательством РФ, в соотношении с величиной прожиточного минимума

Показатель	I квартал 2020 г.		Справочно:	
			I квартал 2019 г.	IV квартал 2019 г.
Минимальный размер оплаты труда				
рублей в месяц	12130	11280	11280	
в % к величине прожиточного минимума для трудоспособного населения	103,4	96,8	98,0	
Минимальная величина пособия по безработице				
рублей в месяц	1500	1500	1500	
в % к величине прожиточного минимума для трудоспособного населения	12,8	12,9	13,0	
Максимальная величина пособия по безработице				
рублей в месяц	12130	8000	8000	
в % к величине прожиточного минимума для трудоспособного населения	103,4	68,7	69,5	
Размер государственных академических стипендий студентов, обучающихся по образовательным программам <u>высшего образования</u>				
рублей в месяц	1484	1484	1484	
в % к величине прожиточного минимума для трудоспособного населения	12,7	12,7	12,9	
<u>среднего профессионального образования</u>				
рублей в месяц	539	539	539	
в % к величине прожиточного минимума для трудоспособного населения	4,6	4,6	4,7	
Ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет <u>по уходу за первым ребенком</u>				
рублей в месяц	3376	3277	3277	
в % к величине прожиточного минимума для детей	31,5	31,0	31,6	
<u>по уходу за вторым и последующими детьми</u>				

рублей в месяц	6752	6555	6555
в % к величине прожиточного минимума для детей	63,0	61,9	63,1

Источник: Росстат, https://rosstat.gov.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/132.htm.

Итак, свыше 10 лет почти 20 млн россиян живут в откровенно нищенских условиях. Какой из органов государственного управления или какое должностное лицо понесло за это ответственность? Вопрос не в нравственности или безнравственности такого положения, хотя и он тоже возникает, вопрос в другом: почему система государственного управления «сконструирована» так, что не ориентирована на решение насущных социальных проблем в сфере обеспечения национальной экономической безопасности? Проблем, от успешного решения которых зависит сам факт существования государства. Очевидной нам видится необходимость изменений в организации процессов обеспечения экономической безопасности в РФ, связанных с социальными вопросами.

Необходимо, в связи с вышеизложенным, по нашему мнению, на программно-целевой основе перестроить систему критериев и показателей, заложенных не только в стратегические документы, которые носят во многом декларативный характер, на что мы указали выше, но подкрепить эти стратегические документы «слоем лежащих ниже» документов оперативного управления, регламентирующих формирование частных целей, выделение приоритетов, распределение ресурсов, контроль и отчетность и т.д.

Только в этом случае возникнет возможность не в режиме «ручного управления» спрашивать с неэффективно работающих должностных лиц различных государственных органов, а создать институциональные предпосылки для эффективного, целенаправленного и стратегически ориентированного решения задач обеспечения экономической безопасности в масштабе не только экономической подсистемы, но и социально-экономической системы страны

в целом, стимулирования экономического роста, поддержки социально-экономического развития с акцентом на социальные показатели.

Заметим, что оценка социального благополучия, как важнейшего критериального признака достижения НЭБ, не исчерпывается только лишь долей бедного населения. Для оценки социального благополучия россиян используются и многие другие показатели, одним из главнейших среди которых, на наш взгляд, являются условия проживания. Наиболее полным и многосторонним официальным источником информации по данному вопросу являются итоги Переписи населения 2010 года (более свежих данных на момент написания диссертации в открытом доступе не было).

Рассмотрим некоторые показатели, опубликованные в 9 томе статистического отчета о ее проведении, посвященном жилищным условиям населения. Согласно этим данным, 2,8 млн россиян проживают в коммунальных квартирах, 2,6 млн – в общежитиях, 18% населения живет в деревянных домах. При этом лишь 44% домов и квартир в стране оборудовано всеми базовыми видами благоустройства (имеются электричество, централизованное отопление, горячая вода, в жилых помещениях оборудованы туалет, ванная комната и кухня). В частности, 1,5 млн домохозяйств не имеют в занимаемых жилых помещениях электричества, 13 млн – горячей воды, 8,8 млн – туалета непосредственно в доме. Печи для обогрева помещений используют почти в 7,7 млн домов и квартир. Причем, это характерно не только для «медвежьих углов». Например, даже в столице страны – Москве электричеством не обеспечены около 58 тыс. домохозяйств.

В свете приведенных цифровых показателей актуализируется проблема приоритизации целей и направлений достижения НЭБ. Если выше мы говорили, например, о необходимости технологического прорыва, ускорения научно-технологического и инновационного развития, цифровизации всех сфер хозяйственной деятельности и т.д., то осмысление вышеприведенных данных заставляет по-иному оценить приоритеты политики в сфере обеспече-

ния НЭБ РФ. По нашему мнению, вышеперечисленные приоритеты, безусловно, сохраняют своё стратегическое значение. В то же время, их достижение невозможно с позиций обеспечения сбалансированного решения задач социально-экономического развития, при сохранении столь «спартанских» условий проживания десятков миллионов россиян.

В условиях смешанной экономики решение такого рода проблем можно осуществить централизованно – за счет государственных ресурсов, а также децентрализованно – за счет частной инициативы и собственных ресурсов субъектов социально-экономической системы (граждан страны). Количественные оценки показывают, что второй способ нереален в российских условиях, по крайней мере – современных. Самостоятельно, за счет собственных ресурсов, решить многочисленные социально-экономические проблемы, в частности – связанные с условиями проживания, никак не соответствующими представлениям о «постиндустриальном» обществе, «креативной» экономике и пр., у большинства населения не получается, да и вряд ли получится, с учетом наблюдаемой динамики реальных доходов населения (таблица 5.1.4), которые с 2012 года демонстрируют довольно устойчивое снижение.

Таблица 5.1.4 – Реальные доходы населения РФ, в % к предыдущему году (данные Росстата)

2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
105.4	101.2	105.8	104.8	99.5	95.9	94.4	99.5	100.1	101.0

С 2019 года был намечен тренд на улучшение ситуации, но пандемия Covid-19 и связанные с ней ограничительные меры, которые начали приниматься с марта 2020 года, вновь ухудшили динамику рассматриваемого показателя. Если в 1 квартале 2020 года рассматриваемый показатель по отношению к его значению в аналогичном периоде 2019 года составил 101,2%, то уже во 2-м квартале – уменьшился до 92,0%.

При этом, по нашему мнению, структура доходов населения не может быть признана благоприятной: при примерно постоянной доле в них доходов в форме оплаты труда, растет социальная составляющая – в ущерб доходам от самостоятельной инициативной хозяйственной деятельности, стабильно высокими остаются не вполне прозрачные «другие» доходы (включая «скрытые», от продажи валюты, денежные переводы и пр.). Эту негативную структурную динамику можно проследить по рис. 5.1.2 и 5.1.3.

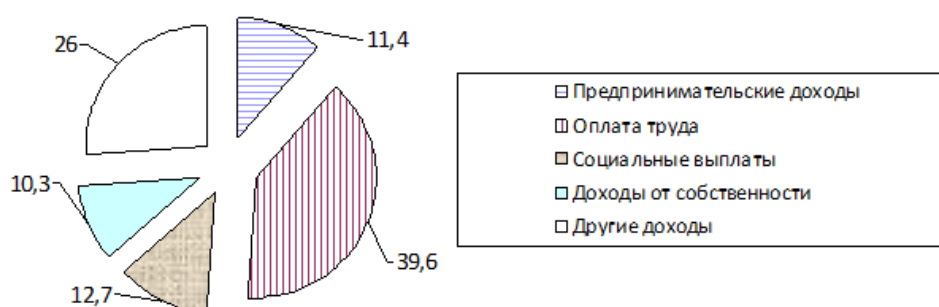

Рисунок 5.1.2 – Структура доходов населения в РФ (2005 г.), %³⁰⁵

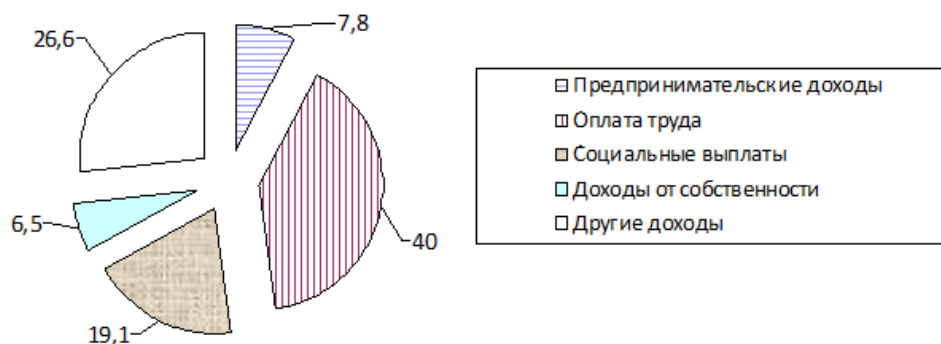

Рисунок 5.1.3 – Структура доходов населения в РФ (2016 г.), %³⁰⁶

Итак, к сожалению, своими силами большинство россиян решить имеющиеся у их домохозяйств социально-экономические проблемы не в состоянии.

³⁰⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. 1402 с.

³⁰⁶ Там же.

Это подрывает НЭБ страны в целом. Как отмечается в результатах социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН, «убеждение в необходимости государственной поддержки именно большинства населения, а не наиболее бедных его категорий, можно скорее рассматривать как экспертную оценку, чем как проявление иждивенческих настроений – даже среди тех, кто уверен, что смогут обеспечить себя и свою семью сами, и поэтому не нуждаются в помощи государства. Свыше 60% россиян выражали согласие с необходимостью заботы государства о большинстве населения»³⁰⁷.

Отсюда вытекает необходимость активизации социальной составляющей проводимой государственной политики. Согласно Конституции Российской Федерации, наша страна является социальным государством. Фактический отход от его принципов (на это указывают приведенные нами выше объективные статистические данные. Отметим, что отдельные альтернативные экспертные оценки дают еще более пессимистичную картину) приводит не только к росту напряженности социальной ситуации, что грозит «социальными взрывами» и, соответственно, ухудшением предпринимательского климата, но и ослаблению духовно-нравственной составляющей НЭБ.

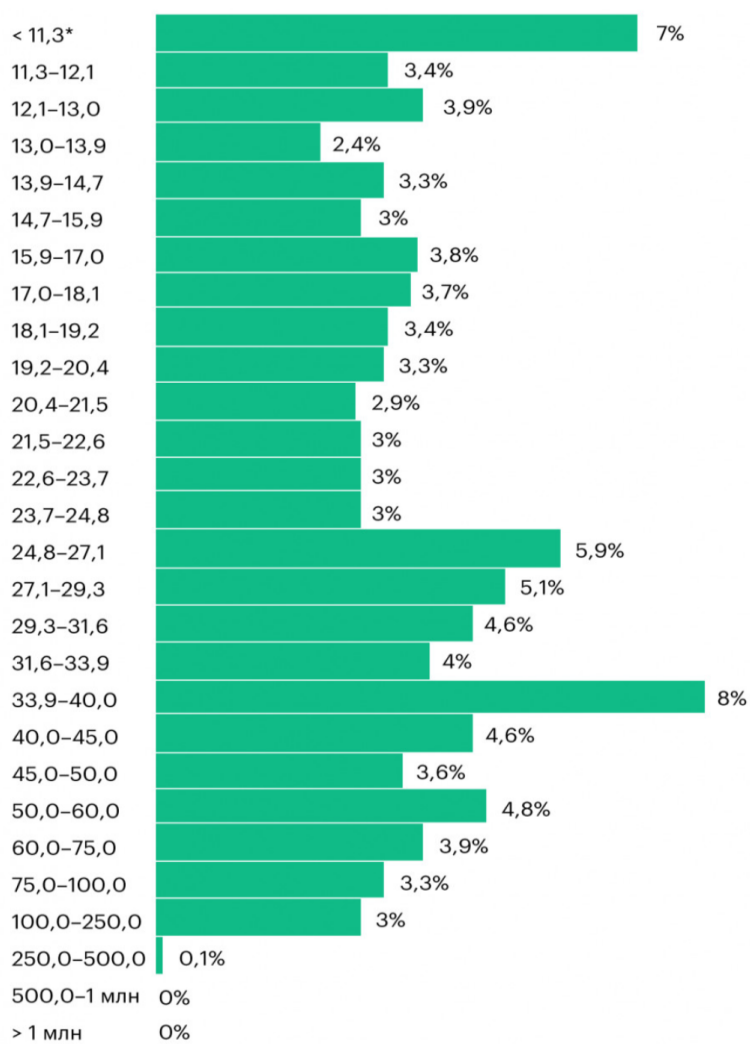
В этой связи, можно рекомендовать ряд мер, направленных на улучшение «социального самочувствия» россиян, которые тем более актуальны в условиях «постковидного» восстановления экономики и ожиданий «второй волны» новой коронавирусной инфекции. К числу основных из них, по нашему мнению, следует отнести:

- увеличение размеров социальных выплат. Ненормальной, к примеру, является ситуация, когда официально установленное государством ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за первым ребенком в возрасте до 1,5 лет составляет менее 1/3 прожиточного минимума (т.е. уровня доходов, соответствующего физическому выживанию человека), установленного самим же

³⁰⁷ Социальная политика и социальные реформы глазами россиян: Аналитический доклад / Институт социологии РАН. М., 2006. С. 15.

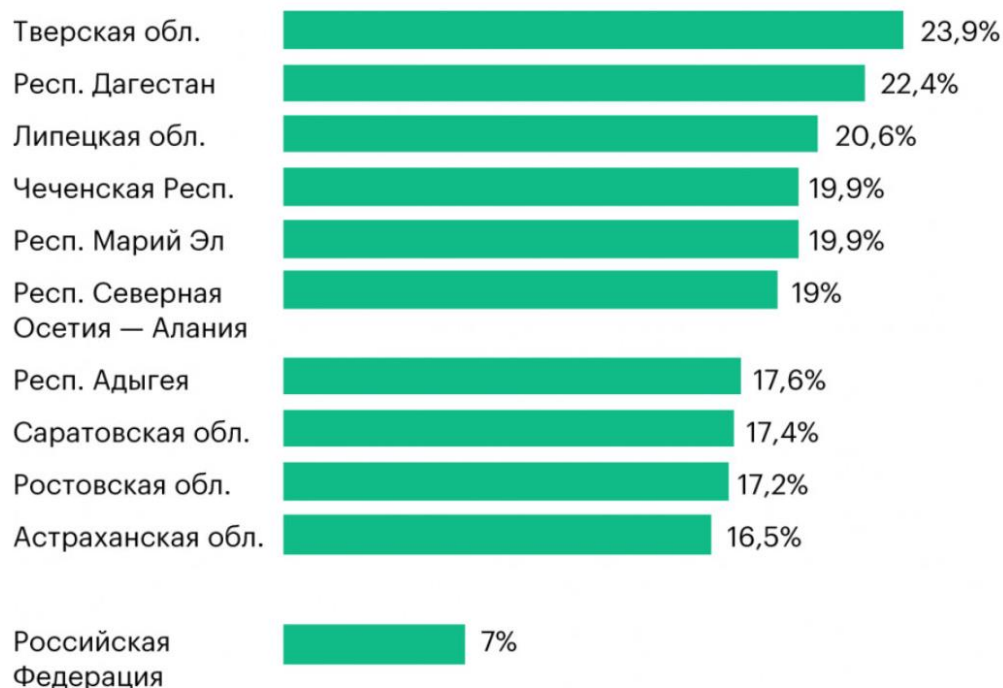
государством для детей. Если исходить из постулатов неоклассической экономической теории, то следует ожидать, что в таких институциональных условиях рационально экономически мыслящие индивиды ни при каких обстоятельствах не будут заводить детей, т. к. это приводит к существенному снижению их благосостояния в среднесрочной перспективе;

- пересмотр размеров оплаты труда в бюджетной сфере, формирование оплаты труда бюджетников по четкой и прозрачной схеме. К сожалению, в рамках исполнения поставленных президентом страны ориентиров по увеличению уровней оплаты труда учителей, врачей, профессорско-преподавательского состава вузов и т. д. в ряде случаев возникли диспропорции и несправедливости (см., например: <https://www.kommersant.ru/doc/3533766>), которые отрицательно сказываются на социальном самочувствии этих профессиональных групп населения. Подход, при котором рассчитываются средние зарплаты по отрасли, является некорректным. Его использование приводит к сокрытию реальной ситуации и ее искусственному «улучшению». Так, на рисунках 5.1.4 и 5.1.5 приведены результаты исследований уровней реальных заработных плат в образовании, выполненных Росстатом в 2019 году (источник данных – публикаций информационного агентства РБК со ссылкой на Росстат, см.: <https://www.rbc.ru/society/22/07/2019/5d31c49b9a7947fcdd9ae1ad>), которые существенно отличаются от официально декларируемых показателей;

* На уровне минимального размера оплаты труда (Р11 280) — 3,9%

Рисунок 5.1.4 – Распределение работников сферы образования по размерам ежемесячной оплаты труда, тыс. руб. (данные Росстата)

* Федеральный МРОТ — Р11 280

Рисунок 5.1.5 – 10 «лидирующих» регионов РФ по доле работников сферы образования, получающих зарплату меньшую, чем МРОТ, % (данные Росстата)

- по нашему мнению, помимо введения единых и прозрачных правил начислений для работников бюджетной сферы, следует перейти в официальной отчетности от среднеарифметических доходов (в частности – размеров заработных плат) к медианным показателям, которые более объективно описывают ситуацию. Так, в апреле 2019 года, по данным Росстата (см.: <https://www.rbc.ru/economics/19/07/2019/5d308b039a79478a848a385f>), медианная заработная плата в регионах страны варьировалась от 68.8% (Москва) до 85.5% (Пензенская область) от средней. Кроме того, требуется нормирование оплаты труда руководителей – особенно в бюджетной сфере – с тем, чтобы сократить их ничем не обоснованные сверхдоходы;

- назрели реформы в налогообложении личных доходов и имущества. По мнению автора, требуется введение прогрессивной шкалы налогообложения и полное освобождение от налогов лиц, получающих доходы ниже определенной минимальной планки (например, МРОТ). Такая практика имеется во многих странах мира, и она подтвердила свою успешность;

- рекомендуется вернуться к постепенно вытесняемой из современной российской жизни советской практике адресного предоставления отдельным категориям населения натуральных льгот и поддержки (например, речь идет о предоставлении твердого топлива – дров и угля – учителям сельских школ; правильным, по нашему мнению, шагом в этом направлении является введенное с 2020 года обязательное предоставление школьникам бесплатного горячего питания), в том числе в части предоставления жилых помещений.

5.2 Развитие и распространение новых технологий как источник рисков и угроз социально-экономической безопасности

В данном параграфе мы рассмотрим влияние новых технологий, в частности – роста цифровизации социально-экономических процессов на обеспечение НЭБ с позиций ее социально-экономической компоненты³⁰⁸. Как мы указывали выше, цифровизация экономики влечет за собой изменение модели организации хозяйственной деятельности и изменение всей системы отношений между экономическими агентами. Элементами этой трансформации являются замещение работников средствами автоматизации и изменение модели занятости (переход к неустойчивым трудовым отношениям). Из-за этих факторов положение работников ухудшается:

- внедрение современных средств автоматизации, основанных на использовании искусственного интеллекта, требует минимального участия человека в производственном процессе, и, как следствие, провоцирует падение спроса на рабочую силу³⁰⁹. Это ведет к сокращению занятости и к снижению гарантий постоянного дохода у населения;

- устранение потребности в квалифицированных сотрудниках, занятых по модели постоянного найма (из-за замещения их средствами автоматизации), ведет к тому, что все более широкое распространение приобретают неустойчивые формы занятости (не предполагающие постоянного трудового контракта, гарантированного размера заработной платы, наличия социальной защиты и т. д.)³¹⁰. Работник привлекается по мере необходимости, и оплачива-

³⁰⁸ Рукинов М. В. Риски цифровизации экономики для социально-трудовых отношений в России // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей межрегиональной научно-практической конференции, в 2-х томах, Том 1. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2019. – С. 434-439.

³⁰⁹ Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 44-52; Бобков В. Н., Новикова Н. В., Шичкин И. А. Цифровая революция и ее воздействие на устойчивость рынков труда и занятости // Уровень жизни населения регионов России. – 2016. – № 3. – С. 12-17; Одегов Ю. Г., Павлова В. В. Новые технологии и их влияние на рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 2. – С. 60-70.

³¹⁰ Азьмук Н. А. Трансформация занятости в странах с развитой информационной экономикой // Проблемы экономики. – 2014. – № 3. – С. 7-12; Федченко А. А., Дорохова Н. В., Дашкова Е. С. Гибкая занятость: глобальный, российский и региональный аспекты // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 1. – С. 16-24.

ется только фактически выполненная им работа. При этом непрерывное внедрение автоматизации может привести к тому, что даже за такие низкокачественные рабочие места конкуренция обостряется, что обуславливает дальнейшее ухудшение условий труда работников.

Это может стать причиной ухудшения положения населения, которое будет лишено как устойчивого источника дохода в течение трудоспособного периода своей жизни, так и источника финансирования пенсии на время старости. Обсуждаемые в настоящее время модели парирования этой угрозы экономической безопасности (хотя в данном случае, при узком рассмотрении, речь идет о безопасности личности, с позиций широкого подхода, за счет массовости описываемых явлений, можно говорить о возникновении новой угрозы НЭБ), например, переход к четырехдневной рабочей неделе или выплата всеобщего гарантированного дохода, не имеют под собой серьезного экономического обоснования.

Ожидания ухудшения материального положения, вызванного технологическими сдвигами в экономике, могут стать причиной снижения рождаемости и оттока населения за рубеж, т. е. сокращения демографической базы национальной экономики. Следует отметить, что пандемия Covid-19 ускорила реализацию этих угроз. В частности, вследствие мер по социальному дистанцированию с марта-апреля 2020 года практически все образовательные организации РФ перешли на дистанционный режим работы, когда взаимодействие между преподавателями и обучаемыми стало осуществляться через сеть Интернет. С нового учебного года многие университеты (например, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого и др.) сохранили частично обучение в онлайн-формате, при этом существенно ограничив, в соответствии с рекомендациями Роспотребнадзора, привлечение к работе сотрудников возраста 65+. Не обладая достаточными цифровыми навыками, в результате эти сотрудники, практически, «выдавливаются» из своего вида профессиональной деятельности.

Подчеркнем (ранее мы останавливались на этом моменте), что перспективы цифровизации в нашей стране мы оцениваем в целом как неблагоприятные (цифровизация будет носить точечный характер). Это связано с нехваткой ресурсов для построения полноценной цифровой экономики (как финансовых, так и технологических), а также со спецификой национального хозяйства России (доминирование сырьевых и сервисных отраслей промышленности с высокой долей рутинного труда, при слабом уровне развития высокотехнологичной перерабатывающей промышленности). Теоретически это могло бы позволить избежать тех негативных социальных последствий, которые мы описали выше. Эти последствия в большей степени свойственны для стран с развитым высокотехнологичным сектором в экономике, например для Германии.

Иными словами, по нашему мнению, в России цифровизация не будет настолько глубокой, чтобы создать значимые риски для социальной стабильности. Цифровизация охватит только отдельные отрасли и компании, т. е. будет точечной. Однако, на самом деле, ситуация является намного более сложной. Точечная цифровизация будет направлена на увеличение доходов ведущих российских компаний, а не на повышение эффективности национальной экономики в целом. Этот рост доходов будет достигаться в т. ч. и за счет распространения роботизации и неустойчивой занятости, т. е. снижения спроса на рабочую силу, при этом с высокой вероятностью достигнутый рост производительности труда не будет трансформирован в рост заработной платы. Это и позволяет говорить о том, что вероятность реализации социальных рисков, угрожающих НЭБ, очень высока.

Напротив, в том случае, если бы цифровизации российской экономики была «сплошной», а не «выборочной», если бы она была поддержана полноценной программой реиндустриализации, на необходимость которой указывает Президент ВЭО России профессор С.Д. Бодрунов и другие специалисты, то это привело бы к созданию качественных и высокопроизводительных рабочих мест, которые создали бы спрос на квалифицированную рабочую силу с высокой оплатой труда, и позволили бы распределить выгоды от внедрения

цифровых технологий среди всего населения России. В этой ситуации исчезающие в традиционных секторах экономики рабочие места замещались бы новыми, цифровыми (как это происходило, например, при деиндустриализации ведущих стран мира, когда исчезавшие рабочие места в промышленности замещались рабочими местами в сфере услуг)³¹¹.

При таком сценарии развития событий удалось бы избежать негативных эффектов цифровизации. Мерами государственной политики следует создавать ситуацию, когда новый технологический уклад создает спрос на рабочую силу, высвобождаемую в ходе ликвидации предыдущего технологического уклада. В частности, автоматизация создает спрос на обслуживание современного оборудования и на его разработку, а также позволяет высвободить человека для продуктивной, квалифицированной и творческой работы. Что же касается неустойчивых форм занятости, то не все они содержат в себе негативный потенциал (в частности, некоторые из них позволяют обеспечить доступ к рынку труда тех социальных, возрастных, географических и иных групп населения, которые отрезаны от рынка труда в рамках традиционной модели занятости).

К сожалению, в рамках тех шагов по цифровизации, которые наблюдаются в нашей стране, вероятность такого исхода очень мала. Таким образом, эти социальные риски порождаются не цифровизацией как таковой, а тем, как она может быть реализована в России, т. е. они во многом обусловлены спецификой российской институциональной среды. В этой связи, институциональная среда остро нуждается в трансформации не только для ускорения социально-экономического развития и стимулирования технологической модернизации экономики, но и для нейтрализации рисков и угроз НЭБ, обусловленных совместным влиянием социальных и технологических факторов.

³¹¹ Зоргнер А. Автоматизация рабочих мест: угроза для занятости или источник предпринимательских возможностей? // Форсайт. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 37-48; Капелюшников Р. И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. – 2017. – № 11. – С. 111-140.

Отметим еще один момент. Российская экономика, в отличие от экономик ведущих стран мира, является трудоинтенсивной, а не капиталоемкой. Отчасти это связано с особенностями советской социально-экономической модели, в рамках которой населению гарантировалась занятость (зачастую – искусственно). Эта модель в целом сохранилась и в настоящее время, из-за чего в России существует, по мнению автора, заметная искусственная занятость (или, иначе, скрытая безработица). Из-за этого, в частности, производительность и оплата труда у нас заметно отстают от ведущих стран мира. В условиях цифровизации существует вероятность того, что государство, чтобы избежать социальных рисков, продолжит реализовывать политику искусственной занятости.

Прежде всего, этого можно добиться путем введения новых регулятивных требований (как сейчас, например, создается искусственный спрос на труд охранников, не говоря уже об избыточной занятости в государственном секторе). Кроме того, могут быть приняты законодательные ограничения на использование определенных разновидностей неустойчивой занятости для защиты интересов работников. Следствием станет дальнейшее падение производительности труда, средней оплаты труда и эффективности национальной экономики в целом из-за искусственного ограничения технического прогресса и невозможности реализации потенциала позитивных форм неустойчивой занятости.

Таким образом, хотя цифровизация создает условия для ликвидации традиционных рабочих мест и распространения неустойчивых форм занятости, при ее правильном проведении она становится источником новых качественных рабочих мест. В этой связи, задача государства – создать условия для минимизации негативных последствий смены технологического уклада (в том числе и в сфере социально-трудовых отношений) и для того, чтобы цифровизация служила источником повышения качества занятости, роста производительности труда и большей эффективности национальной экономики. При

этом, текущие тенденции реализации цифровизации в нашей стране заставляют предположить, что внедрение цифровых технологий будет носить точечный характер, и, как следствие, ликвидация традиционных рабочих мест не будет компенсироваться созданием новых, следствием чего может стать ухудшение социальной обстановки в России из-за распространения моделей организации хозяйственной деятельности, характерных для цифровой экономики.

Реализация указанного сценария может стать причиной снижения рождаемости и оттока наиболее квалифицированных кадров за рубеж, что лишит Россию демографического потенциала и приведет к катастрофическому снижению человеческого капитала. В этой связи, меры государственного регулирования, в рамках реализации положения Стратегии экономической безопасности страны, должны быть направлены на парирование указанных угроз. При этом, следует учесть, что ситуация в социально-трудовой сфере существенно различается в разных российских регионах. В этой связи, при реализации мер по укреплению НЭБ, они должны быть комплексированы с мерами государственной региональной политики³¹².

Перед современной Россией остро стоит проблема низких доходов населения и тесно связанная с ней проблема неравенства доходов³¹³. Как показывает официальная статистика и дополнительно проведенные аналитические исследования³¹⁴, только в 15 субъектах федерации (т. е. менее чем в ¼ их общего количества, точнее – в 23%) модальный доход превышает 1,5 региональных прожиточных минимума, а доля бедного населения (с доходом ниже одного регионального прожиточного минимума) – не более 10%. К ним относятся нефтегазовые регионы и крупнейшие мегаполисы России с прилегающими областями. В 39 регионах модальный доход находится в интервале от

³¹² Коростышевская Е. М., Плотников В. А., Пролубников А. В., Рукинов М. В. Социальная компонента государственной региональной политики и ее роль в обеспечении устойчивого развития и экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 6 (114). – С. 120-126.

³¹³ Рукинов М. В. Низкие доходы населения и экономическая безопасность государства // Приоритетные направления инновационной деятельности в промышленности: сборник научных статей международной научной конференции. 31 января 2020 г. – Часть 2. – Казань: ООО «Конверт», 2020. – С. 220-224.

³¹⁴ Обухова Е., Маврина Л. Выживание, но не жизнь // Эксперт. – 2019. – № 29. – С. 13-19.

1,25 до 1,5 регионального прожиточного минимума, а доля бедных составляет 10,5-17,5%. Эти регионы расположены преимущественно в Центральной России, Сибири и на Дальнем Востоке.

Неблагополучными с позиций уровня и доходов можно признать 31 субъект федерации, где модальный доход не превышает 1,25 регионального прожиточного минимума (а в двух регионах – Тыва и Ингушетия – даже опускается ниже прожиточного минимума). Они расположены на Кавказе (фактически все кавказские регионы попали в эту группу), в Сибири и Поволжье. К ним также относятся республики Карелия и Крым³¹⁵.

Низкий уровень доходов населения и его существенное имущественное расслоение создает угрозы как для национальной экономической безопасности (НЭБ) страны, так и для экономической безопасности на уровне личности. На национальном уровне низкие доходы тормозят экономический рост (выступая в качестве естественного ограничителя эффективного спроса) и препятствуют инвестиционной активности, что замедляет развитие экономического потенциала нашей страны и консервирует ее отставание по ключевым экономическим показателям от геополитических соперников, что, в конечном итоге, приводит к ограничению экономического суверенитета.

Кроме того, действует своеобразный эффект ожиданий. Он возникает из-за застойно низких доходов: ожидание низких доходов в будущем стимулирует миграцию.

1. Внутренняя миграция в России происходит по трем основным направлениям: из сельской местности в города; внутри регионов; между регионами. При этом, она отличается существенной неравномерностью. Так, «в результате межокружных миграций в 2008–2016 годах три федеральных округа (Центральный, Северо-Западный и Южный) приобрели, а остальные лишились сотен тысяч жителей. Прибывающие в три федеральных округа мигранты кон-

³¹⁵ Там же.

центрировались в значительной мере в отдельных субъектах Российской Федерации. Так, в 2016 году 49,0% внутренних мигрантов, переселившихся в Центральный федеральный округ, прибыли в г. Москву и Московскую область. В Санкт-Петербург прибыло 39,5% внутренних мигрантов, прибывших в Северо-Западный федеральный округ, в Краснодарский край – 43,3% прибывших в Южный федеральный округ»³¹⁶.

На рисунке 5.2.1 отражена интенсивность миграции между федеральными округами.

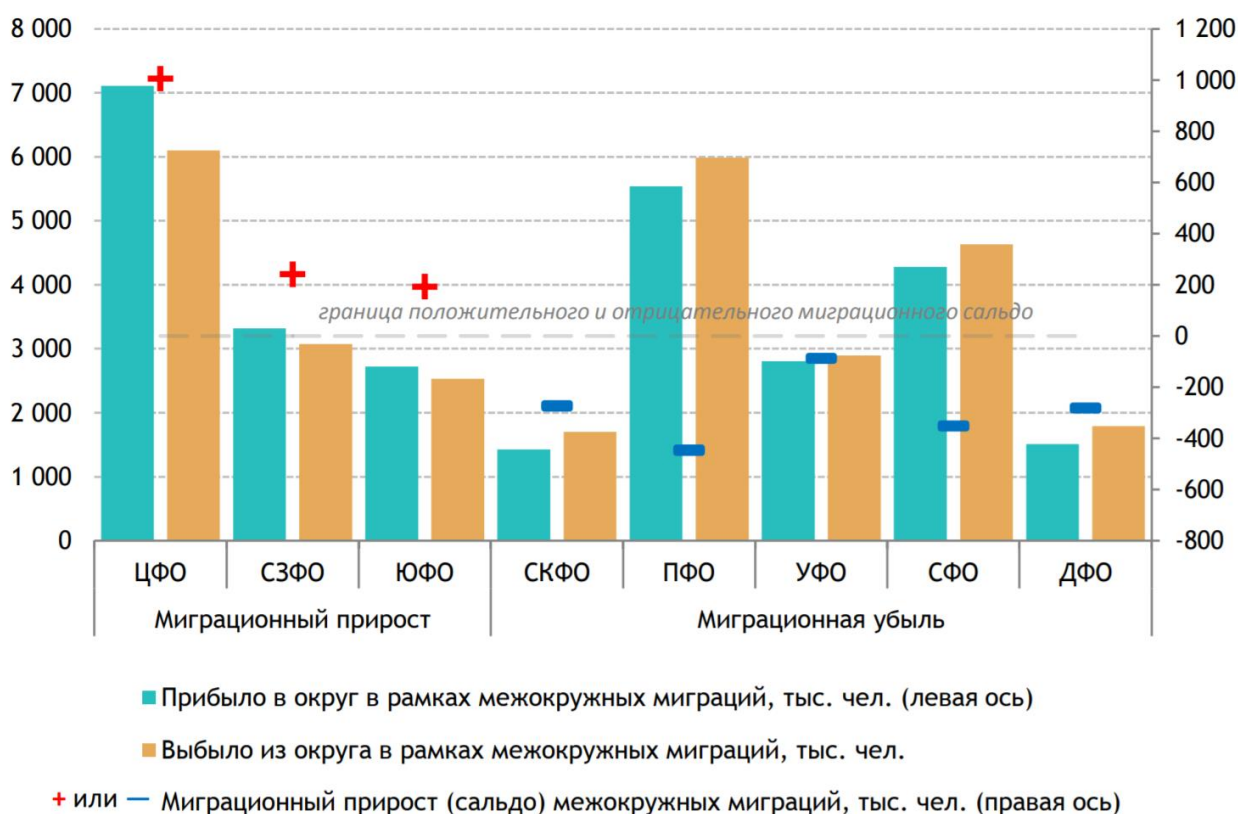

Рисунок 5.2.1 – Итоги миграции населения между федеральными округами (тыс. чел.), 2008–2016 годы³¹⁷

«Учитывая, что в число федеральных округов, лишившихся населения в процессе внутренней миграции, входят субрегионы, имеющие стратегическое

³¹⁶ Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения: социальный бюллетень / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2018. – № 11 (май). – С. 14.

³¹⁷ Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения: социальный бюллетень / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2018. – № 11 (май). – С. 14.

значение с точки зрения как географического положения, так и экономического потенциала (Урал, Сибирь, Дальний Восток), сложившиеся направления межокружных миграционных потоков нельзя признать оптимальными. Переформатирование направлений внутренней миграции должно по этой причине стать одним из приоритетов национальной миграционной политики и базироваться в том числе как на преодолении существующих различий экономических и социальных условий жизнедеятельности населения России в территориальном разрезе, так и на использовании специальной системы стимулов к перемещению мигрантов в направлениях, отвечающих стратегическим целям социально-экономического развития [и задачам обеспечения НЭБ – *добавлено автором*] страны»³¹⁸.

Внутренняя миграция, по естественным причинам, идет из менее в более развитые регионы, в связи с чем проблема асимметрии пространственного развития России существенно обостряется, что является одной из угроз НЭБ. Попытки «разворота» миграционных потоков, например путем реализации госпрограммы «Дальневосточный гектар», пока что не могут быть признаны успешными. Так, по состоянию на август 2020 года, по данным официального портала программы <https://надальнийвосток.рф>, было выделено 84 826 участков для граждан РФ на Дальнем Востоке. В сравнении со 145-миллионным населением страны это ничтожно малая величина. При этом, по имеющимся оценкам, 87% участков запрошены и получены жителями дальнего Востока (см. <https://secretmag.ru/stories/dalnevostochnyi-gektar.htm>).

Следовательно, лишь отказ от поляризованной (в смысле, который вкладывал в это понятие французский ученый Ф. Перру) модели пространственного развития и проведение мероприятий по снижению уровня дифференциации российских регионов способно нейтрализовать угрозы НЭБ, вызываемые неконтролируемыми миграционными перетоками людей внутри РФ.

³¹⁸ Там же. С. 15.

2. Внешняя миграция – это не просто выезд части населения за границу, она сопровождается оттоком наиболее активной части населения за рубеж – в т. ч. и в те государства, которые осуществляют меры санкционного давления против России, которые стремятся к ослаблению ее НЭБ. Тем самым, низкие доходы россиян способствуют перетоку человеческого капитала в другие экономики, за счет чего проявляется своеобразный мультипликативный эффект, который состоит в «умножении», росте интенсивности проявления угроз национальной экономической безопасности.

На данный момент Россия имеет положительное сальдо миграционного баланса, т. е. количество иммигрантов превышает количество эмигрантов. В то же время, качество (по возрасту, профессиональному уровню) выездного потока выше, чем качество въездного. Кроме того, имеющееся положительное миграционное сальдо сокращается. И причины этого, в том числе, связаны с негативной динамикой доходов россиян: «В качестве иной причины сокращения положительного сальдо межгосударственной миграции может рассматриваться слабая динамика показателей уровня жизни населения Российской Федерации в посткризисный период (реальные располагаемые денежные доходы, реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников, уровень бедности и т. п.), которая, судя по всему, выступает в качестве фактора, стимулирующего отъезд россиян за рубеж в поисках более благоприятных условий для жизни»³¹⁹.

Следует отметить, что слабый экономический рост ведет к усилению имущественного неравенства³²⁰, что представляет собой дополнительную угрозу для социальной стабильности и, как следствие, для НЭБ России в целом. В этой связи правительству следует принять меры по насыщению экономики денежными средствами и по развитию инструментов адресной под-

³¹⁹ Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения: социальный бюллетень / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2018. – № 11 (май). – С. 18.

³²⁰ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.

держки малоимущих слоев населения (путем реализации программ продовольственной помощи, государственного софинансирования заработной платы для низкооплачиваемых рабочих мест, упрощения получения пособия для детей и рост его величины и т. д.). Также можно согласиться с позицией о необходимости принятия мер по государственному регулированию цен на ключевые товары, связанные с удовлетворением потребностей человека³²¹.

На сегодняшний день в России бедность тесно связана с рождением детей. Это очевидно, т. к. являясь иждивенцем, ребенок уменьшает среднедушевой доход семьи (прямой эффект), кроме того, т. к. воспитание и уход за ребенком требуют затрат времени и сил, сокращается величина потенциального фонда рабочего времени семьи (косвенный эффект), что уменьшает потенциальный абсолютный доход семьи. Наличие в семье одного ребенка, а тем более двух детей, резко повышает вероятность перехода семьи в категорию малоимущих. Фактически люди оказываются перед выбором: либо рожать ребенка, либо иметь сравнительно приемлемый уровень материального благополучия. Таким образом, низкие доходы подрывают демографическую безопасность нашей страны.

Исправить ситуацию можно за счет расширения поддержки семей с детьми. Причем речь идет не только о финансовой поддержке, но и поддержке сервисной – увеличении числа мест в яслях и детских садах, увеличении количества воспитателей в них (чтобы ребенок получал полноценное сопровождение, и мог проводить вне дома большее количество времени), т. е. пересмотр установленных нормативных пропорций численности воспитателей, обслуживающего персонала и детей, содействие молодым родителям в воспитании ребенка. Дело в том, что семьи зачастую боятся заводить детей не только потому, что предполагают, что не справятся финансово, но и потому, что опасаются,

³²¹ Соломатин А. Н. Государственное регулирование розничных цен на товары народного потребления // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2014. – № 12. – С. 14-20.

что ребенок приведет к слому их привычной модели жизни, ограничит возможности саморазвития, самореализации и проведения досуга. Причина этих опасений – неразвитость институтов поддержки семьи с детьми.

Здесь правомерно обратиться к зарубежному опыту. Как показывает, например, опыт Швеции, эффективно функционирующая система детских садов способна в значительной степени снять эти опасения. Важным плюсом сервисной поддержки является то, что она по определению адресная: если финансовую помощь семья может использовать на цели, не связанные с благополучием ребенка, то сервисная поддержка направлена на ребенка и на семью, и альтернативные варианты ее применения отсутствуют. Пока же основным направлением поддержки семей, материнства и детства является финансовое субсидирование, размеры которого явно недостаточные (об этом шла речь, в частности, в предыдущем параграфе диссертации). Мы считаем необходимым перейти к сервисной поддержке.

Попытки государства купировать эти эффекты нельзя назвать успешными. Законодательное повышение минимальной зарплаты до уровня прожиточного минимума, которое теоретически могло бы привести к росту доходов населения, на практике стало причиной сокращения официальной занятости и перевода части трудовых контрактов в теневой сектор из-за того, что такой рост зарплаты ведет к повышению налогов для работодателей (т. е. к росту издержек для бизнеса, что в условиях слабого экономического роста, ужесточения налогового администрирования и – особенно – в условиях пандемии Covid-19 в целом для предпринимателей неприемлемо).

В результате положение работников ухудшилось. Формально перевод в теневой сектор не отразился на чистых выплатах работникам, однако при этом снижается уровень их социальной защищенности и, как следствие, их текущее и долгосрочное качество жизни. При этом ряд мероприятий правительства по своему содержанию объективно ухудшают материальное положение населения. Так, по нашему мнению, исключительно негативный эффект для доходов

имела поспешно реализованная пенсионная реформа, аналогичной точки зрения придерживаются и многие другие специалисты³²².

Повышение пенсионного возраста отчасти обосновывалось тем, что значительная часть людей даже при достижении прежнего рубежа выхода на пенсию (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин) продолжала работать, что свидетельствовало, по мнению авторов реформы, во-первых, о наличии у них достаточного капитала здоровья, во-вторых, о наличии сильной мотивации продолжить трудовую деятельность. Проблема, однако, заключается в том, что при достижении этого возраста работающим людям начислялась пенсия, которая позволяла им увеличить свой располагаемый доход. Сейчас эта возможность исчезла. То есть, очевидный и главный мотив, который состоит в том, что после выхода на пенсию люди продолжают работать чтобы избежать нищеты, почему-то был проигнорирован.

Наконец, низкий уровень доходов создает для населения дополнительные риски, поскольку вынуждает людей искать доступные источники финансирования, ряд из которых оказывается сомнительными, и использование которых создает угрозу и так неустойчивому финансовому положению граждан, а в некоторых случаях – и их жизни и здоровью. Речь в первую очередь идет о микрофинансировании, т. е. о предоставлении ссуд под ростовщические проценты, а также о тесно связанной с ним коллекторской деятельности, зачастую недобросовестной и даже откровенно противоправной. Необходимо, по нашему мнению, ужесточить контроль над этими – формально законными – сферами хозяйственной деятельности, которые существенно вредят благополучию населения и подрывают НЭБ РФ.

Значимую роль в этом могут сыграть как раз новые цифровые технологии, прежде всего, т. н. «технологии доверия», основанные на использовании

³²² Аганбегян А. Г. Не с увеличения пенсионного возраста и повышения НДС надо начинать реализацию целей и задач на перспективу // Общество и экономика. – 2018. – № 8. – С. 5-12; Иванов С. В. Пенсионная реформа-2019: детерминанты, последствия, альтернативы // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6. – № 2. – С. 6-54 и др.

блокчейна для учета финансовых транзакций. Кроме того, признанным способом борьбы с указанными рисками является реализация системы мер по повышению финансовой грамотности населения³²³, которые, на наш взгляд, должны быть скомплексированы с мерами по развитию цифровых навыков, особенно у людей, принадлежащих к старшим возрастным группам.

³²³ Евстафьева И. Ю., Иванова Н. Г. Проекты повышения финансовой грамотности и развития инициативного бюджетирования: обзор материалов панельной дискуссии // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 5-2 (119). – С. 109-113; Евстафьева И. Ю., Иванова Н. Г., Шубаева В. Г. Разработка концепции программы повышения финансовой грамотности и развития инициативного бюджетирования в Санкт-Петербурге // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 2 (110). – С. 37-43.

5.3 Социальные предпосылки формирования и развития теневых экономических явлений в контексте обеспечения экономической безопасности

Проблемы обеспечения экономической безопасности на всех иерархической уровнях этой сложной системы неразрывно связаны с человеческим поведением. Являясь неотъемлемым компонентом национальной экономики, НЭБ не может рассматриваться в отрыве от социального содержания экономических процессов. В этой связи, все вызовы, риски и угрозы ЭБ, в конечном счете, определяются индивидуальными или коллективными решениями конкретных людей или социальных групп. В тех же случаях, когда, по мнению наблюдателей и исследователей, социально-экономическая динамика (в том числе в части, касающейся обеспечения экономической безопасности) определяется объективными обстоятельствами, речь идет о наличии институциональных стимулов поведения субъектов социально-экономической системы, вызывающих соответствующие изменения.

Одной из существенных угроз НЭБ современной России, как отмечается в докторской диссертации М. В. Головки³²⁴, является широкое распространение теневой экономической активности. Этот же момент выделен и в Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 года, где, в частности, указано, что «к основным вызовам и угрозам экономической безопасности относятся: ... 19) сохранение значительной доли теневой экономики» (п. 12) и «основными задачами по реализации направления, касающегося развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, являются: ... 15) борьба с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой» (п. 16).

Не углубляясь в особенности терминологического аппарата в данной области, т. к. его детальная проработка выполнена в уже упомянутой докторской

³²⁴ Головки М. В. Теневая экономика в системе угроз экономической безопасности страны: факторы, эволюция, направления противодействия: Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. – СПб., 2020. – 426 с.

диссертации М. В. Головки, отметим, что, во-первых, теневая экономическая активность во всех формах ее проявления получила значительное распространение в российской экономике, во-вторых, ее наличие наносит не только ущерб (на этом аспекте в дальнейшем мы сосредоточим свое внимание), но и, при определенных обстоятельствах, может восприниматься как встроенный стабилизатор, обеспечивающий устойчивость социально-экономической системы в переломные моменты ее развития, в-третьих, уровень и направленность теневой экономической активности, преимущественно определяются институциональной средой, корректировка и реконфигурирование которой способны трансформировать, в том числе – снижать объемы трансакций, уровень теневой экономики.

В таблице 5.3.1 приведены количественные показатели, характеризующие число преступлений в сфере финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций и преступлений экономической направленности, совершенных и официально зарегистрированных в России за последние 5 лет (2015-2019 гг.), скомпонованные А. В. Кудрявцевым³²⁵ по данным ГИАЦ МВД России.

Эта таблица также содержит рассчитанные нами статистические характеристики указанной выборки (средние значения – СЗ, средние абсолютные отклонения – САО и средние относительные отклонения – СОО), из анализа которых следует, что колеблемость системы рассматриваемых показателей сравнительно невелика. Лишь по преступлениям, связанным с производством, приобретением, хранением, перевозкой или сбытом товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ, отмечается существенный рост (с 40 до 63 единиц), а по налоговым преступлениям – существенный спад (с 9041 до 4503 единиц).

³²⁵ Кудрявцев А. В. Анализ динамики статистических данных как инструмент определения роста криминализации финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 4 (124). – С. 122-126.

Таблица 5.3.1 – Количество преступлений в сфере финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций и преступлений экономической направленности³²⁶

Регистрируемый показатель	Год					Статистические характеристики выборки		
	2015	2016	2017	2018	2019	СЗ	САО	СОО
Мошенничество	22108	22397	22843	26002	24027	23475,4	1231,28	5,2%
Присвоение и растрата	8808	8308	7402	6612	6172	7460,4	878,08	11,8%
Незаконное предпринимательство	397	342	329	377	298	348,6	30,72	8,8%
Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством РФ	40	46	37	56	63	48,4	8,88	18,3%
Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления	863	818	711	993	946	866,2	82,64	9,5%

³²⁶ Рассчитано автором с использованием исходных данных, приведенных в: Кудрявцев А. В. Анализ динамики статистических данных как инструмент определения роста криминализации финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 4 (124). – С. 124.

Регистрируемый показатель	Год					Статистические характеристики выборки		
	2015	2016	2017	2018	2019	СЗ	САО	СОО
либо приобретенных другими лицами преступным путем								
Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга	85	102	77	65	75	80,8	10,16	12,6%
Неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство	279	274	281	271	284	277,8	4,24	1,5%
Налоговые преступления	9041	9283	8654	7630	4503	7822,2	1404,56	18,0%
Всего преступлений в сфере финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций	41621	41570	40334	42006	36368	40379,8	1623,04	4,0%
Преступления экономической направленности	112445	108754	105087	109463	104927	108135,2	2502,56	2,3%

Помимо «традиционных» экономических преступлений, данные о которых представлены в таблице, очень широкое распространение в России получили преступления коррупционной направленности, данные о которых доступны на Интернет-сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации (см.: <http://www.cdep.ru/index.php?id=150>). На рисунке 5.3.1 представлена динамика количества лиц, осужденных по преступлениям, связанным с коррупцией, в России за последние 5 лет.

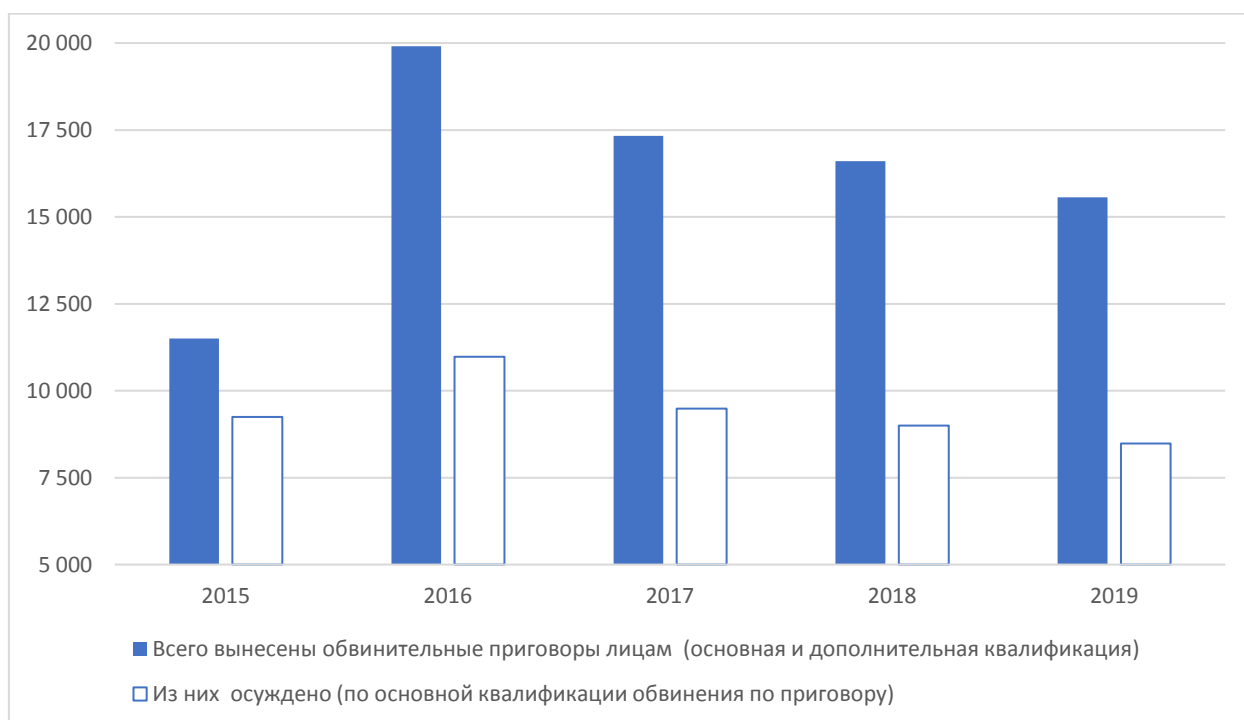

Рисунок 5.3.1 – Статистика по преступлениям коррупционной направленности (построено автором по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации)

Ущерб от коррупции состоит в том, что она не только сдерживает инвестиции, подрывает конкурентоспособность отраслей и предприятий, негативно сказывается на экономическом росте и т. д. (прямой негативный эффект для обеспечения НЭБ, который имеет краткосрочный характер), но она также трансформирует процесс принятия экономических решений, что, в конечном

счете, изменяет всю систему стимулов в экономике и формирует неформальные институциональные правила «ухудшающего отбора» (косвенный негативный эффект для обеспечения НЭБ, который имеет долгосрочный характер).

Безусловно, борьба с коррупцией является неременным условием эффективного управления в социально-экономической системе, которое составляют основу устойчивого развития российской экономики и общества, а также обеспечения НЭБ РФ. Отметим, что с учетом сложившихся условий экономического давления и антироссийских санкций коррупция является серьезным вызовом обществу и требует ответных государственных мер. При этом следует учитывать отмеченный нами комплексный ее характер, что требует согласованности в проведении соответствующей государственной политики³²⁷.

Большинство случаев коррупции связаны с взаимодействием между публичным и частным секторами. При этом, в случае корпоративной коррупции выгоду, как правило, получают акционеры и топ-менеджеры крупных и развитых компаний, в то время как затраты обременяют большую часть населения страны или акционеров-миноритариев. В результате коррупция усиливает социальное неравенство, создает у членов общества систему экономических стимулов, направленных не на общественно-полезную деятельность, а – напротив – на социальный паразитизм. То есть, коррупция контрпродуктивна, т. к. способствует формированию негативных практик.

Именно поэтому она относится к числу основных угроз НЭБ РФ, на что мы указывали выше, со ссылкой на текст соответствующей стратегии. Интересно, в этой связи, попытаться выполнить ранжирование угроз НЭБ. Как известно, число этих угроз, как официально продекларированных в Стратегии экономической безопасности, так и выявляемых различными авторами и исследовательскими коллективами в выполняемых ими научных разработках,

³²⁷ Смирнов А. А., Фирова И. П., Рукинов М. В. Организационно-экономические аспекты предупреждения и противодействия коррупции в России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 5. – С. 100-104.

достаточно велико. В этой связи, проводить их ранжирование весьма затруднительно. Это – проблема, которая, по мнению автора, может быть рассмотрена в самостоятельном исследовании уровня докторской диссертации.

Поэтому резонно в такой ситуации обратиться к данным социологических опросов. Согласно данным «Левада-Центра» (цит. по: <https://iz.ru/735734/nataliia-berishvili/rossiian-stali-menshe-trevozhit-tceny-bednost-i-bezrabotitca>), «россиян стали меньше волновать проблемы роста цен, бедности и безработицы... А вот проблема коррупции, напротив, стала восприниматься обществом значительно острее... Рост цен тревожит 63% россиян... На втором и третьем месте оказались бедность (47%) и рост безработицы (40%)... Доля людей, считающих кризис в экономике наиболее острым вопросом, снизилась с 38% в 2016-м до 35% в 2018-м. Эта проблема «опустилась» на пятое место, пропустив вперед коррупцию. Взяточничество в начале этого года беспокоило 38% респондентов, что на 14 п.п. больше, чем два года назад». В комментариях газеты «Известия» к этому опросу указывается (источник цитирования – тот же), что «больше половины россиян считают, что взятки берут во всех учреждениях страны».

Масштабные проявления коррупции в России, по мнению автора, непосредственно связаны с деятельностью крупного капитала, направленной на вывод активов из-под юрисдикции РФ. О масштабе вывода активов свидетельствуют, например, данные Global Financial Integrity, согласно которым в период с 1994 по 2012 гг. из России был незаконно вывезен капитал на сумму свыше 1,3 трлн долл. США. Очевидно, что в случае возвращения этих средств многие проблемы обеспечения НЭБ РФ, связанные, например, с пенсионным обеспечением граждан, проведением реиндустриализации, модернизацией здравоохранения и образования и т. д. могли бы быть успешно решены в короткие сроки.

Приведем лишь один пример масштабной коррупции: «Проректор МГУ и соучредитель компании «Инвест-Альянс» Алексей Гришин задержан в

Москве по подозрению в преднамеренном банкротстве предприятия... Проверяется законность вывода [за рубеж – *прим. автора*] из компании средств на сумму около 900 млн руб. через различные офшорные структуры» (цит. по: <https://www.kommersant.ru/doc/4442950>, дата обращения 05 августа 2020 г.). Активно обсуждаемые в профессиональном преподавательском сообществе случаи, когда того или иного профессора или доцента привлекли к ответственности за полученную взятку в сумме нескольких сот или тысяч рублей, а то и вовсе за подношение в виде бутылки коньяка или виски, в связи с тем, что он «закрыв глаза» на слабые знания студента на экзамене, меркнут на фоне приведенного факта. К сожалению, подобного рода факты являются достаточно распространенными.

При этом важно подчеркнуть, что подобные коррупционные проявления имеют двойное негативное влияние на НЭБ РФ. Они не только ослабляют уровень ее обеспечения «изнутри», снижая стимулы и ресурсную базу для продуктивного социально-экономического развития, но и объективно усиливают геополитических и геоэкономических стран – соперников России, на счета в банках которых коррупционерами выводятся незаконно полученные денежные средства, в которых приобретается дорогостоящая недвижимость и т. д. Именно поэтому, с учетом складывающейся сложной экономико-политической обстановки, требуются энергичные меры по предупреждению коррупции и обнаружению государственных ресурсов и средств, выведенных из легального оборота в результате коррупционных действий.

Для возвращения в Россию незаконно выведенных активов требуется активизация международного сотрудничества, несмотря на препятствия, которые выстраивают основные глобальные бенефициары российских коррупционных схем – финансовое сообщество развитых стран Запада, прежде всего США и Великобритании, под фактическим контролем которого находятся все основные офшорные юрисдикции в мире. Положительным моментом здесь выступает достигнутое в 2020 году перезаключение соглашения об избежании

двойного налогообложения с Кипром, ведутся аналогичные переговоры с Мальтой. На наш взгляд, эта работа должна быть продолжена.

Если говорить об инструментах противодействия коррупции, то особое значение, по нашему мнению, здесь должно быть отведено гласности и информационной открытости. И развитие цифровых и информационно-коммуникационных технологий, на значимость которых для обеспечения НЭБ РФ мы указывали ранее, играет здесь важнейшую роль. С одной стороны, население должно быть более информировано о своих правах, иметь возможность распознавать коррупцию и получать гарантированную правовую и административную защиту при обращении с жалобами в уполномоченные органы. С другой стороны, деятельность лиц, должностное положение которых создает риски коррупционных проявлений, должна быть более публичной и информационно открытой, в том числе с позиций декларирования не только их доходов (что сейчас делается), но и расходов.

В этой сфере требуется разработать новые регламенты, воспрепятствующие деятельности, подразумевающей конфликт интересов, не только для должностных лиц органов власти, но и государственных и муниципальных организаций и учреждений. А в случае выявления нарушений такого рода, должны вводиться запреты на дальнейшую профессиональную деятельность, связанную с управлением и занятием руководящих должностей. К сожалению, следует отметить, что в российской практике присутствует огромное число случаев, когда подобного рода конфликты интересов очевидны. Но отсутствие правового регулирования в этой сфере приводит к тому, что официально их не существует.

Приведем лишь один пример из сферы высшего образования, где формируется мировоззрение будущей российской элиты, ее толерантность или нетерпимость к коррупции, иллюстрирующий описанные нами конфликты интересов, создающие коррупционные предпосылки. Для этого обратимся к официальному сайту одного из ведущих российских вузов (см.: http://www.fa.ru/_layouts/15/ViewEmployee.aspx?id=48&ReturnUrl=http://

www.fa.ru/pages/structure.aspx) и отследим факты трудовой биографии одного из его проректоров: 1990-1992 гг. – ведущий, главный специалист Управления уровня жизни и демографии Министерства труда и социальных вопросов СССР и одновременно с этим в 1991-1992 гг. – генеральный директор страховой компании (очевиден конфликт интересов: как госслужащий профильного департамента директор частной страховой компании имел доступ к инсайдерской информации по профилю своего бизнеса, что могло создать этому бизнесу необоснованные конкурентные преимущества); 2012 – март 2016 гг. – проректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и одновременно с этим в 2012-2020 гг. – проректор по развитию Академии труда и социальных отношений, заведующий кафедрой в этой же академии (затруднительно представить себе, как удавалось совмещение и качественное исполнение всех трудовых функций на протяжении почти пяти лет на двух административных постах в составе высшего руководства двух крупных вузов, да еще и одновременное руководство кафедрой в одном из них, при том, что соответствующего опыта до этого не было, но указанный человек до этого выполнял обязанности заместителя федерального министра). Мы ни в коем случае не говорим о том, что случаи коррупции здесь имели место – речь идет лишь о предпосылках, а они, как нам представляется, очевидны.

Основной мерой по преодолению ситуаций, когда возникают подобные конфликты интересов, является корректировка норм трудового законодательства, а также законодательства о государственной службе. Также необходима большая публичность и открытость в этих вопросах, предпосылки для которых создает всеобъемлющая цифровизация публичного управления. Кроме того, нам представляется, что целесообразна дальнейшая разработка законодательной инициативы, связанной с лишением коррупционеров-чиновников права на пенсию по выслуге лет.

Как предлагалось в соответствующем законопроекте (рассматривавшемся и отклоненном в 2015 г.), «чиновникам, «которые были осуждены за

совершение ими в период прохождения федеральной государственной гражданской службы преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», предлагается не назначать пенсию по выслуге лет. Также предлагается лишать пенсии госслужащих, совершивших преступления с использованием служебных полномочий» (цит. по: <https://ura.news/news/1052222115>).

Для решения рассмотренных проблем следует, по мнению автора, согласованному с позициями профессоров Смирнова А. А. и Фировой И. П.³²⁸, более широко использовать новые технологии, которые позволяют кардинально расширить участие общественности в управлении и повысить ответственность государственных и муниципальных органов в вопросах противодействия коррупции. В частности, рекомендуется: «формирование активной политики и реализация практики предупреждения и противодействия коррупции; совершенствование системы органов по предупреждению и противодействию коррупции; развитие возможностей влияния на антикоррупционные мероприятия публичного сектора; разработка новых кодексов поведения публичных должностных лиц и их скорейшее внедрение в практику; осуществление публичных закупок и управление публичными финансами при условии публичной отчетности; меры в отношении судебных органов и органов прокуратуры; повышение ответственности частного сектора и участие общества, некоммерческих организаций в борьбе с коррупцией; корректировка комплекса мер по предупреждению отмывания денежных средств»³²⁹.

Также следует отметить, что в России все еще плохо защищены права собственности³³⁰. Дело не только в несовершенном законодательстве, но и в отсутствии эффективных институтов и механизмов защиты собственности и

³²⁸ Смирнов А. А., Фирова И. П., Рукинов М. В. Организационно-экономические аспекты предупреждения и противодействия коррупции в России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 5. – С. 100-104.

³²⁹ Там же, с. 104.

³³⁰ Рукинов М.В. Экономическая преступность как фактор риска экономической безопасности (на примере криминальных банкротств). – СПб.: ИВЭСЭП, 2012. – 30 с.

контрактных прав. Однако, несомненно, было бы упрощением объяснять такое положение только правовой и исполнительной неспособностью соответствующих ветвей власти. В России во многих сферах экономики действуют мощные группы интересов, для которых правовая аморфность является жизненно необходимой. Закономерным следствием этой ситуации является торможение развития системы нормальных контрактных отношений, столь важных для рыночной экономики, а также ослабление НЭБ.

Для мощных технологических прорывов, на необходимость которых мы указывали ранее, необходим адекватный уровень концентрации капитала. И это особенно актуально для поддержания и развития индустриального ядра экономики, сильно пострадавшего за годы реформ, а также его восстановления на новой технологической базе. Конечно, рыночная реструктуризация не может ограничиться расширением и укреплением существующих структур крупного бизнеса. Предстоит масштабный перелив капиталов из первичных (сырьевых) во вторичные и последующие производства и секторы экономики, а также в создание совершенно новых отраслей и сфер, в том числе связанных с развитием цифрового сектора экономики. Роль крупных промышленных корпораций в этих процессах беспрецедентна, так как в сложившихся условиях только они реально могут справиться с этой задачей.

В этой связи, интересным является вопрос изучения путей легитимной концентрации капитала. Рассматривая процессы перераспределения прав контроля в корпоративном секторе, необходимо остановиться на слияниях и поглощениях (СиП). Остановимся подробнее на понятии «поглощение». Традиционно в литературе выделяются три их способа: добровольные слияния путем переговоров с руководством поглощаемой компании и последующая покупка (обмен) акций; враждебный захват путем тендерного предложения на покупку акций непосредственно акционерам компании; получение контроля над советом директоров без покупки контрольной доли в акционерном капитале через голо-

сование по доверенности. Операции рынка корпоративного контроля – слияния и жесткие поглощения – считаются наиболее цивилизованным инструментом перераспределения собственности в рыночной экономике³³¹.

Коренное отличие российской практики проведения поглощений от практики развитых западных стран заключается в том, что поглощения, проводящиеся российскими корпорациями, лишь формально могут быть отнесены к рыночному механизму перераспределения контроля над хозяйственным обществом. В РФ классическое недружественное поглощение превращается в сделку, при которой одна группа акционеров или внешний инвестор пытаются перераспределить контроль над корпорацией в свою пользу и применяют для этого отнюдь не рыночные методы. Незаконные действия, связанные с захватом предприятий, хищением ценных бумаг, мошенническими действиями по лишению акционеров собственности, стали, к сожалению, обычным явлением современной экономической жизни. Объектами недружественных поглощений выступают не недооцененные компании, а компании, которые работают эффективно и прибыльно, так как только у таких компаний есть ценные активы и денежные средства на балансе.

О масштабе этого явления, которое с полным правом может быть отнесено к теневой экономике, а в ряде случаев и к ее криминальному сектору, свидетельствуют следующие данные: «Рейдерство продолжает оставаться одной из самых больших проблем бизнеса. По оценкам Национального антикоррупционного комитета, ежегодно в России происходит до 700 тыс. рейдерских захватов, при этом заводится только 10% уголовных дел, а до суда доходят и вовсе единицы» (цит. по: <https://rg.ru/2015/07/07/reyderstvo.html>). По оценке Председателя Следственного комитета России, «в исторический момент, когда государство направляет свои усилия на достижение национальных целей экономического и социального развития, увеличилось число попыток рейдерских захватов предприятий. Следственный комитет в 2019 году возбудил 101 дело

³³¹ Рудык Н. Б. Методы защиты от враждебного поглощения. – М., 2006.

о рейдерстве, рост составил 135%» (цит. по: <https://russian.rt.com/russia/news/724353-sk-rost-reiderskie-zahvaty>).

В связи с этим назрела насущная необходимость в выработке эффективных механизмов защиты бизнеса от недружественного поглощения как совокупности юридических, административных, социальных и иных мер, препятствующих перехвату управления предприятием третьими лицами. При этом, под недружественным (враждебным) поглощением российских компаний в широком смысле, по мнению автора, следует понимать установление контроля компании-захватчика над капиталом, финансово-хозяйственной деятельностью и активами компании-цели путем юридических и силовых мер, осуществляемых вопреки воле первоначальных акционеров и руководства компании-цели.

В Российской Федерации преобладают методы контроля и защиты от враждебных поглощений, которые можно сгруппировать следующим образом: метод конвертации долгов в акции; метод блокирования с другими акционерами, региональными администрациями, менеджментом и трудовым коллективом компании-цели; метод поглощения дочерних компаний; метод консолидации акций. К перечисленным методам можно отнести и метод передела собственности с помощью процедуры банкротства. Отметим, что наиболее распространенный метод недружественного поглощения чужого бизнеса – это организация банкротства. Заказное банкротство часто встречается на практике, причем это действие – трудно доказуемое, хотя статья 196 УК РФ предусматривает уголовную ответственность собственников и менеджеров за преднамеренное банкротство, если при этом был нанесен крупный ущерб.

В связи с изложенным, особую значимость приобретает не только правовое регулирование в рассматриваемой области, но и эффективность деятельности менеджмента предприятий на микроуровне, препятствующей незакон-

ным СиП, в частности через механизмы рейдерства и фиктивного (преднамеренного) банкротства³³². При этом, следует учитывать, что вероятность положительного воздействия защиты от враждебного поглощения на благосостояние акционеров корпорации увеличивается по мере того, как: увеличивается риск инвестиционных проектов, которые запускает компания; удлиняется средний период окупаемости этих инвестиционных проектов; возрастают показатели текущей деятельности компании; улучшается качество корпоративного управления компанией; повышается качество информации, доступной собственникам, о профессиональном уровне действующего менеджмента. Вероятность же отрицательного воздействия защиты от враждебного поглощения на благосостояние акционеров корпорации увеличивается по мере того, как: начинают снижаться показатели текущей деятельности компании; становится все более рассредоточенной структура собственности компании – среди ее собственников отсутствуют владельцы крупных пакетов обыкновенных голосующих акций. Детальный обзор инструментов защиты от враждебного поглощения представлен в кандидатской диссертации автора, поэтому мы не будем здесь подробно на них останавливаться.

В силу того, что экономическая преступность во всем многообразии ее проявлений (коррупция, рейдерство, криминальные банкротства и др.) и теневая экономическая деятельность в целом во многом строятся на основе не только «дыр» в законодательстве, т. е. на несовершенстве формальной институциональной среды, но и отношения к ним населения, т. е. на деструктивных неформальных институтах (примером такого неформального института является присущая многим россиянам высокая толерантность к «бытовой» корруп-

³³² Рукинов М. В. Инструменты обеспечения экономической безопасности на микроуровне. – СПб.: ИВЭСЭП, 2013. – 18 с.

ции), особое значение среди системы мер по улучшению ситуации в этой области и созданию предпосылок для надежного обеспечения НЭБ, приобретает психолого-воспитательная³³³, информационная и пропагандистская работа.

Развитие цифровых технологий, в частности, социальных сетей, базирующихся на ресурсах Интернета, создает для реализации такого рода мер техническую основу. К сожалению, в рамках широких представлений об «электронном правительстве», «электронном обществе», «электронном государстве», «электронной демократии» и т. д., присутствию властных структур в цифровом социальном пространстве пока что не уделяется достаточного внимания, что создает новые угрозы НЭБ РФ социально-технологического плана. На существенность такого рода угроз указывает негативный опыт «цветных революций», осуществленных в последнее десятилетие на постсоветском пространстве, в странах Магриба и в других регионах мира.

Следствием этих революций стало не только обрушение уровня НЭБ соответствующих государств, но даже, в ряде случаев, фактический распад государственных образований (как это произошло, например, в Ливии). В этой связи, государству следует более активно заниматься пропагандой национальных экономических интересов, вводить изучение соответствующих учебных дисциплин в образовательные программы общего и профессионального (независимо от его профиля и направленности) образования, активизировать свое присутствие в социальных сетях.

³³³ Цекатунова Л.Б. Формирование правового сознания специалистов сферы экономической безопасности в процессе их профессиональной подготовки: Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования. – Волгоград, 2015. – 185 с.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать главный вывод, что его цель, состоявшая в разработке научно-методологического аппарата и теоретических подходов, ориентированных на оценивание и нейтрализацию угроз национальным экономическим интересам и управление обеспечением национальной экономической безопасности с учетом современной динамики вызовов и угроз национальным интересам России, в том числе вызванных трансформацией системы международных экономико-политических связей, изменчивости самих интересов и их приоритетов, расширения спектра и возможностей институциональных и технологических инструментов обеспечения экономической безопасности, – достигнута.

Все поставленные при проведении диссертационного исследования частные задачи решены в полном объеме, детальное описание последовательности их решения и краткие выводы представлены по тексту диссертации. Здесь же представим обобщающие выводы и рекомендации по итогам проведенного исследования.

В диссертации были выявлены ключевые национальные экономические интересы и оценены механизмы их влияния на уровень экономической безопасности современной России, уточнены научные взгляды на современное понимание теории национальной экономической безопасности, выполнено обобщение методологических подходов к исследованию проблем экономической безопасности, проанализирована динамика изменения национальных экономических интересов России, а также тенденции изменения уровня экономической безопасности под влиянием новых факторов.

На этой основе, с использованием методологии институционального анализа, исходя из тезиса о том, что именно институциональная структура и институциональная среда являются основополагающими условиями эффективности целенаправленных процессов в экономике, было проанализировано

институциональное обеспечение функционирования и развития системы экономической безопасности РФ. При этом были не только обобщены известные, но и сформирован авторский подход к моделированию структуры национальной, экономической и других видов безопасности, также был критически осмыслен зарубежный опыт в этом вопросе, что дало возможность предложить рекомендации по улучшению регулирования процессов обеспечения НЭБ РФ. При этом, особое внимание было уделено оценке влияния экономико-политических и социальных вызовов на её обеспечение.

В дальнейшем исследовании основное внимание было сосредоточено на методологии противодействия экономико-политическим и социальным угрозам национальным экономической интересам. В рамках решения этого блока задач диссертационного исследования выявлены основные направления трансформации системы международных экономико-политических связей, оценено их воздействие на национальные экономические интересы России, а также предложены конкретные практико-ориентированные рекомендации по совершенствованию механизмов защиты указанных интересов, в том числе с учетом введенных против РФ экономических санкций, а также возможностей наднационального регулирования процессов защиты национальных экономических интересов в рамках системы коллективной экономической безопасности международных интеграционных группировок с участием России.

Не меньшее внимание в диссертации уделено технологическим трансформациям, которые сопровождают наблюдаемые процессы перехода к новому технологическому укладу и получили название четвертой промышленной революции. Как показал проведенный анализ, обеспечение экономической безопасности России в условиях ускоряющихся и всё более интенсивных технологических трансформаций и перехода к новому технологическому укладу становится одной из приоритетных не только в теории, но и в практике управления задач. Особое внимание при этом уделено цифровизации, как стержневой тенденции в рамках наблюдаемых технологических трансформаций, а

также ее потенциальному положительному и негативному влиянию на решение задач обеспечения НЭБ РФ на различных уровнях хозяйственной системы.

Анализ НЭБ РФ и различных аспектов ее обеспечения проводился автором с учетом социальных аспектов, исходя из принципа антропоцентричности и приоритетного социального содержания модели национальной экономики РФ, что декларировано Конституцией страны. В этой связи, в диссертации были изучены социальные аспекты обеспечения НЭБ РФ, как позитивные, так и негативные (в частности – теневая экономика), а также оценен потенциал использования новых технологий для нивелирования рисков и угроз социально-экономической безопасности.

В качестве перспективных направлений дальнейших исследований, развивающих полученные в диссертации результаты, по мнению автора, можно указать следующие:

- разработка научно-методического аппарата количественной и качественной интегральной оценки угроз и рисков национальной экономической безопасности России в новых условиях, формируемых политико-экономическими и технологическими трансформациями. При разработке этого научно-методического аппарата может быть взят за основу и модифицирован метод интегральной качественной оценки уровня экономического обеспечения военной безопасности и экономической безопасности сложных (больших) социально-экономических систем на основе количественно-качественной свертки системы частных показателей, описанный Плотниковым В. А.³³⁴;

- теоретическое обоснование концепции формирования и функционирования системы коллективной экономической безопасности с участием России, контуры которой обозначены в диссертации, но которая требует развития, в том числе с учетом институциональных аспектов и необходимости гармонизации внутренних институциональных сред стран-участников такой системы коллективной безопасности;

³³⁴ См.: Плотников В. А. Концептуальные основы экономического обеспечения военной безопасности государства: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – СПб., 2005. – 408 с.

- разработка инструментария выявления критических угроз национальной экономической безопасности технологического характера и обоснование на этой основе практико-ориентированных рекомендаций по совершенствованию научно-технической, инновационной и промышленной политики, ориентированной как на развитие соответствующих внутрироссийских производств, так и на осуществление устойчивого трансграничного технологического трансфера и встраивания российских компаний в глобальные технологические цепочки с ориентиром на приобретение ими уникальных компетенций, что обеспечит не только технологическое лидерство в отдельных отраслях (например, в атомной энергетике, технологиях судостроения, космических технологиях, фармацевтике и др.), но и защиту национальных экономических интересов через возможность монополистического давления на глобальных конкурентов;

- обоснование создания человеко-машинной системы цифрового мониторинга вызовов и угроз национальной экономической безопасности РФ и проработка ее состава, структуры, базовых алгоритмов и организационно-технологических процессов. Идея такой системы состоит в автоматизированном выявлении, на основе анализа больших информационных массивов слабо структурированных данных (сообщения СМИ, аналитические отчеты, официальная и неправительственная статистика и др.), предпосылок к нарушению национальных экономических интересов с тем, чтобы своевременно принимать превентивные меры по сохранению заданного уровня национальной экономической безопасности.

Список использованных источников

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 4-16.
2. Авдеев В. А., Анисимов В. Ф., Розенко С. В. Актуальные вопросы правового регулирования экономической деятельности в контексте обеспечения экономической безопасности: федеральный и региональные аспекты // Банковское право. – 2019. – № 2. – С. 66-72.
3. Аганбегян А. Г. Как госбюджет может стать локомотивом социально-экономического развития страны // Вопросы экономики. – 2015. - № 7. – С. 142-151.
4. Аганбегян А. Г. Не с увеличения пенсионного возраста и повышения НДС надо начинать реализацию целей и задач на перспективу // Общество и экономика. – 2018. – № 8. – С. 5-12.
5. Аганбегян А. Г., Ершов М. В. О связи денежно-кредитной и промышленной политики в деятельности банковской системы России // Деньги и кредит. – 2013. – № 6. – С. 3-11.
6. Азьмук Н. А. Трансформация занятости в странах с развитой информационной экономикой // Проблемы экономики. – 2014. – № 3. – С. 7-12.
7. Алексеев А. Н., Минаев А. М. Управление продовольственной безопасностью в системе экономической безопасности России / Московский университет им. С.Ю. Витте. – М., 2016.
8. Алифанова Е. Н., Евлахова Ю. С. Развитие системы индикаторов национальной финансовой безопасности // Финансы и кредит. – 2017. – Т. 23. – № 29. – С. 1723-1736.
9. Амелин С. В., Щетинина И. В. Организация производства в условиях цифровой экономики // Организатор производства. – 2018. – Т. 26. – № 4. – С. 7-18.

10. Ананьев А. А. Анализ подходов к определению понятия «национальная экономическая безопасность» // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. – 2011. – № 6. – С. 21-27.
11. Ананьев А. А., Дронов Р. В. Евразийская экономическая безопасность. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. – 95 с.
12. Андреева Е. С. Разоружение и военное сотрудничество как векторы обеспечения национальной безопасности // Управленческое консультирование. – 2017. – № 3. – С. 51-59.
13. Анисимов Р. И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 44-52.
14. Арбузов С. Г. Гармонизация интересов власти и бизнеса как механизм повышения экономической безопасности государства // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – № 5. – С. 70-76.
15. Арефьев П. В., Альпидовская М. Л., Блинов А. О., Данилова О. В., Карасева Л. А., Кузнецов А. В., Мальцев В. В., Нуреев Р. М., Петраков П. К., Слепаков С. С., Соколов Д. П., Степин Е. А., Чусовлянов Д. С. Экономические санкции против России: ожидания и реальность. М.: КноРус, 2017. – 194 с.
16. Асаул В. В., Михайлова А. О. Обеспечение информационной безопасности в условиях формирования цифровой экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 4 (38). – С. 5-9.
17. Астафьев А. В. Контракт жизненного цикла – новая форма государственно-частного партнерства для организации регулярного контейнерного сообщения // Экономика железных дорог. – 2015. – № 12. – С. 55-65.
18. Афонцев С. А. Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 10. – С. 30-39.
19. Афонцев С. А. Выход из кризиса в условиях санкций: миссия невыполнима // Вопросы экономики. – 2015. – № 4. – С. 20-36.

20. Афонцев С. А. Перспективы импортозамещения в российской экономике // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2016. – № 1. – С. 13-19.
21. Афонцев С. А. Новые тенденции в развитии мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 5. – С. 36-46.
22. Ашмаров И. А. «Работающие бедные» в современной России // Историко-экономические исследования. – 2018. – Т. 19. – № 4. – С. 556-570.
23. Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г., Воробьев Ю.Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2017. – Т. 10. – № 3. – С. 9–25.
24. Бабурина О. Н., Гуриева Л. К. Научно-технологический императив конкурентоспособности России в условиях концептуализации четвертой промышленной революции (Industrie 4.0) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 396-416.
25. Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. Технологический перелом начала XX века и интересы России // Экономические стратегии. – 2008. – Т. 10. – № 3. – С. 12-19.
26. Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф. История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. М.: URSS, 2019. – 288 с.
27. Базжина В. А., Цыганкова И. В., Никишина О. Ю. Развитие нестандартных форм занятости в современной России // Российское предпринимательство. – 2014. – № 24. – С. 71-86.
28. Байдурин М. С. Обеспечение экономической безопасности ЕАЭС на основе развития экономической интеграции стран СНГ. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра экон. наук. М.: Институт проблем рынка РАН, 2017. – 355 с.
29. Балашов А. И. Четвертая технологическая революция и новые подходы к подготовке кадров для системы государственного и муниципального

управления // Научные труды Северо-Западного института управления РАН-ХиГС. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 19-27.

30. Барикаев Е. Н. Финансовая безопасность. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 156 с.

31. Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. – 2012. – Т. 13, № 2. – С. 99-111.

32. Батьковский А. М., Клочков В. В., Фомина А. В. Производство и экспорт продукции оборонно-промышленного комплекса в условиях его диверсификации // Экономические исследования и разработки. – 2019. – № 5. – С. 102-108.

33. Безопасность Европы / Под ред. В. В. Журкина. М.: Издательство «Весь мир», 2011. – 752 с.

34. Бекмурзаев И. Д., Курбанов А. Х. Развитие цифровой экономики как элемент стратегии общественного развития в России // Финансовая экономика. – 2019. – № 5. – С. 556-558.

35. Бекмурзаев И. Д., Курбанов А. Х., Курбанов Т. Х. Направления и этапы построения логистических систем на основе использования цифровых технологий // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 4. – С. 5-9.

36. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М., 1999.

37. Белозеров И. П. Проблемы оценки уровня обеспечения экономической безопасности в отечественной и зарубежной науке // Финансовая экономика. – 2018. – № 7. – С. 781-784.

38. Белозеров И. П., Клоков Е. А. Место и значимость экономической безопасности в структуре национальной безопасности России // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2009. – № 2. – С. 94-100.

39. Беркаева А. К., Туганова Э. Э. Проблемы экономической безопасности цифрового общества в условиях цифровизации // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 22-29.

40. Бирюкова О. В., Мануйлов И. А. Развитие производственных цепочек во внутрирегиональной торговле: уроки для ЕАЭС // *Экономическая наука современной России*. – 2017. – № 1. – С. 92-103.
41. Бобков В. Н., Новикова И. В., Квачев В. Г. Вызовы неустойчивой занятости: приоритеты регулирования российского законодательства // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2017. – № 3. – С. 41-50.
42. Бобков В. Н., Новикова И. В., Шичкин И. А. Цифровая революция и ее воздействие на устойчивость рынков труда и занятости // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2016. – № 3. – С. 12-17.
43. Бодрунов С. Д. Государство и технологическая революция: политэкономический взгляд // *Экономическое возрождение России*. – 2019. – № 3. – С. 11-14.
44. Бодрунов С. Д. Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики // *Экономическое возрождение России*. – 2019. – № 2. – С. 5-11.
45. Бодрунов С. Д. Ответить на вызовы технологической революции: задачи, стоящие перед экономикой России XXI века // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2019. – Т. 218. – № 4. – С. 62-69.
46. Бодрунов С. Д. Россия в эпоху перехода к новоиндустриальной экономике: императивы модернизации // *Научные труды Вольного экономического общества России*. – 2019. – Т. 215. – № 1. – С. 24-39.
47. Бодрунов С. Д., Демиденко Д. С., Плотников В. А. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // *Управленческое консультирование*. – 2018. – № 2. – С. 43–54.
48. Боровкова А. Е. Стратегии поведения фирмы-посредника на двустороннем рынке // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. – 2019. – № 3. – С. 5-8.

49. Бочуров А. А., Курбанов А. Х., Литвиненко А. Н. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта обеспечения экономической безопасности оборонно-промышленного комплекса // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 3 (111). – С. 99-106.
50. Братерский М. В., Кутырев Г. И. Россия между двух систем: перспектива транзита из атлантического мира в мир евразийско-тихоокеанский // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 1. – С. 220-240.
51. Бузгалин А. В. Империализм в XXI веке: протоимперии и «восстание периферии» // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 3. – С. 32-38.
52. Бузгалин А. В., Колганов А. И., Барашкова О. В. Россия: новая империалистическая держава? // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 74-87.
53. Буздалов И. Н., Фрумкин Б. Е. Положение дел в АПК представляет угрозу не только для продовольственной, но и для всей национальной безопасности России // Экономические стратегии. – 2014. – Т. 16. – № 8. – С. 68-77.
54. Букреев В. В. Является ли цифровизация панацеей для российской экономики // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 4. – С. 48-56.
55. Букреев В. В., Рудык Э. Н. Противодействие внешнему управлению стратегическими промышленными предприятиями России // Альтернативы. – 2019. – № 2. – С. 92-101.
56. Букреев В. В., Рудык Э. Н. Развитие социального предпринимательства в России – новый паллиатив решения проблемы бедности // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 2. – С. 75-85.
57. Бурякова А. О., Ващило А. А. Цифровизация бюджетных отношений Союзного Государства России и Белоруссии // Финансы и кредит. – 2019. – Т. 25. – № 2. – С. 443-457.

58. Бухвальд Е. М. Совершенствование нормативно-правовой базы обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 3. – С. 34-45.
59. Бухвальд Е. М., Кольчугина А. В. Стратегия пространственного развития и приоритеты национальной безопасности Российской Федерации // Экономика региона. – 2019. – Т. 15. – № 3. – С. 631-643.
60. Быстрянец П. С. Социологический взгляд на феномен доверия // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2017. – № 4 (106). – С. 119-125.
61. Ванкевич Е. В., Зайцева О. В. Нестандартная занятость: сущность, формы, масштабы, регулирование // Белорусский экономический журнал. – 2015. – № 3. – С. 129-146.
62. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы методологии // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2009. – № 3. – С. 17-33.
63. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 9. – С. 41-50.
64. Варшавский А. Е. Неравенство: богатые и бедные, их характеристика и проблемы // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 2. – С. 58-74.
65. Василенко Т. А. К вопросу о перспективах импортозамещения в России // Сибирская финансовая школа. – 2016. – № 1. – С. 69-72.
66. Вейнер Ч. Диверсификация ради отказа от российского газа: пример Польши // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 138-163.
67. Вертакова Ю. В., Плотников В. А. Импортозамещение: теоретические основы и перспективы реализации в России // Экономика и управление. – 2014. – № 11. – С. 38-47.

68. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. – 2015. – № 10. – С. 24-32.
69. Виноградов А. В. Россия в Евразии: между Китаем и Западом. Идентичность, идеология и геополитика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 228-246.
70. Власов М. П., Торосян Е. К., Зарубина Ж. Н. Вопросы экономической безопасности организаций с единичным характером производства // Петербургский экономический журнал. – 2017. – № 1. – С. 147-156.
71. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976. Доступно онлайн по адресу: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=E3D29D677B03AC0630AEE55D6EF994E2&req=doc&base=LAW&n=172989&REFFIELD=134&REFDST=100076&REFDOC=191669&REFBASE=LAW&stat=refcode%3D16876%3Bindex%3D105#1rgzdwngyur>. Проверено 02.12.2019.
72. Волкова А. А., Плотников В. А., Рукинов М. В. Цифровая экономика: сущность явления, проблемы и риски формирования и развития // Управленческое консультирование. – 2019. – № 4 (124). – С. 38-49.
73. Волчкова Н. А., Кузнецова П. О. Сколько стоят контрсанкции: анализ благосостояния // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2019. – № 3. – С. 173-183.
74. Воробьев Ю. Н., Воробьева Е. И., Мощева А. С. Финансовая безопасность государства // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2016. – № 2. – С. 14-17.
75. Гайфутдинова О. С. Инновационная конкурентоспособность как фактор укрепления национальной экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009. – Т. 5. – № 19. – С. 8-12.
76. Гимранов Г. А. Факторы эволюции производственно-потребительских отношений в экономике совместного потребления // КАНТ. – 2019. – № 3. – С. 265-268.

77. Глазунова Е. Н. К вопросу о генезисе понятия «устойчивая безопасность» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2018. – Т. 10. – № 2. – С. 3-32.
78. Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993. – 310 с.
79. Глазьев С. Ю. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // Российский экономический журнал. – 1997. – № 1-2. – С. 3-19.
80. Глазьев С. Ю. Перспективы становления в мире нового VI технологического уклада // Мир (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2010. – № 2. – С. 4-10.
81. Глазьев С. Ю. Такие разные интеграции // Россия в глобальной политике. – 2013. – Т. 11. – № 6. – С. 38-48.
82. Глазьев С. Ю. О политике опережающего развития в условиях смены технологических укладов // Вестник РАЕН. – 2013. – Т. 13. – № 1. – С. 29-35.
83. Глазьев С. Ю. Санкции США и политика Банка России: двойной удар по национальной экономике // Вопросы экономики. – 2014. – № 9. – С. 13-29.
84. Глазьев С. Ю. Угроза войн и ответ России // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т. 12. – № 4. – С. 41-52.
85. Глазьев С. Ю. О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности России в условиях американской агрессии // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2015. – № 1. – С. 4-20.
86. Глазьев С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52. – № 2. – С. 3-29.
87. Глазьев С. Ю. Концептуальные предложения по практической реализации идеи большого евразийского партнерства // Экономические стратегии. – 2019. – Т. 21. – № 1. – С. 6-17.

88. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. – 768 с.

89. Глушкова В. Г., Хорева О. Б. Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Вестник Финансового университета. – 2014. – № 3. – С. 14-25.

90. Гнездилов Ю. В., Литвиненко А. Н. Потребительский рынок и преступления на потребительском рынке как факторы экономической безопасности: понятия и классификация // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 1 (121). – С. 54-57.

91. Говорин А., Казиахмедов Г., Кинасова Е. Особенности влияния иммиграции на экономическую безопасность России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2013. – № 1. – С. 120-129.

92. Головки М. В. Теневая экономика в системе угроз экономической безопасности страны: факторы, эволюция, направления противодействия: Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. – СПб., 2020. – 426 с.

93. Головки М. В., Плотников В. А. Неэкономические факторы экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 1. – С. 35-52.

94. Голубятникова М. В., Бардулин Е. Н. Продовольственная безопасность как экономическая категория // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 4-1. – С. 154-160.

95. Голубятникова М. В., Курбанов А. Х. Состояние и проблемы обеспечения продовольственной безопасности России в современных геополитических условиях // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2015. – № 1. – С. 6.

96. Горбань Т. С. Развитие инфраструктуры в рамках государственно-частного партнерства // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 12-4. – С. 45-47.

97. Горбунова О. А. Воздействие санкций на функционирование российских компаний нефтегазового сектора на мировом рынке нефти и газа // Вестник евразийской науки. – Т. 10. – № 2. – С. 13.
98. Гостева С. Р. Экологическая безопасность Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2006. – № 13. – С. 66-77.
99. Гостева С. Р. Демографическая угроза национальной безопасности России // Вопросы гуманитарных наук. – 2007. – № 1. – С. 373-387.
100. Гронский А. Д. Отношения Белоруссии с Европейским Союзом и США (1992-2018 гг.): от дистанцирования к дрейфу на Запад // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 71-97.
101. Губанов С. С. О системных основах экономической безопасности России // Экономические и социальные перемены. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 49-61.
102. Губина М. А. Импортозамещение и/или экспортная ориентация: опыт фармацевтической промышленности Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2019. – Т. 35. – № 2. – С. 197-222.
103. Гурова Т., Долженков А., Ивантер А., Маврина Л., Обухова Е., Полунин Ю. На краю единицы // Эксперт. – 2019. – № 30-33. – С. 12-19.
104. Гурьянов А. В., Абрамян К. В. Технологическая подготовка и независимость как элементы экономической безопасности предприятия оборонно-промышленного комплекса // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал. – 2019. – № 2. – С. 166-171.
105. Гусев А. А. Экономические и институциональные основы обеспечения экологической безопасности // Экономическая наука современной России. – 2019. – № 1. – С. 70-80.
106. Гусев М. С. Импортозамещение как стратегия экономического развития // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 2. – С. 30-43.

107. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. – М.: Эксмо, 2008.
108. Давиденко И. В. Воздействие транснациональных корпораций на экономическую безопасность. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет, 2016.
109. Давыдов А. С. КНР, США и Россия на путях обновления мироустройства // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 4. – С. 4-17.
110. Дементьев В. Е., Новикова Е. С., Устюжанина Е. В. Место России в глобальных цепочках создания стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 1. – С. 17-30.
111. Десаи Р. Геополитическая экономия: после американской гегемонии, глобализации и империи: монография. – М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, 2020. – 328 с.
112. Дмитриева Ю. В. Самосохранительное поведение как условие сокращения смертности и увеличения продолжительности жизни // Народонаселение. – 2019. – Т. 22. – № 3. – С. 93-101.
113. Долганова Я. А., Руденко М. Н. Социально-экономические аспекты обеспечения региональной экономической безопасности // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 3, № 8. – С. 43-47.
114. Долженко Р. А. Взаимосвязь новых форм трудовых отношений и прекаризации труда в условиях постиндустриальной экономики // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2014. – № 12. – С. 179-185.
115. Долженко Р. А. Новые формы трудовых отношений: уточнение понятий // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2014. – № 1. – С. 168-173.
116. Дородных Е. Е., Курбанов А. Х. Трансформация управления производством на предприятиях оборонно-промышленного комплекса в условиях

цифровизации экономики // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2019. – № 6. – С. 57-61.

117. Дорофеев М. Л., Косов М. Е. Роль и перспективы внедрения криптовалют в современную мировую финансовую систему // Финансы и кредит. – 2019. – № 2. – С. 392-408.

118. Дронов Р. В., Ананьев А. А. О проблеме экономической безопасности в системе Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 4. – С. 75-77.

119. Дятлов С. А., Фейгин Г. Ф. Цифровое неравенство и экономическое развитие: особенности страновой дифференциации // Инновации. – 2018. – № 10. – С. 48-54.

120. Евстафьева И. Ю., Иванова Н. Г. Проекты повышения финансовой грамотности и развития инициативного бюджетирования: обзор материалов панельной дискуссии // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 5-2 (119). – С. 109-113.

121. Евстафьева И. Ю., Иванова Н. Г., Шубаева В. Г. Разработка концепции программы повышения финансовой грамотности и развития инициативного бюджетирования в Санкт-Петербурге // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 2 (110). – С. 37-43.

122. Екимова К. В., Галазова С. С., Мануйленко В. В. Идентификация теневой составляющей в банковском секторе // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2020. – Т. 17, № 2 (110). – С. 180-186.

123. Елфимова О. С. Национальная безопасность в теории и законодательстве России // Lex Russica. – 2016. – № 10. – С. 15-28.

124. Ерасова Е. А., Плотников В. А. Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса России в условиях экономических санкций // Экономика и управление. – 2015. – № 3. – С. 22-28.

125. Еремин В. И., Будко Е. Н. Продовольственная безопасность Российской Федерации в условиях санкций // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2015. – № 1. – С. 39-41.

126. Ермакова Э. Р. Теневая экономика как деструктивный фактор в обеспечении финансовой безопасности государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 8. – С. 1574-1588.

127. Ефимов В. В. Совершенствование механизмов обеспечения экономической безопасности государства и бизнеса. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. – 191 с.

128. Жизнин С. З. Экономические и геополитические аспекты «Северного потока – 2» // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11. – № 3. – С. 25-42.

129. Журавлева Н. А. Концепция инфраструктурной безопасности // Terra Economicus. – 2009. – Т. 7. – № 4-2. – С. 133-134.

130. Журавлева Н. А., Никитин А. Б. Проблемы экономической безопасности транспортных систем в условиях глобальных киберугроз // Экономические науки. – 2018. – № 168. – С. 20-25.

131. Журавская Е. В., Сонин К. И. Экономика и политика российских банкротств // Вопросы экономики. – 2004. – № 4.

132. Загарских В. В. Становление института экономической безопасности в России и за рубежом // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 8. – С. 1440-1456.

133. Загашвили В. С. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – Т. 59. – № 11. – С. 67-77.

134. Загашвили В. С. Зарубежный опыт импортозамещения и возможные выводы для России // Вопросы экономики. – 2016. – № 8. – С. 137-148.

135. Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» от 04.01.2002 № 80-3. Доступно онлайн по адресу: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1832. Проверено 02.12.2019.

136. Затонский А. В., Гераськина И. Н., Стерхова В. В. Исследование истощения водных ресурсов на основе математических многофакторных моделей // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Электротехника, информационные технологии, системы управления. – 2018. – № 26. – С. 171-182.

137. Звонова Е. А. Особенности управления внешним долгом Российской Федерации в современных условиях // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 4. – С. 695-709.

138. Зоидов З. К. Организационно-экономический механизм повышения экономической безопасности России в условиях построения цифровой экономики // Проблемы рыночной экономики. – 2019. – № 1. – С. 50-57.

139. Зоргнер А. Автоматизация рабочих мест: угроза для занятости или источник предпринимательских возможностей? // Форсайт. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 37-48.

140. Иванов С. В. Пенсионная реформа-2019: детерминанты, последствия, альтернативы // Демографическое обозрение. – 2019. – Т. 6. – № 2. – С. 6-54.

141. Иванова К. С. Перспективы и проблем развития производства и сбыта СПГ в России // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2019. – № 7. – С. 46-50.

142. Ивантер А., Маврина Л., Ульянов Н. Нам такие дороги дороги // Эксперт. – 2019. – № 45-46. – С. 13-21.

143. Ильина О. В., Капустина И. В. Методические подходы к разработке концепции продовольственной безопасности региона на примере г. Санкт-Петербурга // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 11-1. – С. 797-804.

144. Илюткина Т. В. Сущностная и структурная характеристика понятия «экономическая безопасность» // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 8. – С. 10-15.

145. Истомина И. А., Байков А. А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 1. – С. 34-48.

146. К «Цифре» готов? Оценка адаптивности высокотехнологичного комплекса России к реалиям цифровой экономики. Итоговый доклад. – М.: ИНЭС, 2018. – 61 с.

147. Кадочников П. А. Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости // Российский внешне-экономический вестник. – 2015. – № 2. – С. 8-13.

148. Кадочников П. А., Ченцов А. М., Кнобель А. Ю. Оценка масштабов импортозамещения в России в 2014-2016 годах // Экономическая политика. – 2019. – Т. 14. – № 1. – С. 8-33.

149. Кайгородцев А. А. Самообеспечение как индикатор национальной продовольственной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2006. – Т. 2. – № 4. – С. 72-77.

150. Капелюшников Р. И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. – 2017. – № 11. – С. 111-140.

151. Карпенко В. П. Государственная финансовая поддержка социального предпринимательства в условиях неустойчивого экономического роста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 2. – С. 32-38.

152. Касперович С. А. Экономическая безопасность Республики Беларусь и ее роль в обеспечении общественного благосостояния // Труды БГТУ. – 2012. – № 7. – С. 190-193.

153. Касперович С. А., Дербинская Е. А. Эволюция понятия «экономическая безопасность» // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. – 2017. – № 1. – С. 214-218.

154. Катюха П. Б., Петрухина Е. М. Завершение налогового маневра для независимых нефтепереработчиков: путь к модернизации или реальная

угроза для малого бизнеса // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2019. – № 5. – С. 5-12.

155. Кежун Л. А., Комарова О. В. Налоговый маневр как инструмент макроэкономической политики // Журнал экономической теории. – 2017. – № 4. – С. 269-273.

156. Кершенбаум В. Я. Направления импортонезависимости в нефтегазовом комплексе России // Управление качеством в нефтегазовом комплексе. – 2016. – № 1. – С. 9-10.

157. Кирбитова С. В., Кожина Н. А. Проблемы импортозамещения в России // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2019. – № 1. – С. 61-72.

158. Кислощаев П. А. Экономическая безопасность и ее обеспечение в условиях противодействия теневой экономике. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. – Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2012.

159. Кичигин О. Э., Родионов Д. Г. Институциональный аспект формирования стратегических ориентиров государственной энергетической политики на региональном уровне при реализации стратегии национальной экономической безопасности // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 10-2 (87). – С. 394-399.

160. Клейнер Г. Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1. – С. 40-45.

161. Климонова А. Н. Основные подходы к исследованию понятий «экономическая безопасность» и «экономическая безопасность государства» // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Т. 9. – № 8. – С. 54-60.

162. Клинова М. В., Сидорова Е. А. Экономические санкции и их влияние на хозяйственные связи России с Европейским Союзом // Вопросы экономики. – 2014. – № 12. – С. 67-79.

163. Клочков В. В., Лукашов А. М., Максимов В. В., Рождественская С. М. Опережающее создание научно-технического задела в интересах развития вооружения, военной и специальной техники // Военная мысль. – 2018. – № 12. – С. 23-32.

164. Кнобель А. Ю., Прока К. А., Багдасарян К. М. Международные экономические санкции: теория и практика их применения // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2019. – № 3. – С. 152-162.

165. Князьнеделин Р. А., Бекмурзаев И. Д., Титов В. А. Повышение эффективности системы государственных закупок на основе цифровых платформ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 2. – С. 53-61.

166. Князьнеделин Р. А., Курбанов А. Х., Плотников В. А. Государственный заказ как инструмент промышленной политики в оборонно-промышленном комплексе: теория и практика. СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2013. – 240 с.

167. Князьнеделин Р. А., Наружный В. Е., Смуров А. М. Государственный заказ: теория, механизм исполнения, специфика реализации в оборонной сфере. СПб.: СПбГЭУ, 2017. – 159 с.

168. Князьнеделин Р. А., Шевченко А. А. Формирование государственной промышленной политики на основе механизма государственного заказа // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2013. – № 3. – С. 170-176.

169. Ковалев А. А. Стратегия обеспечения экономической безопасности. СПб.: Издательство Коновалова А. М., 2019. – 188 с.

170. Ковалев А. А., Балашов А. И. Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 6. – С. 1151-1165.

171. Козин М. Н., Сафиханов М. А. Проблемы функционирования Резерва в условиях санкций // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2018. – № 6. – С. 8-14.

172. Козьменко С. Ю. Восток - Запад: геоэкономика и политика российских газовых проектов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 4 (124). – С. 24-30.

173. Козырь Н. С., Яркина М. В. Разработка подходов к оценке экономической безопасности государств на примере альянса БРИКС // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 8. – С. 1514-1529.

174. Колеров М. А. Социализм в одной стране: изолированное государство, протекционизм и первоначальное социалистическое накопление. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2017. – 264 с.

175. Колерова В. Нам нужен свой литий // Эксперт. – 2018. – № 40. – С. 24-27.

176. Коломыцева О. Ю., Плотников В. А. Специфика обеспечения экономической безопасности предприятий в условиях цифровизации экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 5-1. – С. 75-83.

177. Колот А. М. Трансформация института занятости как составляющая глобальных изменений в социально-трудовой сфере: феномен прекаризации // Уровень жизни населения регионов России. – 2013. – № 11. – С. 93-101.

178. Колпаков А. Ю. Роль топливно-энергетического комплекса в формировании экономической динамики России // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 6. – С. 111-129.

179. Кондратьев В. Б. Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 1. – С. 49-58.

180. Корнейчук Б. В. Мобилизационные сценарии развития: источники и последствия // Terra Economicus. – 2017. – Т. 15. – № 1. – С. 79-88.

181. Коровин Г. Б. Социальные и экономические аспекты цифровизации в России // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 1. – С. 1-11.

182. Королева А. Санкции обойдут при помощи криптовалюты // Эксперт Online, 24.05.2019. Доступно онлайн по адресу: <https://expert.ru/2019/05/24/kripto/>. Проверено 19.06.2019.

183. Коростышевская Е. М., Плотников В. А., Пролубников А. В., Рукинов М. В. Социальная компонента государственной региональной политики и ее роль в обеспечении устойчивого развития и экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 6. – С. 120-126.

184. Косарев М. Н. Экономическая безопасность в системе национальной безопасности России // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 29-32.

185. Костякова Е. Почему русские не купили Opel. Вся правда // Autonews.ru, 27.08.2010. Доступно онлайн по адресу: <https://www.autonews.ru/news/58259ca79a7947474311eeca?ruid=uUj1B1yTwfByagnEAW7jAg==>. Проверено 19.11.2019.

186. Котляров И. Д. Геоэкономическое значение трансевразийского транспортного коридора // Записки Горного института. – 2009. – Т. 184. – С. 225-230.

187. Котляров И. Д. Формы ведения предпринимательской деятельности в виртуальном пространстве: попытка классификации // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 2. – С. 89-100.

188. Котляров И. Д. Формы аутсорсинга в современной международной торговле // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 6. – С. 65-72.

189. Котляров И. Д. Проблемы регулирования нестандартных форм занятости // Вопросы регулирования экономики. – 2015. – Т. 6. – № 1. – С. 55-66.

190. Котляров И. Д. Нестандартные формы занятости: позитивные, негативные, нейтральные // Вопросы регулирования экономики. – 2015. – Т. 6. – № 4. – С. 28-36.
191. Котляров И. Д. Аутсорсинговая модель организации российской нефтегазовой отрасли: проблемы и пути решения // Вопросы экономики. – 2015. - № 9. – С. 45-64.
192. Котляров И. Д. Аутсорсинг как форма межфирменной кооперации: теоретический анализ // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2015. - № 5. – С. 19-31.
193. Котляров И. Д. Локализация производства как инструмент импортозамещения // ЭКО. – 2016. – № 8. – С. 128-140.
194. Котляров И. Д. Феномен нетипичного предпринимательства // Общество и экономика. – 2016. – № 2. – С. 16-23.
195. Котляров И. Д. Финтех: сущность и модели реализации // ЭКО. – 2018. – № 12. – С. 23-39.
196. Котов Е. В. Реиндустриализация экономики в условиях формирующейся государственности // Журнал экономической теории. – 2017. – № 3. – С. 64-75.
197. Котов Е. В. Управление экономикой непризнанной Донецкой республики: правовые основы, закономерности, перспективы // Право и управление. XXI век. – 2019. – Т. 15. – № 2. – С. 72-80.
198. Кочергин Д. А., Янгирова А. И. Цифровые валюты как новая форма денег центральных банков // ЭКО. – 2019. – № 10. – С. 148-171.
199. Красюк И. А. Продовольственная безопасность России в современных экономических условиях // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 5. – С. 68-75.
200. Кречотнев Р. Н., Курбанов А. Х., Пахомов В. И. Риски государственно-частного партнерства при реализации проектов строительства объектов военно-складской инфраструктуры // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2014. – № 2. – С. 256-266.

201. Криворотов В. Ф., Бадалян Л. Г. Россия в XXI в. – сверхдержава или поставщик сырья Западу? Выбор между экономикой профицитов и освоением своей зоны // Экономические стратегии. – 2008. – Т. 10. – № 1. – С. 12-21.
202. Круглова И. А. Развитие энергетической инфраструктуры в аспекте стандартов «зеленой экономики» и обеспечения экономической безопасности // Ученые записки Международного банковского института. – 2018. – № 2. – С. 7-15.
203. Крутиков В. К., Дорожкина Т. В., Костина О. И., Якунина М. В. Экономическая безопасность. Калуга: ИП Стрельцов И. А., 2017. – 196 с.
204. Крыжановская О. А. Совершенствование механизма оценки регулирующего воздействия в регионе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2015. – № 1 (14). – С. 20-28.
205. Крылатков П. П., Калинина Н. Е. Эволюция цифрового пространства современного машиностроительного предприятия // Организатор производства. – 2018. – Т. 26. – № 3. – С. 7-18.
206. Крылов А. А., Латов Ю. В. Мониторинг национальной и региональной экономической безопасности в современной России: проблемы, подходы, перспективы // Микроэкономика. – 2018. – № 2. – С. 107-119.
207. Кудрявцев А. В. Анализ динамики статистических данных как инструмент определения роста криминализации финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 4 (124). – С. 122-126.
208. Кузнецов А. В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия // Финансы: теория и практика. – 2019. – Т. 23. – № 5. – С. 50-61.

209. Кузнецова Е. И. Национальная экономическая безопасность как предмет экономической стратегии государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2008. – Т. 4. – № 7. – С. 30-34.
210. Кузьменков А. М., Плотников В. А., Рукинов М. В. Национальная экономическая безопасность и ее военно-политические аспекты // Управленческое консультирование. – 2018. – № 11. – С. 71-80.
211. Куликов С. Первый хочет стать главным // Эксперт. – 2019. – № 48. – С. 46-51.
212. Курбанов А. Х., Курбанов Т. Х., Лучкин С. В. Цифровые логистические технологии: возможные перспективы и риски внедрения в цепи поставок // Логистика. – 2018. – № 10. – С. 32–36.
213. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Аутсорсинг: история, методология, практика. М.: Инфра-М, 2012. – 112 с.
214. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Государственно-частное партнерство и аутсорсинг: сравнительный анализ структуры и характера отношений // В мире научных открытий. – 2013. – № 4. – С. 33-47.
215. Курбанов А. Х., Плотников В. А. Экономический потенциал страны как экономическая категория // Экономическое возрождение России. – 2016. – № 3. – С. 45-56.
216. Лаптева Е. В. К вопросу об истории антироссийских санкций // Историко-экономические исследования. – 2017. – Т. 18. – № 4. – С. 669-692.
217. Латов Ю. В. Российская теневая экономика в контексте национальной экономической безопасности // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 1. – С. 16-27.
218. Левин М. И., Шевелева И. В. Воспоминание о будущем: трансфер технологий и опыт холодной войны // Финансы и бизнес. – 2017. – № 2. – С. 54-65.
219. Левченко Л. В., Иванова Н. И. Стратегии импортозамещения в мировой экономике: уроки для России // Экономические науки. – 2016. – № 138. – С. 125-128.

220. Лист Ф. Национальная система политической экономики. Челябинск: Социум, 2017. – 451 с.

221. Лисякевич Р. Влияние взаимных санкций на отношения Польши и России после 2014 г. // Современная Европа. – 2018. – № 7. – С. 152-161.

222. Литаврина Э. Э. Мемориал испанского экономиста Луиса Ортиса и зарождение идей протекционизма в Испании XVI в. // Средние века. – 1961. – № 19. – С. 142-159.

223. Логиновская П. А., Рукинов М. В. Международные санкции как инструмент влияния на национальную экономическую безопасность / В кн.: Стратегические задачи макроэкономического регулирования и пространственного развития: монография. – Орел: Изд. ОрелГУЭТ, 2019. – С. 33-38.

224. Локтионов В. И. Эволюция концепции энергетической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 5. – С. 927-941.

225. Локтюхина Н. В., Новикова И. В. Регулирование рынка труда и занятости населения в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Уровень жизни населения регионов России. – 2017. – № 1. – С. 40-49.

226. Лурье С. Я. История Греции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. – 680 с.

227. Любимов И. Л., Казакова М. В., Гвоздева М. А. Провал и триумф экономического усложнения: история Аргентины и Южной Кореи во второй половине XX века // Экономическая политика. – 2019. – Т. 14. – № 5. – С. 8-35.

228. Лякин А. Н. Три кризиса по одному сценарию // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2018. – Т. 34. – № 1. – С. 4-25.

229. Магомедов М. Г., Решетникова Н. Н. Россия в системе международного бизнес-взаимодействия: к вопросу об экономической безопасности // Финансовая экономика. – 2018. – № 5. – С. 1220-1223.

230. Макаров И. Н., Круглова И. А., Назаров П. В. Особые экономические зоны как фактор обеспечения безопасности социально-экономического

развития территории // Управленческое консультирование. – 2016. – № 3 (87). – С. 106-111.

231. Максимцев И. А., Карлик А. Е., Рохчин В. Е. Государственное регулирование экономического развития в пределах федеральных округов в научных исследованиях Санкт-Петербургского государственного экономического университета // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2015. – № 1 (91). – С. 7-17.

232. Мантуров Д. В., Никитин Г. С., Осьмаков В. С. Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления // Вопросы экономики. – 2016. – № 9. – С. 40-49.

233. Маркова В. Д. Влияние цифровой экономики на бизнес // ЭКО. – 2018. – № 12. – С. 7–22.

234. Мастепанов А. М. Нефть в перспективном мировом энергетическом балансе: на перепутье мнений и оценок // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2019. – № 4. – С. 5-8.

235. Мастепанов А. М., Сумин А. М. «Умные» технологии в российской энергетике: перспективы и вызовы // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2019. – № 9. – С. 5-13.

236. Мельников С. В., Плотников В. А. Специфика ценообразования на российском фармацевтическом рынке в контексте обеспечения лекарственной безопасности // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 2. – С. 127-132.

237. Меркулова Е. Ю., Меньщикова В. И. Региональные аспекты воспроизводства населения в контексте обеспечения экономической безопасности России // Проблемы развития экономических систем: вызовы современности. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Тамбов, 2017. – С. 122-136.

238. Механик А. Шаг вперед и поворот // Эксперт. – 2016. – № 17-18. – С. 56-60.

239. Миграция населения в России: тенденции, проблемы, пути решения: социальный бюллетень / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2018. – № 11 (май). – 54 с.

240. Молий Г. М., Невежин В. П. Анализ кривой Филлипса для российской экономики // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 4 (часть 1). URL: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=12687> (дата обращения 15.10.2019).

241. Мороз Н. А., Плотников В. А. Дифференциация российского экономического пространства как фактор обеспечения экономической безопасности // Экономика и управление. – 2018. – № 1. – С. 70-78.

242. Морозов И. Л. Геополитические перспективы России, Белоруссии и Украины – сравнительный анализ современных военных доктрин // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. – 2016. – № 3. – С. 39-52.

243. Мунтян Н. Банкротство компаний: обзор методических подходов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 4 (38).

244. Назаров П. В., Борзых Л. А. Разработка комплекса управленческих процедур по обеспечению экономической безопасности в социальной сфере региона // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2016. – № 4 (30). – С. 25-29.

245. Наружный В. Е., Князьнеделин Р. А., Насонов С. В. Обоснование цикла формирования импортозамещающих производственных цепочек в оборонно-промышленном комплексе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 3. – С. 76-86.

246. Национальная технологическая инициатива. Официальный сайт. Доступно онлайн по адресу: <https://www.nti2035.ru/>. Проверено 02.12.2019.

247. Невская А. А., Баронина Ю. А. Автомобиль как услуга в России: эволюция рынка и подходов иностранных инвесторов // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2018. – № 3. – С. 166-176.

248. Никитина Л. К., Хохлова О. М. Законодательное обеспечение национальной безопасности современной России // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2018. – № 4. – С. 56-64.

249. Нуреев Р. М., Карапаев О. В. Три этапа становления цифровой экономики // Journal of Economic Regulation. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 6-27.

250. Обухова Е. Бедность – угроза качеству экономического роста // Эксперт. – 2019. – № 29. – С. 20-25.

251. Обухова Е., Маврина Л. Выживание, но не жизнь // Эксперт. – 2019. – № 29. – С. 13-19.

252. Одегов Ю. Г., Павлова В. В. Новые технологии и их влияние на рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 2. – С. 60-70.

253. Олейник А. Н. Национальное государство и империя: востребованность этих проектов в России и Украине // Общественные науки и современность. – 2018. – № 2. – С. 140-159.

254. Орехова С. В., Заруцкая В. С. Интеграция бизнеса: эволюция подходов и новая методология // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 554-574.

255. Орлова А. В. Эволюция понятия «экономическая безопасность» // Современная экономика: проблемы и решения. – 2012. – № 8. – С. 80-88.

256. Орлова Е. Р., Булетова Н. Е. Непроходящий "каскад бифуркаций" траектории развития российских регионов: причины и последствия // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – Т. 10. – № 20 (257). – С. 24-38.

257. Осина Д. О. Направления налоговой реформы в нефтедобывающей отрасли // Наука Красноярья. – 2019. – Т. 8. – № 1. – С. 76-88.

258. Особое мнение адмирала Мордвинова. М.: Экономическая газета, 2008. – 688 с.

259. Перечень технологических платформ (утвержден решениями Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 1 апреля 2011 г., протокол № 2, от 5 июля 2011 г., протокол № 3, решением президиума Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 21 февраля 2012 г., протокол № 2). Доступно онлайн по адресу: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/formation/doc20120403_11. Проверено 02.12.2019.

260. Перькова Е. А. Продовольственная безопасность как фактор устойчивого развития национальной экономической системы // *Промышленность и сельское хозяйство*. – 2019. – № 2. – С. 49-53.

261. Петриченко О. В., Рукинов М. В. Анализ экономической безопасности страны с учетом функционирования «электронного правительства» // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. – 2018. – № 4. – С. 10-13.

262. Петров И. В., Ермоленко О. М. Проблемы и перспективы банковского сектора в обеспечении экономической безопасности страны // *Тетра Economicus*. – 2012. – Т. 10. – № 1-3. – С. 142-146.

263. Петровский В. Е. Американо-китайские торговые войны: экономика или геополитика? // *Проблемы Дальнего Востока*. – 2019. – № 2. – С. 51-58.

264. Пешкова Г. Ю. Экологические аспекты государственного регулирования ГПК МЗ в России и их влияние на экономику региона и уровень безопасности // *Развитие молодежных международных научно-образовательных проектов: материалы XV Международной научно-практической конференции*. – СПб.: Изд. МБИ, 2017. – С. 69-72.

265. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.

266. Пирожков А. Количество банкротств в России за 9 месяцев 2018 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://m.dp.ru/a/2018/10/09/Kolichestvo_bankrotstv_sta (дата обращения 17.10.2018).

267. План катастроф // Газета.ru, 10.07.2006. Доступно онлайн по адресу: https://www.gazeta.ru/comments/2006/07/10_e_695620.shtml. Проверено 02.12.2019.

268. Плотников В. А. Изменения глобальных институтов управления под влиянием национальных экономических интересов (по материалам XII Петербургского международного экономического форума) // Экономика и управление. – 2008. – № 3 (35). – С. 7-9.

269. Плотников В. А. Концептуальные основы экономического обеспечения военной безопасности государства: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. – СПб., 2005. – 408 с.

270. Плотников В. А. Промышленное развитие и технологическая безопасность как факторы формирования инновационной экономики // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2011. – № 2. – С. 17-24.

271. Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4. – С. 16-24.

272. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Российская промышленность: текущее состояние и перспективы развития // Экономика и управление. – 2014. – № 5 (103). – С. 39-44.

273. Плотников В. А., Кутепова М. В. Управление экономической безопасностью нефтяных компаний (на примере оценки и снижения рисков реализации проектов освоения нефтяных месторождений Арктического региона России) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2017. – Т. 7. – № 1. – С. 39-49.

274. Плотников В. А., Пролубников А. В., Рукинов М. В. Институционально-стратегические аспекты государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Глобальная ядерная безопасность. – 2020. – № 2 (35). – С. 119-130.

275. Плотников В. А., Рукинов М. В. Новый облик мировой энергетики и экономическая безопасность России // Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством». – 2020. – № 2 (44). – С. 39-43.

276. Плотников В. А., Седелкин К. Ю. Деловая разведка в системе управления конкурентоспособностью предпринимательских структур // Ученые записки Санкт-Петербургской академии управления и экономики. – 2008. – № 1. – С. 41-44.

277. Плотников В. А., Сулейманова М. В. Анализ моделей обеспечения национальной продовольственной безопасности // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2019. – № 5. – С. 7-12.

278. Плотников В. А., Ускова К. Л. Экономическая безопасность России и развитие евразийской интеграции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 1. – С. 5-10.

279. Плотников В. А., Федотова Г. В., Пролубников А. В. Государственно-частное партнерство и специфика его реализации в регионах России // Экономика и управление. – 2015. – № 1. – С. 38-43.

280. Плотников В. А., Филинов С. А. Экономические факторы и эффекты вооруженных конфликтов // Экономика и управление. – 2015. – № 10. – С. 12-18.

281. Плотников В. А., Харламов А. В. Российский оборонно-промышленный комплекс как фактор обеспечения национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития // Экономика и управление. – 2017. – № 11. – С. 53-60.

282. Подмаркова И. П. Оценка уровня экономической безопасности государства с учетом фактора национального богатства // Вестник Института экономических исследований. – 2019. – № 1. – С. 82-88.

283. Положенцева Ю. С., Вертакова Ю. В., Скочко А. Ю. Государственное регулирование структурных изменений в промышленности // Теория и

практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 3 (37). – С. 25-30.

284. Полтерович В. Толерантность, сотрудничество и экономический рост // Вопросы экономики. – 2017. – № 11. – С. 33-49.

285. Полянин А. В., Долгова С. А., Голикова Ю. Б. Механизмы государственного антикризисного управления территориями // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 4-3. – С. 392-400.

286. Понькина А. А., Боркова Е. А. Обзор digital-технологии в контексте индустрии 4.0 // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 10-2 (56). – С. 61-63.

287. Попов А. В. Региональные особенности экономической безопасности в контексте вступления России в ВТО // Проблемы безопасности российской общества. – 2012. – № 3. – С. 137-145.

288. Попов Е. В., Семячков К. А. Проблемы экономической безопасности цифрового общества в условиях глобализации // Экономика региона. – 2018. – Т. 14. – № 4. – С. 1088-1101.

289. Постановление Правительства РФ от 18.04.2016 № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы». Доступно онлайн по адресу: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196930/. Проверено 02.12.2019.

290. Путин: ситуация вокруг Opel – это урок для нас // Вести.ru, 05.11.2009. Доступно онлайн по адресу: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=324264>. Проверено 19.11.2019.

291. Пшеничников В. В. Перспективы и риски применения электронных денег в условиях цифровизации экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 1 (109). – С. 39-45.

292. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 384 с.

293. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.

294. Рендак А. В. Экономическая безопасность российского общества в контексте глобальных и национальных угроз. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2018.

295. Ромадина Л. Н. Экономическая безопасность: развитие научных представлений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2008. – № 4. – С. 161-165.

296. Рукинов М. В. Анализ феномена банкротства с позиций теории экономической безопасности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 1 (115). – С. 23-27.

297. Рукинов М. В. Антироссийские санкции: структура и стратегии противодействия // Управленческое консультирование. – 2019. – № 6. – С. 91-101.

298. Рукинов М. В. Банкротство предприятия и его связь с обеспечением экономической безопасности. – СПб.: ИВЭСЭП, 2010. – 22 с.

299. Рукинов М. В. Векторы технологических трансформаций и перспективы безопасного развития экономики России в условиях нового технологического уклада // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 1. – С. 7-15.

300. Рукинов М. В. Динамика промышленного производства и экономическая безопасность // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2020. – № 1. – С. 5-8.

301. Рукинов М. В. Зарубежный опыт институционального конструирования национальной экономической безопасности: рекомендации для России // Синергия науки и практики в контексте инновационных прорывов в развитии экономики и общества: национальный и международные аспекты: сбор-

ник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. 9-10 декабря 2019 года. Санкт-Петербург. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – С. 284-286.

302. Рукинов М. В. Импортозамещение и цифровизация экономики России: проблемы координации усилий // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: труды XVIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции (Симферополь – Гурзуф, 24-26 октября 2019 г.). – Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2019. – С. 304-307.

303. Рукинов М. В. Инструменты обеспечения национальной экономической безопасности // Наука и практика глобально меняющегося мира в условиях многозадачности, проектного подхода, рисков неопределенности и ограниченности ресурсов: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. 19-20 июня 2020 года. Санкт-Петербург. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. – С. 161-162.

304. Рукинов М. В. Инструменты обеспечения экономической безопасности на микроуровне. – СПб.: ИВЭСЭП, 2013. – 18 с.

305. Рукинов М. В. Классификация угроз экономической безопасности предприятий (на примере банкротств). – СПб.: ИВЭСЭП, 2016. – 21 с.

306. Рукинов М. В. Методика обеспечения финансово-экономической безопасности. – СПб.: ИВЭСЭП, 2017. – 14 с.

307. Рукинов М. В. Методический подход к выявлению признаков фиктивного и преднамеренного банкротства // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. – 2007. – № 4 (34). – С. 39-46.

308. Рукинов М. В. Механизмы передела собственности в современной России: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук: 08.00.05. – СПб., 2008. – 211 с.

309. Рукинов М. В. Модернизация и экономическая безопасность // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 3 (117). – С. 45-49.

310. Рукинов М. В. Наднациональные инструменты обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность России: актуальные аспекты: сборник избранных статей всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, ноябрь 2019). – СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2019. – С. 68-74.

311. Рукинов М. В. Направления совершенствования механизмов регулирования экономической безопасности (на примере законодательства о банкротстве). – СПб.: ИВЭСЭП, 2014. – 14 с.

312. Рукинов М. В. Национальная экономическая безопасность как экономическая категория // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. – 2020. – Т. 10, № 1. – С. 142–151.

313. Рукинов М. В. Некоторые институциональные аспекты обеспечения экономической безопасности. – СПб.: ИВЭСЭП, 2011. – 14 с.

314. Рукинов М. В. Низкие доходы населения и экономическая безопасность государства // Приоритетные направления инновационной деятельности в промышленности: сборник научных статей международной научной конференции. 31 января 2020 г. Часть 2. – Казань: ООО «Конверт», 2020. – С. 220-224.

315. Рукинов М. В. О взаимосвязи внешнеэкономической деятельности и национальной экономической безопасности // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2020. – № 1 (43). – С. 112-117.

316. Рукинов М. В. Оценка некоторых макроэкономических параметров России с позиций их влияния на экономическую безопасность // Экономический рост как основа устойчивого развития России: сборник научных статей 4-ой Всероссийской научно-практической конференции (20-21 ноября 2019 года). Том 2. – Курск: Университетская книга, 2019. – С. 201-206.

317. Рукинов М. В. Приоритетные направления институционального конструирования национальной экономической безопасности России // Миро-

вая экономика XXI века: эпоха биотехнологий и цифровых технологий. Сборник научных статей по итогам работы круглого стола с международным участием. 15-16 января 2020 г. Часть 1. – М.: ООО «Конверт», 2020. – С. 131-133.

318. Рукинов М. В. Причины и виды банкротства // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 1 (25). – С. 217-219.

319. Рукинов М. В. Проблемы защиты экономических интересов и обеспечения экономической безопасности в современных условиях интеграции и глобализации // Социально-экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2019. – С. 253-256.

320. Рукинов М. В. Проблемы импортозамещения в России и их влияние на обеспечение национальной экономической безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2019. – № 2. – С. 9-12.

321. Рукинов М. В. Риски цифровизации экономики для социально-трудовых отношений в России // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей межрегиональной научно-практической конференции (14-15 ноября 2019 года), в 2-х томах, Том 1. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2019. – С. 434-439.

322. Рукинов М. В. Рост обязательных платежей как угроза национальной экономической безопасности России // Бухгалтерский учёт, анализ, аудит и налогообложение: проблемы и перспективы. Сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции / Пензенский государственный аграрный университет. – Пенза, 2020. – С. 156-159.

323. Рукинов М. В. Смена технологического уклада как источник угроз для экономической безопасности России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2019. – № 4 (48). – С. 18-25.

324. Рукинов М. В. Современная трансформация мировой системы экономических отношений и направления обеспечения экономической безопасности России // Управленческое консультирование. – 2019. – № 12. – С. 158-165.

325. Рукинов М. В. Состав, структура и динамика национальных экономических интересов России / В кн.: Публичное управление в условиях цифровой глобализации: монография. – Орел: Изд-во Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2020. – С. 203-223.

326. Рукинов М. В. Социальные аспекты регулирования отношений в сфере экономической безопасности предприятий. – СПб.: ИВЭСЭП, 2015. – 14 с.

327. Рукинов М. В. Социальные аспекты экономической безопасности // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 3. – С. 21-24.

328. Рукинов М. В. Теоретико-методические подходы к моделированию структуры национальной безопасности // Экономический вектор. – 2020. – № 1 (20). – С. 17-27.

329. Рукинов М. В. Технологическое развитие экономики и экономическая безопасность // Безопасность ядерной энергетики: тезисы докладов XIII Международной научно-практической конференции. – Волгодонск: ВИТИ НИЯУ МИФИ, 2018. – С. 179-182.

330. Рукинов М. В. Трансформация мировой системы экономических отношений под влиянием глобальных интересов США: риски для России // Управленческое консультирование. – 2019. – № 11. – С. 113-119.

331. Рукинов М. В. Цифровизация экономики как источник угроз для экономической безопасности Российской Федерации // Управление экономикой: методы, модели, технологии: материалы XIX международной научной конференции / Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т. – Уфа: РИК УГАТУ, 2019. – С. 96-99.

332. Рукинов М. В. Цифровые угрозы национальной безопасности России // Тенденции развития Интернет и цифровой экономики: Труды II Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Симферополь-Алушта, 30 мая – 1 июня 2019 г. – Симферополь, 2019. – С. 228-230.

333. Рукинов М. В. Экономическая преступность как фактор риска экономической безопасности (на примере криминальных банкротств). – СПб.: ИВЭСЭП, 2012. – 30 с.

334. Рукинов М. В. Экономические санкции и их влияние на экономическую безопасность // Ученые записки Международного банковского института. – 2019. – № 1 (27). – С. 121-131.

335. Русецкая Э. А. Экономическая безопасность страны: теоретико-методологические аспекты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2006. – Т. 2. – № 3. – С. 47-50.

336. Рязанов В. Т. Технологический детерминизм и экономическое развитие: что дальше? // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 2 (60). – С. 62-68.

337. Сабурова С. А. Влияние антироссийских санкций на капитализацию российских банков // Банковское дело. – 2019. – № 2. – С. 36-41.

338. Сазонов Д. Ю., Уланов В. Л. Возобновляемые источники энергии как фактор риска развития российских энергетических компаний // Известия Российской академии наук. Энергетика. – 2018. – № 4. – С. 3-13.

339. Саль Т. Р., Савенкова Т. И. Политика экономической безопасности развития бизнеса в Эстонии // Инновационное развитие экономики. – 2015. – № 1. – С. 79-84.

340. Сенчагов В. К. Модернизация финансовой сферы // Вопросы экономики. – 2011. – № 3. – С. 53-64.

341. Сенчагов В. К. Новые угрозы национальной безопасности и защита национальных интересов России // Проблемы теории и практики управления. – 2013. – № 10. – С. 8-18.

342. Сенчагов В. К., Побываев С. А., Соловьев А. И. Оценка влияния глобальных рисков как инструмент формирования экономической стратегии России: индикативный подход // Экономические стратегии. – 2016. – Т. 18. – № 8. – С. 24-31.

343. Серебренников С. С., Моргунов Е. В., Мамаев С. М., Шерварли И. А. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2018. – № 41. – С. 20-28.

344. Сечин И. И. Цена нестабильности // Эксперт. – 2019. – № 45-46. – С. 26-31.

345. Скобликов Е. Казначейский блокчейн vs цифровая экономика // Общество и экономика. – 2018. – № 11. – С. 58-73.

346. Смирнов А. А., Фирова И. П., Рукинов М. В. Организационно-экономические аспекты предупреждения и противодействия коррупции в России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 5. – С. 100-104.

347. Смирнов А. А., Фирова И. П., Рукинов М. В. Партнерское взаимодействие между государственным и частным секторами в области предотвращения проявлений терроризма // Журнал правовых и экономических исследований. – 2018. – № 4. – С. 11-14.

348. Смирнов В. В., Мулендеева А. В. Использование информационных и коммуникационных технологий: Россия в сравнении с Индией, Китаем и США // Экономический анализ: теория и практика. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 308-326.

349. Смирнов Д. Стальной прокат // Газета.ru, 30.06.2006. Доступно онлайн по адресу: https://www.gazeta.ru/2006/06/30/oa_206254.shtml. Проверено 19.11.2019.

350. Смородинская Н. В., Катуков Д. Д. Распределенное производство и «умная» повестка национальных экономических стратегий // Экономическая политика. – 2017. – Т. 12. – № 6. – С. 72-101.

351. Соломатин А. Н. Государственное регулирование розничных цен на товары народного потребления // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2014. – № 12. – С. 14-20.
352. Сото Э. де. Иной путь: Экономический ответ терроризму. Челябинск: Социум, 2007. – 408 с.
353. Социальная политика и социальные реформы глазами россиян: Аналитический доклад / Институт социологии РАН. – М., 2006. – 141 с.
354. Суходолов А. П., Антонян Е. А., Рукинов М. В., Шамрин М. Ю., Спасенникова М. Г. Блокчейн в цифровой криминологии: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 4. – С. 555-563.
355. Сулейманова М. В., Курбанов А. Х. Место продовольственной безопасности в системе национальной безопасности государства в современных социально-экономических условиях // В мире научных открытий. – 2015. – № 5. – С. 102-115.
356. Тамбовцев В. Л. Экономическая безопасность хозяйственных систем: структура проблемы // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 1995. – № 3. – С. 3-9.
357. Татаркин А., Романова О., Куклин А., Яковлев В. Экономическая безопасности как объект регионального исследования // Вопросы экономики. – 1996. – № 6. – С. 78-89.
358. Телюкина М. В. Основы конкурсного права. – М., 2004.
359. Тимофеев Г. А., Орлинская О. М. Экологическая безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации // Власть. – 2017. – Т. 25. – № 2. – С. 69-74.
360. Титов А. Б., Михеенко О. В. Экономическая безопасность в системе национальной безопасности России // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – № 1. – С. 46-49.

361. Тихомиров С. Н. Важная составляющая глобальной экономической безопасности // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63. – № 3. – С. 76-82.

362. Толкаченко О. Ю. Первичное предложение токенов как альтернативный источник венчурного финансирования // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*. – 2018. – № 4. – С. 16-22.

363. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

364. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Доступно онлайн по адресу: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921>. Проверено 17.10.2019.

365. Уколов В. Ф., Афанасьев В. Я., Черкасов В. В. Ключевые эффекты цифровизации и возможные потери // *Вестник университета*. – 2019. – № 8. – С. 55-58.

366. Уланов В. Л., Ковалева А. И. О формировании стратегического резерва нефти в России в целях обеспечения экономической безопасности и макроэкономической стабильности // *Управленческие науки*. – 2017. – Т. 7. – № 2. – С. 6-14.

367. Уланов В. Л., Уланова Е. Ю. Влияние внешних факторов на национальную энергетическую безопасность // *Записки Горного института*. – 2019. – Т. 238. – С. 474-480.

368. Ульянов Н. Технологии на вырост: развитие аддитивных технологий в России // *Эксперт*. – 2017. – № 24. – С. 30-36.

369. Ульянов Н. Накопи и сохрани // *Эксперт*. – 2017. – № 41. – С. 44-51.

370. Ульянов Н. Взять свое // *Эксперт*. – 2018. – № 6. – С. 26-31.

371. Ускова Т. В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // *Проблемы развития территории*. – 2019. – № 1. – С. 7-16.

372. Устюжанина Е. В., Сигарев А. В., Шеин Р. А. Цифровая экономика как новая парадигма экономического развития // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16. – № 12. – С. 2238-2253.

373. Фадеева Е. В. Доступность лекарственных препаратов в условиях медикаментозного эмбарго: по материалам исследований // Социологические исследования. – 2019. – № 4. – С. 77-85.

374. Фалинский И. Ю. Моделирование региональной теневой экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2017. – № 1 (31). – С. 9-13.

375. Фальцман В. К. Россия без собственной нефти? // Вопросы экономики. – 2019. – № 4. – С. 152-160.

376. Федорова Е. А., Николаев А. Э., Широкова Ю. С., Федоров Ф. Ю. Экспортная и импортная деятельность российских компаний в условиях санкций // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. – 2019. – № 3. – С. 75-90.

377. Федченко А. А., Дорохова Н. В., Дашкова Е. С. Гибкая занятость: глобальный, российский и региональный аспекты // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 1. – С. 16-24.

378. Феофилова Т. Ю. Экономическая безопасность в обеспечении развития социально-экономической системы региона: теория и методология. Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра экон. наук. СПб.: СПбГЭУ, 2014.

379. Фетисов В. Д., Фетисова Т. В. Проблемы использования биткойна и экономическая безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 3. – С. 452-464.

380. Филин С. А. Стратегические технологические платформы как основа технологической безопасности России в будущем // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15. – № 1. – С. 18-34.

381. Фомин А. М. Экономическая безопасность государства // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 3. – С. 118-133.

382. Форд М. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
383. Фрумина С. В. Развитие цифровой экономики: опыт России и Германии // Финансы и кредит. – 2019. – Т. 25. – № 2. – С. 263-276.
384. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007. – 588 с.
385. Хазбиев А. Интеллект в ударе // Эксперт. – 2019. – № 14. – С. 76-81.
386. Хайнс Э. Как подготовиться к «безработному» будущему // Форсайт. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 19-30.
387. Хайруллина О. И. Оценка влияния продовольственного эмбарго на рынок мяса // Экономика сельского хозяйства России. – 2019. – № 2. – С. 75-84.
388. Хамбулатова З. Р., Султанов Г. С., Ахмедова Л. А. Оценка уровня финансовой безопасности Российской Федерации // Экономика устойчивого развития. – 2018. – № 4. – С. 82-96.
389. Ханин Г. И., Фомин Д. А. Инвестиционные, финансовые и институциональные предпосылки возрождения российской промышленности // Journal of Institutional Studies. – 2019. – Т. 11. – № 1. – С. 155-175.
390. Харитоновна Е. В. Теоретические аспекты импортозамещения как модели развития российской экономики // Социально-экономические явления и процессы. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 85-92.
391. Харламова А. А. Возникновение новых угроз экономической безопасности России // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2017. – № 1. – С. 36-39.
392. Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Зарубежные программы умной реиндустриализации: варианты для России // ЭКО. – 2019. – № 8. – С. 118-140.
393. Цаголов Г. Н. «Русский алюминий» становится американским // Вопросы политической экономии. – 2019. – № 1. – С. 154-161.

394. Цветков В. А., Дудин М. Н., Лясников Н. В. Аналитические подходы к оценке экономической безопасности региона // Экономика региона. – 2019. – Т. 15. – № 1. – С. 1-12.

395. Цветкова Л. А. Технологии искусственного интеллекта как фактор цифровизации экономики России и мира // Экономика науки. – 2017. – Т. 3. – № 2. – С. 126-124.

396. Цейковец Н. В. Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии. – 2016. – № 1. – С. 129-159.

397. Цекатунова Л.Б. Формирование правового сознания специалистов сферы экономической безопасности в процессе их профессиональной подготовки: Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования. – Волгоград, 2015. – 185 с.

398. Циренщиков В. С. Цифровизация экономики Европы // Современная Европа. – 2019. – № 3. – С. 104-114.

399. Чекмарев В. В. Экономическая безопасность и экономическая защищенность: структура проблемы // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 3. – С. 77-81.

400. Чекмарев В. В. Экономическая безопасность не предполагает борьбы – только систему защиты // Экономика образования. – 2014. – № 1. – С. 111-114.

401. Челищева В. «ЮКОС» и «Роснефть»: первая мировая // Новая газета, 06.04.2015. Доступно онлайн по адресу: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/04/06/63690-171-yukos-187-i-171-rosneft-187-pervaya-mirovaya>. Проверено 19.11.2019.

402. Чельшева Э. А. Система налоговой безопасности и развитие ее нормативно-правового обеспечения // Terra Economicus. – 2010. – Т. 8. – № 3-3. – С. 31-37.

403. Чен Хунцзе. Сотрудничество и взаимодействие КНР и РФ в сфере продовольственной безопасности // Современная экономика: проблемы и решения. – 2019. – № 10. – С. 82-92.
404. Шадрин А. И., Бэк Енчжун, Хан Чжон Ман. Участие Республики Корея в освоении Арктики: перспективы и противоречия // Наука Красноярья. – 2019. – Т. 8. – № 1. – С. 89-113.
405. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. – 2016. – № 1. – С. 22-30.
406. Шамахов В. А., Межевич Н. М. Глобальная политика и глобальная экономика: ожидаемые сюрпризы первой половины 2019 года // Управленческое консультирование. – 2019. – № 7. – С. 10-16.
407. Шаралдаев Б. Б., Булах Е. В., Шаралдаева А. Б., Нагаслаева И. О. Устойчивость бюджета муниципального образования как результат государственной и региональной политики // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2020. – Т. 26. – № 5. – С. 126-134.
408. Швецов Ю. Г. Бюджет как материальная основа бюрократии в РФ // Финансы и кредит. – 2018. – Т. 24. – № 4. – С. 879-894.
409. Швецов Ю. Г. Цифровая экономика и тенденции ее развития // Налоги и финансы. – 2018. – № 1. – С. 35-39.
410. Шевцова Н. А. Некоторые аспекты сотрудничества России и Китая в сфере высоких технологий // Экономическая наука современной России. – 2009. – № 2. – С. 140-145.
411. Шульц В. Л., Кульба В. В., Кононов Д. А., Косяченко С. А., Шелков А. Б., Чернов И. В. Модели и методы анализа и синтеза сценариев развития социально-экономических систем: в 2-х книгах. – М.: Наука, 2012. – Кн. 1: 304 с.; Кн. 2: – 358 с.
412. Экономическая безопасность России: Общий курс / Под ред. В. К. Сенчагова. М.: Дело, 2005. – 896 с.

413. Экономическая безопасность России / под общ. ред. Т. А. Бондарской. Ч. 1. – Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2018.
414. Экономическая безопасность: теория, методология, практика / под научн. ред. Никитенко П. Г., Булавко В. Г. Минск: Право и экономика, 2009. – 394 с.
415. Эмиров Н. Д., Степочкина М. Д. Государственно-частное партнерство - эффективный инструмент развития регионов России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2015. – № 1. – С. 228-232.
416. Эпштейн Д. Б. О влиянии цифровой экономики на экономический рост // Вопросы политической экономии. – 2018. – № 4. – С. 78-90.
417. Эскиндаров М. А., Масленников В. В., Масленников О. В. Риски и шансы цифровой экономики в России // Финансы: теория и практика. – 2019. – Т. 23. – № 5. – С. 6-17.
418. Adams A. B. National Economic Security. Norman: University of Oklahoma Press, 1936. – 328 p. + XII p.
419. Akimova L. N. Institutions of state regulation of corruption prevention in the system of ensuring economic security in Ukraine // Публічне урядування. – 2018. – № 5. – С. 15-28.
420. Bodrunov S., Plotnikov V. Institutional Structures Influence on the Technological Development of the Economic System // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference – Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth, 8-9 November 2017, Madrid, Spain. – P. 2658-2665.
421. Boutin J. D. K. Beyond interdependence: Economic security and Sino-American-Australian trilateralism // International Journal. – 2015. – Vol. 70. – No 3. – P. 372-390.
422. Brandaõ Santana N., Rebelatto D. A. D. N., Périco A. E., Moraes H. F., Leal Filho W. Technological innovation for sustainable development: An analysis of different types of impacts for countries in the BRICS and G7 groups //

International Journal of Sustainable Development and World Ecology. – 2015. – № 22 (5). – P. 425-436.

423. Cable V. What is International Economic Security? // International Affairs. – 1995. – Vol. 71. – No 2. – P. 305-324.

424. Desai R. Geopolitical economy. – Pluto Press, 2013. – 328 p.

425. Dobbins J., Cohen R. S., Chandler N., Frederick B., Geist E., DeLuca P., Morgan F. E., Shatz H. J., Williams B. Overextending and Unbalancing Russia. Assessing the Impact of Cost-Imposing Options // Rand Corporation, 2019.

426. Economic security: Neglected dimension of national security. Ed. by Sheila R. Ronis. Washington, DC: National Defense University Press, 2011. – 130 p.

427. Frishammar J., Söderholm P., Bäckström K., Hellsmark H., Ylinenpää H. The role of pilot and demonstration plants in technological development: synthesis and directions for future research // Technology Analysis and Strategic Management. – 2015. – № 27 (1). – P. 1-18.

428. Gasparatos A., Gadda T. Environmental support, energy security and economic growth in Japan // Energy Policy. – 2009. – № 37 (10). – P. 4038-4048.

429. Johnson K. D. Economic Security for Americans // Social Work Journal. – 1954. – Vol. 35. – No 1. – P. 7-10.

430. Kotlyarov I. The Logic of South Ossetia Conflict // Russia in Global Affairs. – 2008. – V. 6. – No 4. – P. 131-146.

431. Kozin M., Skotarenko O., Plotnikov V. Assessment of challenges, threats, and prospects in development of cities and towns in the Arctic zone // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2020. – T. 434. – C. 012008.

432. Losman D. Economic Security. A National Security Folly? // Policy Analysis. – 2001. – No. 409. – P. 1-12.

433. Momot T., Avanesova N. Systematization of international experience of ensuring economic security of exacerbation of the threats and challenges of a new type for national and international security // Baltic Journal of Economic Studies. – 2016. – Vol. 2. – No 1. – P. 77-83.

434. Navarro P. Why Economic Security Is National Security // Real Clear Politics, 09.12.2018. Available online at: https://www.realclearpolitics.com/articles/2018/12/09/why_economic_security_is_national_security_138875.html. Accessed on 12.11.2019.

435. Neu C.R., Wolf Jr.C. The Economic Dimensions of National Security. Rand Corporation, 1994. – 108 p.

436. Pinder J. European Economic Security: How Can We Master the Modern Economy? // International Journal. – 1984. – Vol. 40. – No 1. – P. 128-144.

437. Plotnikov V., Golovko M., Fedotova G., Rukinov M. Ensuring National Economic Security Through Institutional Regulation of the Shadow Economy. In: Popkova E., Sergi B. (eds) Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. ISC 2019. – Lecture Notes in Networks and Systems, vol 87. – Springer, Cham, 2020. – P. 342-351.

438. Plotnikov V., Vertakova Y., Moroz N. Differentiation of the Economic Space in the Context of Ensuring Economic Security // Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference (IBIMA) «Innovation Management and Education Excellence through Vision», 25-26 April 2018. – Milan, Italy. – P. 1588-1596.

439. Rickards J. G. Economic Security and National Security: Interaction and Synthesis // Strategic Studies Quarterly. – 2009. – Vol. 3. – No 3. – P. 8-49.